МЕТОДОЛОГИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Под редакцией генерала армии
И. Е. ШАВРОВА
и полковника М. И. ГАЛКИНА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1977

355С
М54

Коллектив авторов Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова: профессор генерал армии И. Е. Шавров, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военных наук, профессор генерал-майор И. И. Ануреев, доктор военных наук, профессор генерал-майор Н. И. Реут, кандидат философских наук, доцент полковник В. К. Абрамов, доктор военных наук, профессор полковник И. Н. Воробьев, доктор философских наук, профессор полковник М. И. Галкин, доктор философских наук, доцент полковник В. Т. Логин, профессор полковник В. И. Морозов, кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник И. В. Рыболовский, кандидат философских наук, доцент полковник К. В. Спиров.

Методология военно-научного познания. Под
М54 ред. генерала армии И. Е. Шаврова, полковника М. И. Галкина. М., Воениздат, 1977.

432 с.

В книге раскрываются особенности применения марксистско-ленинской методологии в военно-научном познании, определяемые спецификой войны и условиями ее отражения в военных знаниях. Центральное место в труде занимает анализ характерных черт исследования материальных и духовных сторон войны, логической функции законов и категорий диалектики в военно-научном познании, сущности военной практики и ее роли в совершенствовании военной теории и других важных вопросов. В книге содержатся также рекомендации по повышению эффективности военно-научных исследований. Дается критика методологических основ буржуазных военных концепций.

Работа рассчитана на офицеров, генералов и адмиралов Вооруженных Сил и всех читателей, интересующихся методологией научного познания.

М $\frac{11201\text{-}210}{068(02)\text{-}77}$ 7-77 355С

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой современной эпохи является небывало стремительное развитие науки, ее усиливающееся влияние на все стороны материальной и духовной жизни общества. Особенно возрастает роль науки при социализме. Ее ускоренное развитие — один из главных факторов успешного решения задач коммунистического строительства. «...Только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление,— подчеркивает Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии.— В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [1].

Решающее воздействие оказывает научно-технический прогресс и на все области военного дела, на все составные элементы военного искусства — стратегию, оперативное искусство, тактику, — на военное строительство, мероприятия, проводимые в Вооруженных Силах по поддержанию их высокой боевой готовности, на методы обучения и воспитания войск.

Укрепляя военную мощь нашей Родины, Коммунистическая партия постоянно руководствуется указаниями В. И. Ленина о том, что без науки современную армию построить нельзя и что без опоры на военно-научные знания невозможно управлять войсками, достичь победы в современной войне. Превосходство советской военной науки и военного искусства явилось одним из важнейших условий победы Советских Вооруженных Сил над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Современный период военного строительства характеризуется небывалой ранее интенсивностью обновления

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 47.

средств войны, появлением качественно новых видов оружия и техники, поисками таких форм и способов стратегических, оперативных и тактических действий, которые никогда не применялись ни одной армией мира. Новые способы ведения военных действий, новые пути совершенствования организационной структуры вооруженных сил, методы их боевой подготовки и повышения боевой готовности должны быть найдены и теоретически обоснованы, прежде чем стать достоянием военной практики. Все это привело к резкому возрастанию роли военной науки, которая стала важнейшим фактором боевого могущества вооруженных сил, а научное управление войсками — решающим условием достижения победы.

В настоящее время происходит процесс непрерывного сближения научной и практической деятельности военных кадров. Принятие решений на бой, операцию, организация взаимодействия войск и их обеспечение, совершенствование форм и методов полевой, воздушной и морской выучки личного состава, его идейное воспитание и психологическая подготовка все больше принимают характер научной деятельности, требуют применения исследовательских методов при непременной опоре на новейшие достижения науки. Сегодня, как никогда, актуальны слова В. И. Ленина о том, чтобы «наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [1].

Указывая на существенные изменения в характере практической деятельности под влиянием научно-технического прогресса, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечал: «Революция в науке и технике требует кардинальных изменений в стиле и методах хозяйственной деятельности, решительной борьбы с косностью и рутинерством, подлинного уважения к науке, умения и желания советоваться, считаться с ней» [2]. Это указание полностью относится и к военной деятельности. Без учета достижений современной военной науки в настоящее время невозможен успех всех видов практики боевой и политической подготовки личного состава Вооруженных Сил.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.
[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 48.

Возрастание роли военной науки и усиление ее влияния на все стороны практической деятельности генералов и офицеров происходят ныне одновременно с ускорением темпов ее развития, изменением содержания самих военно-научных знаний, усложнением процесса военно-научного познания. В этих условиях со всей остротой встает вопрос о повышении эффективности военной науки, которая призвана давать наибольшие результаты при наименьших затратах материальных средств и времени, оперативно решать актуальные проблемы военного дела.

Непременным условием эффективности военной науки, результативности военно-научных исследований и их быстрейшего внедрения в практику военного строительства является дальнейшая разработка методологии военно-научного познания и совершенствование на этой основе общих и специальных методов решения теоретических и практических проблем военного строительства.

Война — особый объект познания. Специфичны также и условия, в которых происходит развитие военной теории, принимаются практические решения. На процесс военно-научного познания, применяемые методы исследования существенное влияние оказывает и содержание современной военной науки. В силу этого военно-научное познание, как теоретическое, так и практическое, представляет собой специфический вид научного познания, существенно отличающийся от других видов познавательной деятельности. Поэтому применение общих положений марксистско-ленинской методологии в развитии военно-научных знаний имеет свои особенности, которые отражаются в содержании **методологии военно-научного познания.**

Эффективность военной науки определяется не только глубиной разработки методологии военно-научного познания, но и степенью овладения ею военными кадрами. Последнее особенно важно, так как в настоящее время в военно-научных исследованиях принимают участие не только академии и научно-исследовательские учреждения, но и военные округа, все оперативные и войсковые штабы, политические органы, практически все генералы и офицеры независимо от занимаемой должности.

Знание методологии военно-научного познания, общих и специальных методов исследования является ныне также решающим фактором успешной практической дея-

тельности всех командиров, офицеров штабов, политорганов при управлении войсками в бою, организации боевой и политической подготовки в частях, подразделениях, совершенствовании их боеготовности.

Центральный Комитет КПСС постоянно нацеливает руководящие научные и военные кадры на овладение марксистско-ленинской методологией исследования явлений войны, на творческое решение актуальных задач военного дела, на совершенствование боевых возможностей армии и флота.

В предлагаемой читателю книге раскрываются особенности применения марксистско-ленинской методологии в процессе военно-научного познания как в развитии военной теории — военно-теоретическое познание, так и в оценке командиром боевой обстановки, принятии решения на бой, организации взаимодействия и боевого обеспечения, поддержания постоянной высокой боевой готовности подразделений, частей, соединений — военно-практическое познание.

Центральное место в труде занимает анализ характерных черт исследования материальных и духовных факторов войны, раскрытие сущности военной практики и ее роли в совершенствовании военной теории, соотношения чувственной и логической сторон познания, эмпирического и теоретического знания, выявление логической функции законов и категорий диалектики в военно-научном познании, содержания форм и методов развития военно-научных знаний, критика методологических основ буржуазных военных теорий. Особое внимание уделено вопросам творчества командира в боевой обстановке как важнейшего условия достижения успеха в бою. В книге содержатся конкретные рекомендации по повышению эффективности военно-научных исследований, решению практических задач командирами, политорганами и штабами в процессе боевой и политической подготовки войск и управления ими в бою и операции.

При написании монографии авторы опирались на произведения классиков марксизма-ленинизма, руководящие документы КПСС, указания Министра обороны СССР по боевой и политической подготовке, военно-научной работе в Вооруженных Силах, использовали опыт научных исследований, накопленный в войсках и военно-учебных заведениях. Использованы также опубликованные работы,

такие, например, как «Марксизм-ленинизм о войне и армии» (пять изданий), «Методологические проблемы военной теории и практики» (два издания), «Философское наследие В. И. Ленина и проблемы современной войны», «Марксистско-ленинская методология военной истории» и другие, в которых в той или иной мере рассматриваются вопросы данной темы.

Книга предназначена для генералов, адмиралов и офицеров Вооруженных Сил, слушателей и курсантов военно-учебных заведений, а также всех читателей, интересующихся методологией научного познания.

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность за ценные советы и помощь заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору философских наук, профессору И. Д. Андрееву, генерал-полковнику А. Г. Шурупову, адмиралу А. Т. Чабаненко, генерал-лейтенанту И. С. Шияну, генерал-лейтенанту В. Ф. Мернову, доктору философских наук, профессору генерал-майору С. А. Тюшкевичу, доктору философских наук полковнику В. А. Зубареву.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СУЩНОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Марксистско-ленинская методология научного познания вооружает военные кадры пониманием сущности, принципов и методов познавательной деятельности, обеспечивает научно обоснованный подход к изучению и решению вопросов военной теории и практики. Ее применение открывает наиболее целесообразные пути военно-научного исследования, анализа и оценки происходящих военных событий, помогает учесть влияние различных факторов на ход боевых действий, раскрыть причины побед и поражений в войне.

Сложный и динамичный характер развития современного военного дела не терпит шаблонного, механического подхода к решению теоретических и практических проблем. Научная методология учит видеть все явления в их развитии, непрерывном изменении и в неразрывной связи с конкретными условиями. Она раскрывает сущность творческого мышления военных кадров, возможности и пути научного предвидения военных событий, соотношение творческого мышления людей и используемой в военном деле электронно-вычислительной техники.

Велика роль марксистско-ленинской методологии в правильной оценке буржуазной военной науки, выявлении ее социально-политической сущности и реакционной роли. Знать вероятного противника — это значит знать не только его оружие, технику, предполагаемые способы развязывания и ведения войны, стратегию и тактику, но и методологические основы познания и практической деятельности его военных кадров.

Глава I

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Понятие методологии военно-научного познания

Общей методологической основой всех наук является марксизм-ленинизм как единое цельное учение о научном познании и революционном преобразовании мира. Его великая творческая преобразующая сила — в неразрывной связи с жизнью, в непрерывном обогащении на основе всестороннего анализа действительности.

Познание есть отражение в сознании людей объективной действительности. Суть теории отражения, прямо вытекающей из материалистического взгляда на мир, В. И. Ленин сформулировал в следующих принципиальных положениях: «...вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» [1]. В сознании людей нет ничего, что в конечном счете не было бы отражением процессов и вещей объективного мира.

Вместе с тем знания не механическая копия реально существующих явлений. Отражение объективного мира в человеческом мозгу не пассивно, оно носит активный, творческий характер, поскольку происходит в процессе целенаправленной практической деятельности и опосредуется ею. Идеальные образы действительности, вырабатываемые сознанием (восприятия, идеи, теории и т. д.), представляют собой результат диалектического взаимодействия субъекта и объекта познания. Они формируются под прямым воздействием интересов, практических целей,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 109—110.

чувств и знаний общественного человека. В практике сознание людей обогащается новым опытом, который вливается в имеющиеся знания, осмысливается, перерабатывается мышлением и дает материал для дальнейшего развития мыслей, чувств, интересов, практических потребностей.

В ходе социального развития человечество выработало сложный арсенал форм мышления: понятие, суждение, умозаключение — и способов мыслительной обработки воспринимаемого материала: анализ и синтез, обобщение и абстрагирование и др. Эти формы и способы мышления используются не только как ступеньки диалектически сложного, противоречивого творческого отражения действительности в сознании, но и в качестве средств накопления, уплотнения, концентрации получаемых знаний.

Познание представляет собой отражение объективной действительности на эмпирическом и теоретическом уровнях. В результате эмпирического познания вырабатываются еще недостаточно систематизированные знания о явлениях и фактах. Хотя они и не раскрывают глубокой сущности и законов развития действительности, однако постоянно используются в практике повседневной жизни. В научном исследовании преобладающее значение приобретает отражение на теоретическом уровне. Оно ставит своей задачей проникновение в сущность изучаемых явлений и их воспроизведение в сознании в форме категорий, законов, научных теорий, то есть в виде научных абстракций, отражающих глубокие существенные взаимосвязи материального мира. «Познание, — писал В. И. Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы... и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [1].

Основными логическими формами научного знания являются категории, законы и принципы, которые в совокупности образуют структуру каждой науки, содержат ее основополагающие положения и составляют основу дальнейшего развития научных знаний. Стройность и раз-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 163—164.

нитость структуры науки, системы категорий, законов и принципов, их соответствие развивающейся объективной действительности характеризуют степень зрелости теории, способность быть действенным руководством для практики.

Все сказанное о науке вообще полностью относится и к военной науке, военно-научному познанию, целью которого является изучение войны, операции, боя, подготовки вооруженных сил и страны к ведению боевых действий в различных условиях обстановки. Развитие этой специфической области общественной жизни в современных условиях определило дальнейшее усложнение военно-научного познания.

Субъектом военно-научного познания являются люди, военные кадры — носители определенных общественных отношений, а также накопленных знаний и опыта. Потребности людей, их целевые ориентации, мировоззрение, знания и опыт, почерпнутые в конечном счете из объективной действительности, сами становятся мощным фактором познания, оказывают большое влияние на характер отражения действительности, на оценку тех или иных явлений и событий, на выяснение тенденций их развития.

Особенно велико значение для научного, в том числе и военно-научного, познания наиболее общих знаний о мире и его отражении в сознании человека, сконцентрированных в марксистско-ленинской философии. Выполняя одновременно функции мировоззрения, логики и теории познания, она не только вооружает людей пониманием наиболее общих законов развития действительности, но и дает исследователю такие принципы познания, которые вытекают из диалектико-материалистической природы объективного мира и специфики его отражения в сознании. В этом и заключается прежде всего роль научной философии как общей методологии всех наук. Сложность, многогранность методологической роли марксистско-ленинской философии обусловливается разнообразием выполняемых ею функций.

Как **мировоззрение** она означает признание объективного существования материального мира и закономерностей его развития, отражаемых в сознании человека, решающей роли практики в познании и преобразовании действительности, ориентирует военные кадры на иссле-

дование объективных процессов, закономерностей войны и военного дела в их непрерывном развитии. Выступая в качестве **диалектической логики,** научная философия формирует законы и категории мышления как отражения существенных связей и процессов реального мира, определяет логический строй мыслительного процесса в решении теоретических и практических проблем военной науки. В роли **теории познания** она раскрывает сущность и структуру познавательного процесса, соотношение и связь его элементов, направление познания войны от ее внешнего проявления до выявления ее законов и их практического использования.

Таким образом, диалектический и исторический материализм раскрывает сущность познания как в его отношении к материальному миру, так и со стороны логической формы познавательных процессов и благодаря этому выступает в качестве всеобщего метода и учения о методах, определяющих основные пути и принципы познания природных и социальных явлений, в том числе и войны. В «Философской энциклопедии» методология определяется как «философское учение о методах познания и преобразования действительности; применение принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике» [1]. Диалектико-материалистическая методология является руководством для живого, творческого процесса познания и преобразования мира в соответствии с его законами.

Марксистско-ленинская философия вооружает военные кадры пониманием наиболее общих законов развития природы, общества и мышления, а также общих законов социальной жизни и ее отражения в сознании человека. Законы диалектики в применении к познанию составляют сущность общефилософского научного метода, в равной степени относящегося ко всем наукам, а общие законы общественной жизни лежат в основе методов познания социальных явлений. Применение этих методов — необходимое условие успешного военно-научного познания. Без них невозможно глубоко понять характера современной войны, операции, боя, условий и способов их подготовки и ведения, соотношения наступления и обороны, путей совершенствования форм боевых действий, ибо все

---

[1] Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 420.

эти процессы представляют собой конкретную форму проявления диалектики социальной жизни.

Научная философия в своей методологической функции может рассматриваться как определенная система принципов и правил познавательной деятельности, то есть важнейших требований к познанию, вытекающих из законов диалектики. Например, закон перехода количественных изменений в качественные выступает в познании в форме принципа единства количественного и качественного анализа, принципа скачкообразного характера развития научного знания и т. д. В военно-научном познании эти принципы имеют особенно важное значение для раскрытия сущности происходящей ныне революции в военном деле. Непосредственным выражением методологической функции научной философии являются требования диалектической логики, без соблюдения которых немыслимо подлинно научное познание военных процессов.

Громадное значение для познания войны и военного дела имеет исторический материализм, раскрывающий общие законы социальной жизни. Материалистическое понимание истории открывает путь к познанию войны как социального явления, порожденного антагонистическими общественными отношениями, основанными на частной собственности. Исторический материализм позволяет выяснить роль народных масс и полководцев в войне, взаимодействие материальных и духовных сил, объективных и субъективных факторов в военном деле и тем самым обосновать пути практической деятельности по укреплению военной мощи и развитию военной науки социалистического государства.

Диалектико-материалистическое понимание общества впервые дало возможность сформулировать научные взгляды на такое социальное явление, как война, создать марксистско-ленинское учение о войне и армии, составляющее непосредственную методологическую основу военно-научного познания.

На основе диалектико-материалистического подхода к общественной жизни это учение раскрывает социально-политическую сущность войн, общие причины их возникновения, характер и типы войн каждой эпохи. Опираясь на марксистско-ленинское учение о войне и армии, военные кадры социалистических государств исследуют способы ведения современных войн, особенно войн в за-

щиту социализма, формы стратегических, оперативных и тактических действий. Учение о войне и армии раскрывает сущность армий, зависимость их назначения и организации от социальных отношений и экономических условий, служит теоретической основой для определения путей и методов подготовки вооруженных сил.

Таким образом, марксистско-ленинская философия в своей методологической функции дает возможность военным кадрам социалистического государства решать теоретические и практические вопросы своей деятельности на основе глубокого понимания наиболее общих законов развития объективного мира и познания, проникновения в сущность общественной жизни и таких социальных явлений, как война и армия.

Вместе с тем методология военно-научного познания не исчерпывается требованиями, вытекающими из научной философии, которая составляет только высший, общий для всех отраслей знания уровень методологии. Война неразрывно связана со всеми сторонами общественной жизни — экономикой, политикой, идеологией. В наше время эта связь стала еще более тесной. Поэтому в ходе военно-научного познания встают проблемы экономического, политического, идеологического характера, методологической основой решения которых является не только философия, но и другие составные части марксизма — политическая экономия и научный коммунизм. Следовательно, по отношению к военно-научному исследованию в целом в решении задач всестороннего познания войн и военного дела в качестве методологии выступает марксизм-ленинизм в единстве всех его составных частей. Марксизм-ленинизм является методологией революционного мышления и революционного действия.

Из общих законов развития экономической жизни, раскрываемых марксистской политической экономией, вытекают методологические принципы решения вопросов о роли экономики в войне, о влиянии войн на экономику, об экономическом обеспечении ведения войны и других проблем, исследуемых военно-экономической наукой.

Войны современной эпохи сложным и весьма противоречивым образом связаны с общественным прогрессом, с развитием мирового революционного процесса. Поэтому многие социально-политические проблемы современных

войн могут быть правильно решены при условии последовательного применения методологических принципов научного коммунизма, раскрывающего законы перехода от капиталистической формации к формации коммунистической. К числу таких проблем относятся вопросы о войне и революции в современных условиях, о защите социалистического Отечества и характере войн в защиту социализма, о сущности и назначении вооруженных сил социалистического государства и др.

Марксизм-ленинизм как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов составляет идейно-теоретическую основу всей революционно-преобразующей деятельности КПСС, ее борьбы за построение коммунистического общества, формирование нового человека. Будучи системой научных знаний об окружающем человека мире и о нем самом и в то же время теоретическим отражением коренных интересов рабочего класса и всех трудящихся, марксизм-ленинизм призван выполнять и выполняет многогранную мировоззренческую и методологическую функцию. Марксистско-ленинская теория — могучее оружие познания и преобразования общественной жизни, построения коммунистического общества. «Марксизм-ленинизм, — подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики» [1].

Еще более конкретный уровень методологии военно-научного познания составляют законы, выводы, обобщения самой военной науки, истинность которых доказана практикой ведения войн и подготовки вооруженных сил. Общее знание такого рода подсказывает путь познания конкретных военных явлений, дает возможность правильно подойти к решению теоретических и практических задач, встающих перед военными кадрами.

По мнению ряда советских исследователей, методология каждой науки, взятая во всем ее объеме, имеет довольно сложную структуру. В этом отношении примечательным является высказывание академика П. Н. Федосеева о том, что совокупность теоретико-познавательных принципов, обобщений, объяснений, выводов каждой нау-

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

ки образует ее методологию, соответствующую общенаучному методу диалектического материализма[1].

Разграничение уровней и различных сторон методологии военно-научного познания важно для правильной оценки их значения. Ее центральную, основную часть составляет марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм, из которого вытекают основные принципы познавательной деятельности, направляющие применение всех остальных методологических требований.

Главенствующее положение марксистско-ленинской философии в системе методологии военно-научного познания определяется наибольшей общностью ее законов и принципов по отношению к другим наукам и разделам знания. Диалектика свойственна всей действительности, но в каждой отдельной сфере она проявляется в своей специфической, конкретной форме. В военном деле такой формой являются сложные взаимосвязи, характеризующие способы ведения операций и боев, закономерности стратегии, оперативного искусства и тактики, взаимодействие материальных и духовных сил, объективных и субъективных факторов на войне. Задача военной науки и состоит в том, чтобы познать, раскрыть эту конкретную диалектику войны и военного дела и представить ее в виде научной теории, способной быть руководством для практики.

Знание законов диалектики, общих для всей действительности, открывает наиболее короткий и рациональный путь к познанию диалектики военного дела, его связей и закономерностей. В свою очередь, глубокое понимание основ военного искусства облегчает поиск центральных проблем его отдельных отраслей — стратегии, оперативного искусства, тактики — и эффективных методов их решения. В этом суть методологической функции марксистско-ленинской философии по отношению к военной науке. Научная методология не берет и не может взять на себя решение конкретных вопросов военной теории и практики. Ее задача в другом: показать основные пути изучения тех или иных военных вопросов, определить и оценить методы познания, вооружить принципами познава-

---

[1] См.: Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. Изд. 2-е, доп. М., 1975, с. 454.

тельной деятельности, помочь избежать ошибочных метафизических и идеалистических выводов, ложных военно-теоретических концепций.

Столь сложная задача осуществляется главным образом путем искусного применения в ходе военно-научного познания системы законов и категорий марксистско-ленинской философии к решению вопросов военного характера. Каждая категория и любой закон диалектического и исторического материализма — это обобщенное и многократно проверенное знание о существенных сторонах и связях действительности, истинное и для военного дела. В ведении боевых действий, в процессе подготовки войск, развития и использования военной техники и оружия действуют и проявляются все те связи и отношения общего характера, которые исследуются философией: материальное и идеальное, сущность и явление, форма и содержание, причина и следствие, количество и качество, борьба противоположностей и т. д. Все эти философские категории и законы диалектики, если они поняты и усвоены, помогают найти соответствующие стороны и отношения в войне, в операции, в бою — во всех военных процессах. Система законов и категорий научной философии, примененная к познанию военного дела, позволяет увидеть в его развитии закономерности, объективные тенденции, обнаружить внутреннюю логику его изменений, а значит, подвести теоретическую базу под практику. При изучении, например, такой формы тактических действий, как бой, необходимо охарактеризовать материальные средства его ведения в их связи с морально-политическими, духовными факторами, показать значение искусства командира, выяснить характер действий своих войск и войск противника, раскрыть систему взаимодействия и обеспечения, возможности сторон, целесообразные способы действий подразделений, соответствующие содержанию поставленных боевых задач, дать количественно-качественную оценку соотношения сил сторон и т. д. — иначе говоря, применить всю совокупность категорий и законов диалектики. Их использование обязательно потребуется и при изучении истории боевых действий в прошлом, и при обучении офицеров, и в ходе практической подготовки к бою в обстановке войны.

При этом успешное применение методологии в военно-научном познании возможно только на основе глубо-

кого знания марксизма-ленинизма и его философского метода, а также военного дела, военной теории и практики.

Органическая взаимосвязь марксистско-ленинской философии и военной науки лежит в основе высокого военного искусства военных кадров социалистических армий.

Таким образом, научная философия, используемая в качестве методологии военно-научного познания, служит могучим оружием мышления, придает ему глубину, логическую стройность и последовательность.

2. Объективность и партийность в военно-научном познании

Одним из исходных принципов марксистско-ленинской методологии является последовательное обеспечение объективности и коммунистической партийности при изучении социальных процессов. Как и другие принципы познавательной деятельности, он вытекает из законов диалектики и законов общественного развития и выступает в качестве необходимого условия военно-научного познания и успешной военной деятельности. Это ведущий принцип изучения и практического решения военных проблем. Он непосредственно связан с материалистическим решением основного вопроса философии, признанием диалектического характера развития и марксистской теории классовой борьбы, которая, по выражению В. И. Ленина, служит руководящей нитью при анализе жизни общества.

Война — явление социальное, в ней взаимодействуют объективные и субъективные факторы, обеими воюющими сторонами ставятся определенные, по большей части решительные, бескомпромиссные цели, идет активная борьба за их достижение. Обеспечить научную достоверность познания военных явлений — значит раскрыть в этом сложном взаимодействии объективные тенденции развития, складывающиеся на основе деятельности людей и в то же время не зависящие от их желаний и воли. Для этого необходимы понимание материальной основы и диалектики общественной жизни, точный анализ объективных условий и учет субъективного фактора в развитии социальных процессов. В. И. Ленин подчеркивал, что для марксизма характерно сочетание «полной научной

трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий...» [1].

Научная объективность военных знаний обеспечивается всесторонним отражением объективной и субъективной сторон военной деятельности. Объективность оценки командиром боевой обстановки основывается на глубоком понимании характера боя, его диалектического содержания, правильном определении эффективности оружия и боевой техники, боевых возможностей подразделений, выявлении сильных и слабых сторон группировки противника, на точных расчетах соотношения сил и средств, определении реальных условий осуществления маневра, взаимодействия и боевого обеспечения подразделений.

Военное познание всегда осуществляется во имя определенных социальных, классовых интересов. В этом смысле оно всегда носит партийный характер, имеет ту или иную классовую направленность, которая может либо мешать проникновению в действительную сущность военных явлений, либо способствовать научной объективности получаемых знаний.

Военные кадры социалистических государств, представляющие прогрессивные силы современности, заинтересованы в глубоком научном познании сущности законов, характера войн и принципов их ведения. Коммунистическая партийность социального познания вообще, военно-научного познания в частности, требует научной объективности. Марксизм, писал В. И. Ленин, «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» [2].

Смысл и назначение военно-научного познания состоят в том, чтобы на основе объективного отражения действительности дать теоретическое обоснование эффектив-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.
[2] Там же, т. 1, с. 341.

ного ведения справедливых войн в защиту социализма и прогресса, против империалистической агрессии, выработать военно-теоретические концепции, соответствующие политическим установкам социалистических государств и уровню научно-технического прогресса, совершенствовать способы ведения операции, боя, изыскивать действенные пути дальнейшего повышения боевой готовности войск и сил флота, улучшения качества боевой и политической подготовки личного состава вооруженных сил.

Применение марксистской философии в качестве методологии военно-научного познания позволяет рассматривать военные вопросы с материалистических позиций. В исследовании причин и сущности войн, их хода и исхода, при изучении способов и форм военных действий военные кадры социалистического государства исходят из анализа материальных основ социального развития, которые в конечном счете определяют все стороны войны и военного дела. Такой основой является материальная жизнь общества — развитие производительных сил и производственных отношений. Материализм ориентирует военного деятеля на выяснение реальных фактов и связей, обязывает строго придерживаться объективного анализа действительности и добиваться истинности военной теории. Последовательный материалистический подход и проверка теоретических положений на практике дают военным кадрам уверенность в правильности и истинности выводных знаний и принимаемых решений.

Неотъемлемой стороной материалистического подхода к военно-научному познанию является обоснованная уверенность в познаваемости войны и ее законов, признание возможности научного предвидения в военной области и обеспечения объективной истинности военных знаний. Победа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне и последующая военная практика мирного времени убедительно показали, что советская военная наука, развивающаяся на методологической основе диалектического и исторического материализма, в полной мере соответствует требованиям современности.

В научной философии материализм органически связан с диалектикой, которая служит могучим орудием познания современного военного дела во всей его сложности и противоречивости, в непрерывном развитии и изменении. Диалектический подход дает возможность рас-

крыть источник и непосредственные причины развития военного дела, проследить основные тенденции его изменения и на этой основе правильно подойти к определению наиболее целесообразных путей и направлений военного строительства, совершенствования и производства оружия и боевой техники, развития способов и форм ведения военных действий.

В диалектическом подходе к решению проблем военного дела заложены корни творческого мышления, без которого немыслимо успешное решение задач, встающих перед войсками в современных условиях. Мыслить творчески — значит мыслить диалектически, то есть видеть и учитывать всеобщую связь и взаимообусловленность явлений войны и военного дела, латентный характер их изменения, их внутреннюю противоречивость, своевременно подмечать новое и бороться за его претворение в жизнь.

На основе марксистско-ленинской методологии, обеспечивающей научную объективность и коммунистическую партийность военно-научного познания, успешно решены советской военной наукой такие проблемы военной теории и практики, как соотношение объективных и субъективных факторов в развитии военного дела и ведении военных действий, взаимосвязь человека и техники, вопрос об объективных законах войны и военного искусства, способах и формах ведения современных военных действий, методах подготовки вооруженных сил.

3. Марксистско-ленинская философия — теоретическая основа методов военно-научного познания

Марксистско-ленинская философия как методология раскрывает не только принципы, но и сущность методов научного познания, исследует возможности применения общенаучных методов и выясняет связи между методами, используемыми в той или иной частной науке, военно-теоретической дисциплине. В самом общем определении метод науки есть способ познания, обеспечивающий получение новых знаний, совершенствование научной теории. Метод не может быть произвольным, его нельзя рассматривать лишь как конструкцию мыслящего ума.

Он является правильным, подлинно научным методом в том случае, если соответствует существенным чертам, свойствам и связям изучаемых явлений и предметов. Метод научного познания включает знание об изучаемом объекте, примененное к исследованию новых его явлений, сторон и граней.

Таким образом, совершенствование методов научного познания находится в прямой зависимости от состояния научной теории, от глубины достигнутого понимания общих и специфических закономерностей исследуемых процессов и явлений. Диалектико-материалистический метод познания, общий для всех наук, возник в его развитой, научной форме только с появлением марксистской диалектико-материалистической теории. С тех пор военное искусство обрело подлинно научный фундамент, мощное оружие в исследовании явлений войны. Этому способствовал также высокий уровень развития военного дела. Достаточно стройная система методов в любой частной науке возникает тогда, когда сама эта наука достигает известной степени зрелости и стройности.

Метод всегда исходит из закономерностей развития изучаемого объекта и включает в себя вытекающие из них принципы, регулирующие теоретическую или практическую деятельность по освоению мира. **По своей сущности** метод познания является способом мышления, основанным на применении общих, проверенных практикой знаний к изучению конкретных явлений, применением познанных закономерностей, присущих целому классу процессов, к исследованию еще не познанных нами явлений того же класса. **По своему содержанию** метод есть отражение существенных сторон и связей объективного мира. **По своей форме** метод представляет собой совокупность принципов, общих правил познания, выработанных на основе практической и теоретической деятельности человечества.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что не только содержание наших знаний, но и формы познавательной деятельности, ее способы и приемы определяются материальным миром, взаимодействием объекта и субъекта. Таков единственно правильный подход к решению вопроса о сущности и системе методов военно-научного познания, научно-исследовательской работы, командирской деятельности.

В войне, операции, бою действуют закономерности общие, присущие всему материальному миру, закономерности социальной жизни и специфические закономерности военных действий. В соответствии с этим в военно-научном исследовании, в работе командира и офицера штаба применяются общие и специфические методы, составляющие в совокупности стройную систему способов и приемов познания. С ее помощью удается проникать в сущность войны, операции, боя, принципиально правильно решать теоретические и практические задачи в военном строительстве, управлении войсками в бою, в обучении и воспитании личного состава, их идеологической и психологической подготовке.

В соответствии с этим можно сформулировать ряд основных требований к методам военной науки, военно-научного познания.

Во-первых, методы советской военной науки, военно-научного познания, будучи со стороны их теоретического содержания итогом и результатом обобщения всей человеческой практики в военной области, должны быть концентрированным выражением достигнутых в военном познании объективных истин. Иначе говоря, содержанием этих методов должно быть истинное знание о современных военных действиях, об их характерных, специфических чертах, условиях применения сил и средств, способов решения войсками поставленных боевых задач. Только таким путем может быть обеспечена объективная правильность и в конечном счете действенность самого метода. Следовательно, постоянное обогащение военной теории, дальнейшее исследование закономерностей боевых действий имеют самое непосредственное отношение и большое практическое значение в совершенствовании методов военно-научного познания. Вновь добытые научные истины сами становятся орудием дальнейшего наращивания знаний.

Однако наши знания о существенных сторонах военных процессов относительны. Они изменяются в зависимости от совершенствования средств борьбы, а также от глубины нашего проникновения в сущность операции, боя. Значит, от эпохи к эпохе изменяются и методы военно-научного познания, причем в их содержании сохраняется от прошлого только то, что имеет объективную основу в современных условиях и не потеряло своего

практического значения. В то же время каждый новый этап в развитии военного искусства требует совершенствования методов военно-научного познания, поиска новых путей в решении теоретических и практических задач. Усложнение военных процессов и углубление наших знаний о них с объективной необходимостью привели к широкому применению в военной науке математических методов, к обновлению содержания таких традиционных методов, как войсковые, научно-исследовательские учения, к появлению новых методов — моделированию боя, исследованию операций и др. Поэтому, изучая и используя опыт военно-научного познания в прошлом, важно обязательно учитывать все новое в военной теории и практике нынешних дней.

Во-вторых, методы военной науки, военно-научного познания должны отражать не только существенные черты изучаемого объекта, но и специфику самого познавательного процесса. При этом метод военно-научного познания дает должный эффект только при его соответствии особенностям чувственного и логического познания и учете соотношения познавательной и практической деятельности, абсолютного и относительного в объективно-истинных военных знаниях, гносеологических корней возможных ошибок и т. д. Это означает, что методы советской военной науки многообразны. Они строятся с использованием всего комплекса других наук — философии и социологии, истории и психологии — и главным образом на основе марксистско-ленинской теории познания, раскрывающей закономерности познавательного процесса, его конкретную диалектику.

В-третьих, методы военной науки не могут не носить на себе отпечатка тех целей, стремлений, задач, которые ставят перед собой военные кадры, уровня их подготовки, направленности исследования. Влияние целей военно-научного познания на его методы и формы проявляется главным образом в выборе приемов и способов изучения и отбора материала, подлежащего исследованию, в постановке проблемных вопросов, в содержании и объеме выполняемой работы.

Таковы основные условия научности, эффективности методов познания военных процессов. Следует отметить, что их разработка, теоретический уровень зависят не только от военных кадров, их интеллектуальных возмож-

ностей и таланта, но и во многом от социальных причин. Характер общественного строя и определяемая им общая направленность военных задач либо способствуют объективной правильности результатов военных исследований, либо, напротив, обусловливают их социальную ограниченность, приводят к искаженным выводам. Если передовой социалистический строй обеспечивает полное раскрытие возможностей научного мировоззрения и научной методологии, то капиталистические общественные отношения, ненаучная методология суживают, сковывают, а порой и направляют на ложный путь военные исследования, особенно в вопросах политического содержания войны, ее истинных целей.

Какие же методы использует советская военная наука? Удобства ради можно классифицировать их и объединить в группы по степени общности и содержанию.

Общим для всех без исключения наук (в том числе и для военно-научного познания) является диалектико-материалистический метод. По своему содержанию он включает все богатство материалистической диалектики, ее законы, категории и принципы, применяемые в качестве эффективного орудия познавательной деятельности. Высокая степень абстракции научных философских положений, отражающих наиболее общие законы развития бытия и познания, делает их незаменимым средством раскрытия закономерностей войны, операции и боя, диалектики их развития, выявления новых проблем, совершенствования принципов командирской деятельности.

Диалектико-материалистический метод играет ведущую роль в совершенствовании военных знаний, поскольку отражает наиболее общие законы развития и познания всех явлений действительности. Остальные методы исходят либо из особенностей познавательного процесса, либо из специфических законов войны, характеризующих свойственную ей конкретную форму диалектики. Поэтому любой специальный метод может применяться с наибольшим эффектом только в связи с диалектикой и на ее основе. В этом смысле все специальные методы военно-научного познания логически подчинены диалектико-материалистическому методу, вытекают из него, руководствуются им.

Специфика познавательной деятельности человека и ее особенности применительно к военной области находят свое выражение в ряде общенаучных эмпирических и ло-

гических методов, применяемых в военно-научном познании. Наблюдение и эксперимент, анализ и синтез, сравнение и аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического подхода — все это богатство методов, в основе которых лежат закономерности отражения действительности в сознании человека, является неотъемлемым достоянием каждого военного теоретика и практика. Их совершенствование в соответствии с особенностями и задачами развития современного военного дела остается важной стороной советской военной науки.

В военно-научном познании могут применяться отдельные методы других частных наук, особенно социальных и математических. Как известно, военное дело включает широкий круг сложных по своей сущности и структуре явлений, имеющих социально-политическую, экономическую и техническую стороны, количественную и качественную характеристики. Поэтому военная сфера в той или иной мере исследуется другими смежными науками с их специальными методами. Разумеется, военный специалист, командир, офицер штаба не могут пройти мимо этих сторон военного дела — они обязаны изучать и осваивать методы так называемых стыковых теорий и наук. Компетентность в других областях знаний требует непрерывного совершенствования не только профессиональной подготовки офицеров, расширения их оперативно-тактического кругозора, но и развития общей научной эрудиции.

При изучении войны широко применяются методы социально-политического анализа. Экономическая сторона войны может исследоваться методами экономических наук. Военная история при всей ее специфичности широко использует методы гражданской истории. Кроме того, глубокое исследование современной войны, операции и боя невозможно без умелого использования достижений математики, кибернетики и применяемых ими методов. Аппарат математики, ее теория, сложнейшие действия с формулами есть не что иное, как отражение определенных свойств, отношений, реальных качеств объективного мира в абстрактной, математической форме. Математика выделяет количественные отношения и пространственные формы, присущие всем без исключения предметам и явлениям, и исследует их как нечто относительно самостоя-

тельное. В этом состоит универсальность математики, возможность ее применения во всех науках, в том числе в познании военных явлений на современном их уровне.

Советская военная наука располагает рядом своих специальных, только ей присущих методов, выработанных в процессе теоретической и практической военной деятельности. В них находят отражение специфические закономерности развития военного искусства, строительства Вооруженных Сил. Специальные методы военной науки впитывают в себя обобщенные результаты военного опыта, научно-исследовательской работы, командирской деятельности. Они непрерывно совершенствуются, обогащаются новым содержанием. К числу таких специальных методов можно отнести: войсковые (в том числе опытные) учения, различающиеся как по масштабу, так и по характеру отрабатываемых задач; командно-штабные учения на местности или на картах, с привлечением войск и без них; научно-исследовательские учения, проводимые со специальной целью изучения новых вопросов оперативного искусства и тактики; изучение опыта прошлых войн с точки зрения требований будущей войны; войсковые и полигонные испытания оружия и боевой техники и другие.

Таким образом, военный специалист, и прежде всего командир, располагает большим и действенным арсеналом средств научного познания, методов исследования. Совокупные знания смежных с военными наук позволяют ему получать полную и объективную оценку боевых возможностей войск, вскрывать сильные и слабые стороны в их подготовке, обеспечении, изыскивать пути дальнейшего повышения боевой готовности частей и подразделений. Безусловно, эти методы нельзя применять изолированно, в отрыве друг от друга. Только в совокупности они образуют единую систему, позволяющую охватить изучаемый объект с различных сторон и раскрыть многие грани его содержания и сущности. Например, для выявления боевых качеств нового вида оружия или боевой техники недостаточно их испытаний только в полигонных условиях: требуется еще неоднократно проверить их эффективность на войсковых учениях, в учебной практике. Еще более высокие требования предъявляются к исследованию по выработке нормативных показателей, новых тактических рекомендаций.

На основании вышеизложенного можно вести речь уже

не об отдельных методах советской военной науки, а об их системе, под которой понимается определенная совокупность элементов, связанных между собой и образующих некоторое целостное единство. Такого рода единство можно увидеть и в методах военной науки, характеризующих различные стороны единого процесса познания современной войны, различных видов боевых действий. Многоплановостью объекта военно-научного познания, взаимосвязей его сторон объясняется и необходимость многогранной и сложной системы методов военной науки.

Корреляция между методами военной науки выступает прежде всего как связь координации. Например, использование одного метода с необходимостью влечет за собой применение другого, дополняющего первый. Анализ всегда связан с синтезом, индукция с дедукцией, исторический метод немыслим без логического, изучение опыта прошлых войн в свете требований будущей войны и с учетом взглядов вероятных противников дополняется практической проверкой сделанных выводов в ходе войсковых, научно-исследовательских учений и т. п. Военно-научное познание требует не только строгой и всесторонней координации, согласования организационных усилий участвующих в нем коллективов и отдельных исследователей, но и целенаправленного использования методов изучения военных проблем для глубокого познания всех существенных связей объекта. Сказанное всецело относится и к командирской деятельности. Ведь принимаемое решение на бой — это синтез многих, порой противоречивых показателей, выводов, результат хорошо организованной, согласованной деятельности командира и штаба.

Методы советской военной науки связаны между собой также связью субординации, своеобразной подчиненности, которая выражается главным образом в воздействии общих методов на частные, специальные методы. Универсальный по своей значимости диалектико-материалистический метод определяет и соответствующий подход к методам специальным.

По своей сути любой специальный метод советской военной науки представляет обогащенный конкретным содержанием диалектико-материалистический метод. Только при этом условии он способен обеспечить эффективность военно-научного исследования. Диалектико-материалистический метод позволяет обеспечивать выбор таких спе-

циальных методов, которые по своему содержанию не противоречат общим законам развития, а соответствуют им.

В свою очередь, специальные методы советской военной науки, развиваясь с учетом диалектической логики, наполняют ее принципы конкретным содержанием, живительным истоком которого является военное искусство. Поэтому эти принципы приобретают характер требований прикладной логики военного дела. Таким образом, специальные методы военной науки не могут быть без ущерба для дела оторваны от общих методов и не могут применяться вне и независимо от них.

С этим связана важная особенность специальных методов советской военной науки: они носят своеобразный обобщающий, синтетический характер, как бы включают в себя, объединяют, синтезируют общие методы и в то же время обогащают их конкретным военным материалом, составляющим содержание специальных методов. Общие методы познания вплетаются в живую ткань специального метода. Правильно понятый и умело применяемый специальный метод военной науки включает диалектику в качестве своей внутренней логической основы. Применение специальных методов немыслимо без использования таких общих методов познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному и т. п. Эти способы научного познания вплетаются в любой специальный метод и используются в ходе его применения. Наконец, специальные методы других частных наук, используемые в военной науке, по большей части тоже не выступают в качестве самостоятельных методов, а получают жизнь как бы внутри того или иного специального метода военной науки для решения конкретных частных задач.

Следовательно, специальным методам советской военной науки принадлежит центральное место в системе военно-научных методов. Поэтому их разработке и совершенствованию следует уделять особое внимание. Однако их развитие и совершенствование возможны только на основе знания и учета сущности и содержания диалектико-материалистического метода и всех других методов, применяемых в процессе военно-научного исследования, на базе непрерывного обогащения военных знаний, совершенствования профессионального мастерства военных кадров.

Вместе с тем развитие и совершенствование специальных методов военно-научного исследования, имеющих решающее значение для военной науки, не может идти только на основе обобщения эмпирических данных военной науки. Здесь огромное значение имеет теория, которая раскрывает общие закономерности развития материального мира и специфические закономерности войны. Теория и опыт диалектически взаимодействуют друг с другом.

Таковы некоторые положения, характеризующие систему методов советской военной науки и их развитие. Разумеется, сами по себе методы, какими бы правильными они ни были, задач военно-научного познания не решают. Методы нужно умело применять, а это требует от военных кадров не только высокого уровня знаний, но и большого искусства.

Искусство применения методов военно-научного познания состоит прежде всего в способности исследователя выбрать из всех имеющихся средств познания такие, которые в наибольшей степени соответствуют характеру изучаемого материала, обстановке и условиям исследования. Глубокое понимание сущности решаемой проблемы, хорошее знание имеющегося эмпирического и теоретического материала и всесторонний учет условий и особенностей военно-научного познания — вот слагаемые правильности выбора методов военно-научного познания.

4. Критика методологических основ буржуазной военной теории

Одним из проявлений углубления общего кризиса капитализма, отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, является усиление идейно-политического банкротства буржуазного общества. События последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишенное будущего [1].

Идейно-политический кризис империализма проявляется и в современной буржуазной военной теории. Данная тенденция обусловливается следующими причинами. Во-первых, военно-промышленный комплекс, милитаризм и фашизм используют военную теорию для обоснования

---

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 27—29.

авантюристической реакционной военной политики, направленной на ликвидацию военными средствами социалистического общественного строя и на подавление всех революционных, прогрессивных сил современности. Во-вторых, военная теория призвана способствовать внедрению антинаучных, антинародных учений о войне и армии в сознание народных масс капиталистических стран. В-третьих, военная теория империализма неразрывно связана с самыми реакционными направлениями империалистической социологии и философии.

Вместе с тем империализм требует от военной теории научно обоснованных принципов строительства вооруженных сил, способов и форм ведения вооруженной борьбы. Таким образом, перед методологией буржуазной военной теории ставятся одновременно прямо противоположные задачи. С одной стороны, она призвана обеспечить разработку философских и социологических концепций, теорий и принципов, способных вооружить военных теоретиков и практиков правильным пониманием и эффективными способами решения теоретических и практических проблем современного военного дела для создания военного превосходства над вероятным противником в мирное время и достижения победы в войне. С другой стороны, методология буржуазной военной теории призвана извратить объективную историческую действительность в самой ее основе, и прежде всего отрицать действие объективных законов и закономерностей общественного развития, фальсифицировать историю войн между империалистическими агрессорами и социалистическим государством, доказать возможность военной победы обреченного капитализма над социализмом и т. д. На методологию военной теории империализм возложил также задачу активной борьбы против научной методологии марксизма-ленинизма, задачу дискредитации диалектического и исторического материализма и марксистско-ленинского учения о войне и армии.

Попытка доказать недоказуемое, совместить преднамеренное извращение действительности с правильным подходом к ее познанию и составляет основу неразрешимого противоречия, в котором запутались как буржуазная военная теория, так и методология этой теории.

Представители буржуазной военной теории либо отрицают связь военной науки с теми или иными философ-

скими школами и направлениями, либо умалчивают о наличии такой связи. Вместе с тем на деле военные теоретики находятся под влиянием буржуазных философских школ и теорий. Поэтому к ним полностью применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им в адрес буржуазных исследователей: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории... то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» [1].

Более того, само по себе отрицание философии как методологической основы военной науки и есть проявление влияния позитивизма — одной из буржуазных субъективно-идеалистических философских школ. В соответствии с утверждениями позитивистов каждая наука вырабатывает собственную философию, поскольку, дескать, не существует объективных законов, общих для всех явлений и процессов природы, общественной жизни и мышления.

Типичным проявлением позитивизма в буржуазной военной теории является утверждение (Лиддел Гарт, Типпельскирх, Брэдли и другие), будто военная теория опирается на некую самостоятельную область знания — «военную философию». Чаще всего под последней понимают либо военную доктрину, либо военную идеологию К. Клаузевица. Причем она рассматривается многими буржуазными военными теоретиками в качестве классического образца в любых исторических условиях.

В. И. Ленин раскрыл главную причину ухода буржуазных философов и социологов в условиях империализма от глубоких обобщений и выводов, от признания общих законов и закономерностей бытия в целом и общественной жизни в особенности. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить *лес* — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скепти-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 524.

цизма, той мертвой и мертвящей схоластики...» [1], которые характерны для буржуазной философии.

Отсутствие у буржуазной философии научного подхода к изучению объективного мира и мышления нередко признают и сами буржуазные философы. Так, один из видных современных буржуазных философов Льюс С. Фейер уже самим названием статьи «Американская философия мертва» подписал ей приговор. О методологической функции американской философии Фейер писал: «Она, в сущности, представляет собой обучение искусству схоластики в средневековой традиции». Влиятельная западногерманская газета «Ди вельт» подтвердила этот печальный диагноз. «Американский ученый Льюс С. Фейер оплакивает смерть англосаксонской философии. Семантика, лингвистика, схоластическое буквоедство доконали ее». Столь резкую оценку с полным основанием можно отнести ко всей современной буржуазной философии. Поэтому военная теория империализма и отмежевывается от философии, в которой проявляются скептицизм, схоластика, прямой агностицизм. Вместе с тем именно буржуазная философия и социология вооружают военных теоретиков определенным мировоззрением и методологией, вносят в военную теорию идеализм, иррационализм, метафизику, эклектику, схоластику, которые характерны для современной буржуазной философии.

О тесной связи военной теории империализма с буржуазной философией свидетельствуют многие факты. Например, по данным американской печати, один из «мозговых центров» Пентагона — «РЭНД-корпорейшн» — насчитывал в 60-х годах несколько десятков сотрудников, имевших ученую степень доктора философских наук. Среди авторов западногерманского военно-теоретического журнала «Вервиссеншафтлихе рундшау» более 30 процентов имели философские ученые степени и звания.

Разумеется, наиболее убедительная связь буржуазной военной теории с философией видна в содержании книг и статей военных теоретиков империализма. Наиболее характерными чертами их философского содержания являются буржуазный объективизм, субъективизм, а также эклектизм. Последний представляет смешение идеализма и стихийного материализма, метафизики и элементов не-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 44.

последовательной диалектики, волюнтаризма и частичного признания объективных закономерностей в процессах современной войны, субъективной социологии и вульгарного материализма. Подобное смешение разных, иногда противоположных философских концепций и направлений отражает в конечном счете противоречие между стремлением исследовать объективные закономерности войны и социальным требованием империализма извратить эту действительность, чтобы оправдать захватнические, несправедливые войны и доказать правомерность эскалации агрессии и экстремистских акций.

Сущность буржуазного объективизма, указывал В. И. Ленин, состоит в том, что объективист, «доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов...» [1]. То есть он возводит в ранг «исторической закономерности» не только объективно необходимые явления и процессы, но и случайные, как обязательные в данных исторических условиях, так и невозможные в новых условиях. В наше время, например, буржуазные объективисты метафизически отрывают явления и процессы от конкретных исторических условий и пытаются приписать социалистическому обществу, его армии и содружеству социалистических армий те классовые и национальные антагонистические противоречия, которые присущи капиталистическому обществу, империалистическим армиям и агрессивным военно-политическим блокам, но которых нет и не может быть в условиях победившего социализма.

Гносеологическую и классовую основу в буржуазной военной теории имеет широко распространенная методологическая черта, проявляющаяся в субъективизме. Субъективист, писал К. Маркс, старается «*приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки... а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке... интересами...» [2]. Таковыми являются классовые цели реакционной буржуазии и милитаризма, проводником которых являются буржуазная военная теория и ее методология.

Особенно наглядно субъективистский характер методологии проявляется в буржуазных философских и со-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 125.

циологических учениях о причинах возникновения войн, источниках и факторах военной мощи, о принципах военного строительства и ведения военных действий. К. Маркс и Ф. Энгельс первыми доказали ненаучный характер буржуазных методологических теорий о якобы решающей роли насилия в истории, войны и армии в общественном развитии. В свое время в работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс подверг также критике идеалистические представления, лежащие в основе буржуазной военной теории о «свободном творчестве ума» гениальных полководцев [1].

В. И. Ленин, КПСС и другие марксистско-ленинские партии развили критический анализ методологии буржуазной военной теории в условиях империализма и новой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму. В. И. Ленин подчеркивал, что монополистическая буржуазия «готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство» [2].

Революционная практика последних лет убедительно доказывает: при возникновении опасности для монополистического капитала империализм идет на самые реакционные акции в области политики и идеологии, отбрасывает всякую видимость буржуазной демократии. Как указывалось в докладе товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, империализм «готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией» [3].

К социально-политической стороне военной теории империализма и ее философским и социологическим основам в полной мере применимы ленинские слова о том, что «нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели» [4]. Военная теория империализма не может понять и не желает признать тех объективных закономерностей современной жизни и современного военного

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 166.
[3] Материалы XXV съезда КПСС, с. 30.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 303.

дела, которые противоречат интересам монополистической буржуазии.

В понимании и объяснении хода и исхода второй мировой войны большинство буржуазных военных теоретиков остаются на позициях идеалистической субъективной социологии, приписывающей решающую роль в войне главам правительств, государств и военным руководителям. При оценке причин военного поражения фашизма они обвиняют Гитлера, который будто бы отстранил от руководства грамотных и опытных военных руководителей и привел фашистское государство к военному поражению. Таких взглядов придерживаются не только реваншисты из числа бывших гитлеровских генералов, но и многие военные теоретики в США и Англии.

Субъективистское, идеалистическое отрицание объективной закономерности победы Советского Союза над фашизмом составляет методологическую основу многочисленных «исследований» и мемуаров о второй мировой войне, опубликованных буржуазными военными историками, военными теоретиками и военными руководителями. Например, в переизданной в 1975 году в ФРГ книге Пауля Карелла «Сожженная земля. Битва между Волгой и Вислой» война между фашистскими агрессорами и советским народом рассматривается в плане противоборства полководческих способностей Гитлера и Сталина. При этом важнейшую причину поражения фашизма Карелл усматривает в искусных действиях советской разведки, которая получала самые секретные данные из ставки Гитлера.

Конечно, превосходство советского военного искусства сыграло большую роль в победе, но превращение полководческого искусства в единственный и решающий фактор понадобилось большинству буржуазных военных теоретиков для обоснования своих концепций о возможной победе в новой войне против социализма при наличии грамотных и опытных полководцев.

Марксизм-ленинизм доказал, что в классовом обществе существенным методологическим принципом общественных наук, учений и теорий является принцип партийности. Военная наука, теории являются классовой наукой и классовыми теориями, ибо они исследуют и обосновывают закономерности, принципы, способы и формы решения классовых политических задач военными средствами. Военная теория буржуазии всегда имеет основной

задачей разработку способов и форм ведения войн со стороны буржуазных государств и армий против революционных сил рабочего класса и его союзников, против социализма, а также в целях грабежа других народов.

Однако до второй мировой войны большинство буржуазных военных теоретиков уверяли, будто «военная теория —вне политики». Одни из них (например, де Голль) были убеждены, что военная теория основывается на научном фундаменте и не должна подвергаться давлению со стороны политиков, дабы избежать проявлений субъективизма, волюнтаризма и авантюризма, присущих политике. Другие (фон Сект, Гудериан, Лиддел Гарт) маскировали империалистическую партийность своих военно-теоретических взглядов и исследований, так как понимали антинародный характер военной теории империализма и вместе с тем сознавали, что вопреки желанию народных масс нельзя добиться победы в современной войне против сильного противника.

После разгрома советским народом ударных сил международного империализма в Великой Отечественной войне и образования мировой системы социализма многие военные теоретики империализма отбросили тезис об аполитичности военной науки и открыто стали рассматривать проблемы военной агрессии против Советского Союза и других антиимпериалистических прогрессивных сил современности. Открыто признавая классовый характер своих взглядов и выводов, эти теоретики тем не менее тщательно маскируют свою партийность, выступают под флагом защиты «свободного мира», «интересов нации», «демократической системы» и т. д. Фарисейство, обман, маскировка под защитников интересов нации и общества являются на деле методологическим принципом партийности буржуазной военной теории.

Целям буржуазной партийности в военной теории служат и бесчисленные «исследования», призванные обеспечить повиновение империализму и военному руководству личного состава империалистических армий и противодействовать росту влияния марксистско-ленинских партий и идей социализма на солдат и офицеров.

Другие характерные черты методологии буржуазных военных теоретиков проявляются в игнорировании ими исторического опыта и непонимании объективной закономерности обострения классовых противоречий в капи-

талистических странах и их вооруженных силах в современную эпоху.

Еще в начале становления империализма В. И. Ленин сделал вывод о проявлении неразрешимых для империализма противоречий при ведении антинародных захватнических войн. «Войны ведутся теперь народами... и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству» [1], — писал он. По его глубокому убеждению, в эпоху социальных революций армия в целом не может оставаться орудием антинародных эксплуататорских классов. «...Неизбежное, при всяком истинно народном движении, колебание войска приводит... к настоящей *борьбе за войско*» [2], — подчеркивал В. И. Ленин. Отсюда следовало, что в условиях массовых армий закономерным является переход части армии на сторону революции.

Однако это свойство империалистических войн буржуазная военная теория обнаружила только в период, когда в России, Германии, Болгарии, Венгрии и ряде других государств в 1917—1918 годах пролетарские революции либо одержали победы, либо сделали невозможным продолжение первой мировой войны, а значительная часть солдат и матросов в этих странах перестала повиноваться империалистическим правительствам, генералам и офицерам и перешла на сторону революционного народа.

В годы второй мировой войны подавляющее большинство личного состава бывших буржуазных армий в Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии, Греции и в других странах приняло активное участие в антифашистской борьбе. В послевоенный период в некоторых армиях большинство солдат и прогрессивно настроенные офицеры выступили за свержение фашистских режимов и за развитие своих стран по пути демократии (в Португалии, Греции), против попыток фашистского путча (во французской армии в 1961 году), за проведение коренных социальных преобразований в интересах трудящихся масс (в Перу, Ираке, Сирии, Бирме и в других странах).

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 154.
[2] Там же, т. 13, с. 372.

Таким образом, буржуазная военная теория и ее методология оказались неспособными решить и задачу удержания в повиновении личного состава массовых буржуазных армий.

Поражение самой мощной империалистической армии во Вьетнаме еще раз подтвердило несостоятельность военной теории американского милитаризма и ее методологических основ. В США предпринимаются попытки найти более эластичную методологическую основу военной теории. Гибкость проявляется не в строгом отражении действительности, а в широком использовании софистики и схоластики для маскировки антинародной сущности империализма, милитаризма и самой военной теории. С позиций подобного «совершенствования» методологии разрабатывались стратегические концепции «гибкого реагирования», «реалистического устрашения», «ограниченной ядерной войны», «защиты мира с позиций силы» и т. д. В официальных документах военного ведомства США, принятых после поражения во Вьетнаме, широко используется попытка представить американскую военную машину в качестве «гаранта порядка», «поддержки законной власти» и т. д. Столь явное прославление американских агрессоров одобрено военным руководством после чудовищных злодеяний войск США во Вьетнаме, где около двух миллионов мирных жителей было сожжено напалмом, искалечено, замучено, убито. Таким образом, насквозь фальшивая социология империализма, по существу, становится методологической основой официальных уставов, наставлений и многих трудов военных теоретиков.

Впрочем, в авторских книгах и статьях военных теоретиков с позиций прагматизма нередко говорится более откровенно о действительном назначении империалистических армий. Один из видных американских военных теоретиков Дж. С. Томпкинс откровенно писал в книге «Оружие третьей мировой войны»: «Пусть режимы, которые США поддерживают, иногда бывают деспотическими, но, по крайней мере, мы в состоянии влиять на них».

Вместе с тем буржуазные военные теоретики при исследовании военно-технической стороны военного дела исходят из других методологических принципов. При этом выдвигается требование познания действительных свойств и возможностей оружия, боевой техники, средств защи-

ты и т. д. Исследователи этой стороны военного дела нередко называют себя «реалистами». В самом деле, специалист в области артиллерии рассматривает как существующие объективно материалы, из которых изготовляется оружие, законы химические, законы баллистики и т. д. Не задумываясь над философскими определениями, он решает теоретические и практические вопросы с методологических позиций стихийного материализма и стихийной диалектики. При этом военные исследователи достигают иногда значительных результатов в совершенствовании и создании качественно новых систем оружия, боевой техники, средств и методов управления войсками, средств защиты, в развитии военного искусства.

Однако стихийный материализм и стихийная диалектика не могут быть методологической основой последовательно научного подхода в решении проблем военного дела. По определению Ф. Энгельса, непоследовательный стихийный материализм в объяснении технических и природных процессов уживается с «идеализмом сверху», то есть с идеалистическим истолкованием источников, движущих сил поведения людей, жизни общества и сущности человека. Теоретик танковых войск или командир танкового соединения, как правило, с позиций стихийного материализма и непоследовательной диалектики решает вопросы применения танков, авиации, артиллерии в бою и сражении, но не признает объективных закономерностей вооруженной борьбы, в соответствии с положениями идеалистической социологии утверждает, что поведение масс солдат в бою и в общественной жизни определяется якобы «иррациональным психологическим детерминизмом», который нельзя ни познать, ни объяснить. Таким образом, понимание и решение в соответствии с объективной действительностью проблем военно-технического характера эклектически сочетаются с антинаучным пониманием проблем социально-политического характера. Поскольку оружие и боевая техника используются людьми в политических целях, не может быть последовательно научного решения проблем военного дела при решении социально-политических проблем с антинаучных методологических позиций.

На методологию исследования военно-технических проблем оказывает воздействие не только ненаучная гносеология. Классовая позиция защитников обреченного ка-

питализма, ненависть к социализму и к революционным силам, национализм, прямой подкуп со стороны той или иной военной монополии и военно-промышленного комплекса в целом — таковы социальные основы и причины преднамеренного извращения действительности военными теоретиками империализма. Закономерностью современного этапа углубления общего кризиса капитализма является усиление коррупции, расшатывание нравственных норм во всех звеньях военной машины, в том числе среди военных теоретиков. Бывший председатель комитета начальников штабов США генерал М. Тейлор писал в книге «Ненадежная стратегия»: «...все военные программы, как бы они ни различались по своему характеру, на деле конкурируют между собой ради получения определенного количества долларов...» [1]

В марте 1976 года компетентная комиссия палаты представителей США опубликовала доклад, в котором «теоретические изыскания» Пентагона о «советской угрозе» и необходимости гонки вооружений были охарактеризованы как «страшные сказки, которые по ночам рассказываются у костра».

Наличие множества ненаучных методологических основ неизбежно там, где подвергается преследованиям и запрету последовательно научная методология. Различные противоречивые и главное ненаучные способы подхода к решению проблем военного дела связаны с неустойчивостью и частой сменой несостоятельных военно-стратегических концепций империалистических государств, принципов военного искусства и военного строительства. Множественность методологических концепций неизбежно порождает противоречия и прямо противоположный подход теоретиков и руководителей различных видов вооруженных сил к решению вопросов об их роли, месте и взаимодействии между ними.

Неразрешимой для империалистических военных коалиций является проблема выработки единых взглядов между союзниками по вопросам войны, военного строительства, военных доктрин и ведения военных действий.

Ненаучный характер методологических основ военной теории империализма не делает ее менее вредной для

---

[1] Тейлор М. Ненадежная стратегия. Пер. с англ. М., 1961, с. 121.

миролюбивых сил. Военные теоретики империализма не только разрабатывают авантюристические планы подготовки и развязывания локальных войн и мировой ядерной войны. Своими обоснованиями якобы неизбежности ядерного конфликта и иллюзорными обещаниями победы империализма в этой войне многие буржуазные философы, социологи и военные теоретики увеличивают опасность развязывания третьей мировой войны.

Вместе с тем строго научный анализ методологии, последовательное изучение содержания, методов и результатов военно-научных исследований вероятного противника необходимы для правильной оценки его сильных и слабых сторон, определения вероятных способов действий в случае агрессии против Советского Союза и других социалистических стран. При антинаучном характере методологии буржуазной военной теории в целом в ряде конкретных исследований она способна решать отдельные проблемы с учетом условий и требований объективной действительности.

Во всех областях теоретической и практической деятельности необходимо руководствоваться указанием В. И. Ленина о задачах марксистов: суметь усвоить и переработать те завоевания, которые делаются буржуазными учеными и специалистами, уметь отсечь их реакционную тенденцию, проверить свой курс и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов [1]. Это ленинское положение определяет и наше отношение к военно-научным исследованиям, военной теории империализма.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

Глава II

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Сущность и основные направления военно-научного познания

Военно-научное познание, как и познание в любой другой области объективной действительности, подчинено общим закономерностям познавательного процесса. В то же время оно имеет и свои, только ему присущие признаки, обусловливаемые спецификой объекта познания, особенностями его отражения в военно-научных знаниях.

Военно-научное познание есть отражение в сознании человека явлений войны, условий и способов подготовки к ней страны и вооруженных сил. Военные знания как результат военно-научного познания представляют собой образ определенного вида объективной действительности. Например, вне сознания человека существуют такие социальные явления: вооруженные силы, война, конкретные военные ситуации, которые отражаются в его мозгу в виде определенных мысленных образов. Соответствие образа отражаемой в нем действительности характеризует степень объективности его содержания и истинности. Так, теория наступательного боя как образ воспроизводит наиболее общие признаки, характерные черты реального боя, его закономерности, объективно существующие в действительности. Знание об обстановке является снимком, копией реальных условий боя, складывающихся в ходе ведения военных действий.

Будучи образами объективной действительности, военные знания существуют в сознании в виде ее идеального отражения. В этом смысле они субъективны. Соответствие образа отражаемой в нем объективной действи-

тельности имеет относительный характер: его полнота, точность, адекватность могут быть различными. «Субъективность (или понятие) и объект — *то же суть* и *не то же...*» [1], — писал по этому поводу В. И. Ленин. Практически знания о боевой обстановке никогда не могут отразить в своем содержании бесконечного множества ее элементов, взаимосвязей. Действительная обстановка в бою всегда богаче, полнее по своему содержанию, чем сведения о ней. В особенности это относится к знанию противника, который стремится скрыть, замаскировать свои действия, выдать ложное за действительное. Это обязывает командира глубоко и тщательно анализировать обстановку, знать тактику противника и на основе имеющихся, подчас ограниченных данных вскрывать истинный замысел его действий, выявлять состояние боеспособности своих подразделений.

На познание обстановки, содержание знаний о ней существенное влияние оказывает направленность предстоящих действий подразделений. Обстановка всегда оценивается целеустремленно — с точки зрения поставленной боевой задачи, в соответствии с чем командир стремится познать, вскрыть те ее элементы, те особенности, которые в наибольшей степени способствуют (или препятствуют) достижению цели, выявить условия и характер применения в бою сил и средств.

Субъективность познания, а следовательно, и получаемых знаний характеризуется еще и тем, что человек может создавать образы, отражающие не только существующую, но и будущую действительность. Однако и в данном случае образ имеет реальный прообраз. В конечном итоге образ будущей действительности создается на основе отражения, трансформации существующих обстоятельств и тех познанных тенденций, закономерностей, в соответствии с которыми они изменяются.

Теория ракетно-ядерной войны, теория операции, боя с применением качественно новых средств борьбы отражает характер военных действий возможной войны. Операций с применением этих средств войны не существует в действительности, хотя на вооружении армий состоит ракетно-ядерное оружие с его огромной поражающей мощью. Зная объективные закономерности операций, боевые

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 165.

свойства имеющегося оружия и боевой техники, опираясь на опыт проводимых учений, прошлых войн, военные кадры в состоянии представить образ возможных операций, их сущность, способы подготовки и ведения военных действий.

Оценка оперативной обстановки, принятие командующим решения на ведение и планирование операции в ходе военных действий есть не что иное, как создание образа, модели предстоящей, пока еще не существующей операции. Представление о содержании будущей операции возможно на основе предвидения, глубокого знания основ оперативного искусства, факторов, определяющих ее пространственный размах, характера взаимодействия и обеспечения действий войск. Степень соответствия плана прогнозируемой операции реальным условиям войны будет тем больше, чем выше профессиональное мастерство командующего и офицеров штабов.

Рассматриваемая характеристика субъективности познания, субъективности образа, получаемого в процессе познавательной деятельности, в результате которой человек в своих знаниях может опережать действительность, и является основой творчества, прогноза. Если бы наше познание не было способно опережать действительность, человек не имел бы возможности преобразовывать ее в соответствии со своими потребностями и целями.

Вместе с тем субъективность образа, получаемого в процессе познания, является причиной и возможного искажения, одностороннего, субъективистского отражения действительности. Ошибочное, неверное знание, если это не преднамеренная ложь, тоже есть отражение, субъективный образ объективной действительности. Однако в этом случае в содержании образа дается преувеличение, раздувание, абсолютизация либо, напротив, преуменьшение какой-либо одной из сторон действительности. Так, преувеличение значения ракетно-ядерного оружия в операции, бою может привести к недооценке роли обычных средств поражения и, следовательно, созданию односторонней, ошибочной теории операции, боя. Наиболее типичной ошибкой в анализе боевой обстановки является искаженное представление о силах и возможностях противника. Субъективизм в этом вопросе, как показывает опыт войн, проявляется довольно часто и наиболее пагубно отражается на результатах боя.

Военно-научное познание — диалектический, непрерывный процесс развития знаний о войне, условиях и способах подготовки к ней страны и вооруженных сил. Диалектический характер и непрерывность этого процесса определяются многообразием сторон, связей, проявлений войны, постоянным обновлением оружия и боевой техники, совершенствованием боевого мастерства войск, изменениями в социально-политической обстановке.

Война, формы и способы военных действий — наиболее многосторонние объекты познания. В процессе развития военной теории мы обнаруживаем в них все новые и новые связи и отношения. Никакая военная теория не может претендовать на исчерпывающую полноту их охвата. Всегда есть возможность уточнить, дополнить, конкретизировать, развить те или иные положения. Теория боя в ракетно-ядерной войне никогда не может быть разработана с исчерпывающей полнотой: по мере модернизации технической базы боевых действий непрерывно будут возникать новые проблемы, требующие их решения.

В настоящее время, в век научно-технического прогресса, когда совершенствование оружия и боевой техники, обновление средств управления и обеспечения войск происходит особенно интенсивно, знания о содержании войны, организационной структуре вооруженных сил, способах ведения военных действий необходимо непрерывно совершенствовать, наращивать, углублять. То же относится и к бою. Маневренный характер военных действий, резкие изменения в обстановке обусловливают быстрое устаревание сведений, получаемых командиром, требуют организации мобильной информации, непрерывного уточнения получаемых данных о противнике и своих подразделениях и т. д.

Военно-научное познание осуществляется на основе военной практики и в целях ее совершенствования. Практическая деятельность и познавательная деятельность неразрывно взаимосвязаны между собой, взаимно обусловливают друг друга. Вне военной практики не может быть и военно-научного познания, равно как без соответствующих знаний невозможен успех практической военной деятельности.

Основное назначение военно-теоретического познания состоит в глубоком всестороннем научном обосновании направлений и содержания военного строительства, спо-

собов ведения войны, путей повышения боевой готовности частей и подразделений. Оценка обстановки в ходе ведения боевых действий, условий осуществления маневра войск в операции, бою осуществляется в целях определения наиболее эффективных способов решения поставленной практической задачи. Цели военной практики определяют и направление научно-исследовательской деятельности, логический путь мышления командира в процессе управления войсками в бою.

Военная практика во всем многообразии и неповторимости своего проявления дает богатый эмпирический материал для развития военной теории. Это ее базис, фундамент. Объективная оценка характера военного строительства, военно-технической политики, конкретных условий боя возможна только в том случае, если военный исследователь, командир опираются на теоретические знания о сущности и характере войн, природе, закономерностях военных действий, накопленный войсками практический опыт, соблюдают логическую последовательность мышления, принципы научного анализа, выработанные на основе многовековой практики ведения войн и их познания. Военная практика является определяющим критерием истинности всех видов военно-научного знания.

По своему характеру, содержанию и непосредственному предназначению военные знания подразделяются на теоретические и практические. Последние представляют собой знания о конкретных военных процессах, на основе которых принимаются и реализуются практические решения в операции, бою, осуществляются мероприятия по их обеспечению.

Указанные виды военных знаний неразрывно взаимосвязаны между собой. Без военно-теоретических знаний, без научного осмысливания военных процессов невозможно в современных условиях получение объективно-истинных, конкретных военно-практических знаний. Одновременно сам процесс развития, совершенствования военной теории осуществляется на основе знаний, получаемых в ходе практического познания, боевого опыта войск.

В соответствии с указанной классификацией военных знаний можно выделить и два основных направления военно-научного познания: военно-теоретическое познание — в том числе военно-научное исследование; военно-практическое познание.

Военно-научное исследование направлено своим острием на обнаружение нового в изучаемом явлении, установление таких его свойств и тенденций, которые еще не нашли отражения в военной теории и практике. Основное его назначение состоит в следующем: раскрыть закономерности войны, операции, боя, различных видов военных действий и на этой основе определить их возможный характер, способы ведения, направленность подготовки вооруженных сил, методы обучения и воспитания личного состава. Получаемые в результате военно-научного исследования знания по уровню отражения в них объективных военных процессов можно с известной степенью относительности разграничить на эмпирические и теоретические.

Если эмпирический уровень знаний отражает отдельные явления, наиболее наглядно обнаруживаемые связи и отношения между ними, то в теоретических знаниях проявляются сущность военных процессов, законы, лежащие в их основе, новые направления в развитии отдельных отраслей военного дела и т. д. В соответствии с таким характером содержащихся в военной теории уровней знаний военно-научные исследования подразделяются на эмпирические и теоретические.

Эмпирические военно-научные исследования имеют своим назначением накопление нового фактического материала, его объяснение и обобщение в рамках существующей военной теории. В современных условиях, когда военное дело развивается исключительно динамично, эмпирические исследования занимают особенно большое место в военно-научной деятельности. Чем богаче и разнообразнее практика и шире фронт экспериментирования, тем быстрее военная наука может накапливать необходимое количество фактов, являющихся эмпирическим базисом совершенствования и развития военной теории.

Основанные на эмпирическом материале, теоретические военно-научные исследования направлены на раскрытие глубинной сущности военных явлений, обнаружение объективных законов и закономерностей войны, форм их проявления и механизма действия. К теоретическим исследованиям относятся также определение и научное обоснование принципиально новых направлений в развитии военной теории и практики, изыскание более эффективных форм и способов стратегических, оперативных и

тактических действий, совершенствования методов управления войсками, боевой и политической подготовки войск.

Результаты военно-теоретических исследований служат базой разработки руководящих документов — уставов и наставлений, в которых в концентрированном виде отражается опыт войн, прогноз будущих операций и формулируются требования к подготовке вооруженных сил, принципы ведения военных действий с применением и без применения ядерного оружия.

Развиваясь на основе военно-научных исследований, военная теория является логической основой научного анализа конкретных военных процессов, оценки обстановки и принятия обоснованных практических решений, управления войсками в бою.

Военно-практическое познание осуществляется непосредственно в ходе практической военной деятельности и ею обусловливается. В бою оно направлено на получение объективных знаний об обстановке и определение на этой основе наиболее эффективных способов использования имеющихся сил и средств частей и подразделений в целях захвата и удержания инициативы, нанесения мощных огневых ударов, упреждения противника в осуществлении маневра и его разгрома.

Конкретное содержание военно-практического познания в ходе боевых действий складывается из четырех взаимосвязанных элементов: уяснения задачи, оценки обстановки, принятия командиром решения и постановки задач войскам. Все элементы, несмотря на их логическое единство и целенаправленность, различаются по содержанию и последовательности изучения основных вопросов, методу работы командира и штаба.

Познавательная деятельность командира в бою начинается с уяснения задачи. Ее цель — правильно понять замысел вышестоящего командира, содержание полученной боевой задачи, роль и место своего подразделения (части) в бою, характер действий соседей в ходе предстоящего боя, наличие имеющихся в подразделении (части) сил и средств и на этой основе выявить пути и способы достижения подразделением (частью) поставленной цели боя. От степени точности уяснения полученной задачи во многом зависит характер оценки обстановки, равно как и содержание принимаемого решения.

Сущность оценки боевой обстановки заключается в

познании объективных условий предстоящего боя, благоприятствующих либо, напротив, отрицательно влияющих на выполнение поставленной задачи. Объектами оценки обстановки являются: противодействующий противник, свои войска, соседи, местность, на которой будут развертываться предстоящие боевые действия, фактор времени и метеорологические условия. В операции, кроме того, учитываются характер операционного направления, экономическое состояние района предстоящих действий, наличие объектов оперативного значения, социально-политическая характеристика населения. При оценке тактической и оперативной обстановки всякий раз важно найти главные звенья, оказывающие решающее влияние на способы действий войск, применение сил и средств, характер осуществляемого войсками маневра, условия их взаимодействия и обеспечения.

Боевая обстановка оценивается не только по фактическому ее состоянию в данный момент, но и динамике, с учетом возможных изменений в соотношении сил сторон в ходе предстоящего боя, в характере действий противника и своих войск. Сказанное особенно важно в условиях ожидаемого применения противником ядерного оружия, последствием использования которого могут стать резкое и неожиданное изменение в положении и боеспособности подразделений (частей), возникновение кризисных ситуаций, создание зон разрушений и заражений.

В соответствии с выводами из уяснения задачи и оценки обстановки командир принимает решение на бой. В нем суммируется, подводится итог всей познавательной деятельности его и офицеров штаба. В решении на наступление обычно определяется группировка противника и устанавливаются последовательность и способы достижения главной цели — ее разгрома. В решении на оборону основу замысла составляют мероприятия по достижению высокой устойчивости и боевой активности обороняющихся подразделений (частей). С этой целью в наступлении и обороне выбираются направления (районы) сосредоточения основных усилий войск, определяются наиболее целесообразная их группировка, характер маневра сил и средств в ходе боя, боевые задачи подразделениям (частям) и порядок взаимодействия, а также основные мероприятия по всестороннему обеспечению предстоящих боевых действий и организации управления войсками.

Логическая последовательность военно-практического познания командиром и офицерами штаба боевой обстановки в совокупности с организацией их работы характеризуется как методика деятельности по управлению войсками в бою. Ее главное содержание составляют наиболее рациональные приемы и способы познавательной и организаторской деятельности, использование которых дает возможность командиру своевременно осуществлять сбор и обработку информации, принимать целесообразные решения в бою, быстро реагировать на изменения обстановки, уточнять в ходе боя задачи подразделений, восстанавливать их боеспособность в случае нанесения по ним противником ядерных ударов. Конкретное применение той или иной методики командиром и штабом зависит от многих условий. Однако во всех случаях она должна обеспечивать оптимальную организацию труда должностных лиц управления и штаба, своевременность получения информации, ее тщательный анализ, оперативность, гибкость и непрерывность управления войсками в целом.

Характерными чертами военно-научного познания являются: опора на диалектико-материалистическую методологию, достижения социальных и технических наук; широкий диапазон проводимых исследований; сложность и объемность военной проблематики; творческая активность, участие в военно-научной работе практически всех офицеров независимо от занимаемых должностей; высокая результативность в исследовании характера боевых действий войск с применением и без применения ядерного оружия; коллективность в разработке теоретических и практических задач; широкое использование математических методов и вычислительной техники.

Специфику процесса военно-научного познания, его содержание и характер можно глубоко уяснить, раскрывая особенности главного объекта исследования — явлений войны, ее конкретных форм (операции и боя), условий и способов их подготовки и ведения.

2. Особенности войны как объекта познания и условий ее отражения в военно-научных знаниях

Война как социально-историческое явление и своеобразная сфера общественной практической деятельности всегда была одним из наиболее сложных объектов

познания. Ныне произошли качественные изменения не только в содержании войны, но и в условиях ее познания. Это привело к значительному усложнению развития военной теории, военного строительства, практической деятельности командиров и штабов по руководству боевой и политической подготовкой войск и управлению ими в ходе боевых действий.

В отличие от других социальных процессов война имеет свою качественную особенность: она является продолжением политики государств, классов, наций насильственными средствами. Ее сущность проявляется через неразрывное единство политических целей и тех средств, с помощью которых они достигаются. Война имеет две стороны своего содержания: социально-политическую и военно-техническую (военно-стратегическую).

Социально-политическая сторона содержания войны характеризует ее политические цели, влияние на процесс общественного развития, те противоречия, наиболее острым средством разрешения которых данная война является. Военно-техническая (военно-стратегическая) сторона содержания войны выражает ее масштаб, применяемые средства вооруженной борьбы, способы ведения военных действий. Обе эти стороны содержания войны в их неразрывном единстве составляют главный объект военно-научного познания.

Военно-научное исследование прежде всего должно дать ответ на вопрос о возможных войнах современной эпохи, вскрыть их характер.

В современных условиях советская военная мысль дала научное решение указанного вопроса. В результате проведенных исследований выработано теоретически обоснованное представление о типах войн современной эпохи, политическом и стратегическом содержании различных как по характеру разрешаемых в них социальных противоречий, так и по масштабу и применяемым видам вооружений способов ведения войн.

В настоящее время возможно возникновение нескольких типов войн, каждый из которых характеризуется различием разрешаемых социальных противоречий, определение которых очень важно для познания их политического содержания. В. И. Ленин считал «ошибочным теоретически и вредным практически *не* различать типов войн» [1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 118.

При исследовании типов войн главное внимание обращается на выявление основного противоречия современной эпохи, расстановку социально-политических сил в мире, характеристику тех социальных сил (государств, классов, наций), столкновение которых выражает социально-политическое содержание данного типа войны. Основными типами войн современной эпохи являются: войны, ведущиеся между антагонистическими классами одного государства (гражданские войны); войны между империалистическими государствами и народами, борющимися за свое национальное освобождение и национальную независимость; войны между капиталистическими государствами; войны между государствами двух противоположных социальных систем — капиталистической и социалистической.

Военно-теоретическое познание социального характера и типов войн не может быть завершено, если не будет установлено главное — является ли данная конкретная война справедливой, прогрессивной или, напротив, несправедливой, реакционной. Как известно, в современную эпоху справедливыми, прогрессивными войнами являются войны за национальную независимость, демократию и социализм, войны в защиту социалистических завоеваний.

При исследовании военно-технической (военно-стратегической) стороны содержания войны устанавливается ее возможная масштабность, то есть будет ли это локальная война, ограниченная участием одного или нескольких государств, или мировая война — война между капиталистической и социалистической системами государств; какой будет война по применяемым средствам — с использованием только обычного оружия или с применением ядерного и обычного оружия, на каком этапе войны агрессор может ввести в действие ракетно-ядерные средства.

В практике военно-научного познания обе стороны содержания войны — социально-политическая и военно-техническая (военно-стратегическая) — рассматриваются в единстве. Это обеспечивает полноту их социального и стратегического анализа, дает возможность целенаправленно вести исследование, позволяет определить требования к подготовке вооруженных сил к войне, порядок их стратегического и мобилизационного развертывания, формы стратегических действий, оптимальную структуру системы гражданской обороны.

Вскрывая особенности и содержание современной войны, важно обращать особое внимание на ее взаимосвязь со всеми общественными процессами, со всеми видами социальной деятельности. Мировая война, если империализму удастся развязать ее, втянет в свою орбиту все население страны, всю ее территорию. Экономические, административно-политические центры станут объектами воздействия различных средств поражения, в том числе ракетно-ядерного оружия. В возможной мировой войне победа будет в значительно большей степени, чем в прошлом, зависеть от морально-политического состояния народа, его духовной стойкости, организованности, мужества, живучести экономики и т. д. Все это означает расширение объекта военно-научного познания и, следовательно, усложнение структуры военно-научных знаний, обусловливает возникновение ряда смежных с военной наукой дисциплин.

На характер военно-научного исследования определяющее влияние оказывает специфика законов войны, которая представляет двусторонний процесс, наиболее острую форму социальной борьбы. В ней каждая из противоборствующих сторон преследует решительные цели, предпринимает все меры по дезорганизации действий противника, применяет многообразный арсенал сил и средств поражения. Эта особенность войны как объекта познания приобретает в современных условиях новое качество, оказывая существенное влияние на развитие военной теории, содержание управления войсками.

Вторая мировая война вскрыла наиболее характерный и особенно опасный способ развязывания войны, применяемый империалистическим агрессором,— вероломное нападение. Расчет при этом делался на сокрушающую мощь первого внезапного удара, психологически ошеломляющие действия с целью дезорганизации государственного и военного управления, подрыва моральной стойкости народа. Существующие ныне средства вооруженной борьбы открывают широкие возможности для достижения стратегической внезапности, ликвидировать последствия которой становится необычайно трудно. Исходя из этого перед военной теорией и практикой с особой остротой встает вопрос предотвращения внезапности, дальнейшего совершенствования высокой боеготовности вооруженных сил. Процесс этот многообъемный и непрерывный. Изыскание эффективных путей совершенствования боевой готовности

войск — одна из самых насущных задач военно-научного исследования.

Качественные процессы, происходящие в вооруженных силах, резкое возрастание огневой мощи и маневренности войск и сил флота дают возможность каждой из противоборствующих сторон резко и быстро менять соотношение сил на фронте, наносить мощные и стремительные удары на всю глубину расположения противника, в короткие сроки захватывать инициативу действий и прочно удерживать ее в своих руках. Эта особенность войны как двустороннего процесса, ее динамичность и маневренность оказывают существенное влияние на теорию и практику военно-научного познания, на деятельность органов управления — командиров и штабов. Ни одна профессия, кроме военной, не имеет дела с объектом, который активно и сознательно противодействует достижению намеченной цели другой стороной. А. Эйнштейн указывал, что природа сложна для познания, но она не злонамеренна. Специфичность военно-научного познания как раз и состоит в том, что противник всегда проявляет злонамеренность, стремится сорвать планы противоборствующей стороны, навязать ей свою волю.

Противодействие противника, маскировка им своих замыслов, сил и средств, возможность внезапного нанесения огневых и ядерных ударов по нашим войскам обусловливают известную тактическую неопределенность боевой обстановки. Получаемые командиром знания о ней всегда будут характеризоваться неполнотой, быстрой изменчивостью, устареванием. Кроме того, и те данные, которыми располагает командир, имеют различную степень истинности, в соответствии с чем их можно расценивать как достоверные, вероятные, сомнительные или ложные. Установить истинность, достоверность добываемых сведений, восполнить недостающие данные информации не всегда представляется возможным, тогда как управлять войсками требуется непрерывно и решение принимать своевременно. Тактическое искусство командира в том и состоит, чтобы уметь по неполным, отрывочным, порой противоречивым данным воссоздать истинную картину боя, принять безошибочное решение, твердо держать нить управления в своих руках.

В боевых действиях, как ни в каких других видах практической деятельности, первостепенное значение име-

ет временной фактор. Процесс управления войсками характеризуется противоречием между увеличивающимся потоком информации и все большим сокращением времени для ее анализа, обобщения и принятия решения. В связи с этим перед военно-научным исследованием встает задача изыскать эффективные пути разрешения данного противоречия, правильно оценивать фактор времени в интересах повышения боевой готовности подразделений (частей), успешной организации боевых действий, совершенствования методов боевой и политической подготовки войск.

На познавательную деятельность командира в боевой обстановке существенное влияние оказывают и постоянная опасность для жизни, высокая степень ответственности за принимаемые решения. Таким образом, исследование психологического фактора в бою также является важным предметом военно-научного познания.

Одна из особенностей войн состоит в том, что государства не ведут их непрерывно. После окончания войны наступает мир. Однако и в промежутках между войнами происходят изменения в социально-политической обстановке, совершенствуются оружие и боевая техника. Все это оказывает непосредственное воздействие на характер предстоящей войны и способы ее ведения. Эта особенность присуща всем войнам прошлого и настоящего. Однако ее влияние на развитие военной мысли далеко не всегда проявлялось одинаково. Историческая тенденция такова: по мере общественного прогресса действие рассматриваемой особенности все больше и больше усиливалось, при этом неизбежно усложнялся процесс развития военной теории и практики.

Современная эпоха, характеризующаяся целым рядом новых социальных факторов, огромным влиянием научно-технической революции на развитие военного дела, обусловила качественные изменения технических средств ведения военных действий. Поэтому война, если империалисты развяжут ее, по применяемым средствам и характеру их боевого использования будет во многом отличаться от предшествующих войн. Это выдвигает перед военной теорией небывало сложную задачу — еще в мирное время изыскать такие формы и способы оперативных и тактических действий, которые бы соответствовали новым условиям, новым требованиям военного искусства,

В этой связи возникает вопрос об отношении к опыту прошлых войн, и в частности к опыту Великой Отечественной войны. В настоящее время в связи с революцией в военном деле практика прошлой войны не может служить достаточной основой для развития военной науки. Необходимы поиски новых решений, новый горизонт прогнозов во всех сферах военного строительства с учетом современной материальной базы войны. Разумеется, многое из опыта прошлых войн остается жизненным в настоящее время и учитывается в процессе развития военной теории.

Дифференцированный, диалектический подход требуется и к опыту современных локальных войн, поскольку их политические и стратегические цели, размах и масштабность, способы ведения не во всем могут предвосхитить характер военных действий возможной мировой ракетно-ядерной войны.

Определенной базой военно-научного исследования является практика войсковых и опытных учений, приближающаяся к реальным условиям боя. Но и здесь необходимо учитывать, что военная практика мирного времени является лишь довольно ограниченной моделью практики ведения возможной войны.

Особое значение в военно-научном исследовании приобретают ныне точность прогнозирования процессов войны, объективная истинность теоретических выводов. В период длительных войн в прошлом воюющие стороны могли в ходе их ведения устранять недочеты в военной теории, разработанной до начала войны. В настоящее время рассчитывать на нечто подобное крайне опасно. Военная теория должна быть разработана в ее наиболее совершенном виде и внедрена в практику подготовки войск до начала ведения военных действий.

Рассмотренные особенности современной войны определяют специфические условия развития военной теории, делают военно-научное исследование одним из наиболее сложных видов исследовательской деятельности. В равной степени они же усложняют и процесс военно-практического познания в ходе ведения военных действий.

На содержание процесса научного познания существенное влияние оказывают не только специфика отражаемого объекта, но и уровень знаний о нем, степень проникновения в его сущность. В настоящее время советская

военная наука достигла высокого уровня своего развития, занимает передовые рубежи в мировой военной науке. Но процесс ее совершенствования продолжается, развиваются и методы военно-научного познания, опирающиеся на достигнутый уровень военно-научных знаний. Метод познания в своем конкретном проявлении, как об этом говорилось ранее, есть не что иное, как применение имеющихся знаний для их дальнейшего наращивания и обогащения.

Уровень и содержание военно-научных знаний на современном этапе существенно отличаются от военной мысли прошлого. Иной характер в настоящее время носит и познавательная деятельность военных кадров. Поэтому в процессе военно-научного познания, применения методов исследования к решению теоретических и практических задач важно учитывать уровень и основные черты современного этапа военно-научного знания.

3. Уровень и основные черты современного этапа военно-научных знаний и их влияние на процесс военно-научного познания

Содержание военно-научных знаний, их уровень и основные черты на том или ином этапе исторического развития определяются характером объективных процессов войны, направленностью военно-научного исследования, теми задачами, которые ставятся перед военной наукой, степенью ее проникновения в сущность исследуемых процессов.

Одной из характерных тенденций развития военных знаний является неуклонное расширение их объема, возникновение новых отраслей, новых военно-теоретических дисциплин. Данный процесс отражает усложнение самой войны, возрастание ее взаимодействия со всеми сторонами общественной жизни. В свою очередь, все это обусловливает соответствующую взаимосвязь военной науки с философией, социальными, техническими и естественными науками.

Важнейшей особенностью современного этапа военно-научных знаний является то, что они находятся в сложной взаимосвязи с общесоциологическими, общественными знаниями, а также с многими естественными и техническими науками.

Общесоциологический аспект войны, ее место и значение в жизни общества, влияние на процесс общественного развития, закономерные связи войны с политикой, экономикой, идеологией, социально-политический характер войн и ряд других социальных проблем войны отражаются в содержании **марксистско-ленинского учения о войне и армии.** Решая общие социологические проблемы войны, эта область знания, как и марксизм-ленинизм в целом, выступает методологической основой советской военной науки, воинского воспитания, идейным оружием в борьбе против антинаучных взглядов на войну и армию.

Наиболее концентрированное выражение военно-научные знания получают в советской **военной доктрине,** которая представляет собой систему научно обоснованных взглядов на сущность, характер и способы ведения войны, а также на требования к военному строительству, подготовке вооруженных сил и страны к разгрому агрессора. Свое конкретное проявление советская военная доктрина находит в теории и практике строительства вооруженных сил, в стратегии, оперативном искусстве и тактике.

В системе военно-научных знаний **стратегия** выступает как высшая сфера, главная составная часть военного искусства, охватывающая вопросы теории и практики подготовки армии и флота к войне, ее планирования и ведения, использования видов вооруженных сил и руководства ими. Занимая высшую ступеньку в иерархической лестнице военного искусства, стратегия определяет направление развития оперативного искусства и тактики. Состояние, уровень развития стратегии — это, по существу, главный показатель уровня развития военного искусства в целом.

Промежуточное звено между стратегией и тактикой — **оперативное искусство** решает проблемы подготовки и ведения совместных и самостоятельных операций и боевых действий оперативных объединений, видов вооруженных сил на театрах военных действий, стратегических направлениях. В отличие от стратегии, которая как научная дисциплина является единой, оперативное искусство дифференцируется по видам вооруженных сил.

Следующий составной элемент военного искусства — **тактика** — охватывает теорию и практику боя подразде-

лений, частей, соединений. Она соответственно дифференцируется по родам войск и специальных войск. По существу, каждый из родов войск и специальных войск видов вооруженных сил имеет свою тактику. Она более подвижна, динамична в своем развитии, быстро отзывается на все изменения в материальных средствах ведения войны, в личном составе. Изучение тактики особенно важно для военных кадров.

В настоящее время в качестве относительно самостоятельных отраслей военной теории можно рассматривать и такие, как теория строительства вооруженных сил, теория управления войсками, теория гражданской обороны и др.

В современных условиях война, как известно, оказывает исключительно большое влияние на все стороны жизни общества, охватывает многие процессы — военно-социальные и военно-технические.

К военно-социальным процессам относятся экономическое обеспечение ведения войны, морально-политическая и психологическая подготовка народа и личного состава вооруженных сил и др. Необходимость глубокого исследования подобного рода процессов обусловила появление таких **военно-социальных наук,** как теория партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах, теория военной экономики, военная психология, военная педагогика, военно-юридические науки. Они отражают процессы, занимающие пограничное положение между военной деятельностью и соответствующими видами невоенной деятельности, и по своему содержанию входят, с одной стороны, в состав военной науки, а с другой — в специальные отрасли соответствующих наук.

Для ведения войны необходимы производство оружия и боевой техники, обеспечивающих средств, строительство различных сооружений, военных объектов и т. д. Особенность этих видов деятельности состоит в том, что они являются преобразованными применительно к целям войны видами технической деятельности, каждый из которых отражается в содержании соответствующих **военно-технических наук.**

Военно-научные знания включают в свое содержание комплекс **военно-исторических наук:** историю войн, историю военного искусства, историю развития того или иного оружия и вида военной техники, историю строительства вооруженных сил и т. д.

Подготовка страны к войне, ведение военных действий, военное строительство связаны в той или иной степени с использованием всего арсенала научных знаний. Причем некоторые из них в силу непосредственной близости к военному делу выделяются в систему **военно-специальных наук,** к числу которых можно отнести, например, военную географию, военно-прикладные разделы геофизики, военную геодезию, военную топографию, военную навигацию, военную метеорологию и др.

Структура военно-научных знаний, будучи сложной, неразрывно взаимосвязанной системой различных отраслей, имеет единую объективную основу, ибо они отражают в своем содержании один главный объект — войну как целостный процесс, с общими и частными закономерностями, выражающими ее различные связи и отношения, тенденции развития. Все направления военно-научного познания, каких бы сторон и взаимосвязей войны они ни касались, имеют единую целевую направленность — всемерное повышение оборонного могущества нашей Родины, уровня боевой и политической подготовки войск, теории и практики управления войсками в операции, бою, укрепление мощи и боеспособности Советских Вооруженных Сил.

Единство военно-научных знаний определяет комплексный характер разработки военно-научных проблем. В настоящее время нельзя, например, совершенствовать систему и методы управления войсками, не опираясь на знание стратегии, оперативного искусства, тактики, кибернетики, психологии и других научных дисциплин. В равной степени невозможно квалифицированно решать проблемы военной психологии без учета знаний основ современного боя, его многостороннего влияния на психику человека, боевых свойств оружия и техники.

Необходимость комплексного подхода к решению военно-научных проблем определяется и тем, что, как указывается в Отчете Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии, «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере» [1].

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

Единство и взаимосвязь различных отраслей военно-научных знаний оказывают существенное влияние и на методы военно-научного познания, их использование в решении конкретных военно-научных проблем. В настоящее время широкое применение в военно-научных исследованиях получила комплексная методика с широким использованием моделирования, исследования операций, методов системного анализа и др. Однако следует подчеркнуть, что только знание общих методов военно-научного познания, общих закономерностей войны может служить исходной предпосылкой успешного решения частных военно-научных проблем.

Одной из главных тенденций развития военной науки является ее все более глубокое проникновение во внутренние связи и отношения войны, обнаружение сущности военных процессов. Эта тенденция проявляется в раскрытии фундаментальных законов, лежащих в основе функционирования и развития войны и ее конкретных проявлений.

Характерной чертой современной советской военной науки является сочетание в ней признаков фундаментальной и прикладной наук. В истории развития военной теории знания о войне стали научными лишь на определенном этапе общественного прогресса. Это оказалось возможным тогда, когда был накоплен достаточный уровень эмпирических знаний о военном строительстве, способах ведения войны, необходимых для их систематизации и теоретического обобщения, а главное, когда были созданы научное мировоззрение, научная методология познания — диалектический и исторический материализм.

С начала своего возникновения и примерно до конца XVIII века военная наука в основном носила эмпирический характер. Единственной базой для обобщения был накапливаемый практический боевой опыт. Сами обобщения носили обычно характер практических рекомендаций, которые формировались как принципы военного искусства.

На определенном этапе своего развития, когда был накоплен достаточный эмпирический материал для теоретического обобщения, когда в военно-научном познании стали применяться методы всестороннего анализа и абстрагирования, военная наука смогла приступить к раскрытию сущности войны, обнаружению ее закономер-

ных связей и отношений. Иначе говоря, военная наука стала складываться как теоретическая наука.

Дальнейшее развитие военно-научных знаний с этого переломного периода шло в направлении все более глубоких и целеустремленных исследований военных процессов, открытия фундаментальных законов войны, дифференциации военного искусства, образования в его составе самостоятельных военно-теоретических дисциплин — стратегии, тактики, а в последующем и выделения промежуточного элемента в военном искусстве — оперативного искусства.

Советская военная наука, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и обобщенный многовековой опыт прошлых войн, Великой Отечественной войны в особенности, наиболее полно и глубоко раскрыла объективные законы войны, ведения военных действий, разработала научно обоснованные принципы военного строительства, военного искусства, действенные методы обучения и воспитания советских воинов, обеспечивающие постоянную высокую боеготовность Советских Вооруженных Сил. Все это означает, что советская военная наука стала фундаментальной теоретической наукой, но в то же время она является и прикладной наукой — практическим руководством для советских военных кадров.

Решение фундаментальных проблем военной науки является базой развития прикладных военно-научных знаний. XXV съезд КПСС особо подчеркнул необходимость усиления внимания к фундаментальным исследованиям. «Мы прекрасно знаем,— говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования» [1].

Фундаментальные военно-научные знания нужны не только для решения прикладных военно-научных проблем. Они являются необходимой базой, ориентиром для расширения военно-теоретического кругозора военных кадров, научного подхода к решению задач по управлению войсками, повышения качества и эффективности боевой учебы, совершенствования боевого мастерства советских воинов.

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 48.

Научная разработка многих фундаментальных современных военно-научных проблем, например раскрытие объективных законов войны, операции, боя, механизма их действия и форм проявления, не может, естественно, базироваться на эмпирических методах наблюдения и эксперимента. Для их решения требуется дальнейшее совершенствование теоретических — модельных, комплексных методов исследовательской деятельности, использование всех новейших достижений научной мысли.

Особую важность фундаментальные военно-научные исследования приобретают в прогнозировании характера будущей войны, изыскании наиболее эффективных способов ее ведения, определении магистральных направлений строительства вооруженных сил.

По своей сути **военная наука является наукой о будущей войне.** В прошлом, когда социальные изменения в обществе, а также развитие материальных средств войны происходили медленными темпами, содержание военной науки во многом основывалось на военном опыте. Однако уже первая мировая война показала, что в век интенсивного прогресса подобного рода знаний оказывается недостаточно для решения военных задач. В ходе этой войны генеральным штабам потребовалось практически заново планировать операции, вырабатывать новые стратегические концепции. Вторая мировая война также внесла существенные коррективы в разработанные накануне ее военно-теоретические взгляды, особенно это касается армий капиталистических государств. Большие качественные изменения, происшедшие в общественной жизни в период после второй мировой войны, революция в военном деле требуют глубокого и точного прогнозирования, научно обоснованных оперативно-стратегических расчетов, гибкого планирования операций, реальной оценки складывающейся военно-политической обстановки в мире, соотношения сил, оценки театров военных действий.

Содержание современной советской военной науки объективно и полно отражает процессы будущей войны, основывается на всестороннем военно-теоретическом предвидении. Задача эта необычайно трудная: предвидение вообще сложный процесс, а военное — в особенности. Здесь многие факторы могут осложнить прогноз, предъявить к нему целый ряд дополнительных требований, связанных с глубоким знанием основ оперативного искус-

ства и тактики, боевых качеств оружия и техники, взглядов вероятного противника, принципов взаимодействия и обеспечения действий войск.

Способность к военно-научному предвидению является важнейшим качеством советских командиров, а формирование этого качества — одна из насущных задач боевой подготовки. Подчеркивая необходимость и важность предвидения, надо вместе с тем остерегаться беспочвенного гадания, благих пожеланий. «Нельзя делать иллюзий,— отмечал В. И. Ленин,— создавать себе мифы — материалистическое понимание истории и классовая точка зрения безусловно враждебны этому» [1].

Предпосылкой научного военного предвидения является существование объективных законов общественного развития, объективных законов войны, действие которых определяет внутреннюю логику развития социальных, военных процессов. Только обнаружив, уяснив эту объективную логику развития военного дела и отразив ее в военной теории, можно раскрыть перспективы его развития, увидеть в настоящем зачатки будущего.

Знание содержания и механизма действия всей совокупности объективных законов войны дает возможность предвидеть основную тенденцию развития военного дела, его направляющую перспективу. В этом отношении в вопросах военного строительства предвидение должно быть однозначным, определенным, точным. Именно эта однозначность и обоснованность военного предвидения создает уверенность в правильном выборе пути. Подчеркивая необходимость однозначного научного прогноза, В. И. Ленин писал: «Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса» [2].

Если же предвидение касается характера возможных конкретных событий, ситуаций в условиях действия противоположно направленных сил и тенденций, то оно не всегда может быть однозначным. Предвидение в этом случае должно дать характеристику возможных вариантов событий, как благоприятных, так и неблагоприятных.

В ряде случаев возникает необходимость предвидеть не только наиболее вероятные формы конкретных собы-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 220.
[2] Там же, т. 11, с. 93.

тий, но и все возможные другие ситуации. При исследовании будущего необходимо считаться со всеми возможными, даже вообще мыслимыми комбинациями. Предвидение возможной разновариантности событий имеет очень важное значение для практической военной деятельности. Во-первых, надо быть готовым к возможности наступления того или иного события. Во-вторых, необходимо создавать условия для наступления наиболее благоприятных для нас событий, иначе говоря, изменять конкретную форму действия объективной тенденции в желательном для нас направлении.

Указывая на необходимость предвидения всех мыслимых комбинаций, необходимо иметь в виду, что «попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством»[1]. Эта невозможность предвидения событий с полной точностью не подрывает объективных основ практической военной деятельности, но требует в каждом конкретном случае внимательно следить за ходом событий, чувствовать обстановку, «пульс боя», активно действовать при решении возникающих задач, проявляя инициативу и творчество.

Конечно, всего заранее предвидеть нельзя. С точки зрения глубины и характера предвидения явлений войны, видимо, целесообразно разграничить военно-теоретическое предвидение на два уровня. Первый — предвидение условий возникновения, хода и способов ведения войны при ныне существующем оружии и боевой технике, при данном соотношении сил. Второй — предвидение перспектив развития вооруженных сил, возможности возникновения качественно нового их этапа, изменения социально-политической обстановки в мире.

К числу задач военного предвидения первого уровня следует отнести обоснование возможного времени развязывания войны агрессором; прогнозирование возможного способа развязывания войны агрессором, масштабов применения различных сил и средств в ее начале; определение вероятного хода войны, ее возможных этапов, способов ведения. При этом важно с большей степенью вероятности предвидеть изменения в соотношении сил и средств сторон, возможность возникновения кризисных ситуаций. Решение этих задач дает возможность сформулировать

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 378—379.

обоснованные научные рекомендации по кардинальным проблемам военного строительства, развития военной теории.

Второй уровень военно-научного предвидения также включает решение, по крайней мере, трех важнейших задач. Первая — определение направления военно-технического прогресса, путей совершенствования ныне существующих и появления качественно новых видов вооружений. Вторая — выявление путей дальнейшего изменения структуры вооруженных сил, соотношения родов войск, средств нападения и защиты. Третья — определение перспективных проблем, направленных на повышение боевой готовности войск в соответствии с характером будущей войны. Решение этих задач является теоретической предпосылкой долгосрочного планирования развития вооруженных сил.

Поскольку военно-теоретическое предвидение и практическая деятельность по его реализации тесно взаимосвязаны между собой, военно-научное исследование должно: добиться максимально возможной точности предвидения, его достоверности; своевременно выявлять новые тенденции, чтобы обеспечить внесение коррективов в разработанные планы; учитывать достижения науки и техники для совершенствования самой методики прогнозирования. Соблюдение этих требований является важнейшим условием совершенствования военной теории, разработки конкретных практических рекомендаций по дальнейшему повышению боевой готовности соединений, частей, подразделений.

Быстрое развитие материальных средств войны, непрерывно происходящие изменения в социально-политической обстановке, сложность процесса военно-научного познания, необходимость научного предвидения будущего требуют от военных кадров постоянного совершенствования военно-научных знаний, творческого подхода к решению военно-научных проблем.

Глава III

ТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Методологические основы военно-научного творчества

Творчество в широком его понимании выражается в создании новых общественно необходимых материальных и духовных ценностей, новых способов их получения на основе накопленного человечеством опыта, знаний. Новое в познании возникает тогда, когда становится очевидно, что имеющиеся знания недостаточны для обеспечения успеха практической деятельности, или когда обнаруживаются факты, которые не укладываются в рамки имеющихся представлений и не могут быть объяснены на основе существующей теории. Новое знание утверждается и получает свое распространение в том случае, если подтверждается в эксперименте, делает более эффективными способы решения практических задач. Поэтому не всякое новое знание, отличающееся от ныне существующего, может считаться истинно новым. XXV съезд КПСС отметил, что новыми видами продукции надо считать не те, которые в отчетах фигурируют как новые лишь по дате выпуска, а такие, которые являются новыми по их техническому уровню. Новое есть то, что имеет общественно полезную значимость, двигает науку и практику вперед, по пути прогресса.

Творческая деятельность многогранна в своих проявлениях. Творчеством в военно-научной деятельности является обнаружение новых законов и закономерностей в военных процессах, раскрытие механизма их действия и разработка на этой основе новых военно-теоретических взглядов, новых оперативных и тактических концепций. В практической деятельности командиров и штабов твор-

чество проявляется в совершенствовании организационной структуры войск и методов управления, внедрении новых способов ведения боевых действий, новых путей повышения боевой готовности войск, обучения и воспитания личного состава.

Творчество, новаторство в решении как теоретических, так и практических задач всегда были важнейшим условием общественного прогресса. Еще на заре социалистического строительства в нашей стране В. И. Ленин обращал внимание на необходимость «не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непременно дальше,* добиваться *непременно большего...* Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве» [1].

Общая закономерность общественного развития такова, что, чем быстрее прогрессирует наука и техника, изменяются производственные и социальные отношения, тем большую роль играет творческая деятельность людей в создании материальных благ и духовных ценностей общества. «На нынешнем этапе развития страны, — указывается в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС, — потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей» [2]. Без научного творчества невозможно ускорение научно-технического прогресса как одной из первоочередных задач, поставленных партией. В свою очередь, дальнейшее повышение эффективности научных исследований зависит от творческой активности научных работников.

Военная деятельность во всей ее сложности и многообразии всегда требовала от командиров, штабов, всего личного состава армии проявления максимальных творческих способностей, смелого новаторства, изобретательства. Искусное ведение боя, достижение победы над врагом равными и меньшими силами, не числом, а умением, характеризуется как тактическое искусство, которое, как всякое искусство, немыслимо без творческого начала, без изыскания новых тактических приемов и способов. Особенно возрастает значение творчества на современном

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 196.
[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

этапе развития военного дела. Это определяется ускорением темпов его совершенствования, возникновением новых проблем, требующих творческого подхода к их решению, усложнением теоретической и практической военной деятельности.

Возрастание значения творческой стороны деятельности людей обусловило необходимость раскрытия сущности творческого процесса, его методологических и психологических основ, практических путей осуществления. Не случайно поэтому ныне появляется большое количество трудов, посвященных анализу творческого процесса, отысканию путей повышения эффективности научной деятельности.

Научной методологической предпосылкой подхода к раскрытию характера творчества является диалектико-материалистическое понимание сущности познания как **активного** процесса отражения действительности в сознании человечества на основе его практической преобразующей деятельности.

Эта активность, целенаправленность нашего сознания и являются основой творчества, условием, дающим человеку возможность изменять мир сообразно своим целям и практическим потребностям. Отражая действительность через призму своих внутренних потребностей, человек познает те ее связи и отношения, которые облегчают или затрудняют их реализацию, создает такой мысленный план действий, который в максимальной степени способствует достижению поставленных целей.

В процессе практической деятельности, осуществляемой на основе мысленного (идеального) образа действий, обнаруживаются те или иные непредусмотренные препятствия, создающие проблемную ситуацию. В ходе познания человек намечает пути их устранения. Например, использование зенитных прожекторов в Берлинской операции для ослепления противника в ночной атаке, проводимой нашими войсками, явилось творчеством. Это творчество было обусловлено определенными потребностями — необходимостью прорыва сильно укрепленной обороны противника и стремлением ошеломить врага, усилить психологический эффект удара.

Человек может преобразовывать, изменять мир согласно своим целям и идеалам, основанным на познанных объективных законах, действующих в мире и отраженных

в его сознании. Творить можно только на основе познанной объективной закономерности.

Современная теория построения боевых порядков частей и подразделений в общевойсковом бою с применением ядерного оружия является новой идеальной конструкцией, возможной моделью боя. Подобных боев и построений боевого порядка не существовало и не существует в действительности. Их создание — результат научного творческого воображения. Вместе с тем эта мысленная конструкция, модель боя и боевых порядков, представляет идеальное отражение реально существующих элементов — имеющегося оружия, техники, средств управления и обеспечения, уровня подготовки личного состава — в соответствии с реально существующей потребностью решать проблемные вопросы тактики в новых условиях.

Сердцевиной научного творчества является возникновение новой идеи, которая и кладется в основу открытия ранее неизвестных связей и отношений, разработки новых способов практической деятельности. Идеалистическая философия рассматривает возникновение новой идеи как результат интуиции, которая понимается как сверхъестественное озарение — «инсайт». Реакционная сущность этой концепции очевидна. Отрицая аргументацию и доказательство, буржуазные философы создают благоприятную почву для процветания антиинтеллектуализма, псевдонаук и т. д.

Диалектико-материалистическая теория познания дает научное определение интуиции, ее признаков и роли в познании. Интуиция является одной из форм неосознанного отражения действительности, связанной с проявлением мыслительной деятельности субъекта; она есть не что иное, как неосознанная человеком деятельность мышления по переработке и обобщению приобретенной информации. Иначе говоря, интуиция означает своеобразное перескакивание этапов строго логического рассуждения. Основная тенденция интуитивного познания — «свернутое» восприятие проблемы в целом.

Интуитивное нельзя ни противопоставлять логическому, ни отрывать от него. Они тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, при ведущей роли сознательного, логического. Знание, опыт являются исходной предпосылкой для интуитивного познания. Сознательное, логическое мышление направляет неосознанные интуитивные

процессы в условиях, когда человек оказывается в проблемной ситуации, настоятельно вызывающей потребность в новом знании, в выходе за пределы имеющихся представлений.

Особенность интуитивного познания состоит в скачке через последовательные звенья логического строя мыслительного процесса. Поэтому процесс интуитивного познания не формализуется, для него невозможно выработать определенную логическую формулу. Все звенья мыслительного процесса в данном случае как бы сливаются воедино. Все это обусловливает как бы внезапное получение интуитивного вывода, являющегося результатом синтетической деятельности мышления, одновременным, мгновенным учетом множества данных и факторов.

Интуиция играет исключительно важную роль в военной деятельности, в военно-научном познании. Можно даже сказать больше: для военного деятеля способность к интуитивному познанию особенно необходима. «Для того чтобы быть хорошим стратегом, — писал М. В. Фрунзе, — одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы» [1]. Небезынтересно отметить, что В. И. Ленин при характеристике полководческой деятельности С. М. Буденного говорил: «Он обладает замечательным стратегическим инстинктом» [2]. В своих выступлениях В. И. Ленин неоднократно употреблял выражения «пролетарский инстинкт», «классовое чутье».

Важность интуитивного познания в процессе боевой деятельности, возникновения замысла и принятия решения на бой определяется тремя обстоятельствами: наличием большого количества данных об обстановке, на основе анализа и оценки которых принимается решение; всегда существующей неполнотой этих данных, потребностью в их пополнении и уточнении; ограниченностью времени, которым располагает командир для принятия реше-

---

[1] Фрунзе М. В. Избр. произв., т. 2. М., 1957, с. 198.
[2] Незабываемый Ленин. Сборник воспоминаний. М., 1958, с. 80.

ния и постановки задач подчиненным. Вполне понятно, что в этих условиях интуиция выступает одним из необходимых моментов управления войсками. Поэтому выработка у командных кадров способности к интуитивной оценке обстановки и принятию решений является важным направлением формирования их оперативно-тактического мышления.

В неменьшей мере необходима для военных кадров интуиция в процессе развития и совершенствования военной теории. Как известно, разработка новых способов ведения боевых действий всегда опирается на всю сумму предшествующих знаний о характере операции, боя, на их логический анализ и умение сделать обоснованные выводы и предположения. Вместе с тем существование качественно новых средств ведения боя, нового оружия и техники с необходимостью требует разработки принципиально новых способов и методов их боевого применения. Решение этого вопроса предопределяет поиск новых вариантов выполнения боевых задач. Интуиция в данном случае выступает одним из важнейших средств получения нового знания, разработки новой тактики.

Разумеется, полученное интуитивным путем знание само по себе еще не является научным знанием. Интуитивно возникшая идея — научный импульс — нуждается в рациональном обосновании и экспериментальной, практической проверке, после которой интуитивное знание становится достоянием науки. В военно-теоретической области это важно учитывать при обобщении практики учений, опыта боевой учебы.

В условиях боевой деятельности не всегда есть возможность дать логическое обоснование интуитивному знанию — командирскому «озарению». Во многих случаях принятое таким способом решение подлежит практической реализации до его логического обоснования. Это, в свою очередь, требует от командира глубоких теоретических знаний и практического опыта, поскольку способность к интуитивному военно-научному познанию имеет своей предпосылкой творческий теоретический и практический интеллект, глубокую эрудицию и широкий оперативно-тактический кругозор. Все перечисленные качества командира являются условием развития интуитивного познания — формирования богатого и разностороннего логического интеллекта.

Являясь важнейшим элементом познания, творчество имеет некоторые специфические особенности своего проявления как в развитии военной теории (военно-научное исследование), так и в процессе практической командирской деятельности.

2. Творческий характер процесса военно-научного исследования

Научное исследование характеризуется целым рядом признаков, отличающих его от познания в ходе практической командирской деятельности. Оно обязательно связано с открытием нового в изучаемом процессе, обнаружением таких его свойств, особенностей, закономерностей, которые еще не нашли отражения в военной теории. Конечно, не каждый результат научного исследования носит характер открытия. Однако любое исследование должно вносить известный вклад в развитие научных знаний, способствовать его обогащению новыми фактами, теоретическими выводами, практическими рекомендациями, давать толчок прогрессу военного дела.

Характерной чертой творческой деятельности являются новизна и оригинальность путей и методов решения научной проблемы. Поскольку исследование не сводится к решению типовой задачи, то всякий раз это поиск неизведанного, движение по непроложенным маршрутам. Путь научного открытия невозможно во всех деталях определить заранее, ибо он является итогом творческой деятельности. Для научного исследования в известной степени характерна и неопределенность ожидаемых результатов.

Сложность процесса научного творчества определяется следующим обстоятельством. Опираясь на достижения всей суммы накопленных научных знаний об исследуемой области действительности, оно в то же время выходит за пределы имеющихся теоретических принципов и опытных данных.

Одна из отличительных особенностей военно-научного творчества обусловливается характером самого военного искусства как искусства ведения будущих операций, боев, реального практического опыта ведения которых ни одна армия мира не имеет. В этом случае творческое решение той или иной военно-научной проблемы опирается на раз-

породный, противоречивый по своей значимости теоретический и эмпирический материал. Разумеется, одним из исходных данных для военно-научного творчества являются военно-теоретические концепции, выработанные на основе обобщения опыта прошлых войн. Однако эти взгляды могут не соответствовать теоретическим прогнозам, а также фактам, получаемым в ходе войсковых и исследовательских учений, обобщения практики ведения современных локальных войн. Поэтому творческое решение военных научных проблем — дело специфическое и сложное.

При этом творческие поиски в военно-научной области связаны с оценкой качественного состояния не только своих подразделений, своего оружия и техники, но и тактики действий вероятного противника, боевой и технической оснащенности его подразделений, сопоставлением боевых потенциалов сторон. Например, нельзя разработать теорию ведения боя вне учета замыслов противоборствующей стороны. Вместе с тем получение искомых данных всегда носит прогностический характер, что усложняет процесс военно-научного творчества.

Главная особенность военно-научного творчества, касающегося решения проблем ведения возможных боевых действий, заключается в сложности, а подчас и невозможности в мирное время практического доказательства полученных результатов. Данное обстоятельство может послужить основой как для отрицания всего нового, выходящего за рамки обычных представлений, уже сложившегося опыта, так и для необоснованного прожектерства. Новое знание потому и называется новым, что оно выходит за пределы имеющихся концепций, утвердившихся положений, взглядов. Поэтому, в силу определенной стабильности человеческого мышления, оно довольно трудно воспринимается другими.

Будучи обоснованным, новое знание в военной теории должно быть не только воспринято, но и возможно быстрее внедрено в практику боевой подготовки войск. Отсюда вытекает важность самого внимательного отношения к результатам творческой научной деятельности. Нельзя отвергать, что называется, с кондачка то новое, что не укладывается в рамки сложившихся представлений. Критическая оценка и восприятие нового предполагают преодоление психологического барьера в мышлении воен-

ных кадров. Формирование чувства нового, способности к его восприятию, смелости мысли, стремления к поискам, дерзаниям — важная задача воинского воспитания.

В связи с этим следовало бы указать еще на одну черту военно-научного творчества. Особенность военной науки состоит в том, что достигнутые военные знания, проверенные практикой, теоретическими расчетами, фиксируются, закрепляются в соответствующих уставах, наставлениях и других документах в виде рекомендаций, принципов, положений, следование которым обязательно. Это обусловлено самой спецификой военной деятельности, которая особенно требует единства взглядов, воли и действий.

Безусловно, данное обстоятельство имеет и свою отрицательную сторону, поскольку до некоторой степени абсолютизирует существующее, способствует догматизации мышления. Творческая военно-научная мысль не должна быть скована раз и навсегда установленными нормативами, канонами, так как это неизбежно ограничивает мысль, обедняет ее, ведет к схематизму и шаблону.

Важнейшим условием творческого решения теоретической военно-научной проблемы, возникновения новой идеи является фантазия. «Эта способность чрезвычайно ценна, — отмечал в свое время В. И. Ленин. — Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [1] По выражению В. И. Ленина, «нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке...» [2].

Творческое решение любой военно-теоретической проблемы, связанной с определением характера возможной модели операции, боя и способов их ведения, требует определенных эмпирических данных, которые невозможно в законченном виде получить в настоящее время. Эту недостаточность эмпирического материала и должна восполнить сила творческого воображения. Конечно, фантазия в военной науке, как и любая научная фантазия, не должна отрываться от фактов реальной действительно-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 125.
[2] Там же, т. 29, с. 330.

сти, от реальной обстановки. Она должна точно учитывать характер современного оружия, взгляды вероятного противника, реальное соотношение сил, объективные закономерности войны. Творческая мысль должна суммировать, переработать самые разнообразные элементы действительности и на их основе создавать научно обоснованные концепции, пригодные для условий будущих боевых действий в сложной обстановке, в противоборстве с сильным, активно действующим противником.

Степень эффективности научного творчества зависит от многих слагаемых. Важнейшими из них являются такие познавательные способности исследователя, как гибкость мышления, пытливость, смелость в постановке и решении новых проблем, умение обосновать, рассчитать, проверить, доказать. Вполне понятно, что эти способности проявляются при наличии глубоких знаний основ военного искусства, широты оперативно-тактического кругозора, при овладении методами исследовательской деятельности.

Успешное развитие военной науки требует выявления у командных и научных кадров творческих способностей, создания условий для их развития и совершенствования. В. И. Ленин писал: «Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать» [1].

Важнейшим условием продуктивности научного творчества являются мотивационные факторы, то есть то, что мобилизует творческие способности человека. В общем плане эти факторы подразделяются на социальные, познавательные и личностные. К социальным факторам относятся общественные потребности в постановке определенных научных проблем, осознание ученым, исследователем необходимости их решения. Познавательный фактор — стремление к истине. Личностные факторы характеризуют материальные и моральные стимулы, дающие удовлетворение результатами исследования. Эффективность исследовательской деятельности зависит от гармонического сочетания всех этих трех факторов, создающих тот эмоциональный настрой, подъем, без которых невозможно научное творчество.

Положительные эмоции создают наиболее благоприятные условия для повышения эффективности протекания

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 182.

психических процессов, для внутренней мобилизации накопленных знаний, даже тех, которые в обычных условиях лежат вне пределов сознательного. «Тысячелетний опыт человечества убеждает, что в момент эмоционального напряжения человек нередко находит решение, происхождение которого не всегда способен понять. Эмоции как бы мобилизуют весь жизненный опыт человека, причем не только осознанный, хорошо поддающийся анализу, но и тот опыт, который сложился вне светлого пятна» [1].

Высшим уровнем эмоционального подъема в творческой деятельности является вдохновение, которое характеризуется повышением общей активности, высокой интенсивностью мыслительного процесса. Его условием является осознание общественной значимости решения задачи, увлеченность разрабатываемой идеей. Предпосылкой вдохновения является предшествующий упорный труд, длительные размышления, раздумья. Как образно заметил академик В. И. Вернадский, корни всякого открытия лежат далеко в глубине, и, как волны, бьющиеся с разбега о берег, много раз плещется человеческая мысль около подготовленного открытия, пока придет девятый вал.

На современном этапе развития научного знания все большее значение приобретает коллективная творческая деятельность. В равной степени и решение комплексных военно-научных проблем ввиду их сложности и необходимости опоры на различные отрасли военно-научных знаний обусловливает целесообразность коллективных исследований, сочетающихся с личной инициативой и ответственностью каждого исследователя за порученный участок работы. Это обстоятельство выдвинуло проблему повышения эффективности коллективного научного творчества, основанного на умелом сочетании индивидуальных особенностей людей.

Интеллект у человека, как и механизм мышления различных людей, — един, но различны подготовка, формы мыслительной деятельности, способности к решению тех или иных исследовательских задач. Условно можно различать: людей с преобладанием творческого склада ума, которые способны дать оригинальное решение кон-

[1] Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962, с. 32.

кретной проблемы; теоретиков-систематологов, обладающих склонностью к скрупулезному исследованию, к стремлению докопаться до сути вопроса; экспериментаторов, способных подметить в массе незначительных, несущественных явлений основополагающую тенденцию, ведущую закономерность; людей с преобладанием критического склада ума, сомневающихся во всем, но малоспособных дать положительное решение проблемы; эрудитов с энциклопедическими знаниями, однако неспособных к творческому их применению.

Ученых, сочетающих в себе все вышеперечисленные качества исследователя, по-видимому, немного. Для большинства из них характерно наличие, преобладание одного или нескольких качеств: критичность ума в большей степени сочетается с его творческим складом; систематолог чаще всего эрудит и экспериментатор. Отсюда наиболее плодотворными оказываются те научные коллективы, которые имеют в своем составе исследователей с различным складом ума и по своим деловым качествам дополняющих друг друга. Это обстоятельство очень важно учитывать при формировании творческих научных коллективов.

Эффективность коллективного творчества во многом зависит от атмосферы взаимоотношений в данном коллективе. Поэтому, как указывается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «важно, чтобы в каждом научном коллективе существовали подлинно творческая обстановка, атмосфера смелого поиска, плодотворных дискуссий, товарищеской взыскательности» [1].

Творчество имеет в целом единый путь, истоки, механизм решения проблемы. В то же время его конкретные проявления во многом определяются характером решаемых задач, условиями, в которых протекает творческий процесс. В частности, специфическим видом военно-научного творчества является деятельность командира в боевой обстановке, всякий раз сопряженная с поисками новых путей и способов решения практических задач.

3. Творчество командира в боевой обстановке и пути его формирования

Достижение победы в бою, операции невозможно без проявления активности, инициативы и творчества

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 87.

всего личного состава вооруженных сил. Еще в 1905 году В. И. Ленин писал, что без инициативного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Особое значение этих качеств командного состава определяется спецификой тех условий, в которых принимаются и реализуются замыслы, решения, планы, распоряжения, направленные на разгром противника. Отметим только наиболее характерные из них.

Боевая обстановка всегда характеризуется неповторимостью ее элементов, связей и отношений. Иначе говоря, в различных боях никогда не бывает строго аналогичных обстоятельств. Ни один бой, ни одна операция не являются копией предыдущих. Эта особенность условий боевой деятельности и определяет практическую несостоятельность, вредность однотипных решений, шаблонности действий. Искусство командира в данном случае будет состоять в правильном понимании смысла происходящих в конкретной обстановке событий, в умении чувствовать динамику развития боя и в способности принять наиболее оптимальное решение, дающее возможность выполнить боевую задачу.

Успех в бою — результат выигрыша в жестоком двустороннем противоборстве. Материальной и духовной силе одной стороны всегда активно противостоят аналогичные факторы другой стороны. Воле и уму командира противодействуют ум и воля противника. Если в других видах деятельности человек в большинстве случаев сам создает себе обстоятельства, благоприятствующие решению задачи, то командир таких условий создать в полной мере не может. Он обычно вынужден исходить из тех реальностей, которые складываются независимо от его воли и желания. Искусство командира состоит в том, чтобы суметь противопоставить действиям противника такой замысел и способ решения задачи, которые бы давали возможность навязать врагу свою волю, добиться победы в кратчайший срок и с наименьшими потерями.

В любом виде деятельности человек всегда сталкивается со случайностями, благоприятствующими достижению целей или, наоборот, создающими дополнительные препятствия, осложняющими положение дел. В бою, операции случайности играют более значительную роль, чем в других условиях практической деятельности. От командира требуется в максимальной степени использовать

реально возникающие благоприятные случайности и парализовать нежелательные, препятствующие достижению цели боя.

Как известно, опыт Великой Отечественной войны показал жизненность и правильность наших военно-теоретических концепций, разработанных еще в довоенное время. Тем не менее уже в самом начале военных действий от командных кадров потребовалось изыскание новых тактических приемов и способов, в частности иного, чем рекомендовали наши уставы, построения боевого порядка частей и подразделений, иных методов огневого поражения противника, организации взаимодействия и управления войсками. Нет сомнения, что боевые действия в будущей войне будут изобиловать еще большими непредвиденными ситуациями. Искусство командира в этом случае должно состоять в умении найти такие способы ведения боевых действий, которые в настоящее время могут и не предусматриваться.

Рассмотренные особенности боевой деятельности указывают на то, что положения уставов, инструкций, наставлений следует применять с толком и здравым смыслом, строго сообразуясь с обстановкой. По выражению В. И. Ленина, «методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства» [1]. Следовательно, такие качества руководителя, как его активность, инициатива, творчество, особенно необходимы командиру: их проявление в бою, операции явится важным условием успеха боевой деятельности.

Важным показателем творчества командира в бою является применение им неожиданных для противника способов действий, которые вводят его в заблуждение, застают врасплох. Великая Отечественная война дает великое множество примеров подобных творческих решений. К ним относятся, в частности, выбор направления нанесения главных ударов по обороняющемуся противнику. Они наносились обычно по слабым местам в обороне и в такое время, когда их не ожидал враг. Это усиливало эффект удара, способствовало общему успеху.

Одним из проявлений творчества командира в ходе боевых действий являются так называемая военная хит-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 178.

рость, находчивость, умение обмануть противника, заставить его принять решение, не соответствующее действительности. Способов и приемов введения противника в заблуждение может быть очень много: условные переносы огня в ходе огневой подготовки наступления, демонстративная атака на ложном направлении, искусная маскировка боевых порядков подразделений, быстрый перенос боевых усилий на новые направления, гибкий маневр силами и средствами и т. д.

Творчество командира предполагает, далее, применение в ходе военных действий таких форм и способов ведения боя, которые не предусматривались и не применялись ранее, что является дальнейшим развитием тактики боя. Примером подобного творчества явилось создание противотанковых опорных пунктов в частях Западного фронта осенью 1941 года. Это вызывалось объективными условиями — стремлением повысить противотанковую устойчивость обороны, ее способность противостоять массированным танковым ударам гитлеровских войск. В ходе войны это начинание получило дальнейшее развитие в виде создания нашими соединениями и частями развитой системы противотанковой обороны. Ярким примером творчества советских командиров явилось применение такого эффективного способа огневого обеспечения действий войск в наступлении, как организация и осуществление артиллерийского и авиационного наступления, которое создавало мощную и эффективную огневую поддержку атакующих подразделений от начала и до конца боя. Показателем творчества было также использование летом — осенью 1941 года для борьбы с фашистскими танками зенитных орудий, выводимых на прямую наводку. Это было новым словом в военном деле, поскольку подобные действия не предусматривались в довоенных уставах.

Однако в указанный период были и примеры творчества, которые не получили дальнейшего развития, оказались нежизненными. Так, применение нашими командирами очаговой обороны в начале войны не дало должного эффекта, так как не соответствовало характеру боя.

В современных условиях, когда бой становится особенно динамичным и маневренным, открываются еще более широкие возможности для творческого дерзания командиров всех степеней.

Важнейшим средством повышения эффективности управления войсками стала электронно-вычислительная техника. Ее использование дает возможность быстрее и точнее оценивать получаемую информацию, производить сложные расчеты, обосновывать решения, изыскивать новые тактические приемы в бою. Это дало повод некоторым буржуазным военным теоретикам утверждать, что в век кибернетики деятельность командира в бою перестает быть творчеством, превращается в ремесло. «В результате триумфа материального над духовным военное искусство деградировало до уровня военной техники, а полководец превратился в некоего механика военной машины. Творчество полководца, его искусство, заменяется техническими шаблонами» [1]. Данное положение в корне неправильно: ведь в будущей войне, если ее развяжут империалисты, никакая вычислительная техника не заменит командирской интуиции, его чутья как необходимых элементов творчества командира в бою.

По достоинству оценивая возможности вычислительной техники, успехи эвристического программирования, неправильно вместе с тем рассматривать их в качестве аналога творческой деятельности командира. Машинное «мышление» лишено элементов субъективности, оно «идиотски логично» и не имеет своих собственных потребностей в создании нового. Машина в этом отношении является помощником человека и избавляет его от множества формально-логических операций.

Творчество командира в боевой обстановке может полностью раскрыться и дать должный эффект, когда этому способствуют социальные условия, а сам офицер обладает специальными интеллектуальными и психологическими качествами. Инициатива, находчивость и активность командиров, являясь необходимыми условиями творчества в бою, проявляются в том случае, если каждый из них стремится сделать максимум возможного для достижения победы в бою. Поэтому идейно-политическая закалка командных кадров, их преданность делу партии, своему народу, убежденность в справедливых целях войны являются важнейшей социальной предпосылкой творчества командира в сложных условиях боевой обстановки.

---

[1] Микше Ф. О. Психологические предпосылки боеспособности армии.— В сб.: Современная буржуазная военная психология. М., 1964, с. 255.

Важнейшим фактором творчества командира является создание таких условий, которые бы давали простор почину и инициативе. Одной из таких предпосылок является правильное сочетание в системе управления войсками централизации и возможности самостоятельных, инициативных действий. Еще М. Н. Тухачевский писал: «Нет смысла централизовать управление больше, чем войсковой командир может это практически осуществить. Перецентрализация означает практически бездействие, ибо старший начальник не может претворить в жизнь того, что хочет, а младший зацентрализован и ждет распоряжений» [1].

Сложные условия современных боевых действий требуют централизации в управлении большим количеством сил и техники, участвующих в бою. Это вызывает необходимость обусловливать деятельность каждого командира указаниями старшего начальника, который принимает решения по использованию в подразделении имеющихся сил и средств. Все это однако не исключает значения его инициативы. Боевая обстановка всегда оставляет широкое поле деятельности для проявления инициативы и творчества каждым командиром практически в любой обстановке. Ведь он тоже, как и старший начальник, оценивает обстановку, определяет замысел, принимает решение, ставит задачи подчиненным, организует взаимодействие и обеспечение. Успех боя возможен в том случае, если замысел и решение старшего командира проводятся в жизнь творчески.

Здесь рассмотрены лишь некоторые условия и предпосылки проявления командирского творчества. Они в полной мере могут быть реализованы лишь при готовности командира к творческому решению задач. Для этого он должен обладать определенными интеллектуальными качествами. Важнейшими из них являются теоретические знания и предшествующий практический опыт, а также психологическая готовность к творчеству в боевой обстановке. Обстановка боя, будучи всегда связанной с опасностью для жизни, создает особые условия для проявления творчества: «В подобном положении не всякий человек в состоянии нормально думать и тем более тво-

---

[1] Тухачевский М. Н. Избр. произв., т. 2. М., 1964, с. 82.

рить»[1]. Боевая деятельность требует таких людей, ум которых в минуты опасности обостряется, мышление становится глубже, логика размышлений убедительней.

Уяснение сущности творческого мышления командира, особенностей его проявления в боевой обстановке, факторов, создающих наиболее благоприятную обстановку для творческой деятельности, выработки необходимых интеллектуальных и психических качеств,— важнейшее условие определения основных направлений формирования творческого склада мышления командных кадров всех степеней. Таковыми являются: создание наиболее благоприятных социальных условий, побуждающих командира к проявлению активности, инициативы и творчества; развитие интеллектуальных и морально-волевых качеств командного состава в процессе всех видов учебы и практической деятельности; формирование психологической готовности к творческому мышлению в боевой обстановке.

Наша социалистическая действительность, социальная природа Советских Вооруженных Сил и характер взаимоотношений личного состава создают необходимые объективные предпосылки для творческого отношения командира к выполнению своего долга. Вся система обучения и практической деятельности военных кадров направлена на повышение уровня теоретических знаний каждого командира, постоянное совершенствование практического опыта.

Совершенствование системы обучения и воспитания военных кадров осуществляется в направлении усиления исследовательского, творческого элемента, исключения формирования стереотипов мышления, искоренения шаблона. Обучение не только и не столько заучивание готовых знаний, сколько самостоятельное размышление, творческий подход к усвоению изучаемого материала. Обучение есть прежде всего формирование творческого мышления на основе полученных знаний.

Дальнейшего совершенствования требует также организация практической деятельности командных кадров, особенно такого ее вида, как войсковые учения. Очень важно, чтобы на учениях создавалась новая поучитель-

---

[1] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1973, с. 473.

ная обстановка, чтобы каждое полевое занятие, морской поход, полет, все тактические и командно-штабные учения проводились в сложных условиях, в наибольшей степени приближенных к реальной боевой действительности. Только тогда у командиров всех степеней будет развиваться творческое оперативно-тактическое мышление, инициатива, стремление применить самые эффективные способы выполнения боевых задач.

При правильной организации всех видов подготовки командных кадров создаются условия для формирования их научного творческого мышления, отвечающего требованиям современной войны.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ И ВОЕННО-НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

☆

Основным вопросом философии как мировоззрения и методологии познания является вопрос об отношении сознания к бытию, мышления к материи. Его первая сторона состоит в определении того, что является первичным — дух или природа, материя или сознание. Материалистическая философия признает первичным материю, бытие, вторичным — сознание как результат воздействия на субъект объективно существующего внешнего мира. Идеализм за первичное принимает идею, сознание, рассматривая их как единственно достоверную реальность.

Последовательно материалистическое решение основного вопроса философии марксизмом-ленинизмом является исходной методологической предпосылкой уяснения материальных основ возникновения войны, способов ее ведения, объективного характера закономерностей их развития, а также раскрытия соотношения материальных и духовных, объективных и субъективных факторов в развитии военной теории, в решении практических задач боевой и политической подготовки войск, принятии решения в ходе боевых действий.

Опыт военного строительства показывает, что реализация в военно-научном познании методологической функции материалистического решения основного вопроса философии — задача не только важная, но и чрезвычайно сложная. Это объясняется тем, что материальный и духовный факторы в процессах войны не существуют изолированно, в чистом виде, а сочетаются между собой самым различным образом. Кроме того, связи между ними в военной деятельности чрезвычайно подвижны, имеют много уровней, аспектов и в зависимости от конкретных условий обстановки могут проявляться по-разному. В то же время только последовательное проведение материализма в военно-научном познании дает возможность военным кадрам не допускать субъективизма в решении теоретических и практических проблем, в руководстве подготовкой войск, управлении ими в бою.

Глава IV

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ВОЙНЫ И ЕЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

1. Борьба материализма и идеализма в развитии военной мысли

Военная мысль всегда была тесно связана с развитием философии, ибо они выполняют одну классовую функцию. Философские воззрения военных деятелей выступали в качестве методологической основы их военных взглядов, придавали определенную направленность развитию и совершенствованию военной мысли, обогащали ее. Интересно отметить, что Александр Македонский признавал огромное влияние на него философии своего учителя. «Я чту Аристотеля,— говорил полководец,— наравне со своим отцом, так как если отцу я обязан жизнью, то Аристотелю обязан всем, что дает ей цену» [1].

Центральное место в истории философии занимает борьба материалистических и идеалистических идей. В этой борьбе материализм совершенствовался, постоянно наполнялся новым содержанием и завоевывал у идеализма одну позицию за другой. Эта тенденция нашла известное отражение и в развитии военной мысли. Будучи обусловлены потребностью развивающегося классового общества, философия и военные знания исторически возникли в один и тот же период. Появление первой антагонистической общественной формации — рабовладельческого общества — вызвало к жизни войны и армии, а следовательно, и зачатки обобщения опыта подготовки и ведения боевых действий.

---

[1] Цит. по: Волков Г. У колыбели науки. М., 1971, с. 196.

Значительные шаги в развитии военного дела были сделаны в Древней Греции и Риме. В этой связи Ф. Энгельс отмечал, что наука побеждать врагов пользовалась у греков большим почетом, ибо война была важнейшим средством воспроизводства рабочей силы — рабов. Именно греческим и римским военачальникам и военным мыслителям удалось впервые в наиболее полном виде сформулировать принципы военного искусства. Все это объясняется наиболее высоким уровнем развития в этих странах не только военного дела, но и общей культуры, социологии и философии. Исходя из этого трудно отделить влияние философии на формирование военно-теоретической мысли от влияния других факторов: социальных условий, научных достижений, практических потребностей развития самого военного дела.

Война, военное строительство — явления сложные, их теоретические исследования, объяснения качественно неоднородны, многоплановы. Если взять познание войны как социального процесса, ее сущности, происхождения, наиболее общих причин побед и поражений армий, то здесь влияние философских взглядов всегда было наиболее полным, непосредственным. Социально-классовая природа мировоззрения вторгалась в эту область всегда самым решительным образом.

Выдающийся философ древности Гераклит утверждал: «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными» [1]. Аристотель, отражая классовые позиции рабовладельцев, оправдывал войны необходимостью приобретения рабов. «Военное искусство,— писал он,— может быть рассматриваемо до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, по крайней мере, та часть военного искусства, которая имеет своим предметом охоту: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война, по природе своей, справедлива» [2].

В военных взглядах древних, особенно в решении прикладных задач, заметно проявлялись идеи материа-

---

[1] Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 46.
[2] Политика Аристотеля. М., 1911, с. 21—22.

лизма. По утверждению римского военного писателя Вегеция («Краткое изложение военного дела»), источник победы над противником заключается не в преклонении перед богами, не в молитвах, жертвоприношениях и заклинаниях, а в накоплении материальных и духовных сил государства, в подготовке страны к войне, в умении руководить армией и народом, в знании военного дела, принципов военного искусства.

Под влиянием философии в военную практику проникали диалектические идеи взаимосвязи и развития, противоречивости военного дела, которые способствовали формированию гибкости мышления военачальников, развитию военного творчества. Эпаминонд впервые отказался от равномерного распределения войск по фронту и создал ударный кулак на решающем участке боевого построения, положив начало принципу массирования сил и средств на решающем направлении, в решающее время. Данное положение не утратило своей актуальности и в наше время. Александр Македонский добился слаженного тактического взаимодействия родов войск и отдельных частей боевого порядка, а также превратил конницу в ударное средство разгрома противника. Ганнибал применил высшую форму тактики — окружение. Его Канны вошли в сокровищницу мирового военного искусства как классический образец окружения крупных сил противника. Юлий Цезарь довел до совершенства в условиях рабовладельческого общества маневр войск на поле боя и превратил резерв в решительное средство разгрома врага.

Разумеется, развитие военного дела шло не по проторенным дорогам, а через разрешение противоречий. Военное творчество эволюционизировало в борьбе с метафизическим стилем мышления. Ксенофонт наряду с практически полезными рекомендациями для военачальников в своих работах преувеличивал значение спартанского военного искусства, к тому времени уже устаревшего. Он преклонялся перед пехотой и не мог понять, что практика вооруженной борьбы, необходимость быстрых маневров требовали развития и другого, более подвижного рода войск — конницы, игравшей в то время важную роль в достижении победы.

Средние века вследствие безраздельного господства теологии, чрезвычайно медленного развития средств вой-

ны и догматической приверженности многих военных деятелей к традициям военного искусства древнего мира дали очень немногое для понимания связи философии и военной теории и прогресса военного дела в целом.

Зарождение и развитие капитализма способствовало форсированию военных процессов. Этот период дал много интересного и поучительного в военной теории и практике. Прежде всего следует иметь в виду, что те самые социально-экономические факторы, которые решающим образом сказались на формировании философии (бурное развитие производительных сил, науки и техники, победа капиталистических общественных отношений, сопровождающаяся ростом активности масс, освобождением человеческой мысли от оков теологии и пр.), стали побудительной причиной нового подъема военно-теоретической мысли.

С возникновением и развитием капиталистической общественно-экономической формации связано и становление буржуазной военной науки. Военная мысль не сразу оформилась в науку как относительно самостоятельное и целостное знание специфической области деятельности. Она складывалась из разрозненных теоретических воззрений в военной области, которые, в свою очередь, сливались в более или менее развитую, единую систему военных знаний.

Становление и развитие буржуазной военной науки было обусловлено самыми различными факторами: бурным прогрессом военного дела как следствием интенсивного роста производительных сил и обострения социальных противоречий; влиянием науки и техники; подъемом творческой активности масс, вызванным буржуазной революцией; уничтожением сословных преград на пути выдвижения талантливых военных кадров и т. п. Не последнюю роль в становлении и развитии военной науки сыграли материалистические идеи о силе знаний, разума, острая борьба материалистов против религии и церковного засилья. Эпоха буржуазных революций выдвинула целую плеяду выдающихся полководцев и военных мыслителей: Г. Ллойд (1720—1783), Г. Бюлов (1757—1807), Наполеон (1769—1821), К. Клаузевиц (1780—1831) и другие. В своих трудах они реализовали объективную потребность оформления несистематизированных военных знаний в военную науку.

Следует заметить, что буржуазная военная наука с момента своего возникновения неизменно испытывала влияние методологической ограниченности, свойственной философии того времени, отражавшей интересы эксплуататорского класса. Однако эта социальная и методологическая ограниченность не отрицает факт возникновения буржуазной военной науки в конце XVIII века и ее существование в наше время.

В эпоху буржуазных революций произошли глубочайшие изменения в военном деле. Под влиянием развития огнестрельного оружия, а также социальных факторов возникает тактика, основанная на действии ротных и батальонных колонн, а затем и рассыпного строя, что было возможно лишь при более высоком моральном духе и энтузиазме воинских масс. На место магазинной пришла реквизиционная система снабжения, которая резко повысила подвижность войск. Это повлияло на характер военных действий, увеличило их масштабность, пространственные границы, обусловило возрастание численности армий.

Характеризуя качественные изменения в военном деле в указанный период, В. И. Ленин писал: «Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны» [1].

Столь глубокие изменения в военной теории и практике происходили под определяющим воздействием социальных факторов, совершенствования материальной базы войны и развития философской мысли, и прежде всего материалистического мировоззрения. Г. Ллойд и Г. Бюлов, произведения которых считались образцами классической военной теории, были материалистами. Ллойд считал себя последователем выдающихся материалистов того времени — Локка, Кондильяка, Монтескье. Наполеон был учеником Руссо, Вольтера, энциклопедистов. Известный историк А. З. Манфред в книге «Напо-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79—80.

леон Бонапарт» пишет: «Мир лейтенанта Буонапарте — это мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободолюбивой, мятежной литературы XVIII века» [1].

Вместе с тем во взглядах на природу войны, армии, источники побед господствовал идеализм, который был, правда, уже несколько иного рода. Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим, церковным. Война считалась промыслом бога, орудием в его руках. В соответствии с этими взглядами один из «отцов церкви» А. Августин (354—430), например, представлял войну как борьбу двух начал — «грешного» и «божественного». Вместо подобного взгляда в эпоху Возрождения преобладают попытки опереться не на бога, а на разум, найти реальные, а не мистические причины войны, побед и поражений.

К. Маркс говорил о Н. Макиавелли (1469—1527), что он был одним из первых мыслителей, которые «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» [2]. Произведения Макиавелли являются крупным вкладом в развитие военного искусства. Однако в его взглядах на развитие общества, на содержание войны преобладала эклектика.

Г. Ллойд большое внимание уделяет в войне географической среде, но ее роль им в ряде случаев преувеличивается и превращается в решающий фактор. В этом, несомненно, проявилось влияние философского учения, так называемого географического детерминизма. Даже качество самой армии Ллойд определяет географическими условиями. «Население равнин и богатых стран, — пишет он, — обыкновенно не имеет надлежащего закала и мало пригодно к войне; маленькая усталость внушает ему отвращение к походу, оно подвержено заболеваниям, требует больше пищи и не имеет ловкости, свойственной горцам...» [3]

Домарксистский материализм был механистическим, что и оказывало соответствующее влияние на военно-теоретическую мысль того времени. Это проявилось, напри-

---

[1] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 33.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 111.
[3] Стратегия в трудах военных классиков, т. 1. М., 1924, с. 38.

мер, в своеобразном геометризме некоторых военных концепций, в попытках сложные явления войны и военного дела втиснуть в математические правила. Стратегия этими авторами излагается в виде геометрических теорем, все положения истолковываются чисто геометрически. Представитель этого направления Бюлов, например, так формулировал один из принципов разработанной им стратегии: «Операционные линии, заключенные в тупоугольный треугольник с углом при вершине в 90 и более градусов, базированы столь удачно, сколь этого только можно желать» [1]. В таком же духе формулируются почти все другие принципы стратегии.

По мнению Ллойда, при хорошем знании местности «можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, не будучи вынужденным вступать в бой» [2]. В этой теории нетрудно увидеть также характерную для материализма того времени абсолютизацию одних факторов и игнорирование роли других — характера действий противника, подготовленности армий и т. п. Ф. Энгельс критиковал Виллизена за абсолютизацию количественного соотношения сил сторон, когда более сильный в количественном отношении всегда побеждает более слабого [3].

Вместе с тем математический, геометрический, подход к военному делу имел и свою положительную сторону. Он выражал стремление к научному анализу военных действий. Будучи способом борьбы против идеализма, иррационализма в военном деле, он, однако, рассматривал явления войны механистически, вне их глубокой взаимосвязи и взаимозависимости от характера действий противника, соотношения сил сторон и других условий обстановки.

Идеализм в военном искусстве того времени проявлялся в попытках создать умозрительные, абстрактные схемы, к которым подгонялись факты военной действительности. Виллизен заявлял, что отказывается подойти к морю фактов, пока не разработает системы, позволяющей их классифицировать и расценивать [4]. Идеализм в

---

[1] Стратегия в трудах военных классиков, т. 2. М., 1926, с. 27.
[2] Там же, т. 1, с. 38.
[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 57.
[4] См.: Стратегия в трудах военных классиков, т. 1, с. 195.

его взглядах переплетался с метафизикой. Создаваемая им умозрительная система рассматривалась как незыблемая, пригодная для всех случаев и обстоятельств. Г. Жомини в этом вопросе пошел еще дальше. Верно схватывая и оценивая многие явления войны, он писал вместе с тем, что *«военное искусство существовало во все времена,* и особенно стратегия была одной и той же как при Цезаре, так и при Наполеоне» [1].

Высокого уровня развития военное искусство, военно-теоретическая мысль достигли в России в XVIII—XIX веках. Наиболее видными представителями ее были Петр I (1672—1725), П. А. Румянцев (1725—1796), А. В. Суворов (1730—1800), М. И. Кутузов (1745—1813).

Несмотря на отсталость экономического и политического строя России того времени, русская армия под руководством этих военачальников показала высокие образцы стратегического и тактического искусства. Противником шаблона был Петр I, его стратегия и тактика отличались творчеством, решительностью, применением неожиданных для врага способов действий. Он требовал «искать неприятеля в его земле» и добиваться полного разгрома.

В полководческой деятельности фельдмаршала П. А. Румянцева получил развитие принцип Эпаминонда — концентрации сил для генерального сражения. Считая «раздробленные армии за крайнее несчастье», он придерживался тактики идти врозь, наносить удар сообща.

Дальнейшее развитие стратегия и тактика русской армии получили в трудах А. В. Суворова, который разработал и блестяще претворил в жизнь стратегию сокрушения, основанную на неожиданном для противника маневре, внезапном ударе, решительном безостановочном преследовании неприятеля, четком взаимодействии элементов боевого построения войск. В обстановке крепостнического строя он требовал внимательного отношения к солдату. А. В. Суворов понимал и неоднократно говорил, что главную силу армии составляет солдат-человек, а не солдат-автомат. Несомненно, здесь сказались традиции освободительной борьбы, которую русский народ постоянно вел против иноземных захватчиков, а также влия-

---

[1] Жомини Г. Очерки военного искусства, т. 1. М., 1939, с. 13.

ние русских просветителей XVIII века — Радищева, Новикова, Сумарокова и других.

Искусным и дальновидным стратегом большой маневренной войны показал себя М. И. Кутузов. Он противопоставил стратегии Наполеона более жизненную и совершенную стратегию нанесения гибких и неожиданных ударов по врагу в тот момент, когда его силы истощены, обескровлены, разбросаны.

Среди военно-публицистических трудов XVIII века особенно выделяются работы русского просветителя В. Ф. Малиновского (1765—1814). В трактате «Рассуждение о мире и войне», а также в ряде статей он говорит о связи войны с политикой, предвосхитив этим Клаузевица, пытается вскрыть причины войн, страстно призывает к миру, что было особенно важно в обстановке кровопролитных войн того времени.

Большое влияние на мышление многих военных теоретиков и практиков военного дела оказала немецкая классическая философия, и прежде всего гегелевская философия. Это в наибольшей степени проявилось во взглядах Клаузевица, идеи которого, как писал В. И. Ленин, были оплодотворены Гегелем [1]. Клаузевиц, опираясь на диалектический метод выдающегося немецкого мыслителя, считал необходимым критиковать все устаревшее в области понимания войны, руководства вооруженной борьбой и военного строительства. Он, по существу, впервые в военной теории отрицал «вечное» и «неизменное» в военном искусстве, стремился рассматривать явления войны во взаимосвязи и взаимообусловленности, в движении и развитии, выявить их законы и принципы.

В учении Клаузевица наиболее плодотворной является идея связи войны и политики. По его образному выражению, война есть «политика, сменившая перо на меч». «...Всесокрушающую стихию войны политика превращает лишь в простое свое орудие; страшный боевой меч, требующий, чтобы его подняли обеими руками, напрягая все силы для нанесения одного неповторяемого удара, благодаря политике превращается в легко управляемую шпагу, которая становится порою даже рапирой, и ею фехтуют по всем правилам искусства» [2]. Однако полити-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.
[2] Клаузевиц К. О войне, т. 2. М., 1937, с. 375.

ку он рассматривал лишь как область отношений между государствами, в отрыве от классовых интересов. При этом он опирался на выводы гегелевской теории «надклассового государства», выражающего интересы общества в целом.

Клаузевицу удалось сформулировать ряд стратегических принципов: максимального напряжения сил страны и армии для достижения победы, гибкого маневрирования войск, экономии сил, целеустремленности, выигрыша времени, решительного использования достигнутого успеха в сражениях, внезапности и др. Вместе с тем, оставаясь по многим вопросам на идеалистических и метафизических позициях, он преувеличивал роль случайности в войне, полководческого гения.

Клаузевиц глубже своих предшественников показал значение морального фактора. Поскольку война ведется массами людей, подчеркивал он, то моральные величины занимают самое важное место. Однако и здесь Клаузевиц не избежал влияния идеализма и метафизики. Так, он рассматривает моральный фактор вне зависимости от исторических условий, данного общественного и государственного строя. По его утверждению, моральный дух представляет нечто раз и навсегда данное, неизменное, это — «неуловимый народный дух». Он не мог понять, что источником морального духа войск и населения является общественный и государственный строй, политика государства, класса, цели войны, господствующая идеология.

Известное влияние на развитие русской военно-теоретической мысли второй половины XIX века оказали философские взгляды русских революционных демократов, и прежде всего Н. Г. Чернышевского. Он сам много занимался вопросами военной теории, редактировал в 1857—1858 годах «Военный сборник». В своих воззрениях Чернышевский приближался к материалистической оценке сущности войны и ее роли в обществе.

С позиций материализма и диалектики рассматривал он и ряд вопросов военной стратегии и тактики. Анализируя, например, причины поражения парижского пролетариата в июне 1848 года, он показал сильные стороны Кавеньяка, его умелые приемы борьбы: сосредоточение сил на главном направлении, разобщение сил восставших и подавление их по частям. Выясняя причины

поражения австрийцев в битвах под Монтебелло, при Мадженте и Сольферино, Чернышевский писал, что они заключаются в неумении выбрать место и момент нанесения удара, слабом искусстве маневрирования резервами.

На примере войск Гарибальди в Италии и борьбы северян с южанами в Северной Америке Чернышевский развивает мысль о том, что источником морального духа населения и армии является общественный строй воюющих государств и особенно цели войны. По его твердому убеждению, северян вдохновляли демократические идеи, стремление освободить негров от рабства. Высокий моральный дух, говорил он, служил источником инициативных, творческих действий солдат и командиров.

Под влиянием идей Чернышевского и других русских революционных демократов находились многие генералы и офицеры русской армии. Так, на дружеских встречах на квартире Н. Г. Чернышевского бывал цвет русской военно-теоретической мысли — профессора Военной и Артиллерийской академий и других учебных заведений: Д. А. Милютин, А. П. Карцов, П. Л. Лавров, Н. Н. Обручев и многие другие [1].

Произведения В. Г. Белинского попадали в библиотеки военно-учебных заведений, читались отдельными офицерами и генералами. Один из видных военных теоретиков России XIX века полковник А. И. Астафьев писал: «Пока не окончились философские прения, какой лучший образ исследования истины в науках — априори или апостериори, мы примем мысли Белинского, как человека со здравым умом и благородными стремлениями к добру, за истину и будем руководствоваться ими в создании идеала армии и в исследовании точного значения сущности военной науки» [2].

В то же время видный военный теоретик России второй половины XIX века Г. А. Леер (1829—1904), много сделавший для развития военной науки, придерживался откровенно идеалистических взглядов. «Все происходит из идеи,— писал он,— которая одна творит и направля-

---

[1] См.: Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973, с. 88.

[2] Астафьев А. И. О современном военном искусстве, ч. 2. Спб., 1861, с. 61.

ст»[1]. Задача теоретика, утверждал Леер, заключается в том, чтобы «воссоздать факт... возвести факт в идею, которой сам факт служил бы внешним выражением»[2]. Под влиянием идеалистических концепций многие учебные разработки по стратегии, статьи и военные книги того времени заполнялись старыми догмами, ничего общего не имевшими с подлинной военной практикой. Опыт Отечественной войны 1812 года рядом военных теоретиков игнорировался.

Социально-политические сдвиги после реформы 1861 года, вступление России на путь капиталистического развития, все большее усложнение оружия и техники, рост численности вооруженных сил, начавшееся строительство железных дорог — все это требовало коренных изменений в военном строительстве. В этих условиях необходима была другая система комплектования армии, более гибкая система обучения и воспитания личного состава, новый подход к решению вопросов стратегии и тактики.

Крупную роль в подготовке и осуществлении военных реформ сыграл Д. А. Милютин (1816—1912). Много сделал в разработке проблем обучения и воспитания личного состава М. И. Драгомиров (1830—1905). Поскольку они не были последовательными материалистами, то нередко с идеалистических позиций абсолютизировали волевые решения. Драгомиров, в частности, противопоставлял человека технике.

Краткий анализ истории формирования военных знаний свидетельствует о их тесной связи с развитием философии, плодотворном влиянии на военную теорию и практику материализма и диалектики. Напротив, идеализм всегда служил мировоззренческой основой реакционных взглядов на войну и ее роль в обществе, ограничивал развитие творческой военной мысли.

Историческая ограниченность домарксистской философии, непоследовательность материалистического направления в решении вопроса о соотношении бытия и сознания (все материалисты до Маркса были идеалистами в понимании общественной жизни), ее неспособность создать подлинно научную теорию познания и должный

---

[1] Леер Г. А. Коренные вопросы (Военные этюды). Спб., 1897, с. 4.

[2] Леер Г. А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). Спб., 1894, с. 66.

метод исследования исключали возможность научной разработки военной теории, и прежде всего выработки правильных философских взглядов на социально-политическую сущность войны, причины ее возникновения и влияния на ход общественного развития.

В то же время потребности военной практики заставляли военных деятелей и теоретиков совершенствовать военную мысль в направлении создания таких взглядов, концепций, которые бы обеспечивали успех боевой деятельности вооруженных сил. Накапливаемые военные знания служили той теоретической предпосылкой, на основе которой могла быть создана военная наука самого революционного класса—пролетариата.

Решающее значение для ее возникновения имело создание К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектического и исторического материализма как мировоззрения и методологии научного познания и революционного действия. Это дало возможность по-иному, чем это было в прошлом, подойти к анализу явлений войны, вскрыть ее действительную сущность. Диалектико-материалистический подход к пониманию природы, общества и мышления, глубокое знание военной истории, достижений передовой военной мысли, последовательное применение принципа пролетарской партийности дали возможность основоположникам научного коммунизма разработать научную теорию войны и армии. Они показали, что война — явление социально-историческое, возникшее с разделением общества на антагонистические классы; вскрыли причины и источники войны в различных общественно-экономических формациях; обнаружили ее действительную сущность.

К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли зависимость войны, способов ее ведения, хода и исхода от материальных условий жизни общества, экономического и политического строя. Они дали научный анализ закономерностей развития военного дела, высказали глубокие мысли о роли народных масс и полководцев в достижении победы, о соотношении объективных и субъективных факторов в войне, человека и техники.

В. И. Ленин в новую историческую эпоху внес неоценимый вклад в развитие военно-теоретической мысли, неизмеримо обогатил методологический арсенал советской военной науки. Им были разработаны новые положения,

характеризующие войны эпохи империализма, их социально-политические типы, дано обоснование деления войн на справедливые и несправедливые.

2. Материалистический подход к исследованию войны

Обычно положение о первичности материи и вторичности сознания воспринимается как само собой разумеющееся, очевидное, не требующее сложных доказательств. В действительности же взаимодействие материи и сознания чрезвычайно сложно, многогранно, подвижно, таит в себе возможность в рамках формального признания первичности материи разного рода идеалистических выводов.

В своей сущности материалистический подход к явлениям войны, операции, боя предполагает признание объективной реальности и ее адекватного отражения в сознании людей. Только рассмотрение военной теории, морально-политического и психологического состояния личного состава, военно-профессиональных знаний как отражения материальной действительности, объективных основ войны дает возможность определить характер вероятной войны, условия и способы ее ведения.

Сложность последовательно материалистического подхода к анализу процессов войны, операции, боя определяется качественным многообразием материальных факторов, определяющих содержание военных знаний, духовных сил войск. Возьмем, к примеру, вопрос об источниках духовных сил народа и армии. Чтобы правильно его решить, нужно учесть всю совокупность материальных факторов, определяющих эти силы, в их взаимной связи, в развитии, в конкретных условиях обстановки, в историческом сопоставлении.

Духовные силы народа и армии зависят прежде всего от способа производства материальных благ, от господствующих производственных отношений. Глубочайшие источники формирования высоких морально-политических качеств советских воинов заложены в условиях материальной жизни советского общества, в характере социалистических производственных отношений.

На моральное состояние войск оказывают влияние военная техника, оружие. Техническое превосходство, вне-

запное применение нового оружия, качество вооружения и степень овладения им соответственно могут повысить или понизить моральный дух. Особенно сильное морально-психологическое воздействие способно оказать современное ядерное оружие. Однако влияние военной техники на духовные силы людей носит относительный характер. Оно не определяет природу моральных сил войск. И сама степень воздействия технических факторов на моральные силы зависит от общего морального состояния личного состава армии, уровня их обученности, твердости командира, сколоченности частей и подразделений.

Наконец, такой элемент материального фактора в войне, как географические условия, характер театра военных действий, связан с духовными силами еще более отдаленно, опосредованно. Например, боевые действия в условиях севера, знойных пустынь, в горных районах требуют более высоких морально-боевых качеств личного состава, высокой психологической устойчивости людей.

Следовательно, влияние материальных факторов войны на ее духовную сторону различно, а потому при его анализе необходим строго дифференцированный подход с учетом особенностей воздействия каждого из них на духовные силы людей.

Непременным требованием материалистического подхода к исследованию войны, операции, боя является обнаружение объективных законов и закономерностей, лежащих в основе их функционирования и развития. В. И. Ленин писал: «Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» [1]. Война как социальный процесс также подчинена объективным законам ее развития. Военная теория только тогда становится действительно научной, когда она отражает в своем содержании законы и закономерности войны, механизм их действия и формы проявления в данной войне.

К. Маркс и Ф. Энгельс при обосновании объективного характера законов общественного развития исходили из того, что люди, вступая в жизнь, встречают уже готовыми условия производства и поэтому вынуждены с ними считаться, приспосабливаться к ним. Так и в военной об-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 174.

ласти: люди не свободны в выборе основных элементов военной действительности, связи между которыми носят характер существенных, необходимых, то есть закономерных. Правительство и военное руководство формируют военную политику, определяют характер технической оснащенности армии и флота, соотношение родов войск, общую структуру вооруженных сил и т. п. Однако при решении этих задач они не могут выйти за пределы возможностей, заложенных в данном способе производства, характере экономического строя и зависимой от него политической надстройки, всей совокупности форм общественного сознания.

В способе производства нужно искать объективные основания возникновения войны и источников военной опасности, а также законов формирования военной мощи государства. На базе созданных способом производства материальных условий возникают специфические законы самих военных действий. Например, закон военной науки, указывающий на зависимость форм и способов ведения военных действий от количества и качества людей и военной техники, сам по себе мало что дает практике, если при этом не будут раскрыты научно-технические предпосылки развития военной техники, социальные условия формирования морально-политических и интеллектуальных качеств личного состава, не будет выявлено их влияние на характер ведения боя, условия осуществления маневра, взаимодействия и обеспечения подразделений, частей.

Познать объективные законы — значит глубоко раскрыть содержание самой войны, характер операций и боев. Как и всякие другие общественные явления, они имеют свою необходимую, объективную логику развития. В войне, операции, бою люди действуют в определенных объективных, не зависящих от их воли и желаний условиях, которыми в конечном счете определяются направление и характер их деятельности, их цели и задачи. Ф. Энгельс в статье «Европейская война» писал: «...после того, как приказ... отдан, военные передвижения на море и на суше подчиняются уже не желаниям и планам дипломатов, а своим собственным законам, которых нельзя нарушить, не подвергая опасности всю экспедицию» [1]. В. И. Ленин указывал, что «вооруженное восста-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 1.

ние есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься»[1].

Созданные на основе способа производства, материальные и духовные элементы военных действий функционируют в специфической обстановке вооруженной борьбы, которая характеризуется своими законами. Эти законы относительно самостоятельны к общесоциологическим законам, в том числе и к закону об определяющей роли способа производства. В военных действиях на первый план выдвигаются новые связи и отношения, соответствующие их специфике: противоборство двух сторон, соотношение средств нападения и защиты, наступления и обороны, оружия и тактики и т. п. Особенности способа производства как бы уходят вглубь, на второй план, и выступают на поверхности лишь в той форме, которая требуется вооруженной борьбой. Так, преимущества социалистического способа производства реализуются в количестве и качестве военной техники, состоящей на оснащении Советских Вооруженных Сил, уровне их боевой готовности, полевой, воздушной, морской выучке личного состава, его высоких морально-боевых качествах и т. п., то есть в специфически конкретной форме.

Буржуазные военные теоретики и практики также стремятся уловить существенные связи войны и в состоянии в ряде случаев реалистически подходить к решению частных военных задач, управлять войсками в соответствии со сложившейся боевой обстановкой. Однако они не могут (или не хотят) понять и отразить в своих теориях всю систему законов войны в их связи с объективными законами общественного развития. В трудах военных авторов капиталистических государств тоже нередко указывается на зависимость войны от политики, но при этом обычно игнорируются законы формирования политики — ее связь с экономикой, интересами классов; говорится о зависимости военной мощи страны от уровня развития экономики, но не раскрываются в полной мере источники ее формирования — социальные, экономические, духовные.

В игнорировании, неумении видеть, вскрыть материальный характер экономических отношений как реально-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 382—383.

го базиса всей совокупности идеологических, психологических и других взглядов, теорий, чувств, настроений и соответствующих учреждений — во всем этом и заключается главный источник авантюризма в политической и военной стратегии империализма.

Вот один из примеров того, как военные идеологи империализма рассматривают этот вопрос. Американский военный теоретик Клаус Кнорр в книге «Военный потенциал государств» основными показателями военного потенциала считает: численность населения, уровень производства топлива и черного металла, валовую продукцию народного хозяйства, зависимость страны от внешней торговли, национальный доход. Такой важный показатель военного потенциала, как характер общественного строя, в этой оценке отсутствует. Однако стратегия, не учитывающая характер производственных отношений, особенно при анализе соотношения сил социалистических и капиталистических государств, не может не быть порочной.

Просчет стратегов гитлеровской Германии как раз в том и состоял, что они при планировании агрессивной войны против Советского Союза не приняли во внимание главного — характера советского общественного строя, его огромных потенциальных возможностей. Это и явилось в конечном счете главной причиной поражения немецко-фашистской армии. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер на 17-й день войны против СССР в своем дневнике писал: «Формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии» [1]. В действительности же до 1 декабря 1941 года советское командование направило в действующую армию из числа вновь сформированных соединений 194 дивизии и 94 бригады [2].

В отличие от природы развитие общества осуществляется через деятельность самих людей. Законы общественной жизни реализуются через социальную практику. Механизм действий этих законов включает в себя практи-

---

[1] Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. Пер. с нем. М., 1971, с. 100.

[2] См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1967, с. 273.

ческую деятельность народа, классов, социальных групп, отдельных личностей. Следовательно, недостаточно одного признания объективных законов войны, нужно еще иметь систему методов научного познания, в совершенстве овладеть навыками управления войсками, обучения и воспитания личного состава.

На войне особенно сильно проявляется активная роль субъекта, его сознания и воли. Эта активность выражается прежде всего в том, что имеющиеся в распоряжении командиров средства борьбы дают возможность решительно влиять на складывающуюся обстановку в бою, сражении, добиваться победы в короткие сроки. Этой же возможностью обладает и противник. Поэтому осознание объективного характера законов войны, операции, боя происходило и происходит гораздо сложнее, труднее, чем законов общественного развития. В этом гносеологическая основа того, что во взглядах на природу и характер военных действий особенно устойчивы, живучи субъективистские оценки.

В. И. Ленин писал: «Законы внешнего мира... суть основы *целесообразной* деятельности человека» [1]. Поскольку военная деятельность носит целесообразный характер, то она соответствует объективным требованиям войны. В далеком прошлом, на заре зарождения военного искусства, часто наблюдалось стихийное соответствие действий военачальников объективным связям войны. Это во многом объясняется тем, что сами объективные связи и отношения войны были относительно просты, не столь запутанны и сложны, как позже, и, что особенно существенно, в течение многих веков военное дело мало изменялось по содержанию и форме.

Из года в год опыт, боевая практика по методу проб и ошибок шлифовали навыки, совершенствовали знания военачальников, приближая их к объективно необходимому порядку вещей, оптимальному способу ведения военных действий. Естественно, что это стихийное отражение было возможно в области непосредственной практики — в сражении, бою, где любой шаг почти немедленно проверялся и корректировался ходом боевых действий.

В этом плане принципиальное значение имеет вопрос, насколько быстро и губительно сказывается на ходе во-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169.

енных действий нарушение того или иного закона войны. Исторический военный опыт со всей убедительностью показал, что нарушение объективного закона войны ведет к неудаче, к поражению армий. Но последствия такого нарушения могут проявляться не сразу, не вдруг, а подчас постепенно и незаметно, но тем не менее неукоснительно и неотвратимо.

Существенно в этом деле то, насколько фундаментален закон, который нарушается, насколько глубоки, основательны последствия его нарушения, насколько близок он к практике ведения военных действий. Гитлеровское руководство, начав войну против Советского Союза, грубо нарушило ее законы, в частности законы соответствия политических целей войны экономическим и военным возможностям государства, реального учета соотношения сил своих и противника. Но прошло немало времени, пока это нарушение не обнаружилось и не отразилось на реализации стратегических планов гитлеровцев. Объясняется это тем, что первоначально нарушение закона компенсировалось другими обстоятельствами — внезапностью вероломного нападения, преимуществом немецко-фашистских войск в некоторых видах техники, созданием ими превосходства в силах и средствах на направлениях ударов в первых операциях и т. п. Однако по мере развития военных действий эти привходящие факторы все больше утрачивали свое значение и вступали в силу объективные законы войны, влияние которых и сказалось решающим образом на ее исходе.

Преимущество советской военной науки, развивающейся на методологических основах марксизма-ленинизма, заключается в том, что она исходит из признания объективных законов войны и возможности их отражения в содержании военных знаний. Однако данное преимущество обеспечивается не автоматически, а требует дальнейшего глубокого познания характера и условий современной войны, операций, боев.

Познание объективных законов войны и умелое их использование в практической деятельности неразрывно связаны с научным пониманием соотношения материальных и духовных факторов войны.

Глава V

ДИАЛЕКТИКА ПОЗНАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ДУХОВНЫХ ФАКТОРОВ В ВОЙНЕ

1. Материальные и духовные факторы в войне и их соотношение

До начала XX века среди военных деятелей господствовало мнение о ведущей, преобладающей роли духовных сил над материальными. В дальнейшем в связи с бурным развитием техники и ростом политической ненадежности личного состава империалистических армий в буржуазной военной мысли ясно определилась тенденция к преувеличению роли военной техники в войне и преуменьшению духовных сил человека.

Однако опыт войн и военного строительства заставляет военных деятелей, командиров, ближе всего стоящих к решению конкретных задач военного дела, трезво оценивать роль духовных сил в войне. Чаще всего это делается в узкопрактическом плане принятия мер по морально-политической обработке личного состава, его психологической подготовке, извращенному истолкованию целей и задач капиталистических армий, характера будущих войн.

Проблема соотношения материального и духовного в войне, безусловно, сложная и многоплановая. В полной мере она может быть разрешена лишь на методологической основе диалектического и исторического материализма, научного решения основного вопроса философии применительно к теории и практике военного строительства.

В реальной жизни, в тех явлениях, с которыми приходится иметь дело военному теоретику и практику, командиру и офицеру штаба, материальное и идеальное находятся в многообразном сочетании и переплетении.

Непосредственно в вооруженных силах основу материального фактора составляют оружие и вся боевая техника, различные средства обеспечения и снабжения войск. К материальному фактору в войне относятся и люди с их материальной, физической стороны, а также естественные условия ведения военных действий: местность, погодные, климатические условия и пр.

Духовный фактор в войне также включает в себя различные элементы. К ним прежде всего относятся идеология, понимание воинами, всем народом политических целей войны, готовность, не щадя своей жизни, бороться за достижение победы. Важное место в духовных силах людей занимают черты индивидуальной и общественной психологии: чувства, настроения людей, их психологическая устойчивость, способность сохранять самообладание в самых сложных условиях боя. Духовный фактор включает в себя общественные, естественные, технические знания людей, уровень их духовной и воинской культуры, военное искусство военачальников и различных категорий личного состава. Духовные силы выступают как глубоко социальные, классовые.

В процессе познания материального и духовного в войне чрезвычайно важно учитывать, что их взаимодействие многофункционально, подвижно, разнообразно в своих конкретных проявлениях в различных условиях обстановки. Поэтому, как и во всяком анализе диалектического взаимодействия, следует точно определять, о чем идет речь, какая плоскость соотношения материального и духовного берется в том или ином случае. Одно дело, когда объектом исследования являются материальные основы формирования духовных сил, другое — когда речь идет о их роли в войне.

Признание в качестве исходного материалистического положения о первичности материи и вторичности сознания не снимает активности сознания, его обратного влияния на материальное, проявляющегося в практической деятельности. Конечно, понятия, идеи, чувства сами по себе не могут изменить мир. Свою активную роль сознание выполняет посредством материальных факторов. К. Маркс писал: «Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [1]. На характер

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 132.

этой практической силы большое влияние оказывает сила духовная. «Во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [1]. Моральные качества людей — воля к победе, готовность к самопожертвованию, смелость, отвага, стойкость — имеют в войне решающее значение.

Взаимодействие материальных и духовных сил должно постоянно учитываться в военно-научном познании. Возьмем, к примеру, командирскую деятельность. Принимая решение на осуществление того или иного маневра в бою, командир исходит из учета не только материального фактора — характера действий противника, наличия в подразделении сил и средств, боеприпасов, влияния местности, но и таких явлений духовного порядка, как решение вышестоящего командира, замысел действий противника, морально-боевые качества воинов.

В боевых действиях могут возникнуть обстоятельства, при которых материальные и духовные силы как бы противостоят друг другу, соперничают между собой. Речь идет о такой ситуации, когда морально превосходящая сторона противостоит противнику, имеющему численное или техническое превосходство. Особенно наглядно это проявилось, например, во время войны во Вьетнаме (1964—1973). В этой войне, как известно, американские империалисты, обладая техническим превосходством, противостояли вьетнамским патриотам, ведущим справедливую, освободительную борьбу. Победа оказалась на стороне героического народа Вьетнама. Однако и в этом случае сталкивались не материальные факторы одной стороны с духовными силами другой, а опять-таки их разум, убеждения, воля, проявившиеся через использование военной техники. Победа, одержанная в бою над равными и численно превосходящими силами противника, является также и показателем высокого воинского мастерства командиров, штабов.

Этот и многие другие примеры показывают, что материальные и духовные силы в войне не действуют в чистом виде. Реально они существуют в самых различных сочетаниях. В познавательной деятельности очень важно видеть специфику каждого конкретного сочетания мате-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

риального и духовного — в наступлении и обороне, во встречном бою и при отходе, при действиях с применением обычных средств поражения и ядерного оружия.

Одним из конкретных выражений взаимодействия материального и духовного в войне является соотношение объективного и субъективного факторов. Проблема эта очень близка к вопросу о соотношении материального и духовного, но не тождественна ему.

Под субъектом социального действия обычно понимается один человек или группа лиц, выступающие в качестве активного начала какого-либо процесса общественной жизни. В зависимости от масштаба и характера общественного процесса этим субъектом действия могут быть отдельный руководитель, организация, социальный класс и даже все человечество. В соответствии с тем, что взято в качестве субъекта, будет определяться и объект воздействия. Для командира, штаба и политорганов в качестве объекта воздействия выступают свои войска, их всесторонняя материальная и морально-психологическая подготовка, снабжение, управление в процессе организации и проведения операции, противник, поражение которого является целью военных действий, местность, подготавливаемая и используемая в интересах боя, настроения воинов, их решимость одержать победу, проявить стойкость, героизм.

Следовательно, объективное не совпадает полностью с материальным. Оно может включать в себя и духовные моменты — мысли и чувства людей, ставших объектом воздействия. Субъективное тоже целиком не сводится к духовному, поскольку включает в себя (правда, в несравненно меньшей степени) материальное — физические силы людей.

Объективный фактор характеризует пределы проявления людьми своих знаний и воли, возможности победы или поражения. Роль и значение субъективного фактора будут зависеть от того, насколько субъективная цель, стремление, воля будут соответствовать этим возможностям, то есть требованиям объективной обстановки. Их совпадение — важнейшее условие достижения успеха в бою.

Следовательно, научное решение проблемы соотношения материального и духовного в войне во всех их конкретных сочетаниях возможно на основе последовательного материалистического решения основного вопроса фи-

лософии. Вместе с тем в познании важно учитывать сложность и многогранность военной действительности, операции, боя, исходить из того, что реальное взаимодействие материальных и духовных факторов чрезвычайно многообразно. Поэтому научно-материалистический подход к познанию соотношения материального и духовного, военной теории и практики носит не разовый характер, а распадается на ряд этапов, уровней, плоскостей, учет которых позволит эффективнее управлять подразделениями в бою, плодотворнее вести научное исследование.

2. Материалистический подход к пониманию соотношения человека и техники в войне

Будучи одной из коренных мировоззренческих и методологических проблем военной теории и практики, вопрос о человеке и технике в войне всегда привлекал большое внимание социологов, военных исследователей, командиров. Его сложность и политическая острота обусловили возникновение множества ошибочных суждений о роли человека и техники в войне в разные периоды истории развития военной мысли.

Человек — явление сложное. К. Маркс писал: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1]. Поэтому к проблеме «человек и техника в войне» марксизм-ленинизм применяет социально-классовый и общественно-исторический подход, а функцию человека в войне неразрывно связывает с ролью народных масс, различных классов и социальных групп.

Классовые политические цели достигаются усилиями масс. В. И. Ленин указывал, что «политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...» [2]. В этой связи для проблемы «человек и техника в войне» особое значение имеет вопрос о количестве людей, втягиваемых в борьбу за достижение победы, степени напряжения, тягот и жертв, которые требуются от народа и армии.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 16—17.

В практическую деятельность на войне люди включаются во всей совокупности своих свойств и качеств: физических, интеллектуальных, морально-политических, психологических. Вместе с тем в различных условиях боевой деятельности та или иная сторона человеческой личности может выдвигаться на передний план, приобретать доминирующее значение. Например, при пуске ракеты главным являются специальная техническая подготовка личного состава, знание им своих функциональных обязанностей и умение их правильно и четко выполнять. Напротив, после ядерного удара противника, в процессе восстановления боеспособности подразделений на первый план выдвигается их психологическая устойчивость, а при совершении длительных маршей многое зависит от физической выносливости воинов.

Исследуя взаимодействие человека и техники в различных конкретных условиях боевой деятельности войск, приходится как бы выхватывать отдельные связи, показывать их крупным планом, сосредоточивать на них внимание и абстрагироваться от других взаимосвязей. Процесс этот вполне закономерный, логически обоснованный. Вместе с тем методологически очень важно постоянно помнить о сложности, многосторонности проявления в войне человеческой личности и решающей роли в этой совокупности социально-политических и нравственных качеств людей.

Характеризуя взаимосвязь человека и техники, советская военная наука исходит из их диалектического единства. Методологический смысл этого положения состоит в следующем: люди и военная техника рассматриваются не обособленно, не сами по себе, а в их единстве и взаимообусловленности, в возникновении и разрешении диалектических противоречий между ними. Выяснение любой проблемы, связанной с подготовкой, деятельностью людей, развитием, применением военной техники, неизбежно приводит к обнаружению этого единства. Так, развитие военной техники поставило проблему обитаемости. Дело в том, что специфические особенности эксплуатации ряда видов военной техники, а именно: вибрация, шум, состав воздуха, различного рода излучения, перепады температуры, давления — потребовали создать такие условия жизнедеятельности человека, которые давали бы возможность использовать технику (боевые машины, тан-

ки, подводные лодки, радиолокаторы) с наивысшей эффективностью.

Теоретический вывод о единстве человека и техники служит важным методологическим средством комплексного исследования условий эксплуатации военной техники с учетом ее боевых и маневренных свойств, а также физиологических, психологических и морально-политических качеств личного состава, его подготовленности. Практическая направленность этого положения состоит в том, чтобы добиться высокой технической выучки воинов всех специальностей, их умения выжать из техники все, на что она способна.

В системе «человек — техника» при всей ее сложности и разнообразии связей очень важно различать две качественно разнородные и вместе с тем друг с другом связанные стороны — военно-техническую и социально-политическую.

К военно-технической стороне системы связей между человеком и техникой относится взаимодействие техники и физических, биологических, физиолого-психологических, интеллектуальных свойств человека. Эта сторона относительно самостоятельна по отношению к характеру войны, ее политическим целям. Она имеет много общего в армиях противоположных социальных систем.

С социально-политической точки зрения соотношение человека и техники представляется несколько иначе. С одной стороны, поскольку военная техника создается для решения политических задач, то ее развитие и успех применения определяются политическими целями людей, участвующих в войне, их морально-политическими качествами. С другой стороны, развитие и применение военной техники ведут к определенным политическим последствиям в результате победы той или иной армии в войне.

В социально-политическом плане особенно глубоко различие теоретического и практического решения проблемы «человек и техника в войне» в империалистических и социалистических государствах. В странах капитала социально-политическая сторона соотношения человека и техники выступает, в сущности, как взаимоотношение между господствующими классами, определяющими политические цели использования военной техники, и трудящимися массами, руками которых она производится и применяется.

Если в капиталистическом обществе налицо тенденция противопоставления техники человеку, принижения последнего, то в условиях социализма подчеркивается решающая роль человека в войне. Это обусловлено тем, что технику развивает человек. От его знаний, умения, степени трудовых усилий, а также от характера общественных отношений людей непосредственно зависит успех применения техники. И на войне человек является решающей силой. Энгельс, указывая на перспективы применения усовершенствованных ружей, писал: «...люди, а не мушкеты, будут выигрывать сражения...» [1].

От умения воина, его моральных и физических сил зависит успех применения военной техники. Л. И. Брежнев в речи на приеме в честь выпускников военных академий 5 июля 1967 года говорил: «Наша партия исходит из ленинского учения о том, что, как бы ни была высока техническая вооруженность армии, человек, в совершенстве овладевший техникой, остается главной, решающей силой на войне. Это особенно важно теперь, в век ракетно-ядерного оружия, когда судьбу войны будут решать люди, овладевшие оружием и боевой техникой, закаленные морально и физически, беспредельно преданные своей Родине, партии и народу» [2].

Положение о решающей роли человека в войне ориентирует военные кадры на то, чтобы решение любых задач — политических, боевых, технических — начинать с подготовки людей, сосредоточивая внимание на их обучении и воспитании, видеть в этом решающее звено.

Подчеркивая роль человека как решающего фактора на полях сражений, важно учитывать существенные изменения в этом отношении. Прежде, когда военная техника была развита слабо, человек в боевой обстановке был одним из основных источников механической энергии. В наше время в военных действиях используется громадное количество необычайно мощной техники, вследствие чего роль человека как силы, грудью пробивающей себе дорогу через вражеские позиции, ушла в прошлое. Физические возможности человека сейчас нужны в бою, но уже главным образом для приведения в действие технических средств, чтобы выдержать необычайную напряжен-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 225.
[2] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, с. 51.

ность боевой обстановки. Однако в целом роль человека с его убеждениями, знаниями, волей, чувствами, психологической устойчивостью, высокой профессиональной подготовкой еще больше возрастает.

В современных условиях особую актуальность приобретает ленинское положение о том, что война «требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника» [1].

В связи с развитием военной техники и изменением характера боя и войны в целом повышается значение морально-психологической подготовки войск, умения целеустремленно, планомерно воздействовать на психику воина в соответствии с его особенностями как личности, а также общим характером боевой деятельности подразделения. Большое значение имеет выработка у офицерского состава способности правильно оценивать психологические результаты тех или иных мероприятий учебно-воспитательного, идеологического, политического характера, предвидеть психологический эффект применения оружия, новой техники, неожиданных тактических приемов со стороны противника, воздействия случайности в бою. Огромное влияние современного оружия, особенно ядерного, на психику воина обусловливает необходимость разработки методов быстрой оценки морально-психологического состояния личного состава после обмена ядерными ударами, восстановления управления подразделениями, ликвидации последствий ядерного нападения противника, принятия неотложных мер к своевременному и точному выполнению поставленной боевой задачи.

Все это означает, что морально-политическая и психологическая подготовка выступает ныне не просто как самостоятельный вид подготовки личного состава, а как органически неотъемлемая часть всей системы политической и боевой учебы, воинского воспитания, боевой готовности соединений, частей, подразделений.

Неотъемлемым элементом содержания понятия «духовные силы людей в войне» является высокое воинское искусство, боевое мастерство всех категорий личного состава вооруженных сил, и прежде всего искусство командного состава, его организаторские способности.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.

С развитием военной техники значительно усложняются все функции руководства боевой деятельностью войск, их боевой и политической подготовкой, обучением и воспитанием, наполняется новым содержанием само понятие о воинском мастерстве, полевой, воздушной и морской выучке воинов. Все стороны деятельности командиров и офицеров штабов требуют научного подхода, глубокого понимания объективных законов войны, операции и боя, научного предвидения боевых событий, результатов боевой подготовки, общих тенденций развития военного дела.

В военном искусстве рассудок, стройная логика, интуиция командира вместе с его волей, чувствами, способностью уловить все своеобразие конкретной боевой ситуации объединяются в органическое единство, уникальное и неповторимое, что и обеспечивает принятие командиром решений, способность найти и использовать слабое место у противника для нанесения по нему решающего удара, эффективно применять имеющиеся в подразделениях оружие и боевую технику, навязать противнику свою волю.

Научный подход к решению проблемы взаимосвязи человека и техники в войне важен в методологическом отношении и при разработке конкретных вопросов военно-технической политики, обеспечивающей военно-техническое превосходство наших войск над вероятным противником. В этом плане требуются реальная оценка боевых возможностей оружия и техники, состоящих на вооружении армий капиталистических государств, выявление их сильных и слабых сторон, способов боевого применения, перспектив создания новых средств борьбы, анализ состояния технической подготовленности личного состава этих армий и выработка на этой основе правильных ориентиров в совершенствовании имеющихся образцов оружия и техники наших войск.

При решении задач военно-технической политики важно учитывать разнообразие боевых задач, сложность условий боевой деятельности, которые требуют применения самой различной военной техники и оружия, непрерывного наращивания и модернизации боевого арсенала. В данном случае проблема взаимосвязи человека и военной техники перерастает по своей значимости в более широкую проблему соотношения видов вооруженных сил, родов войск и видов оружия внутри каждого из них. По

мере развития военной техники, особенно с появлением новых образцов оружия, это соотношение меняется, а вместе с ним не остаются постоянными и распределение людей по видам вооруженных сил, родам войск и общая их структура. Все это обусловливает научную разработку принципов военного строительства, вопросов мобилизационной и боевой готовности соединений, частей, подразделений в современных условиях.

Военная техника усиливает войска не только количественно, но и качественно, увеличивает их ударную и огневую мощь, маневренные возможности, обеспечивает гармоническое сочетание основных элементов боевых действий: огня, удара и маневра, дает возможность достигать цели боя в более короткие сроки.

Ныне эти качественные особенности взаимосвязи человека и техники, оружия и тактики проявляются особенно отчетливо и, что наиболее существенно, техническая модернизация армий идет все более ускоренными темпами. Известно, что понадобилось почти 350 лет для перехода от гладкоствольного оружия к нарезному. Пулемет, впервые изобретенный в 1883 году, уже в войне 1914—1918 годов становится массовым оружием войск. За последние десятилетия процесс разработки новых образцов оружия и оснащения ими армий ускорился в 2—3 раза. Только на протяжении последних 10—15 лет у нас и за рубежом сменилось два-три поколения ракет, обновилась значительная часть парка боевых самолетов.

Эта новая черта в системе взаимосвязи «человек — техника» вызывает необходимость на современном этапе военного строительства настойчиво изыскивать пути дальнейшего совершенствования организационных форм соединений и частей, предназначенных для действий в различных географических районах, устанавливать оптимальные соотношения средств нападения и защиты в развитии вооружений.

При исследовании соотношения родов войск и видов оружия, комплектования и подготовки вооруженных сил в соответствии с требованиями новой технической базы войны существенно выявить источники формирования технического и человеческого факторов. Разумеется, для эффективного применения военной техники требуются и определенное качество и количество людей — солдат и командиров, правильная система их взаимодействия с

техникой, объединение в единый боеспособный воинский организм. Научное решение проблемы гармонического сочетания людей и техники в широком плане зависит от объективных возможностей, заложенных в уровне развития производительных сил, характере производственных отношений и политических целей войны.

Социалистический способ производства, передовой общественный строй и справедливые цели войны создают все необходимые возможности для обеспечения вооруженных сил самой совершенной военной техникой и необходимым контингентом личного состава, обладающим высокими морально-политическими качествами.

Острота противоречий между человеком и военной техникой в буржуазных армиях находится в прямой зависимости не только от характера внутренних экономических и политических противоречий империалистических государств, но и от общего соотношения мировых политических сил — сил агрессии, с одной стороны, и сил мира — с другой. Ходом исторического развития это соотношение все решительнее меняется в пользу сил социализма, мира и демократии.

Таким образом, реально складывающаяся взаимозависимость между человеком и военной техникой охватывает многие аспекты общественного, социального, психологического и технического плана, всесторонний учет которых дает возможность иметь правильную ориентацию для военных кадров, умело использовать как безграничные возможности современного оружия, так и морально-политические силы и интеллектуальные возможности человека для достижения победы в бою.

3. Влияние материальных и духовных факторов войны на формы и способы ведения военных действий

Среди коренных вопросов военной теории и практики проблема поиска новых форм и способов ведения военных действий является наиболее сложной и важной. Правильно предвидеть характер будущей войны, выработать формы и способы ведения операций и боев, соответствующие новым средствам борьбы, — значит до-

биться дополнительного преимущества над противником, заранее обеспечить себе условия победы.

На протяжении тысячелетий развития военного искусства новые способы ведения боевых действий определялись главным образом эмпирически, опытным путем. Создание К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектического и исторического материализма позволило подойти к решению этого сложного вопроса по-научному. Выявив наиболее общие законы войны, марксизм-ленинизм выработал тем самым методологические принципы анализа форм и способов ведения военных действий, определения тенденций их развития.

Методологическая вооруженность военных кадров в совершенствовании уже известных и разработке новых способов ведения операций, боев приобретает особую важность в современных условиях в связи с коренными преобразованиями в военном строительстве, оснащением армий не только обычным, но и ядерным оружием, изменением стратегического облика войн.

Огромная заслуга в выяснении объективных законов развития форм и способов ведения военных действий принадлежит Ф. Энгельсу. В работе «Анти-Дюринг» он писал: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»[1]. Данное положение носит характер основного закона развития военного искусства, который остается незыблемым и в современных условиях.

Ф. Энгельс сформулировал это научное положение в то время, когда господствовали идеалистические концепции о решающей роли полководцев в войне, в развитии военного искусства. Оно явилось блестящим подтверждением

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.

плодотворности диалектического и исторического материализма как всеобщего метода познания. Глубокий смысл рассматриваемого закона состоит в следующем: все многообразие факторов, определяющих развитие форм и способов ведения военных действий, сводится к основным элементам военной силы, а именно количеству и качеству людей и военной техники, имеющим свои корни в способе производства, и деятельность полководцев исторически обусловлена этой объективной основой. Исходным методологическим ключом к решению этой проблемы является диалектика материального и духовного, конкретизирующаяся в диалектике человека и техники, объективного и субъективного.

Для более глубокого выявления характера влияния человека и техники на формы и способы боевых действий войск целесообразно проследить этот процесс в историческом плане. В условиях недостаточно развитой военной техники человек в боевой обстановке был одним из основных источников механической энергии. Еще в конце XVIII века до 80 процентов всех потерь составляли потери от холодного оружия. Все строилось на мускульной силе человека, а затем и лошади. Движение масс пехоты и конницы составляло основу удара в наступательном бою, предрешало его успех.

Технические усовершенствования в эпоху войн рабовладельческого и феодального обществ происходили менее заметно и динамично, чем изменения качеств людей. Поэтому изменения в личном составе оказывали в течение многих веков главное влияние на боевые возможности войск и на совершенствование способов ведения военных действий.

Ф. Энгельс в ряде своих высказываний, относящихся к оценке военного искусства Великой французской революции, на первое место среди причин развития способов ведения военных действий выдвигает качество человеческого материала. Характеризуя полководческое искусство Наполеона, он писал: «Этот новый способ ведения боя, основанный на сочетании рассыпанных в цепь стрелков с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был полностью разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и со стороны стратегии. Но необходимость его была создана прежде всего

изменением солдатского материала, вызванным французской революцией»[1].

С середины XIX века влияние человеческого и технического факторов на формы и способы ведения военных действий стало существенно меняться. Физические силы человека стали все больше заменяться механическими, возрастали огневая мощь оружия, его дальнобойность, эффективность, увеличивались ударная сила и маневренность войск. Все это обусловило большие перемены в стратегическом облике войн — увеличение их напряженности, решительности, пространственного размаха, общей продолжительности сражений, количества людских потерь.

Наиболее крупным, вызвавшим глубокие последствия изменением в военной технике было широкое внедрение нарезного, заряжающегося с казны оружия. Уже во франко-прусской войне (1870—1871) огнестрельное оружие становится решающим средством достижения победы. Зародилась тактика огневого боя, оказавшая существенное влияние на построение боевых порядков войск в наступлении и обороне, способы сближения сторон и нанесения удара, а также осуществление маневра.

Не менее существенные сдвиги в развитии форм и способов ведения боевых действий произошли с появлением средств повышения маневренности войск. Железные дороги и паровые суда создали большие возможности маневра вооруженными силами на театрах военных действий, обеспечивали их систематическое пополнение и материальное снабжение.

В последующем развитие военной техники и ее влияние на способы ведения операции, боя шли все убыстряющимися темпами. Существенные изменения в развитии способов боя вызвали появление в массовом количестве пулеметов, танков, самолетов и на флоте — переход от парусных кораблей к паровым, а потом к дизель-электрическим, появление подводных лодок и средств минирования морских акваторий. Все это знаменовало собой нарастание боевой мощи войск, их маневренных и ударных возможностей. Если в 1914 году на одного солдата приходилось 0,3—0,4 л. с. механической энергии двигателей, в 1918 году 1,5—2 л. с., то к началу второй мировой вой-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 173.

ны — 10 л. с. и более, а в механизированных и моторизованных войсках — свыше 25 л. с.

На современном этапе подлинно революционный переворот в материальной основе войны, а соответственно и в способах подготовки и ведения операций и боев вызвали появление и бурное развитие ракетно-ядерного оружия. Еще никогда за всю историю развития военного искусства армии не обладали такой огромной боевой мощью, как теперь. Военным исследователям, командирам всех степеней еще многое предстоит сделать, чтобы выявить те глубочайшие изменения, которые вызвало это оружие в способах ведения операции, боя.

Важно отметить, что по мере развития военной техники происходит увеличение доли овеществленного труда в ней и резкое уменьшение доли непосредственно живого труда. Эту всевозрастающую роль изменений в технике для военного искусства отмечал Ф. Энгельс. По его мнению, новая техника «придает сражению совершенно иной характер и иной ход... И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы ведения войны» [1].

Возрастание значения техники в развитии форм и способов ведения военных действий происходит одновременно с увеличением роли человека и его духовных сил в войне. Люди совершенствуются в моральном, интеллектуальном и особенно политическом отношении. Сейчас происходят крупные качественные сдвиги в духовном облике советских людей. Растет уровень их образования, профессиональной подготовки, повышаются политическая грамотность и активность, изменяются интересы и потребности.

В подтверждение сказанного приведем такие данные. Если накануне Великой Отечественной войны военнослужащие с начальным образованием составляли более 60 процентов, то в настоящее время почти 100 процентов воинов имеют высшее, среднее и неполное среднее образование [2].

Развитие форм и способов ведения военных действий зависит, как указывал Ф. Энгельс, не только от качества,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 394.
[2] «Красная звезда», 1975, 29 янв.

но и от количества людей и военной техники. Как известно, качественные сдвиги в развитии форм и способов ведения военных действий происходят только при определенном количестве новой военной техники.

Количество людей и военной техники, определяя масштаб сражений, служит материальной базой для возникновения новых форм военных действий. Например, усложнение характера военных действий и создание массовых армий в конце XIX — начале XX века привели к появлению новой формы военных действий — операции и соответственно зарождению в последующем оперативного искусства как промежуточного звена между стратегией и тактикой. В свою очередь, под влиянием технического усовершенствования средств борьбы не оставалось неизменным и само содержание операции. Появившись во франко-прусской (1870—1871), русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905) войнах как армейская, в первую мировую войну операция укрупняется и становится фронтовой, а в Великую Отечественную войну приобретает черты стратегического размаха.

С ростом массовых армий усиливается влияние политики и экономики на ведение военных действий, на выбор способов решения военных задач. Уровень экономического и научно-технического развития, характер общественного и государственного строя страны, политические цели войны влияют на формы и способы ведения военных действий тем, что составляют объективную основу развития военной техники и подготовки личного состава, духовных, творческих сил командных кадров, военных теоретиков. Их субъективная деятельность способствует реализации объективных возможностей в совершенствовании старых и появлении новых способов ведения военных действий.

Субъективная сторона разработки форм и способов ведения военных действий включает в себя творческую деятельность командиров и штабов, непосредственно руководящих боевыми действиями, военных теоретиков, разрабатывающих принципиальные направления развития форм и способов ведения военных действий, творческую активность воинов, реализующих в конечном итоге все планы победы над противником.

Прогрессивный общественный строй, высокий уровень общей культуры народа, справедливые цели войны со-

ставляют объективную основу выдвижения талантливых полководцев, командиров, развертывания их творческой активности, проявления всем личным составом инициативы, находчивости, военной хитрости в бою.

Процесс формирования новых способов ведения операции, боя — результат большой творческой работы командиров и штабов. Для успешного руководства войсками недостаточно применять типовые методы решения боевых задач. Здесь необходимы новые, оригинальные, неожиданные для врага приемы и способы действий, которые являются продуктом творчества и вдохновения, смелости и решительности, предвидения и риска.

Для каждого истинно талантливого полководца характерен свой собственный, только ему присущий стиль руководства военными действиями. Маршал Советского Союза А. М. Василевский так пишет о генерале армии Ватутине: «Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и в тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками» [1].

Современная боевая действительность — это сложное переплетение множества взаимосвязанных и противоречивых моментов. Можно досконально изучить военное дело и его законы, но каждый конкретный случай будет иметь свою специфику. Вот тут-то опыт, интуиция командира, его оперативно-тактический кругозор должны помочь ему быстро найти оригинальное решение, слабое место в боевом построении врага и использовать его для нанесения удара.

При анализе роли духовных сил в развитии форм и способов ведения военных действий следует иметь в виду и такую особенность. В прошлом новые способы ведения военных действий возникали чаще всего непосредственно в ходе ведения войны, а порой и как итог стихийных, неконтролируемых действий солдатских масс. Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «...Успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в

---

[1] Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975, с. 398.

военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...»[1].

Все сказанное правомерно для периода, когда проникновение науки в военное искусство было ограниченным. В наши дни происходит постоянное возрастание роли научного подхода к изысканию новых форм и способов ведения военных действий. Сложность и разнообразие современных средств борьбы, высокие темпы развития военных действий требуют теперь глубокой теоретической проработки новых способов ведения военных действий, их прогноза еще в мирное время.

Задача военных теоретиков, ученых, командиров, штабов всех степеней заключается в том, чтобы создать такую теорию операции и боя, выработать такие способы их подготовки и ведения, которые в полной мере соответствовали бы условиям и характеру современной войны и обеспечивали успешное ведение боевых действий.

Примером успешного решения такой задачи была разработка советской военной наукой в 30-х годах теории глубокой наступательной операции и боя, которая сыграла огромную роль в достижении победы Советских Вооруженных Сил над гитлеровской армией. Ныне советская военная наука, обогащенная опытом войн, имеет еще более широкие возможности для решения подобных задач прогностического характера.

В современных условиях воля, личная храбрость и настойчивость командира сочетаются с качествами исследователя, пытливостью ученого. Сегодняшний этап развития военного искусства требует от командных кадров глубокого понимания законов общественного развития, законов войны, опоры на марксистскую методологию. Сейчас уже нельзя ориентироваться на стихийное развитие способов вооруженной борьбы. Командир учитывает и обобщает опыт проводимых учений, вносит свою лепту в совершенствование тактического искусства. Следовательно, в новых условиях военное творчество масс приобретает характер организованного, целеустремленного, руководимого процесса.

Во все времена развития военного искусства воодушевление воинских масс, их боевая активность открыва-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 176.

ли перед военачальниками широкие возможности в разработке новых методов боя, придавали военным действиям черты решительности и смелости. 10 октября 1793 года один из видных комиссаров якобинцев Сен-Жюст заявил в Конвенте: «Военное искусство монархии нам не подходит. Теперь новые люди и новые враги. И если французский народ страшен в своем порыве, своей горячности и если его враги тяжелы, холодны и медлительны, то его военная система должна заключаться в стремительности и натиске» [1].

Еще в большей мере это проявилось в социалистической революции, в войнах, которые пришлось вести пролетариату. М. В. Фрунзе писал, что свойственные Красной Армии черты маневренности, решительности были связаны не только с объективными условиями военных действий, но и с тем, что «во главе Красной Армии оказались элементы, пропитанные активной идеологией рабочего класса» [2]. Не случайно, что характерными чертами способов ведения военных действий нашей армией явились решительность политических и стратегических целей, высокоактивные наступательные действия.

Столь важные традиции были восприняты и развиты Советскими Вооруженными Силами в годы Великой Отечественной войны. Проведенные ими операции отличались мастерством, высокой эффективностью и результативностью. Это обусловливалось тем, что советские командиры опирались в своих практических действиях на мощное мировоззренческое и методологическое оружие — диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинское учение о войне и армии.

---

[1] Новая история, ч. 1. М., 1939, с. 126.
[2] Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1965, с. 92.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

☆

Сложен и неповторим в своем конкретном проявлении путь к истине. Своими особыми путями происходит и развитие военной теории, совершенствование познавательных способностей командиров и офицеров штабов. Хотя в основе этих процессов лежит немало причин, условий, обстоятельств, однако главной из них является военная практика. Практическая военная деятельность составляет основу и главную цель военно-научного познания, выступает как критерий истинности научных знаний, служит верным показателем их эффективности. Поэтому анализ диалектического пути военно-научного познания необходимо начинать с раскрытия содержания военной практики, уяснения ее особенностей и влияния различных видов на развитие военной науки, совершенствование познавательных способностей военных кадров, формирование методов управления войсками в мирное время и в бою.

Отражение реальных процессов войны, подготовки к ней страны и вооруженных сил представляет собой диалектическое единство чувственного и рационального познания. На основе живого созерцания командир получает данные о внешних явлениях боя, боевой обстановки, действиях войск. Абстрактное мышление дает возможность раскрыть сущность этих неоднородных процессов, установить закономерности, лежащие в их основе. Для принятия практических решений необходимо знание как закономерностей боя, так и конкретных данных о реально складывающейся в ходе него обстановке, состоянии подразделений своих и противника. Особенности боевых ситуаций и условий, в которых происходит развитие военной теории, определяют известные специфические черты чувственного познания и абстрактного мышления военных кадров.

Непосредственная цель военно-научного познания состоит в получении объективно истинных знаний, необходимых для успеха практической военной деятельности. Сама истина представляет собой диалектическое единст-

во абсолютного и относительного. Специфика военной науки как знаний о будущей войне, равно как и знаний о боевой обстановке, определяет известную сложность получения объективной истины, особенности соотношения в ней элементов относительного и абсолютного.

Диалектический путь военно-научного познания отражает не только общие закономерности познавательного процесса, но и специфику их проявления в развитии военных знаний. Он присущ познавательной деятельности военных кадров на всех этапах развития военного дела.

В современных условиях этот процесс значительно усложнился, приобрел новые специфические черты. Возросло значение теоретического мышления военных кадров, усложнилось получение эмпирического материала, предопределяющего развитие военно-научных знаний. Революция в военном деле обусловила необходимость создания принципиально новых теоретических взглядов, концепций, истинность которых трудно проверить на основе военной практики мирного времени. Все это потребовало дальнейшего совершенствования критериев истинности военной теории. Уяснение особенностей диалектики развития современных военно-научных знаний является непременным условием повышения эффективности военно-научных исследований, принятия обоснованных решений в процессе практической военной деятельности.

9 Зак. 343

Глава VI

ВОЕННАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

1. Содержание военной практики, ее особенности и основные виды

Практика человека и человечества является связующим звеном между объективной действительностью и знанием о ней. Поэтому, как указывал В. И. Ленин, «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1]. По его глубокому убеждению, «вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания...» [2].

Научное решение марксизмом-ленинизмом проблемы о соотношении познавательной (теоретической) и практической деятельности человечества явилось величайшим достижением философской мысли. Оно дало возможность одержать решительную победу над идеализмом, преодолеть ограниченность теории познания домарксовского материализма, создало условия и предпосылки для научного объяснения формирования познавательных способностей человека, позволило найти объективный показатель, критерий истинности наших знаний.

Военная практическая деятельность является одним из видов общественной практики на том этапе ее развития, пока существуют войны. Она обладает основными признаками, которые присущи всем видам социальной практики. В то же время, будучи специфическим видом деятельности, военная практика имеет и свои, только ей присущие особенности. Поэтому для анализа ее содержания необходимо исходить из марксистско-ленинского по-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145.
[2] Там же, с. 198.

нимания сущности общественной практики с учетом специфических черт военной практики.

Общеизвестны два вида военной практики: боевая практика — ведение боя, операции, непосредственная подготовка к ним соединений, частей, подразделений и управление войсками в ходе боевых действий; учебно-боевая практика — организация и проведение с личным составом занятий, стрельб, учений, а также военно-научных исследований, осуществление других мероприятий, направленных на повышение боевой готовности войск. Основным из этих видов является боевая деятельность войск, то есть боевая практика. Военные знания, равно как и практика подготовки подразделений в мирное время, призваны обеспечить успех в бою, операции. Поэтому рассмотрение военной практики правомерно начать с анализа ее основного вида, а затем уже раскрыть особенности учебно-боевой практики войск.

Практическая деятельность в отличие от теоретической есть предметная деятельность. Практика не что иное, как изменение предмета в процессе воздействия на него. Боевая практика также представляет собой предметную, преобразующую деятельность. Главным объектом преобразования боевой практики является противник, его материальная сила. Смысл и назначение боевой деятельности состоят в том, чтобы воздействовать на противника, подавить сопротивление, сломить его волю, нанести потери, уничтожить (захватить) оружие, боевую технику, не дать возможности восполнить их, разгромить вражеские резервы.

Люди преобразуют объективную действительность посредством применения практической силы. Таковой является организация самих людей, использующих соответствующие материальные средства. Материальная сила противника может быть уничтожена только применением практической силы, использованием соответствующих материальных средств боя. Таким материальным средством являются подразделения, части — организация людей, располагающих оружием и боевой техникой.

Практика как одна из форм общественного процесса характеризуется тем, что она есть «*целе*полагающая деятельность человека»[1]. Люди ничего не делают без зара-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

нее поставленной, определенной ими самими цели, которая влияет и на способ самой практической деятельности. Указывая на эту особенность общественной практики, К. Маркс писал: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [1].

Следовательно, общественная практика представляет собой единство объективного и субъективного. С одной стороны, люди в процессе практической деятельности преобразуют объективную, независимо от них существующую действительность, употребляя соответствующие материальные средства. С другой — они подчиняют направление своей практической деятельности заранее поставленной (определенной ими) цели, которая обусловливает способ их действий. Характер боя, применяемые формы и способы разгрома противника зависят от материальных средств вооруженной борьбы, соотношения сил, содержания поставленной задачи, принятого командиром решения.

При поверхностном подходе к пониманию практики может показаться, что ее субъективная, целеполагающая сторона преобладает над объективной. В действительности, как писал В. И. Ленин, «цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» [2].

Одностороннее преувеличение субъективной (целеполагающей) стороны практической деятельности является гносеологической основой идеализма, субъективизма, волюнтаризма в понимании характера человеческой практики. В то же время игнорирование роли субъективного момента практической деятельности, свободы человека в выборе им целей, определении способов их достижения неизбежно ведет к фатализму, к отрицанию активного воздействия людей на изменение объективной действительности.

Субъективная сторона практической деятельности

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

обусловлена объективными обстоятельствами. «Человек в своей практической деятельности,— писал В. И. Ленин,— имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность» [1]. Следовательно, цели человека, преследуемые им в ходе практической деятельности, порождены объективным миром.

Объективной стороной практической деятельности являются: изменяемый объект, существование которого не зависит от воли и желания человека; материальные средства, используемые человеком в ходе практической деятельности; общественная, географическая среда; объективные законы функционирования и развития изменяемого процесса, лежащие в основе данного вида преобразующей деятельности.

Игнорирование, пренебрежение объективными основами практики, хотя бы одним из ее элементов, неизбежно ведут к неудачам в практической деятельности. «Неисполнение целей (человеческой деятельности),— писал В. И. Ленин,— имеет своей причиной... то, что реальность принимается за несуществующее... что не признается ее (реальности) объективная действительность» [2].

Вместе с тем обусловленность целей человека объективными обстоятельствами не означает пассивного приспособления к ним. Человек не бессилен перед самими объективными законами. Он не может их отменить, но в его силах изменить (затормозить, ослабить или ускорить) их проявление в данных конкретно-исторических условиях. В этом и состоит одно из проявлений активности, целенаправленности, преобразующей практической деятельности человека.

Эту характерную черту практической деятельности (единство объективного и субъективного) важно учитывать и при подходе к определению военной практики, анализу ее конкретных форм.

Боевая практика во всех ее проявлениях представляет единство двух сторон — объективной и субъективной, материальной и духовной. Она является целеполагающей деятельностью. Избираемая до начала практической деятельности, ее цель определяет способы и характер боевых действий. В истории развития военной мысли длительное

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169—170.
[2] Там же, с. 199.

время считалось, что цели, определяемые военачальником, независимы от объективных обстоятельств и даже главенствуют над ними. Такой подход к боевой практике и является гносеологической причиной для идеалистических и волюнтаристских оценок характера сражений, боев, войны в целом многими буржуазными философами, военными теоретиками.

В основе боевой практики лежат независимые от воли и желания военачальника объективные обстоятельства, игнорирование, вольное или невольное принижение которых обрекают на неудачу деятельность командира, штаба, политорганов.

Объективной стороной боевой практики являются: противник, его оружие, техника, применяемые им способы действий; силы и средства, которыми располагает командир в ходе боевой деятельности; характер местности, погоды, время года и суток; законы боя, операции, действие которых не зависит от воли и желания людей. История войн наглядно свидетельствует: только точный учет всех указанных объективных факторов обеспечивал и обеспечивает успех боя, сражения. Наоборот, их игнорирование, нежелание считаться с ними неизбежно вели к поражению.

В то же время на содержание боевой деятельности существенное влияние оказывают и личные качества командира, офицеров штабов, органов управления, определяющих цели данного конкретного вида боевых действий, ставящих боевые задачи частям и подразделениям. Характерной чертой современного этапа общественной практики является то, что ее успех возможен только при использовании людьми достижений науки. Особенно велики роль науки, ее влияние на характер практической деятельности в тех отраслях общественной практики, с которыми человечеству впервые приходится сталкиваться. Боевые действия с применением ядерного оружия и других качественно новых средств вооруженной борьбы явятся совершенно новым видом боевой практической деятельности. Без опоры на научные знания практическая боевая деятельность в этой войне неминуемо будет обречена на неудачу.

Таким образом, **боевая практика есть деятельность личного состава вооруженных сил по разгрому противника и достижению политических целей войны.** В этом

определении боевой практики даны основные признаки, характеризующие практическую деятельность. Объект практики — противник. Цель практики — его разгром, достижение победы. Средство практики — материальная сила, то есть люди, оружие и боевая техника. Сам процесс боевой деятельности — бой, операция, военные действия. Такое определение практики характеризует ее как неразрывное единство объективного и субъективного.

Разгром противника, отражение его ударов являются непосредственной целью таких видов боевых действий, как наступление и оборона. В широком смысле назначение боевой практики состоит в достижении определенных политических целей государств, классов. Поэтому в зависимости от классового содержания политики она может носить как реакционный, так и прогрессивный характер.

Революционные классы используют военную практику для прогрессивного преобразования общественных отношений, уничтожения отживших социальных учреждений. В освободительных войнах такая практика предназначена для сохранения или завоевания национальной независимости, освобождения народа от колониального ига или от попыток порабощения со стороны империалистических государств. Реакционные классы используют военную практику в целях подавления революционных устремлений трудящихся, для сохранения отживших общественных отношений и учреждений, завоевания и угнетения других народов.

Прогрессивные классы, порабощенные народы прибегают к военной практике в тех условиях, когда без нее невозможны коренные социальные преобразования, сокрушение военной силы реакционных режимов. Социалистические государства вынуждены прибегать к боевой практической деятельности лишь в виде ответной меры на империалистическую агрессию. В условиях современной войны, если она будет развязана империалистами, такая практика вооруженных сил социалистических стран примет высокоактивный, наступательный характер и будет направлена на решительный разгром агрессора. Ее цель — защитить завоевания социализма. Поэтому она является одним из самых справедливых, прогрессивных видов военной практики. Только с уничтожением причин, порождающих войны, военная практика перестанет быть видом общественной практической деятельности.

Учебно-боевая практика есть комплекс мероприятий, проводимых в войсках по поддержанию их в постоянной высокой боевой готовности.

Военную практику этого вида, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы. Первая подгруппа — это практическая боевая, морально-политическая и психологическая подготовка личного состава, как рядового, так и командного, к ведению успешных боевых действий. Она направлена на повышение ударной силы, огневой мощи, маневроспособности подразделений, частей, вооруженных сил в целом. Вторая подгруппа — научно-исследовательская практика.

Содержание военной практики первой подгруппы многообразно. К ней относятся изучение боевых свойств оружия и овладение им, стрельбы, войсковые учения, командно-штабные тренировки и т. д. Данная разновидность военной практики направлена на подготовку к самой сложной и тяжелой практике — практике боя. Поэтому она должна быть максимально приближена к боевым условиям, обеспечивать выработку у личного состава высоких морально-боевых качеств. Только руководствуясь принципом на учебе, как в бою, можно добиться того, чтобы любое войсковое учение становилось физической моделью соответствующих форм военных действий.

В повышении боевой готовности войск важнейшее значение приобретает научно-исследовательская практика, призванная обеспечить разработку наиболее эффективных способов ведения операции, боя, методов управления войсками, их обучения и воспитания. Исследовательская военная практика проявляется в самых разнообразных формах. Одной из наиболее действенных ее форм являются полигонные и войсковые испытания оружия и боевой техники. Их значение становится все большим в связи с тем, что ныне на вооружении войск находятся такие образцы оружия и боевой техники, которые еще не применялись в боевых условиях.

Формой научно-исследовательской военной практики являются опытные учения, приобретающие в настоящее время особенно большое значение. Так, для определения боевых возможностей ядерного оружия, способности войск своевременно использовать результаты его применения в 1954 году в Советских Вооруженных Силах было проведено тактическое учение, в ходе которого был ре-

ально произведен взрыв ядерного боеприпаса. Это оказало большое влияние на совершенствование военной теории.

Одной из форм военной исследовательской практики являются также научно-исследовательские учения с применением математических методов и использованием электронно-вычислительных машин. На их основе проверяются расчеты, прогнозы и совершенствуется в целом военная теория, вырабатываются новые рекомендации, которые в последующем апробируются в ходе войсковых учений.

Для успешного развития военной теории в современных условиях важно опираться на все виды военной практики, использовать возможности моделирования боевых действий. Однако в мирное время важнейшими среди всех видов учебно-боевой практики, оказывающими решающее влияние на совершенствование боевого мастерства войск и разработку новой тактики, остаются войсковые учения, проводимые с максимальным боевым напряжением.

2. Роль военной практики в формировании мышления командных кадров, их боевого мастерства

Роль практики в познании состоит прежде всего в том, что именно в ходе и на основе практической деятельности формируются познавательные (чувственные и мыслительные) способности человека. Труд, практика создали мыслящего человека. Ум человека развивался по мере приобретения им практических навыков. «...Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления,— писал Ф. Энгельс,— является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [1].

Данное положение марксизма-ленинизма о роли практики на этапе формирования мышления относится не только к процессу исторического развития познавательных способностей человека, но и к его повседневной практически полезной деятельности, в ходе которой также происходят формирование познавательных способностей людей, развитие их природных задатков.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 545.

Каждый вид практической деятельности требует от человека определенных качеств — знаний, умений, навыков. И в то же время только в ходе практики формируются те качества, которые необходимы для данного вида деятельности. Ведение боевых действий — особый, специфический, сложнейший вид практической деятельности, требующий от командиров, политработников, офицеров штабов, от всего личного состава боевого мастерства, высоких морально-боевых качеств: воли и мужества, находчивости и распорядительности, творчества и инициативы, больших знаний и высокого умения. Исторический опыт свидетельствует о том, что формирование этих качеств, оперативно-тактического мышления военных кадров, их командирского искусства в наибольшей степени происходит в ходе войны, в процессе руководства войсками в сложной боевой обстановке, в противоборстве с противником.

Великая Отечественная война явилась подлинной школой накопления боевого опыта, совершенствования воинского мастерства командиров, штабов, войск. От боя к бою зрела командирская мысль, острее становились командирская прозорливость, интуиция, полнее и глубже знания тактики противника, богаче и разнообразнее арсенал применяемых тактических приемов. Указывая на причины успехов нашей армии во втором периоде войны, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в качестве одной из них справедливо называет возрастание мастерства наших командных кадров. «...Наши командные кадры высшего звена за первый период войны многому научились, многое переосмыслили и, пройдя тяжелую школу борьбы с сильным врагом, стали мастерами оперативного искусства. Остальной командно-политический состав и воины Красной Армии на опыте многочисленных ожесточенных схваток с вражескими войсками в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке» [1].

Организация и ведение военных действий, управление войсками в сложной, быстротечной обстановке боя являются главным средством формирования мышления военных кадров, так как именно в этих условиях субъективная логика мыслительного процесса и объективная логи-

---

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 415.

ка практической деятельности в наибольшей степени соответствуют друг другу. В немалой степени тому способствует немедленная реализация принимаемых решений в процессе боевых действий. Показатель боя — это вместе с тем и уровень боевого мастерства командиров. Боевая практика выступает строгим, беспристрастным судьей и учителем. Она с беспощадной суровостью отметает надуманные, нежизненные концепции и утверждает новое, прогрессивное в военном деле.

При этом необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Если в период прошлых войн командные кадры имели возможность совершенствовать свой опыт, стиль мышления в ходе военных действий, то в эпоху современных войн положение изменилось. Веление времени таково, что уже до начала войны, в условиях мирной учебы, у всех командиров, офицеров штабов должен быть сформирован логический строй, стиль мышления, необходимый для успешного управления войсками в маневренном бою, при острой борьбе за выигрыш времени, за захват и удержание инициативы, за умелое и полное использование скоростей, фактора мобильности. В таком бою не будет возможности для коренной переработки тактики, перестройки командирского мышления.

Учебно-боевая практика при умелом ее использовании обеспечивает развитие тех качеств военных кадров, которые необходимы для управления войсками в бою. Путем проведения тренировок, занятий и летучек, использования кибернетических моделей и программированных методов обучения изо дня в день совершенствуется боевое мастерство офицеров, вырабатывается пытливость мысли, тактическая предусмотрительность, углубляется эрудиция, расширяется оперативно-тактический кругозор.

Важное значение в формировании военного мышления в мирное время имеют такие виды военной практики: боевое дежурство, походы кораблей и подводных лодок. Они в максимальной степени приближают деятельность личного состава к боевой обстановке, являются, по существу, выполнением боевой задачи. Однако главной школой тактического мастерства, полевой, воздушной и морской выучки войск являются учения, маневры.

Как показывает опыт, учения лишь тогда достигнут своей цели и будут способствовать формированию воин-

ского мастерства командных кадров, развитию современного военного мышления, когда для их проведения будет создаваться динамичная, быстротечная обстановка, изобилующая острыми, порой кризисными ситуациями. Она потребует от командиров и штабов быстроты реакции, принятия новых решений, незамедлительных мер по восстановлению управления войсками, уточнению системы взаимодействия, постановке новых боевых задач подразделениям. Если же эти требования не соблюдаются и обстановка на учениях создается несложной, упрощенной, нединамичной, то результаты могут быть даже негативными — здесь возможно формирование отрицательных качеств военного мышления у командиров, таких, как пренебрежительное отношение к противнику, шаблонность в принятии решений, ненужная самоуверенность и т. п.

В подготовке и проведении учений весьма ответственная роль принадлежит старшему начальнику. От него во многом зависят их поучительность, формирование воинского мастерства подчиненных ему командиров и войск. Практический эффект учений в значительной мере определяется тем, насколько начальники в ходе их проведения будут, говоря словами В. И. Ленина, «учить показом». Это предполагает тщательную личную подготовку проводящего учение, глубокое знание им основ тактики, боевых свойств оружия, взглядов вероятного противника.

Поучительность любого учения заключается и в том, в какой степени в ходе его проведения дается простор творческому почину и инициативе командиров всех звеньев в выборе вариантов решений. Если старший командир уподобляется суфлеру, без указаний которого подчиненный не может ступить ни шагу, — а еще хуже, — подменяет младшего, работает за него, то от такой «помощи» больше вреда, чем пользы. Постоянная мелочная опека приучает младших надеяться только на подсказку, а поэтому пагубно сказывается на формировании командирских качеств. Не только учения, но и весь процесс боевой подготовки, весь уклад воинской жизни целесообразно организовать так, чтобы офицер действовал в обстановке, которая способствовала бы проявлению творческой инициативы, требовала смелых решений, самостоятельных действий, гибкости и мобильности тактического мышления, умения прогнозировать боевые события.

В настоящее время, когда оценка обстановки и принятие решений на бой, операцию требуют применения научных методов познания, всесторонней их обоснованности, одним из важнейших средств формирования военного мышления командных кадров становится их активное участие в научно-исследовательской работе. В процессе научных исследований военные кадры глубже осваивают научные методы познания, у них формируются аналитический склад мышления, стремление к поискам новых тактических приемов.

Одним из путей формирования оперативно-тактического мышления военных кадров является изучение методов управления войсками, выработки решения, производства оперативно-тактических расчетов, которые применяли советские командиры в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Это поистине неиссякаемая сокровищница знаний. Важно при этом осваивать этот опыт не путем механического копирования, а в процессе критического изучения причин, обстоятельств, обусловивших принятие в той или иной боевой ситуации данного варианта решения, метода расчета, системы взаимодействия, управления и боевого обеспечения.

Укажем в этой связи на один важный момент обобщения и изложения боевого опыта прошлых войн. В свое время М. Н. Тухачевский высказал сожаление о том, что наиболее слабо освещенной стороной работы М. В. Фрунзе следует считать его оперативную деятельность, применяемые им методы принятия решений и управления войсками. «О том, что Фрунзе ни разу не имел неуспеха в операциях, что он каждый раз одерживал блестящие победы, об этом знают все. Но *методы* вождения им армий, методы его оперативного расчета ни разу не были изложены ни им, ни кем-либо другим за него» [1]. М. Н. Тухачевский указывал на необходимость изучения конкретных способов управления боем данным военачальником, методов производства им оперативных расчетов. Суть этого предложения состоит в том, чтобы более глубоко и обстоятельно раскрывать лабораторию, заглядывать в «тайники» командирского творчества, выявлять логическую по-

---

[1] Тухачевский М. Н. Крупнейший стратег.— В кн.: М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 237.

следовательность мыслительной работы в процессе оценки обстановки, применения оригинальных способов решения боевой задачи.

Следовательно, при правильной организации военной практики мирного времени, как войсковой, так и научно-исследовательской, существует полная возможность формирования военного мышления, воинского искусства командных кадров, в полной мере отвечающих требованиям современной войны.

3. Военная практика как цель и основа военно-научного познания, развития советской военной науки

Практические потребности обусловливают необходимость совершенствования знания о тех или иных явлениях и процессах объективной действительности. Человечество не случайно затрачивает большие усилия и средства для познания мира, развития науки. Это делается не ради простого любопытства, а в целях обеспечения успеха практической деятельности.

Практика — цель познания. Потребности практики служат побудителем, стимулом познавательной деятельности человека. Достигнутые в целях обеспечения практических потребностей знания порождают новые идеи, мысли. Они имеют свою внутреннюю логику саморазвития. Однако в любом случае цели и задачи исследований не выдумываются учеными, а определяются практическими нуждами и потребностями общества, и само решение исследовательских задач так или иначе направлено на удовлетворение практических потребностей человечества.

«...Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, — писал по этому поводу К. Маркс,— так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1]. В новых исторических условиях, указывая на практические цели познания, В. И. Ленин подчеркивал: «...Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [1].

Практическая целенаправленность развития познания различна по отношению к прикладным и фундаментальным наукам. Прикладные исследования непосредственно определяются потребностями практики. Взаимосвязь фундаментальных исследований с непосредственными практическими задачами просматривается значительно труднее, а иногда ее вообще установить невозможно. Поэтому было бы неправильно ограничивать задачи наук только текущими практическими потребностями. Любое научное знание всегда находит прикладное применение, причем иногда заранее довольно трудно определить его практическую ценность.

Следовательно, практика не может непосредственно указать все пути и способы научного исследования и решения научных проблем. Она определяет весь ход научного познания лишь в конечном счете, преломляясь через особые закономерности развития той или иной науки. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывается на необходимость связи научных исследований как с непосредственными практическими нуждами страны, так и с интересами развития фундаментальных отраслей науки. Военная наука, опираясь на положения диалектико-материалистической теории познания, также развивается в целях теоретического обоснования путей решения практических военных задач. Потребности военной практики определяют конкретные цели военно-научного исследования, его проблемы и задачи.

Отмечая практическую целенаправленность военно-научного исследования, необходимо учитывать три наиболее существенные особенности развития и совершенствования советской военной науки. Первая из них состоит в том, что цели военного строительства, а следовательно, и задачи военно-научного исследования вытекают из политики КПСС, Советского государства. Советская военная наука имеет своим назначением теоретическую разработку путей и способов военной защиты нашей страны и других стран социалистического содружества, обеспечения их государственных интересов. Реалистический характер по-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 290.

литики КПСС определяет и научность, объективность наших военно-теоретических концепций.

Вторая особенность военной науки с точки зрения ее целенаправленности состоит в следующем: пути ее совершенствования определяются развитием материальных средств войны, и прежде всего оружия и боевой техники, состоянием боеспособности Советских Вооруженных Сил. В этом конкретно проявляется один из законов войны, указывающий на зависимость способов ее ведения от изменения материальных средств насилия. В современных условиях в связи с особой интенсификацией развития средств вооруженной борьбы перед военной наукой возникает задача глубокого прогнозирования характера будущих операций, сражений, боев, выработки обоснованных рекомендаций в отношении дальнейшего совершенствования организационной структуры соединений, частей, подразделений, боевой и мобилизационной готовности войск.

Третья особенность развития военной науки состоит в том, что цели, выдвигаемые перед ней политикой государства, развитием материальных средств войны, преломляются через решение конкретных задач военного искусства. Если, к примеру, политика, исходя из оценки складывающейся военно-политической обстановки и возникающей опасности применения агрессором ядерного оружия, поставила перед военной наукой цель — разработать способы разгрома противника путем нанесения ударов всеми имеющимися средствами борьбы, то в этом случае данная цель конкретизируется через определение стратегических, оперативных и тактических проблем, присущих ракетно-ядерной войне. Целеустремленность определения направления развития военной науки требует всегда исходить из тех конкретных задач, которые придется решать войскам на том или ином театре военных действий, против того или иного противника, имеющего определенную тактику, степень технической оснащенности.

Выделение трех факторов, которые определяют цели и характер развития военной науки, важно с точки зрения более четкого логического обоснования магистральной направленности ее развития. В действительности же эти факторы выступают как единое целое: невозможно выбрать основополагающие ориентиры для военной науки,

руководствуясь только одним каким-либо требованием. Все три фактора надо учитывать в единстве и взаимосвязи.

Прогнозируя процессы военного строительства, военной политики, изыскивая пути дальнейшего повышения боевой готовности армии и флота, современная военная наука решает задачи поискового характера. По сравнению с другими, например естественными, науками здесь есть свои особенности. В последних поисковое направление состоит в исследовании и объяснении процессов, практическое значение которых порой весьма трудно предвидеть. Начав исследование атомного ядра, ученые еще не предполагали возможностей практического использования результатов этого исследования, не знали, к чему приведет его расщепление, как создать ядерный реактор и т. п.

Поисковое направление в развитии военной науки носит более конкретный характер, оно состоит в исследовании таких важных для военного строительства проблем, как влияние научных открытий на создание новых технических средств войны, на способы ведения военных действий в будущей войне; перспективы совершенствования структуры вооруженных сил, их отдельных видов, родов войск, соотношения средств нападения и защиты, наступления и обороны. Решение поисковых проблем военной науки оказывает влияние на развитие военного искусства, военно-техническую политику, пути повышения боевой готовности армии и флота.

Цели практической деятельности определяют направление мышления командира в оценке обстановки и управлении войсками. Направление мышления командира в процессе оценки обстановки и принятия им решения на бой целиком и полностью подчинено той практической боевой задаче, которую предстоит выполнить подразделению. Если, предположим, командиру необходимо оценить местность, на которой подразделению предстоит развернуться для вступления во встречный бой, то он будет оценивать ее с точки зрения того, как она повлияет на скорость выдвижения и развертывания подразделений, на характер осуществления маневра для нанесения удара по противнику, расчленения его группировки, на огневое обеспечение действий подразделения и т. п. Иначе говоря, одна и та же местность будет оцениваться по-разному, в зависимости от характера предстоящих действий.

Целенаправленность командирского мышления в зависимости от характера решаемой практической задачи обеспечивает эффективность деятельности командира. Поэтому старший начальник, определяющий задачи подразделению, учитывает оптимальные возможности этого подразделения, реальный срок выполнения им задачи. Всякая небрежность в этом вопросе только затруднит практические действия. Отрицательно сказывается на направлении мышления командира и неточно сформулированная или нечетко понятая исполнителем цель. Следовательно, ясность, категоричность, недвусмысленность формулировок при постановке задачи — залог успешного ее выполнения.

Практика определяет не только цель познания, но и является его фундаментальной основой, базисом исследования. В процессе практической деятельности человечество получает фактический материал для познания, развития науки, обогащает себя новыми знаниями. Развивая революционную теорию, основоположники марксизма-ленинизма всегда опирались на революционный опыт масс, научно анализировали и обобщали его. В. И. Ленин подчеркивал, что, «чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы» [1]. Говоря о создании Красной Армии, В. И. Ленин писал: «Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача» [2].

Для развития военной науки, ее конкретных областей — стратегии, оперативного искусства, тактики — непосредственное значение имеют все виды военной практики. Однако наиболее ценный фактический материал дает практика боевой деятельности войск. Опыт боевых действий против сильного, технически оснащенного противника служит той важной ступенью в лестнице военного познания, без которой не может строиться новая военная теория, невозможно никакое движение вперед в военном деле.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 204.
[2] Там же, т. 38, с. 138.

В ходе Великой Отечественной войны Советская Армия накапливала опыт ведения успешных боевых действий, позволявший непрерывно совершенствовать боевое мастерство, своевременно вносить коррективы в теорию военного искусства, изыскивать новые тактические приемы. Война явилась не только суровым экзаменом на зрелость военного искусства, но и важным этапом его ускоренного прогресса. Накапливаемый практический опыт систематически анализировался и обобщался руководящими органами Вооруженных Сил. «Совершенствуя формы и способы ведения войны, — писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, командование фронтов, армий и их штабы в ходе войны проводили огромную работу по обобщению передового опыта вооруженной борьбы и внедрению его в войска» [1]. Обобщенный опыт оперативно доводился до войск и немедленно внедрялся в практику, способствуя, таким образом, общему развитию военного искусства.

Приведем некоторые наиболее характерные примеры. В директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 года на основе обобщения опыта ведения войны рекомендовался принципиально новый метод боевого использования артиллерии в виде артиллерийского наступления. Это означало, что артиллерия должна наступать вместе с пехотой, вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия на всю глубину. Пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки [2]. Для этого в начале прорыва создавались плотности на главном направлении до 200—250 и более орудий и минометов на 1 км фронта. Столь же четко обоснованные требования предъявлялись и к боевому использованию авиации — было введено авиационное наступление. Оба этих вида — и артиллерийское, и авиационное наступление — как способы огневого обеспечения войск сыграли исключительно важную роль в успешном проведении Со-

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 700.

[2] См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1947, с. 8—10.

ветской Армией наступательных операций. Принцип непрерывного огневого сопровождения атакующих войск в ходе всего наступления является одним из главных и в современных условиях.

Аналогичных примеров можно привести немало. Так, в приказе НКО № 325 от 16 октября 1942 года был обобщен опыт и даны принципиальные установки по тактическому и оперативному использованию танковых и механизированных войск как в наступлении, так и в обороне.

В частности, в приказе указывалось, что отдельные танковые полки и бригады предназначаются для усиления пехоты на главном направлении и действуют в тесном взаимодействии с ней как танки непосредственной поддержки пехоты. Пехота для обеспечения действия танков должна подавлять всей мощью своего огня, а также огнем орудий сопровождения противотанковые средства противника. Танковый корпус подчиняется командующему фронтом или армией и применяется на главном направлении в качестве эшелона развития успеха для разгрома и уничтожения пехоты противника [1]. Боевая практика внесла много нового в способы взаимодействия пехоты с танками непосредственной поддержки пехоты (НПП). В наступательных операциях советских войск в 1944—1945 годах на участках прорыва создавались большие плотности танков НПП — до 20—30 и более единиц на 1 км фронта. Это обеспечивало высокую пробивную мощь атакующих войск и непрерывность развития наступления.

В Полевом уставе Красной Армии (проект), вышедшем в начале лета 1943 года, на основе обобщения боевого опыта получила дальнейшее развитие теория глубокой наступательной операции, много нового было внесено в способы окружения и уничтожения группировок противника, массированного использования артиллерии, танковых и механизированных войск, воздушных армий. Немало важных рекомендаций давалось по ведению решительного преследования противника, преодолению промежуточных рубежей, обороняемых противником, форсированию водных преград и удержанию захваченных плацдармов [2].

---

[1] См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5, с. 39—41.

[2] См.: Полевой устав Красной Армии (проект). М., 1943.

Так, военно-научная мысль в годы войны решительно и смело отбрасывала все, что не соответствовало характеру войны, уточняла и развивала те сформулированные перед войной положения, правильность которых подтверждалась боевой практикой. Одновременно теоретически обосновывались новые положения, выдвигавшиеся практикой ведения военных действий. Большой вклад в разработку теории военного искусства вносили военные академии, и особенно Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Уже в 1942 году ученые академии подготовили специальный сборник, в котором рассматривались основы современного боя. С учетом всестороннего анализа опыта трех лет войны был создан «Курс наступательной операции армии», изданный в течение 1944—1945 годов отдельными выпусками в семи книгах.

Методологическое положение о важной роли военной практики в дальнейшем совершенствовании военной теории сохраняет свое значение и в условиях мирного времени. Конечно, в этом случае соотношение познания и практики приобретает свои особенности, которые необходимо учитывать в военно-научном исследовании. Исходя из этого следует более подробно рассмотреть, как влияет на развитие военной мысли в современных условиях опыт прошлых войн, какие требования предъявляются к его анализу.

Отметим прежде всего, что изучение и обобщение опыта прошлых войн позволяют вскрывать закономерности и тенденции развития военного дела, совершенствовать военное мышление, расширять теоретический кругозор военных кадров, предостерегают от беспочвенного фантазирования. В этом состоит непреходящая ценность боевого опыта прошлых войн, и прежде всего опыта Великой Отечественной войны. Извлечь правильные уроки из этого богатейшего опыта и творчески применить его в новых условиях — большое искусство. Нельзя ни переоценивать его, превращать в фетиш, но не менее опасно и недооценивать, относиться к нему скептически. При соблюдении следующих методологических требований можно избежать этих крайностей.

Во-первых, при анализе и обобщении практического опыта прошлых войн необходимо прежде всего рассматривать его не изолированно, не абстрактно, а постоянно иметь в виду состояние современных материальных

средств ведения войны. Обобщая, например, опыт массирования сил и средств в период Великой Отечественной войны в целях использования его в современных условиях, необходимо рассматривать эти результаты через призму возможностей ныне существующих боевого оружия и техники. Такое сопоставление позволяет сделать вывод: хотя данный принцип не потерял своего значения, его материальное воплощение должно быть иным, чем раньше. В условиях постоянной угрозы применения противником ядерного оружия чрезвычайно рискованно сосредоточивать на ограниченной территории крупные массы войск. Да в этом и нет надобности. Поражение противнику можно нанести путем массирования огня и особенно ядерных ударов. Высокая подвижность современных частей и подразделений позволяет использовать результаты ядерных и огневых ударов, действуя по правилу «идти врозь — драться вместе», то есть рассредоточиваться, а затем сосредоточивать усилия на короткое время для нанесения удара.

Во-вторых, обобщая опыт прошлых войн, необходимо рассматривать его в динамике, в условиях постоянного изменения соотношения сил, боевых возможностей войск. Например, для того чтобы понять, почему в наступательных операциях первого периода войны темпы продвижения советских войск были невысокими (до 6—8 км в сутки), а в операциях 1944—1945 годов составляли для стрелковых войск 15—18 км, для танковых и механизированных войск — 20—30 км в сутки и более, нужно проанализировать, как изменялись в ходе войны боевые возможности соединений и частей Советских Вооруженных Сил, а также боевое мастерство командиров и штабов, и сопоставить их с соответствующими возможностями армии противника.

В-третьих, анализ опыта прошлой войны только тогда принесет пользу, когда будет всесторонним, объективным, доказательным. Главное — учесть положительное в действиях войск, чтобы взять все полезное на вооружение. Вместе с тем необходимо учитывать и отрицательные явления, недостатки, ошибки в организации и ведении боев, операций. Это поможет вскрыть породившие их причины и сделать соответствующие выводы.

Наиболее объективные результаты при исследовании опыта прошлых войн достигаются при изучении подлин-

ных документов по подготовке и проведению операций, использованию в них сил и средств. Много интересного и полезного дает также изучение мемуарной литературы, воспоминаний участников сражений.

Важное значение для совершенствования военной теории имеют анализ и обобщение опыта современных локальных войн и военных конфликтов, развязываемых империализмом против народов, ведущих борьбу за национальную независимость.

Агрессоры рассматривают локальные войны в качестве полигонов для испытания новейших образцов оружия, которое может быть использовано и в мировой войне. С этой целью американскими империалистами, например, в войне во Вьетнаме (1964—1973) широко использовались многие виды современного оружия вплоть до стратегических бомбардировщиков, авианосцев, химических и зажигательных средств.

При изучении локальных войн с точки зрения развития военного искусства необходимо учитывать их специфику: они ограничены небольшим количеством стран-участниц, рамками определенного географического района военных действий и т. д. Их опыт для возможной ракетно-ядерной войны имеет ограниченное применение, однако он заслуживает всяческого внимания.

Большой фактический материал для развития военной теории дают проводимые войсковые учения. При обобщении получаемых в процессе их проведения данных необходимо учитывать известную их условность. Важно при этом иметь в виду: любое учение проводится для решения конкретного круга задач, с определенным составом сил и средств, как своих, так и «противника».

При подведении итогов учений исследователю важно иметь данные об их проведении в разных районах местности, в различной оперативно-тактической обстановке, против различных «противников» и при необходимости составлять таблицы количественных и качественных показателей, с тем чтобы на основе статистического анализа можно было сделать соответствующие теоретические выводы и практически полезные рекомендации для войск. Если же для решения этой задачи недостаточно статистических данных, желательно предварительные выводы и обобщения проверять в ходе последующих учений, целеустремленно прослеживать их результаты.

Опыт войсковых учений при всей его значимости для развития военной теории в условиях мирного времени не является единственной практической базой, на основе которой можно делать бесспорные выводы и исчерпывающие рекомендации. Недостаточность получаемых на их основе данных помогает восполнить военный эксперимент. К нему относится как физический эксперимент — полигонные и войсковые испытания новой техники, опытные учения, так и логико-математический эксперимент — специальные научно-исследовательские учения. Посредством физического эксперимента исследуются главным образом боевые возможности нового оружия, боевой техники, эффективность новой организационной структуры войсковых формирований. Сфера применения логико-математического эксперимента более широкая. Он является одним из методов решения тактических и оперативно-стратегических проблем. По существу, можно моделировать любые оперативные и тактические ситуации, проигрывать многие варианты решений, производить глубокое и доказательное прогнозирование развития боевых действий. Значение логико-математического моделирования для развития военной теории определяется прежде всего наиболее полным соответствием мысленной модели воспроизводимому объекту. В этом ценность данного вида эксперимента. Следует помнить и его недостатки — определенную абстрактность исследования, условность результатов.

Эффективность влияния всех видов военного эксперимента на развитие военной теории определяется прежде всего тщательностью их организации. Это не просто практика, а именно исследовательская практика, проведение которой требует предварительного теоретического обоснования, строго продуманного, целеустремленного подхода. Она же требует и большой осторожности при обобщении ее результатов.

Таким образом, ни один из видов военной практики, взятый в отдельности, не дает достаточного фактического материала для всестороннего военно-теоретического обобщения. Только их комплексное использование позволяет создать стройную военную теорию, соответствующую характеру современной войны, теоретически обосновать и разработать характер тех действий, которые могут быть предприняты в случае развязывания империалистами войны против социализма.

Развитие знаний в ходе и на основе практической деятельности происходит в неразрывном взаимодействии чувственного и логического познания. Характеризуя процесс познания, В. И. Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности» [1]. По этому пути осуществляется и процесс военно-научного познания. Его особенности определяют и некоторые специфические черты как чувственной, так и логической сторон познавательной деятельности военных кадров.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

Глава VII

ЧУВСТВЕННАЯ И ЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНЫ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Чувственное познание и его формы. Особенности чувственного познания в боевой обстановке

Живое созерцание (чувственное познание) и абстрактное мышление (логическое познание) неразрывно взаимосвязаны между собой. Они характеризуются как две взаимопроникающие стороны единого процесса отражения действительности в сознании человека. Любой акт чувственного познания включает в себя мыслительную деятельность человека. В то же время и абстрактное мышление опирается на чувственные образы.

Наблюдая за ходом боевых действий, воспринимая реальную обстановку, командир не просто фиксирует в своем сознании каждое из происходящих событий, но и осмысливает их логически, опирается на предшествующие знания, опыт. Мыслительная деятельность командира в процессе формулирования замысла боя, операции, принятия решения, управления войсками всегда связана с его чувственно-наглядными представлениями. Теоретическое мышление в процессе военно-научного исследования также имеет своим основанием данные, полученные в ходе наблюдения или военного эксперимента.

Различие между чувственным и логическим познанием состоит как в способе отражения действительности, так и в степени глубины ее осознания, осмысливания. Чувственное познание есть непосредственная связь сознания с внешним миром. Мышление — опосредованное отражение действительности. На основе живого созерцания человек познает внешние стороны и связи реальной действительности. Логическое познание дает возможность раскрыть

сущность процессов, закономерности их функционирования и развития.

Вся сумма знаний, накопленных человечеством за всю историю его развития, имеет своим источником живое созерцание, или чувственное познание. Даже самые абстрактные понятия, теории в конечном счете опираются на знания, получаемые посредством органов чувств. «Первая посылка теории познания, — писал В. И. Ленин, — несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения» [1]. И далее: «Иначе, как через ощущения, мы... ни о каких формах движения ничего узнать не можем...» [2].

Военная наука, как и любая другая наука, развивается на основе тех знаний, которые получены в процессе чувственного восприятия военных событий. В ходе своей многообразной боевой деятельности командир опирается на сумму знаний, основанных на чувственных данных, получаемых путем наблюдения за происходящими событиями.

Чувственное познание есть непосредственное отражение в сознании человека внешней стороны окружающей действительности с помощью органов чувств: зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания. Каждый орган чувств имеет нервные окончания, которые под влиянием внешних раздражителей приходят в состояние возбуждения, передающегося по соответствующим нервам в кору головного мозга. На этой нервно-рефлекторной основе и происходит превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Формами чувственного познания являются ощущения, восприятия, представления.

Ощущение есть отражение отдельных свойств предметов: цвета, объема, звука, запаха, вкуса, упругости и т. д. Оно образуется путем воздействия этих свойств действительности на специализированные органы чувств. Воспринимающая способность органов чувств примерно одинакова у всех здоровых людей. Наибольшее количество информации человек получает через органы зрения. Кроме того, зрительная информация более содержательна по сравнению с получаемой через другие органы чувств. Важным свойством органов зрения является их способ-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 127.
[2] Там же, с. 320.

ность к адаптации — приспособлению к окружающим условиям. Так, через 30—40 минут пребывания в темноте зрительная чувствительность увеличивается в 20 000 раз.

Большое значение имеет тренировка воспринимающих способностей органов чувств, использование специальных мер для их адаптации. Знать возможности органов чувств очень важно и с точки зрения инженерной психологии, например, для решения вопроса о наиболее целесообразном расположении указателей на приборной доске, освещении кабины оператора и т. д. Своеобразная адаптация характерна для человека и в боевой обстановке. Известно, что обстрелянный, бывалый воин ведет себя в бою иначе, чем новичок. Он более сдержан в своих чувствах и, несмотря на свист пуль, грохот разрывов снарядов и бомб, действует при выполнении боевой задачи целеустремленно и смело.

Органы чувств человека отражают действительность не изолированно один от другого, а в тесной взаимосвязи. На этой основе человек отражает предмет не как сумму свойств, а как нечто единое целое. Отражение в нашем сознании целостного образа предмета с его различными свойствами называется **восприятием.** Целостное восприятие предмета, воздействующего на органы чувств, возможно лишь постольку, поскольку сам предмет есть нечто единое целое с его различными свойствами. Танк не есть сумма таких признаков, свойств, как форма, объем, цвет и т. д., а единый предмет с его свойствами. Воину важно знать не только сильные стороны танка — его высокую ударную силу, огневую мощь, маневренность, но и слабые стороны — ограниченность обзора, уязвимость с близких расстояний для противотанковых средств противника и т. п. Целостный образ предмета в сознании человека образуется в результате сложной синтезирующей деятельности коры головного мозга. Способность целостного восприятия предметов сформировалась у человека под влиянием биологической необходимости ориентироваться в окружающей действительности.

Поскольку для восприятия необходима синтезирующая деятельность мозга, постольку и существует известный временной интервал между началом воздействия предмета на органы чувств и его осмысленным восприятием. Для восприятия, например, показаний простейшего прибора (спидометра) человеку необходимо не менее

0,3 секунды. При этом эффективность восприятия тем больше, чем более знакомый предмет воспринимается. Для восприятия приборной доски самолета-истребителя курсанту требуется несколько десятков секунд, тогда как опытному летчику в 5—10 раз меньше. Быстрота восприятия и реакции воинов особенно важна в условиях применения противником ядерного оружия, чтобы успеть в считанные секунды принять необходимые меры защиты, а затем и ликвидации последствий ядерного нападения.

Ощущения и восприятия как источник знания образуются в результате непосредственного воздействия предметов на органы чувств. Когда это воздействие прекращается, образ воспринимаемого предмета не исчезает бесследно. Он запечатлевается и сохраняется в памяти. Если бы образы, возникнув в мозгу в момент воздействия предмета, исчезали сразу после прекращения этого воздействия, то человек каждый раз воспринимал бы предметы как совершенно ему незнакомые и, следовательно, не узнавал и не осознавал бы их. Процесс узнавания и осознания предмета возможен только при определенной умственной работе по сравнению воспринимаемого предмета с имеющимися в памяти человека знаниями о нем. Память, в которой сохраняется полученная информация, играет очень важную роль в познании человеком окружающего мира. Учет особенностей памяти может быть весьма полезным, например, при обучении воинов как разведчиков для распознавания признаков подготовки противника к атаке, переходу к обороне, отходу, подготовки ракеты к пуску и т. п.

Обычно различают оперативную (кратковременную) и долговременную память. Первоначальное восприятие предмета закрепляется в оперативной памяти, после чего информация о нем переводится в долговременную память. Поэтому между кратковременным и долговременным запоминанием лежит стадия консолидации, равная примерно 20—30 минутам. Это время необходимо для того, чтобы воспринятое уложилось в долговременную память. Человек осмысливает и запоминает в этот период тем больше информации, чем меньше влияния на него оказывают внешние раздражители, не имеющие отношения к воспринимаемому предмету. Воздействие на человека сильных раздражителей ведет к резкому торможению процес-

са консолидации восприятий, а в некоторых случаях вообще может стереть полученную ранее информацию. Следует подчеркнуть, что восприятие в боевой обстановке требует от командира большого напряжения и исключительного сосредоточения познавательных способностей на решении задачи. Обстановка боя в то же время характеризуется наличием большого количества раздражителей, затрудняющих ее восприятие.

В период активной деятельности в оперативную память человека поступает огромное количество информации, среди которой будет как необходимая, так и не имеющая практического значения. Однако в долговременную память поступает лишь одна тысячная ее часть и даже того меньше. При этом человек может активно направлять запоминание с помощью избирательного освоения воспринимаемого материала. Поэтому одним из способов закрепления восприятий в памяти является установка на запоминание, сознательный отбор тех сведений, которые могут потребоваться в практической деятельности. В условиях современного боя, когда на командира и офицеров штабов в буквальном смысле обрушивается лавина информации, уметь быстро проанализировать, осмыслить ее, отфильтровать главное от второстепенного, истинное от ложного, наносного, случайного — большое искусство.

При обучении офицеров необходимо учитывать, что в процессе чувственного восприятия боевой обстановки командир целенаправленно отбирает те данные, которые потребуются для решения поставленной задачи. Отсюда важность правильного ее уяснения. Ставя, к примеру, задачу на наблюдение за полем боя, командир должен конкретизировать: на что необходимо в первую очередь обратить внимание, какие данные необходимо получить для принятия практического решения.

В результате закрепления восприятий в мозгу человека возникают **представления** — воспроизведенный образ объекта. Представление как важная форма чувственного познания действительности является переходной ступенью к логическому мышлению. Поскольку в нем воспроизводятся единичные образы, воспринимаемые ранее непосредственно или опосредованно, то представление относится к чувственному познанию.

Способность командира мысленно представить реаль-

пую обстановку по устным докладам, донесениям, рабочей карте имеет важное значение в боевой деятельности, особенно в современных условиях, когда из-за возросших пространственных параметров и динамичности боя в ряде случаев нельзя непосредственно воспринимать боевую обстановку. Командиру необходимо хорошо представлять ту действительность, которая содержится в донесении, докладе, схеме, карте, уметь всегда чувствовать «пульс боя».

Представления уже содержат в себе некоторые элементы обобщения. Кроме того, человек в своем представлении может соединить в одно целое части различных воспринимаемых предметов. Такое воспроизведение называется **воображением.**

Представление и воображение необходимы в любом виде деятельности, особенно в таком, как тактическое искусство. Командиру довольно часто приходится представлять себе характер предстоящего боя, не располагая полными данными об обстановке. В настоящее время от командиров, офицеров штабов, военных исследователей требуется нечто большее — возможно точнее, объективнее представить себе условия и характер боя с применением ядерного оружия и других, качественно иных, чем в прошлом, средств поражения. Задача эта необычайно сложная, но достижимая.

Важнейшей чертой чувственного познания является его активная целенаправленность. Человек не механически копирует действительность в своем сознании, а воспринимает ее в ходе взаимодействия с объектами познания на основе чувственно-предметной практической деятельности в целях повышения ее эффективности. Признание активного взаимодействия субъекта познания с объектом — краеугольный камень марксистско-ленинской теории познания, фундамент, на котором строится вся теория и практика управления войсками в бою.

Активность чувственного восприятия определяется прежде всего целеустремленностью, избирательностью познания, вытекающими из практических потребностей в знаниях. Человек отражает в своем сознании те стороны действительности, те связи и отношения, значение которых необходимо ему для решения определенной практической задачи. В этом проявляется избирательный характер нашего восприятия, представлений.

Предположим, что подразделению поставлена задача перейти к обороне с целью удержания тактически важного объекта местности. В соответствии с этой задачей командир, оценивая обстановку, стремится выявить такие признаки, такие черты в поведении противника, которые бы позволяли определить возможный замысел его действий,— время и место нанесения им ударов, какими силами и средствами он располагает, а также характер ожидаемого маневра. Следовательно, воспринимая боевую обстановку, командир прежде всего обращает свое внимание на те ее стороны, которые наиболее существенны для выполнения поставленной задачи. Поэтому один и тот же элемент обстановки — в данном примере противник, его действия — воспринимается по-разному, в зависимости от того, какая ставится задача — обороняться или атаковать.

Характер восприятия действительности, его полнота и объемность во многом зависят от содержания предшествующих знаний, накопленного опыта. Одни и те же данные могут быть восприняты по-разному, в зависимости от кругозора командира.

Приведем характерный в этом отношении пример из опыта Великой Отечественной войны. Из данных разведки и личного наблюдения командиру 140-го стрелкового полка полковнику С. Александрову (2-й Прибалтийский фронт, июль 1944 года) стало известно, что в расположении противника за последнее время участились случаи возникновения пожаров и производства больших взрывных работ. Сами по себе эти факты ни о чем еще не говорили, но, зная тактику гитлеровских войск и сопоставляя эти сведения с другими разведданными, командир сделал вывод: противник готовится к отходу. Вскоре это предположение подтвердилось. Своевременное вскрытие замысла действий противника позволило полку вовремя подготовиться к выполнению задачи по его преследованию.

Содержание восприятий зависит также от состояния нервной системы, настроения. Человек, находящийся в раздраженном состоянии, подчас не может объективно воспринимать происходящие события. Эту специфику восприятия особенно важно учитывать в боевой обстановке. Как известно, любой бой всегда связан с неожиданностями, повышенной психологической восприимчивостью воинов. В первый период Великой Отечественной войны

гитлеровцы часто пытались использовать психологические методы борьбы, чтобы усилить эффект внезапности ударов. Они устраивали психические атаки, сопровождаемые массированной, часто беспорядочной стрельбой, воем сирен, усиленным ревом моторов, с одновременной выброской в тыл наших войск воздушных десантов, диверсионных групп, прорывом танковых колонн. Первоначально эти приемы действительно имели определенный успех, но лишь до тех пор, пока советские воины не распознали тактику врага и не научились использовать его слабые места. Победили в конечном счете выдержка и мужество советских людей.

Чувственное познание способно дать верное отражение действительности. Однако его недостаточно для практической деятельности человека. Само по себе оно не дает знаний о сущности процессов, скрытых за поверхностью явлений. Если бы сущность и явление совпадали, тогда бы не было необходимости в науке. Для практической деятельности недостаточно и личного опыта человека, который к тому же исчезает с каждым поколением. Ведь и восприятие, и чувственный образ остаются достоянием только одного человека.

Все это означает, что человек не мог бы выйти из животного состояния, если бы его познавательные способности ограничивались ощущениями, восприятиями, представлениями. Для познания мира необходимо абстрактное мышление, то есть логическое познание.

2. Логическое познание и его формы. Мышление командира в боевой обстановке

Мышление есть обобщенное, опосредованное отражение в сознании человека существенных свойств и закономерностей объективной действительности. Оно представляет собой активный творческий процесс, направленный на решение практических и теоретических задач. Переход от ощущения к мышлению представляет собой качественный скачок в познании, поскольку здесь совершается переход от единичного к общему, от непосредственного познания к опосредованному, от отражения явлений к знанию сущности, закона.

Логическое познание, мышление есть обобщенное отражение действительности. Если чувства дают нам знание

единичного, то мысль — общего. В мысли выражается то общее, что присуще определенному классу предметов или даже всем предметам, процессам объективной действительности. Например, в теории встречного боя отражаются общие признаки, свойства многих конкретных единичных встречных боев: их особая маневренность, скоротечность, борьба сторон за выигрыш времени, за инициативу, стремление к нанесению упреждающих огневых ударов, развертыванию и осуществлению маневра с целью выхода во фланг и тыл противника.

Обобщенный характер отражения действительности присущ не только теоретическому мышлению, но и мыслительному процессу на любом его уровне. Даже в такой элементарной мысли, как оружие есть средство ведения боя, уже есть обобщение. В ней выражено то общее, что присуще определенной категории видов оружия, — их поражающая мощь, дальнобойность, скорострельность, маневренные свойства.

Чем выше уровень обобщения, тем больший класс предметов оно охватывает. Когда мы употребляем понятие «оперативно-тактическое мышление командующего, командира, офицера штаба», то имеем в виду отражение в его содержании общих сторон, свойств, признаков определенного класса процессов, связанных с подготовкой и ведением боя, операции, — широту кругозора, глубину эрудиции, способность к творчеству и инициативе в управлении войсками в сложных условиях обстановки. Оперативно-стратегическое мышление отражает более высокий масштаб творческой деятельности военачальников по подготовке страны и вооруженных сил к войне и руководству ею. Наиболее высоким уровнем обобщения обладает философское мышление как отражение всеобщих свойств, признаков объективного мира и познания.

Отражая общие свойства определенного класса предметов, мышление абстрагируется (отвлекается) от конкретных признаков единичных предметов, сосредоточивая внимание на тех сторонах предмета, которые на данном этапе познания имеют наибольшую практическую или теоретическую значимость. Так, бой является объектом познания многих военно-теоретических дисциплин, каждая из которых отражает в своем содержании те или иные его стороны, абстрагируясь, отвлекаясь от других. Например, тактика сухопутных войск изучает законо-

мерности общевойскового боя подразделений, частей, соединений; тактика военно-воздушных сил — теорию и практику подготовки и ведения воздушного боя, а тактика военно-морского флота соответственно познает характерные черты, условия и способы ведения морского боя. Что же касается такой военно-теоретической дисциплины, как военная психология, то она изучает бой совсем с другой стороны — с точки зрения того, какое влияние он оказывает на психику человека и каковы пути психологической подготовки воина к активным боевым действиям.

В процессе мышления человек имеет дело не с непосредственно материальными предметами, а с их обобщенными отражениями. Логические действия с этими мысленными образами предметов, сопоставление между собой проверенных практикой истин дают новое знание, приводят к новым научным открытиям. Столь синтетическая особенность мышления и обусловливает возможность «открывать планеты кончиком пера», командиру добиваться победы над противником еще задолго до первого выстрела на поле боя.

Получение нового знания посредством мышления возможно в том случае, если мыслительный процесс является последовательным, логичным, обоснованным. Мышление, лишенное этого признака, не может привести к истине. Правда, при этом необходимо различать формальную правильность и содержательную истинность. Под первой понимается соответствие мыслительного процесса исходным положениям и определенным формально-логическим правилам. Под второй — соответствие мысли реальной, конкретной действительности. Второе может и не совпадать с первым. Формально правильно еще не значит истинно.

Логический строй мышления имеет общечеловеческий характер. Какую бы словесную оболочку ни принимали наши мысли, на каком бы языке они ни высказывались, какого бы мировоззрения и политических убеждений человек ни придерживался, логический строй мышления будет одним и тем же. Изучая военную историю, мы познаем, как в разные исторические эпохи, в различных условиях обстановки полководцы добивались победы над врагом. У каждого из них складывались свои неповторимые ситуации для ведения сражения, был свой подход

к решению боевой задачи, но логика их творческого мышления имела много общего. Все это давало возможность военным теоретикам обобщать военную практику, формулировать принципы военного искусства, имеющие силу для всех армий.

Общечеловеческий строй логического мышления, равно как и сами мыслительные способности человека, сформировался на основе общественной практики, необходимости общения людей между собой и хранения накопленных знаний. Средством общения является звуковой язык. «Сначала труд, — писал Ф. Энгельс, — а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» [1]

Мышление неразрывно связано с языком и составляет с ним органическое целое. Общение между людьми может осуществляться только с помощью языка, являющегося формой мысли. Сам мыслительный процесс также осуществляется посредством языка. Мысли без языковой оболочки не существует. Язык, по словам К. Маркса, выражает жизнь мысли. Органы чувств позволяют воспринимать лишь материальные явления, воздействие на них материальных раздражителей. Сознание, мысль не материальны. Будучи идеальными по форме своего существования, они не могут восприниматься другим человеком. Передать мысль — значит перевести ее на уровень материального выражения. Таковым и является звуковой язык.

Слово является материальным знаком мысли. Произнесенное слово воспринимается органом слуха, написанное — органом зрения. Само слово как знак мысли не имеет отношения к ее содержанию. Между словом «стол» как определенным звукосочетанием и реальными столами нет никакой связи. Поэтому-то реальный стол в различных языках имеет и различное звуковое выражение. Условность слов и дает возможность выражать в них любые знания о конкретных предметах. В словаре каждого языка содержится конечное число слов. Из этого словарного запаса посредством грамматических правил можно создать бесконечное множество различных языковых выражений, сформулировать и передать любую мысль. Язык,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 490.

на котором мыслит и общается человек, составляет естественный язык.

Командный язык имеет свою специфику, к нему предъявляются свои требования. Он должен быть четким, ясным, категоричным. Военное мышление требует максимально сжатого и точного формулирования мысли. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, отмечая эту специфику военного языка, писал: «...в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли «мощными ударами», или «ударными группировками». Я подчеркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в оперативно-стратегическую терминологию» [1].

Многозначность некоторых военных терминов может затруднять понимание содержания. Так, термин «армия» имеет несколько смысловых значений: сухопутные войска (сухопутные силы) наряду с военно-морским флотом; совокупность вооруженных сил государства; оперативное объединение, предназначенное для ведения операций. Все больше расширяется в современных условиях содержание таких терминов, как «операция», «бой», «огонь», «маневр», «удар», «оружие», «боевая техника» и др. Поэтому для передачи информации этими и другими терминами в ряде случаев требуется специально пояснять их значение. Развивая и совершенствуя военную науку, необходимо добиваться как однозначности ее терминологии, так и единого смыслового понимания ее категорий, понятий, четкости командного языка.

Основными формами логического познания, мышления являются понятия, суждения, умозаключения. **Понятие** есть такая форма мышления, которая отражает общие, существенные свойства предметов, их связей и отношений. В отличие от форм чувственного познания, отражающих конкретные предметы, понятия представляют собой абстрактные образы, в которых отражаются общие существенные, необходимые свойства, связи многих предметов.

В таких понятиях военной науки, как «наступление», «оборона», «встречное сражение» («бой»), «ракетно-ядерный удар» и т. д., отражаются общие, существенные признаки определенных видов и форм боевых действий. По-

---

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 570.

добного рода общие понятия военной науки, в которых выражаются наиболее важные стороны войны, процессов ведения военных действий, подготовки вооруженных сил, соединений, частей, подразделений, называются **категориями.** Понятия и категории составляют основное содержание науки, ее базис, скелет.

Понятия образуются исторически, путем последовательного и всестороннего рассмотрения, анализа и сопоставления определенного класса предметов, процессов. В ходе этих процессов обнаруживаются такие признаки, свойства, черты, которые присущи только единичным предметам. Поэтому они могут носить случайный, поверхностный характер. В то же время наряду с единичным им присущи и общие признаки, свойственные всему классу предметов.

Рассматривая, например, такой вид боевых действий, как оборонительный бой, можно обнаружить общие признаки, характерные для всех конкретных оборонительных боев: стремление войск путем прочного удержания тактически важных объектов местности и созданием развитой системы огня и заграждений остановить превосходящие силы противника, нанести ему потери, обескровить, выиграть время и создать условия для последующего перехода своих подразделений, частей в наступление. Выявленные общие признаки, которые присущи оборонительным действиям войск, находят свое выражение в обобщенном понятии «оборонительный бой». Аналогичным путем образуются и все другие понятия военной теории.

Научные понятия представляют собой субъективный образ объективного мира. Понятия имеют объективное содержание, поскольку в них в абстрактной форме выражаются реально существующие связи и отношения объективной действительности. Субъективность понятий состоит в том, что они идеальны по своей форме. Понятие — форма субъективного мышления. Кроме того, в самом содержании понятия всегда присутствуют элементы фантазии, идеализации. Целенаправленность процесса познания вызывает необходимость выделения в рассматриваемых процессах таких признаков, знание которых наиболее важно для определенного вида практической деятельности.

Субъективный элемент содержания понятий и определяет возможность различного смыслового понимания и,

следовательно, определения одного и того же понятия. Известно, что В. И. Ленин определял политику и как концентрированное выражение экономики, и как отношение между классами. В первом определении указывается на взаимосвязь политики и экономики, во втором — на классовые социальные отношения. Определяя войну как продолжение политики государств, классов насильственными средствами, мы тем самым характеризуем взаимоотношение политических целей классов, государств и средств их достижения. В определении войны как испытания всех сил нации подчеркивается зависимость достижения победы от экономических, морально-политических и иных сил государства.

В понятии различают объем и содержание. Объем понятия характеризует тот класс предметов, на который оно распространяется. Так, объем понятия «ракетно-ядерный удар» характеризует одну из форм боевых действий, посредством которой достигается нанесение решительного ядерного поражения противнику. Содержание понятия выражает совокупность существенных признаков предметов данного класса. Например, в содержании указанного нами понятия «ракетно-ядерный удар» отражаются такие существенные признаки выделенного класса боевых действий, как нанесение массированного, группового или одиночного ядерного удара ракетными средствами. Такие удары могут быть ответными, встречными, упреждающими.

Содержание понятий раскрывается посредством их определения. В процессе длительного развития научного познания выработаны некоторые общие требования, предъявляемые к определению понятий. При этом для науки, особенно военной, важна их точность, полнота, определенность. В понятии должны быть адекватно выражены существенные признаки, реально присущие тому классу предметов, которые характеризуют его объем. Поскольку любой класс предметов, отражающихся в содержании понятий, имеет множество существенных признаков, всегда есть опасность давать слишком сложные определения, что, естественно, затрудняет оперирование ими. Поэтому в определение понятий включаются наиболее существенные признаки, позволяющие отличить данный класс предметов от других.

Известно, что такая составная часть военного искусст-

ва, как оперативное искусство, имеет множество признаков, отличающих его от стратегии и тактики. Если стратегия изучает войну в целом, а тактика — бой, то оперативное искусство связано с разработкой теории и практикой подготовки и ведения операций, проводимых оперативными объединениями различных видов вооруженных сил как самостоятельно, так и совместно. Выявление указанных выше отличительных признаков оперативного искусства позволило советской военной науке выделить его в качестве самостоятельной научно-теоретической дисциплины военного искусства наряду со стратегией и тактикой. Это имело большое значение для развития советской военной теории в целом.

Типичным формально-логическим способом определения понятия является указание на ближайший род и видовое отличие. Такое правило определения выражает единство в предмете общих и отличительных признаков. Так, в определении «война есть продолжение политики насильственными средствами» указывается на то общее, что объединяет войну с другими социальными процессами (продолжение политики), и на то, что ее отличает от них (насильственными средствами). Для понятий «оборона», «наступление», «встречный бой» общим признаком является то, что все они характеризуются как вид боевых действий. В понятии «встречный бой» отмечаются его общие (вид боевых действий) и отличительные (наступление на наступающего противника, характеризующееся быстрым сближением сторон, наличием открытых флангов, широким маневрированием силами и средствами и т. д.) признаки.

Понятие не единственная, а одна из основных форм логического мышления. Другой важной формой абстрактного мышления является **суждение.**

Суждение есть мысль, выражающая какое-либо свойство, связь предмета с другими предметами посредством сочетания понятий. Любая мысль человека выражается в форме суждений. Мыслить — это прежде всего высказывать (устно, письменно, в уме) суждения, то есть судить о вещах, явлениях, их свойствах посредством их утверждения или отрицания. В отличие от понятия, в котором выражаются только существенные признаки предметов, в суждениях выражается любое их свойство, связь и отношение. В суждении о том, что только наступление обес-

печивает решительный разгром противника, мы выражаем один из признаков данного вида боевых действий.

Суждение выражается в форме предложения, которое является его материальной оболочкой. В то же время эта неразрывная взаимосвязь не означает их тождественности. Если любое суждение выражается в форме предложений, то не всякое из них является суждением. Логическая структура суждения одинакова для всех людей, тогда как его грамматический строй различен в каждом языке.

По степени общности выражаемых связей и отношений признаков суждение может быть единичным, особенным и общим. Первым является, например, суждение типа: «Воздушный бой характеризуется участием в нем авиационных подразделений, частей». Вторым: «Воздушный бой отличается особой скоротечностью». Третьим: «Современному бою присущи такие черты, как решительность, высокая динамичность, разнообразие применяемых способов, большой пространственный размах».

Движение познания от единичных суждений к общим характеризует развитие и совершенствование уровня познания объективной действительности. Так, если единичное суждение о том, что ядерное оружие обладает рядом боевых качеств, отличающих его от других средств поражения, характеризует особое место данного оружия в бою, то общее суждение о том, что боевые действия с применением ядерного оружия будут отличаться особым напряжением, сопровождаться образованием обширных зон радиоактивного заражения, завалов и т. п., указывает на специфические особенности, которые присущи ведению боя с применением данного оружия.

Умозаключение — такая форма мышления, посредством которой из истинных суждений (посылок) логическим путем получается новое знание о вещах и явлениях объективного мира. Посредством умозаключения человечество может познавать и познает такие связи и отношения, стороны действительности, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств, а также предвидеть будущее. Умозаключение — единственное средство познания законов природы, общества и мышления, раскрытия закономерностей войны. Благодаря использованию умозаключения возможно логическое доказательство истинности тех

положений, которые непосредственно не могут быть наблюдаемы.

При помощи умозаключений командир делает выводы из оценки обстановки, формирует решение, дает его обоснование. Умозаключение является важнейшим средством развития военной науки. Многие положения военной науки получены именно на основе умозаключений.

Умозаключения бывают различных видов. Наиболее важными из них являются индуктивные, дедуктивные и традуктивные. Индуктивным называется такое умозаключение, в котором из единичных (частных) посылок делается общий вывод. На основе этого вида умозаключения совершается восхождение познания от частного, единичного к общему.

Исследование причин побед в бою, операции дает возможность обнаружить, что одной из них является достижение внезапности. Так было на протяжении всей истории войн. Обобщение опыта многих боев, сражений дало возможность сформулировать важный принцип военного искусства, указывающий на значение тактической, оперативной и стратегической внезапности в войне, пути и способы ее достижения. Аналогичным образом удалось выявить и другие принципы военного искусства, такие, как решительность, целеустремленность, сосредоточение усилий на решающих направлениях, поддержание постоянной высокой боевой готовности войск в условиях действий с применением и без применения ядерного оружия, взаимодействие, всестороннее обеспечение боя, операции и т. п.

Индукция является полной, когда перечислены все без исключения предметы исследуемого класса, на основе изучения которых делается вполне достоверный вывод. Чаще всего в познании приходится иметь дело с неполной индукцией, поскольку любой класс состоит из бесконечного количества явлений.

В ходе боевых действий командиру, как правило, приходится делать обобщения и выводы на основе неполной индукции. Получение всех данных о боевой обстановке в полном объеме невозможно, поскольку противник всегда скрывает свои силы и намерения, да к тому же командир всегда ограничен во времени. Умение делать правильные выводы и обобщения при недостаточности, а порой и про-

тиворечивости имеющихся данных является одной из характерных черт мышления командира.

Дедуктивным называется такое умозаключение, в котором из сопоставления общего положения с конкретным фактом делается частный вывод. Посредством этого вида умозаключения познание идет от общего к конкретному, но уже обогащенному новыми знаниями об этом конкретном. Допустим, в ходе боевых действий командиру стало известно, что обороняющийся противник скрытно делает проходы в минных заграждениях. Это знание о единичном факте. Из обобщенного боевого опыта известно также, что подобные действия предпринимаются противником перед началом перехода в наступление. На основе сопоставления общего положения с конкретным фактом дедуктивным путем делается вывод, что в данном случае вероятен переход противника в атаку. Таким образом, единичный факт (противник делает проходы в минных заграждениях) приобретает новое содержание: он свидетельствует о подготовке противника к наступлению. В боевой обстановке подобный вывод, разумеется, делается командиром на основе ряда аналогичных признаков.

Дедуктивное умозаключение весьма важно в военно-научном исследовании. Знание о характере возможной войны, ее закономерностях позволяет дать правильное представление о содержании конкретных видов и форм боевых действий, глубже раскрыть принципы военного искусства.

Индукция и дедукция неразрывно взаимосвязаны между собой. Индукция дает фактический материал для дедукции, устанавливает ее взаимосвязь с объективным миром. В свою очередь, дедукция подкрепляет индукцию, расширяет сферу ее применения. «Индукция и дедукция, — писал Ф. Энгельс, — связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ... надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [1].

Традуктивным называется такое умозаключение, когда частный вывод делается из частных посылок, общий вывод — из общих посылок. Данный вид умозаключения

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 542, 543.

применяется в случаях, когда необходимо удостовериться, что у какого-либо предмета, процесса существуют (или отсутствуют) такие признаки, которые невозможно установить путем наблюдения.

Частным случаем традуктивного умозаключения является аналогия — логический перенос признака одного известного нам предмета на другой исследуемый предмет. Умозаключение по аналогии широко применяется в военно-научном познании. В ходе боевых действий командиру довольно часто приходится принимать решения по аналогии с ранее принимаемыми решениями в сходной ситуации, но делается это с учетом конкретно сложившейся обстановки.

Мышление, логическое познание характеризуется не только со стороны его форм. Ему присущи и определенные виды и приемы мыслительных операций: анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, идеализация, логическое воспроизведение исторического, моделирование и т. д. [1]

По своей направленности, характеру решаемых задач мышление с известной степенью относительности подразделяется на **теоретическое и практическое,** и соответственно этому различают теоретический и практический склад ума.

Характеризуя требования к умственным способностям командира, необходимым для гибкого и оперативного управления войсками, важно обратить внимание на желательность сочетания практического и теоретического склада ума. Ум практический означает умение, способность творчески применить имеющиеся знания, опыт для решения той или иной задачи в конкретных условиях обстановки. Ум теоретический характеризуется способностью к обобщению, теоретическому осмысливанию происходящих процессов, умением увидеть их сущность, обнаружить закономерность в кажущемся на первый взгляд хаосе событий.

Проблема различий теоретического и практического мышления впервые поставлена в нашей психологической литературе известным советским психологом Б. М. Теп-

---

[1] Содержание мыслительных операций рассматривается при характеристике методов развития военно-научного знания.

ловым[1]. Однако в дальнейшем она не разрабатывалась ни самим автором, ни кем-либо другим. Различие между этими двумя складами ума довольно условно. В конечном счете решение любой теоретической задачи имеет практическое значение. В равной степени и решение сложной практической задачи требует ее теоретического осмысливания. Надо также иметь в виду, что указание на различие между теоретическим и практическим мышлением не относится к характеристике общественной значимости каждого из них. Нельзя сказать, чья деятельность — теоретика или практика — имеет больший общественный смысл, очевидно, что и та и другая в одинаковой степени необходима.

В то же время между теоретическим и практическим складом ума существуют различия. Например, решение той или иной практической задачи, руководство командиром войсками в бою, операции, сражении, проведение различного вида учений основаны на умении применять имеющиеся знания, накопленный личный опыт к решению конкретной задачи. Конечно, и в этом виде практической деятельности имеющиеся знания применяются не механически. Организация боевой деятельности всегда является творческим процессом. В данном случае речь идет о творческом применении общего (теоретических знаний) к отдельному (решению конкретной задачи).

Теоретическая деятельность всегда связана с получением нового знания, с выходом за пределы имеющихся представлений. При этом творческие моменты прослеживаются в создании, развитии новых общих теоретических положений на основе обобщения отдельных данных, полученных в результате практического опыта (эксперимента) или проведенных расчетов и теоретических исследований.

При решении конкретной практической задачи всегда необходимо с самого начала иметь точное представление о ее желаемом конечном результате. Например, в наступлении — разгромить соответствующую группировку противника, выйти на заданный рубеж. Способы решения задачи определяются этой жестко сформулированной целью и наличием определенных сил и средств. При реше-

---

[1] См.: Теплов Б. М. Ум полководца.— В кн.: Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

нии теоретической задачи первоначальная цель формулируется в виде проблемы с указанием общего направления научного исследования. В то же время процесс решения научной задачи складывается из моментов уточнения, конкретизации как ее конечной цели, так и способов достижения.

Особенности практической и теоретической деятельности накладывают отпечаток и на склад ума человека, занятого по преимуществу данным видом деятельности. Именно существование этих различий в складе мышления и определяет то, что практики не всегда проявляют стремление к теоретическому исследованию и, наоборот, далеко не все теоретики оказываются способными решать практические задачи.

Надо сказать, что все выдающиеся полководцы сочетали в себе теоретические способности и умение оперативно и квалифицированно решать практические задачи. М. Н. Тухачевский, отмечая характерные черты деятельности М. В. Фрунзе, писал: «Его военная деятельность чрезвычайно разносторонняя. Мы знаем его в этой области и как практика и как теоретика. Михаил Васильевич оставил после себя наследие и в области теории войны, и в области теории и практики строительства вооруженных сил и обороны нашего Советского Союза, и, наконец, в области организации и руководства стратегическими операциями» [1].

В современных условиях, когда научное руководство войсками требует решения как практических, так и теоретических задач, а само познание в ходе практической деятельности приобретает черты научной работы, формирование единства теоретического и практического мышления командных кадров имеет особо важное значение. Однако данное единство не образуется само по себе, оно возможно только в том случае, когда командующий, командир, офицер штаба наряду с практической деятельностью по руководству войсками принимают участие и в научно-исследовательской работе. В. И. Ленин сравнивал аппарат управления с учреждениями академического типа [2]. Работники управления, указывал В. И. Ленин, —

---

[1] Тухачевский М. Н. Крупнейший стратег.— В кн.: М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников, с. 236—237.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 396.

это не только чистые администраторы, по горло занятые текущей работой, но и теоретики, научные работники. Так, говоря о задачах работников Рабкрина, В. И. Ленин писал, что «к разряду их работ будут относиться занятия теорией, т. е. теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить...» [1].

На характер мыслительного процесса существенное влияние оказывает обстановка, в которой действует и мыслит человек. Боевая деятельность — специфический вид деятельности, отличающийся от всех остальных видов человеческой практики. Особенности этой деятельности предъявляют специфические требования и к мышлению командира в боевой обстановке.

Всякий бой, как известно, связан с опасностью. Обстановка, опасная для жизни, естественно, порождает у человека чувство страха, которое может оказывать двоякое влияние на его мыслительную способность. Если чувство опасности, неизбежное в боевой обстановке, превращается в состояние страха, тогда происходит резкое торможение всей психической деятельности человека, в том числе и его мыслительных способностей. В этом случае человек, по существу, может потерять контроль над собой, утратить способность целенаправленно руководить действиями подчиненных.

В то же время, если человек, оказавшийся в опасной ситуации, сумеет подавить, побороть в себе состояние страха, результаты всей его психической, в том числе и мыслительной, деятельности значительно возрастают. Мысль, как говорят, работает на верхнем пределе. Быстрота, ясность, решительность мышления и точность выводов заметно увеличиваются. В этом случае опасная ситуация оказывается своеобразным стимулятором мыслительной деятельности. Способность не растеряться в опасной обстановке — необходимое качество командира. М. В. Фрунзе особенно ценил его. По этому поводу он писал: «Нам нужно иметь такой командный состав, который не растерялся бы ни при какой обстановке, который мог бы быстро принять соответствующее решение, неся ответственность за все его последствия, и твердо провести его в жизнь» [2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 396—397.
[2] Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 3. М., 1927, с. 316.

На основании всего сказанного можно было бы сформулировать следующее требование к мыслительным способностям командира в боевой обстановке: **способность к максимальной интенсивности мысли в условиях наибольшей опасности.** «Война,— писал генерал армии С. М. Штеменко,— отбирает таких людей, ум которых в минуты опасности обостряется, сила мышления становится глубже, логика размышлений — убедительней... Боевое возбуждение есть необходимый спутник настоящего военачальника, оно присуще не только полководцам, но и командирам всех рангов» [1].

Одно из важнейших условий мыслительной деятельности командира состоит в том, чтобы в динамичной ситуации боя учесть все факторы, влияющие на действия подразделений. Как известно, складывающаяся в процессе боевых действий обстановка отличается большим многообразием связей и отношений. Ее конкретный анализ, точный учет всех элементов, из которых она формируется, являются наиболее трудным видом познавательной деятельности. Задача командира в этих условиях состоит в следующем: суметь разобраться в этой сложной взаимосвязи и сделать ясные и обоснованные выводы, принять целесообразное решение на бой.

Это достигается только в том случае, если командир способен из всех известных ему сведений об обстановке выделить главные, определяющие моменты. В то же время он не должен упускать из виду и детали, правильный учет которых может дать ключ к уяснению, например, замысла противника. **Умение найти главное, не упуская деталей, ясность и определенность выводов — необходимое требование к мышлению командира в боевой обстановке.** В итоге разум командира совершает невероятно сложную и объемную мыслительную работу. Анализ и сопоставление разнородной информации — процесс многосторонний и трудный, а командирское решение должно быть четким и недвусмысленным, оперативным и гибким. Командир обязан найти выход из противоречивой ситуации в простой формуле решения.

Маневренность боевых действий, резкие, подчас неожиданные осложнения обстановки, возникновение кри-

---

[1] Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2, с. 474.

зисных положений, возможные нарушения связи, частый вывод из строя пунктов управления — все это является характерным для современного боя. Нередко командир должен самостоятельно принимать решение, не имея на то указаний свыше. В данной ситуации требуется проявление инициативы, предвидения, мобильности командирского мышления. Командиры подразделений, частей обязаны сами определять наиболее рациональные способы выполнения боевых задач, полнее использовать боевые возможности имеющихся средств борьбы.

В процессе управления войсками командир никогда не будет располагать исчерпывающими данными об обстановке, особенно о противнике. Поэтому у него могут возникать сомнения в правильности сделанного вывода, отданных распоряжений. Однако они не должны отрицательно влиять на непрерывное и твердое управление подразделениями.

Из этого вытекает еще одно важнейшее требование к мышлению командира — **решительность и самостоятельность мышления, способность к оправданному и обоснованному риску.** Конечно, можно и нужно принять все меры к тому, чтобы уменьшить степень риска. Однако командир, желающий полностью обезопасить себя, вряд ли может рассчитывать на успех в бою. Это таит в себе зародыш нерешительности, растерянности, безволия и как следствие потерю времени и инициативы. Рисковать надо, но риск должен быть разумным, расчетливым, основанным на предвидении.

Быстротечность обстановки современного боя, как никогда раньше, повышает значение фактора времени, требует от командира подчас моментальной оценки сложившейся ситуации и принятия безошибочного решения. Поистине промедление в бою ныне смерти подобно. **Быстрота ориентировки в обстановке и принятия решения** на бой столь же необходимое качество мыслительных способностей командира, как и перечисленные выше. Без этого теперь нельзя рассчитывать на успех. Уметь быстро мыслить, оценить обстановку, принять правильное решение — значит опираться на глубокие знания, на личный практический опыт, на интуицию. Командиру необходимо целеустремленно готовить себя к этому заранее.

В этом отношении уместно вспомнить высказывание Наполеона о его способности к быстрым решениям. «Если

кажется, что я всегда ко всему подготовлен, — писал выдающийся полководец,— то это объясняется тем, что раньше, чем что-либо предпринять, я долго размышлял уже прежде; я предвидел то, что может произойти. Вовсе не гений внезапно и таинственно открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других, — но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре, я просыпаюсь ночью, чтобы работать» [1].

В современных условиях в процессе принятия решения командир должен опираться на научные методы управления, использовать приемы математического моделирования и электронно-вычислительную технику. Все это дает возможность наиболее объективно оценивать обстановку и своевременно принимать решение. Результаты расчетов, являясь только количественным обоснованием решения, дополняются опытом, волей командира, его умением мыслить диалектически, расчетливо, с предвидением.

Знания, полученные путем синтеза данных чувственного познания и абстрактного мышления, имеют практическую ценность в том случае, если верно отражают действительность, являются истинными знаниями.

---

[1] Цит. по кн.: Тарле Е. Наполеон. М., 1941, с. 13.

Глава VIII

ИСТИНА В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

1. Объективная истинность военно-научных знаний — важнейшее условие успеха практической военной деятельности

Марксистско-ленинская теория познания в полном соответствии с данными науки и практики утверждает, что сознание человека способно давать и дает правильное представление об окружающей действительности. Такое утверждение обусловлено самой сущностью диалектико-материалистического понимания познания. «Считать наши ощущения, — писал В. И. Ленин, — образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же» [1].

Объективная истина — это такое содержание наших знаний, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...» [2]. Объективно истинное знание о предмете характеризуется соответствием его содержания отражаемым свойствам, признакам самого предмета.

Теория тактики является истинной при условии соответствия ее содержания достигнутому уровню развития оружия и техники, боевым возможностям подразделений, частей, соединений, требованиям оперативного искусства и общим тенденциям развития военного дела. Объективная истинность оценки обстановки командиром и штабом в ходе боевых действий характеризуется ее соответствием реально существующему положению дел — если в ней

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 132.
[2] Там же, с. 123.

точно учитываются прежде всего соотношение сил сторон, боевые возможности сил и средств, находящихся в их распоряжении, условия местности, фактор времени.

Объективность знания — важнейшее условие успеха практической деятельности. В. И. Ленин писал, что «господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что́ показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Специфика войны, особенности ее отражения в сознании как в ходе боевой практической деятельности, так и в процессе развития военной теории обусловливают сложность получения объективно истинного знания, но ни в коем случае не свидетельствуют о невозможности решения этой задачи. Основой успеха боевой деятельности выдающихся полководцев как раз и являлось их умение давать объективную оценку обстановки, делать правильные выводы, предвидеть развитие боевых событий и на этой основе определять наиболее целесообразные пути и способы решения задач по разгрому противника. В то же время, как об этом свидетельствует опыт военной истории, неверная теория, субъективизм в оценке обстановки всегда были одной из важнейших причин неуспеха практической боевой деятельности.

Если объективность познания, получение объективно истинных знаний необходимы для любого вида практики, то особенно это важно для боевой деятельности, успешного управления войсками в бою. Именно здесь, как ни в какой другой области практической деятельности, любой отход от объективной истины, любая ошибка как в теории, так и в оценке обстановки в ходе боевых действий приводят к пагубным последствиям. Если субъективизм опасен в любом виде деятельности, то в военной — в особенности.

Война в целом, отдельные операции, бои всегда связаны с большими материальными и, что самое главное, людскими потерями. Это неизбежно и определяется спецификой самих военных действий. Но каковы они будут, какой ценой оплачена победа — во многом зависит от

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 198.

познавательных способностей командных кадров, их тактического и оперативного мастерства. Ошибки, просчеты в оценке обстановки, в решениях, прогнозировании боевых действий всегда чреваты опасными последствиями.

Особенность сражения, боя такова, что их не всегда возможно остановить по желанию той стороны, для которой они начинают развиваться в неблагоприятном направлении. После катастрофического поражения в битве на Волге фашистские руководители начали понимать, что политическая цель, ради которой они предприняли войну против СССР, уже недостижима. На совещании в ставке в феврале 1943 года Гитлер вынужден был признать, что «возможность окончания войны на востоке посредством наступления более не существует» [1]. И если гитлеровское командование все же решилось затем предпринять наступление под Курском, то главным образом с целью поддержать свой политический престиж и предотвратить развал фашистского блока. Впоследствии гитлеровцы начали искать другие пути, чтобы уйти от позорного поражения в войне. Однако они уже не были властны над событиями. Советский народ, как и народы других стран, боровшиеся за национальную независимость, был преисполнен решимости довести войну до полной победы, до безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Одна из особенностей военных действий состоит в следующем: каждая ошибка командования одной из сторон усугубляется возможностью использования ее противником, в результате чего отрицательные последствия ошибочного решения многократно возрастают, они как бы возводятся в степень. Цена подобных ошибок, предвзятых, односторонних оценок, решений зависит от того, к какой области военного искусства они относятся. Особенно опасны просчеты в стратегии.

Для иллюстрации этого положения приведем такой пример. Накануне второй мировой войны французская военно-теоретическая мысль, находясь в плену прошлого военного опыта, отдавала предпочтение при подготовке к будущей войне оборонительной стратегии. Эта военно-стратегическая концепция оказала решающее влияние на

---

[1] «Военно-исторический журнал», 1963, № 1, с. 82.

военно-техническую политику государства, практические мероприятия по подготовке армии к войне, уровень ее боеготовности, что послужило в конечном итоге одной из причин быстрого поражения французских вооруженных сил в начавшихся в 1940 году военных действиях с гитлеровской Германией.

В современных условиях, когда методы и формы военных действий существенно изменились, ускорились темпы введения новых образцов оружия и техники, возросла их поражающая мощь, особенно увеличилась опасность просчетов и ошибок в решениях. Это подчеркивает недопустимость отхода военных кадров от объективной истины как в военной теории, так и в принятии решений в ходе практической военной деятельности. Достижение объективности в разработке проблем военной теории, в анализе и оценке обстановки, в принимаемых решениях было и остается главнейшим требованием нашего военного искусства.

Объективность знаний характеризуется тем, что «истина всегда конкретна...» [1]. Данное понимание истины В. И. Ленин характеризовал как основное положение диалектики, которая «конкретна и революционна» [2], как важнейший принцип диалектической логики.

Это определяется тем, что каждый процесс имеет свою специфику, качественную особенность, всегда находится во взаимосвязи и взаимодействии с другими, иначе говоря, существует в конкретно-исторических условиях. Знания о данном процессе будут истинными в том случае, если в них отражаются его сущность и особенности ее проявления в конкретной обстановке. В. И. Ленин указывал на необходимость «каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [3].

Правильное решение той или иной практической задачи возможно только в том случае, если точно учитывается данная конкретная обстановка. Это подчеркнуто в решениях XXV съезда партии, который требует руководить хозяйственным строительством с глубоким знанием дела, с учетом особенностей современной экономической

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 400.
[2] Там же, т. 37, с. 336.
[3] Там же, т. 49, с. 329.

стратегии, своеобразия задач, условий, в которых действует в данный период партия.

Положение, правильно отражающее тот или иной процесс в его данной обстановке (конкретная истина), становится неверным, если оно применяется к этому же процессу, но находящемуся в других условиях. В. И. Ленин подчеркивал, что «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» [1].

Боевая деятельность, применяемые формы и способы тактических действий всегда обусловлены конкретной обстановкой. Поэтому и знания, на которых основывается эта деятельность, должны быть конкретными. Предположим, что командиру подразделения надлежит организовать взаимодействие в бою, в котором участвуют танки, мотострелки, средства ПВО, артиллерия и ПТУРСы. Очевидно, что он может успешно справиться с этой задачей, только хорошо зная конкретные боевые качества каждого из этих родов оружия и техники. Только при этом непременном условии он окажется способен четко согласовать их боевые усилия, направить их действия к достижению единой цели, а при необходимости восполнить слабые стороны одного вида оружия сильными сторонами другого и добиться победы над противником. Это и означает частный случай конкретного анализа конкретной ситуации в бою.

Принцип конкретности истины относится не только к знаниям, необходимым для решения непосредственной практической задачи, но и к теории в целом. Теория только в том случае будет истинной и может служить руководством к действию, если она конкретна.

Первый признак конкретности военной теории состоит в том, что она должна в своем содержании отражать не второстепенные связи и отношения и не отдельные из них, а сущность, закономерные связи и отношения тех военных процессов, которые взяты в совокупности и отражают главное в явлениях. В противном случае она теряет признак конкретности, превращается в ложную теорию. Теория, например, воздушной войны, выдвинутая в 30-х го-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

дах Дж. Дуэ, обладала формальным признаком теории, но она отвлекалась от частных проявлений войны, игнорировала возможности сторон, поэтому не была конкретной, а следовательно, и жизненной, поскольку в ней опущено главное, благодаря чему достигается победа в войне, — строгий учет уровня технического прогресса, соотношения сил, экономических и моральных факторов и т. п.

Современная военная теория, если она претендует на звание конкретной теории, должна отразить в своем содержании основные, существенные стороны войны, закономерности ее функционирования и развития. Требования любого боевого устава или наставления, которые есть не что иное, как теория, выраженная в форме практических рекомендаций, являются конкретными, поскольку они определяют наиболее существенные принципы боевой деятельности, основываются на учете опыта прошлых войн, накопленного опыта боевой подготовки войск, разработаны с предвидением условий и характера будущих боевых действий, исходя из технической оснащенности подразделений и частей, тактики вероятного противника.

Об огромном значении таких уставов для практики боевых действий войск можно судить на основе опыта Великой Отечественной войны. Так, принятие в Советской Армии новых Боевых уставов пехоты в 1942 году сыграло важнейшую роль в достижении разгрома немецко-фашистских войск, поскольку в них воплощался богатый опыт ведения боев, накопленный к тому времени нашими частями и подразделениями.

Второй признак конкретности военной теории состоит в том, что она должна отразить в своем содержании существенные связи и отношения военных процессов, происходящих в определенных исторических условиях. «Безусловным требованием марксистской теории, — писал В. И. Ленин, — при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки...» [1] Такими определенными историческими рамками конкретности военной теории можно считать: содержание военно-политических целей государства, условия складывающейся военно-стратегической обстановки, боевые возможности современного оружия и военной техники, уровень технической оснащенности ор-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

ганов управления и тыла, соотношение сил вероятных противников. Игнорирование в военной теории хотя бы одного из указанных условий ее конкретности делает ее неистинной.

Конкретная теория — руководство к действию, но любая, даже самая передовая теория не может охватить всех сторон, связей и отношений действительности, которая всегда многообразнее, богаче теории. Это не умаляет, однако, роли теории. Назначение военной теории состоит в том, что она определяет исходные данные для понимания сущности того или иного военного процесса, явления, логики мышления в ходе их анализа. В этом смысле она выступает как организующее начало, важная посылка к определению путей и способов решения практической задачи и, следовательно, как руководство к действию. Оценка обстановки и принятие решения командиром в ходе боевых действий, составление модели боя есть не что иное, как конкретизация применительно к данному процессу положений военной теории, рекомендаций уставов и руководств. «Мы не отрицаем, — писал В. И. Ленин, — общего положения, но требуем особого анализа условий конкретного приложения этих общих принципов» [1].

Соблюдение в военно-научном познании принципа конкретности истины особенно важно в условиях качественных изменений в военном искусстве, вызванных научно-техническим прогрессом. Революция в военном деле охватила все стороны ведения войны и подготовки вооруженных сил. Она означает качественные изменения в технических средствах войны, вызванные появлением прежде всего ракетно-ядерного оружия, интенсивной модернизацией артиллерии, танков, авиации, средств ПВО; существенные изменения в способах ведения военных действий, в характере операций и боев, повышение их решительности, маневренности, динамичности, увеличение пространственных границ; появление новых форм организации войск, совершенствование их структуры и соотношения между родами войск, средствами нападения и защиты, наступления и обороны; качественные изменения содержания боевой готовности подразделений, частей, направленности и форм боевой подготовки войск; автоматизацию процессов управления войсками; повы-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 304.

шение мобильности средств материально-технического обеспечения боя и операции.

В этих условиях особенно недопустима догматизация опыта прошлого, даже тех его сторон, которые явились в свое время крупным достижением военной мысли. Та или иная военно-теоретическая проблема может быть успешно решена только с максимальным учетом происшедших изменений в вооружении войск, данных конкретно-исторических условий, с привлечением всего многообразного арсенала современных методов научного исследования, с широким использованием прогностических возможностей военной науки.

2. Особенности соотношения относительного и абсолютного в объективно истинных военных знаниях

В отличие от метафизического, догматического понимания истины марксизм-ленинизм рассматривает ее как исторически обусловленный, динамический процесс. Познание есть процесс развития знаний от менее полных к более полным и так без конца. Всякая истина есть звено, ступенька этого процесса, неразрывно связанная с предыдущими и последующими звеньями, ступеньками. Военная теория, как бы полно разработана она ни была, сколь бы объективно ни было ее содержание, всегда нуждается в развитии, конкретизации. Любая оценка обстановки в процессе решения практических боевых задач никогда не может охватить полностью всей совокупности ее элементов.

Относительность военных знаний на любом из этапов развития военной науки не означает отрицания их объективности. Она характеризует только степень полноты, незавершенности в отражении объективной действительности. Мы признаем, указывал В. И. Ленин, «относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [1].

Относительная истинность военной теории состоит в том, что она не может охватить, отразить в содержании своих понятий, категорий, законов всех взаимосвязей во-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 139.

енных процессов. Это определяется их бесконечным многообразием, непрерывным изменением, развитием. Отсюда и необходимость постоянного совершенствования теории, которое осуществляется по линии устранения элементов ее односторонности, учета происходящих изменений в военном деле, разработки новых концепций. В равной степени и знания об обстановке, как бы правильны они ни были, никогда не будут исчерпывающими. Всегда будет потребность что-то уточнить, доразведать и т. д. Исключительно изменчивый, скоротечный и непостоянный процесс боя приводит к быстрому старению информации, требует непрерывного обновления сведений об обстановке, особенно о противнике, его средствах борьбы.

По мере дальнейшего развития относительных истин наши знания приближаются к полному, исчерпывающему знанию, к истине абсолютной, определение которой имеет два аспекта. Первый — когда она означает полное, исчерпывающее знание о предмете, процессе, мире в целом. В этом смысле в ней выражается предел человеческого познания. Познание такой истины, по выражению Ф. Энгельса, возможно при бесконечном числе человеческих поколений. Это как раз и означает бесконечность процесса познания объективного мира, вечное приближение к полному, исчерпывающему знанию.

Во втором аспекте категория абсолютной истины употребляется для характеристики таких элементов, сторон наших знаний, которые не могут быть опровергнуты ходом дальнейшего познания. Этот элемент истины означает окончательное познание какой-либо стороны отражаемого в сознании процесса, предмета, его свойства. Положение о том, что война есть продолжение политики государств, классов насильственными средствами, является абсолютной истиной (пока существуют войны). Она не может быть опровергнута дальнейшим ходом познания войны.

В современных военных знаниях (так было и в прошлом) нерешенных или не полностью решенных проблем гораздо больше, чем элементов абсолютного знания. Это положение предостерегает от самоуспокоенности, является одним из побудительных мотивов постоянного совершенствования военных знаний, критического отношения к ныне существующим понятиям и представлениям.

Все вышеизложенное о соотношении абсолютной и от-

носительной истины в процессе познания имеет всеобщее методологическое значение. Однако конкретное проявление соотношения абсолютного и относительного в знаниях имеет некоторые специфические особенности, определяемые характером познаваемых процессов и той минимально необходимой гранью относительного, при которой еще возможен успех практической деятельности.

Война как специфический объект познания определяет и целый ряд особенностей, относящихся к совершенствованию военных знаний, приближению к абсолютной, объективной истине и к характеру их применения в ходе практической военной деятельности. В этой связи важно учитывать ранее рассмотренные особенности войны, операции, боя, в значительной степени отличающие их от объектов познания других наук. Эти особенности позволяют сделать вывод о том, что возможности достижения полного знания на каждом данном этапе развития войны всякий раз весьма ограничены, следовательно, в военных знаниях всегда будет сравнительно велик удельный вес относительного.

Специфика развития военной теории в сравнении со всеми другими теориями состоит в том, что она должна быть «всегда готова к употреблению». Война может быть развязана агрессором в любой момент. Вооруженные силы всегда должны иметь такие теоретические взгляды и представления, которые бы в достаточной мере обосновывали характер возможных практических военных действий, обеспечивали успех в войне. Военно-теоретические концепции в таких условиях выступают одним из важных слагаемых постоянной боевой готовности частей и соединений, вооруженных сил в целом.

Развивая и совершенствуя военную теорию, добиваясь ее максимального соответствия процессам возможной войны, важно учитывать следующее обстоятельство: полного соответствия между сегодняшней теорией и будущей военной практикой достичь никогда не удастся. Данное положение отражает действительную сложность и особенность военно-теоретического познания. Из него явствует, что военные кадры должны быть готовы в случае развязывания войны агрессором творчески, с учетом конкретной обстановки внести необходимые коррективы в способы стратегических, оперативных и тактических действий. Для этого должен быть заложен уже в мирное время прочный

фундамент военной теории, позволяющий пронизать деятельность командиров и штабов духом творческих исканий. Разумеется, при этом теории стратегии, оперативного искусства и тактики необходимо еще в предвоенный период глубоко вскрыть объективные закономерности войны, операции, боя.

Диалектико-материалистическое понимание объективной истины как единства абсолютного и относительного несовместимо ни с догматизмом, ни с релятивизмом. **Догматизм** есть абстрактный способ рассмотрения теоретических проблем, когда при их изучении и решении игнорируются обстоятельства места и времени. Догматическое мышление рассматривает мир и человеческое познание в статическом состоянии, и соответственно теоретические формулы являются для него вечными и неизменными. Догматик оперирует абстрактными формулами, оторванными от конкретной действительности, без проверки их практикой.

Догматическое мышление, в том числе и военное догматическое мышление, может принимать различные формы. Наиболее типичными из них являются догматизация положений, выработанных в одних условиях, и решение практических задач с точки зрения этих положений в совершенно другой обстановке; дедуктивное оперирование общими понятиями, навязывание их фактам, когда последние не подходят под эти положения.

Догматизм во всех его проявлениях — одна из наиболее опасных форм отрыва теории от практики, мышления от действительности. Если догматизм вреден в любом виде познания, то в военно-научном — в особенности. Последнее определяется быстрыми темпами развития военных процессов, постоянно меняющейся социально-политической обстановкой, в которой они происходят.

Догматизм подменяет изучение реальной действительности, учет точных фактов конкретной обстановки формулами, рецептами, якобы пригодными на все случаи жизни. В буржуазном военном искусстве нередко делаются утверждения о незыблемости содержания таких «вечных» принципов военного искусства, как массирование сил и средств, внезапность, взаимодействие и др. Однако практика войн доказывает ошибочность этих утверждений. Принципы военного искусства, хотя и могут сохранять

свое прежнее наименование, тем не менее непрерывно обновляют свое содержание.

Одной из разновидностей антидиалектического мышления является и **релятивизм** — принцип, согласно которому все в наших знаниях только относительно, в них якобы отсутствуют зерна абсолютных истин. Релятивизм не признает преемственности в развитии научных истин, проявляется в нигилистическом отрицании знаний, накопленных на основании предшествующего опыта, в одностороннем преувеличении тех или иных черт нового опыта.

Проявлением релятивизма в развитии военной теории явилось, в частности, создание после первой мировой войны теорий воздушной войны, малых механизированных армий и им подобных, полностью отрицавших опыт прошлых войн. Методологической основой догматизма и релятивизма являются идеализм и метафизика, отрицающие объективное содержание знаний, их диалектическое развитие.

Решающим противоядием против догматизма и релятивизма являются неразрывная взаимосвязь познавательной и практической деятельности, единство теории и практики.

3. Военная практика — критерий истинности военных знаний

Насколько велика роль практики в совершенствовании военной теории, настолько важно ее значение и при познании истины. Ведь знания, развиваясь на основе практической деятельности человека и человечества, сами проверяются и обогащаются практикой. Практика является одновременно и средством проверки истинности имеющихся знаний, и основной базой, фундаментом для получения новых знаний, их наращивания. Данное положение относится не только к практической деятельности человечества в целом, но и к каждому акту непосредственной практики. Рассматривая практику как критерий истинности знаний, мы мысленно выделяем лишь одну из сторон практики в процессе познания.

Практика является критерием истинности не только теоретических знаний, но и решений, принимаемых в ходе самой практической деятельности. «Вопрос о том, — пи-

сал К. Маркс, — обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1].

Творчески осваивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса о практике, В. И. Ленин в новых исторических условиях развил положение о практическом критерии истинности знаний: «Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...» [2]. При этом под критерием истины В. И. Ленин понимал не только современную практику или единичный практический процесс, а всю совокупность человеческой практики в ходе общественного развития. «...Практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания» [3],— писал он.

Положения марксизма-ленинизма о роли практики как критерии истинности знаний имеют всеобщее значение. Однако их конкретное проявление в познании зависит не только от характера науки, но и от особенностей и степени развитости того вида практической деятельности, которая подтверждает или опровергает истинность наших знаний. Поэтому одним из важнейших направлений исследования проблемы истины являются поиски более гибких и дифференцированных критериев истинности знания в отдельных науках. Особенности развития военной науки, равно как и военной деятельности, определяют и специфику практической проверки истинности военных знаний как в процессе совершенствования военной теории, так и в решении задач по управлению войсками.

Определить критерий истины — это значит выявить совпадение, соответствие мысли о предмете самому предмету. Такой критерий проверки истинности знаний не может быть заключен в самих знаниях, он должен быть вынесен за их пределы, которыми может быть только практика, направленная на преобразование действительности, отражаемой в процессе ее познания.

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1—2.
2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.
3 Там же, с. 193.

В конечном счете мысль о предмете есть не что иное, как знание об ожидаемых последствиях практического воздействия на этот предмет. Если результат практической деятельности совпадает с нашей мыслью, то тем самым доказывается ее соответствие самому предмету, то есть ее истинность. «Результат действия,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— есть проверка субъективного познания и критерий ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ» [1].

Признавая, например, за истинное положение о том, что в условиях будущей войны значительно возрастет роль внезапности нападения, мы тем самым вынуждены признать истинность и другого суждения: если та или иная сторона достигнет внезапности, то она получит значительное преимущество. Такое утверждение есть логический вывод из исторической закономерности военной практики. Опыт войн свидетельствует: эффект внезапности является производным от возрастающей мощи армий— увеличивается техническая оснащенность войск, соответственно усиливается и ошеломляющее воздействие на противника внезапного удара. Усилить авторскую аргументацию может и другой пример, иллюстрирующий роль практики в бою. Невыполнение принятого решения является свидетельством того, что оно основано на неверных выводах из анализа обстановки. Если же в ходе боя достигаемый результат соответствует его замыслу и плану, то тем самым подтверждается истинность принятого командиром решения.

В процессе практической деятельности устанавливается соответствие знаний о предмете самому предмету. При этом может возникнуть вопрос: что является внешним по отношению к познанию предметом, который отражается в военных знаниях? Ответ на него, видимо, не может быть однозначен. Это определяется многоплановостью объекта военно-научного познания и, следовательно, самого содержания военно-научного знания.

По отношению к знаниям, отражающим боевые свойства оружия, внешним объектом являются само оружие, его количественные и качественные характеристики, проявляющиеся в процессе его применения. Так, в знаниях о ракетном оружии отражаются такие его свойства, как большая дальнобойность, практическая неуязвимость в

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 200.

полете, высокая маневренность, быстрая готовность к пуску. Получив в процессе его боевого применения такие результаты, которые заранее предполагались, мы тем самым подтверждаем истинность наших знаний о нем.

Сложнее обстоит дело с характеристикой внешнего объекта по отношению к знаниям о тех процессах, которые представляют единство объективного и субъективного. Бой есть одно из явлений войны, и, как таковой, он всегда есть целенаправленная деятельность. На процесс боевых действий существенное влияние оказывает большое количество субъективных факторов. Зависимость здесь такова: чем выше тактическое мастерство командира, организующего бой, боевое мастерство войск, тем больше шансов на успешное решение боевых задач подразделениями.

В принципе же в соотношении объективной и субъективной сторон военных процессов, военной деятельности решающая роль принадлежит все же объективной стороне, объективным, от воли и желания людей не зависящим закономерностям войны, боевых действий. Эта объективная сторона военной деятельности и составляет тот внешний по отношению к военно-научному познанию объект, который и отражается в военных знаниях. Соответствие военно-теоретических знаний своему объекту и характеризует объективность их содержания.

В теоретической мысли о том, что всестороннее обеспечение боевых действий является важнейшим условием достижения успеха в бою, операции, отражаются независимая от воли и желания командира объективная сторона боевой деятельности, объективные связи и отношения, соблюдение которых в процессе управления войсками обеспечивает его успех. Истинность принимаемого решения на бой означает соответствие выводов из анализа обстановки и избираемого способа действий самой обстановке (направление сосредоточения основных усилий подразделений, характер сил и средств сторон, их соотношение, условия маневра, взаимодействия и т. д.) и объективным закономерностям данного вида боевых действий, или, как принято говорить, природе современного боя.

Особенность практического критерия истины состоит в его двойственности: он одновременно абсолютен и относителен. Критерий практики абсолютен в том смысле, что он является единственным критерием. Никакого другого

действительного критерия установления истинности или достоверности результатов познания нет. Относительность практического критерия истины состоит в ограниченности самой практики. Мир безграничен и бесконечен. Практика всегда ограничена определенными историческими рамками. На любом этапе ее развития она осваивает только часть окружающего человека мира.

Указывая на единство абсолютного и относительного в практике как критерий истины, В. И. Ленин писал: «...критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [1].

Абсолютность военной практики как критерия истинности состоит в том, что вне ее нельзя утверждать о соответствии военно-теоретических знаний объективной действительности. В военных знаниях, как и в других областях научного знания, истинность суждений подтверждается практикой. Такое понимание абсолютности военной практики как критерия истинности военных знаний дает возможность вести борьбу со всеми разновидностями агностицизма и субъективизма по отношению к вопросам познания войны, операции, боя.

Относительность военной практики как критерия истины характеризуется тем, что она всегда связана с определенным уровнем развития материальных средств ведения войны и потому изменчива. В свое время военная мысль утверждала: исход войны решается одним или несколькими генеральными сражениями. Данное положение было правильным, поскольку его истинность подтверждалась практикой. До первой мировой войны считалось, что штыковая атака решает успех боя. И это было верно, подтверждалось практикой. Положение об относительности военной практики как критерия истины предостерегает нас от догматизма в военно-научном познании, абсолютизации содержания военно-научного знания.

В применении к развитию военных знаний особенно необходимо, как указывал В. И. Ленин, «учитывать жи-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145—146.

вую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»[1].

В каждом конкретном случае, даже при правильности теории в целом, отдельные ее положения могут не соответствовать действительности. В соотношении «теория — практика» предпочтение отдается второму компоненту, поскольку «***практика выше (теоретического) познания,*** ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[2].

Относительность практики как критерия истины состоит и в том, что единичная практика, если и является достаточным критерием для проверки правильности того или иного конкретного решения в ходе практической деятельности, не может служить критерием для теоретического знания, широкого обобщения. Например, в битве под Курском (5 июля 1943 года) командир 8-й стрелковой дивизии предпринял контратаку своим вторым эшелоном — 229-м стрелковым полком — при вклинении противника в первую траншею. Это вызывалось особенностями данного боя, его особым упорством. Вместе с тем такое использование вторых эшелонов дивизий было нетипично для оборонительных сражений Великой Отечественной войны. Чаще всего контратака дивизионных резервов осуществлялась при бое за первую позицию обороны. Следовательно, чтобы сделать общий вывод об использовании в годы войны тактических резервов в обороне, надо исследовать не один бой. Военная теория, конечно, не может игнорировать единичного практического опыта, но критерием ее истинности должен быть весь совокупный опыт военной практики.

Возникает вопрос: что принять в качестве критерия истинности современной военной теории? Хотя она и базируется на опыте прошлых войн, выявленных закономерностях их ведения, на существующей материальной основе армии и флота, тем не менее устремлена в будущее: делает прогноз таких операций, сражений, боев, ведение которых, в частности, с применением ядерного оружия

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.
[2] Там же, т. 29, с. 195.

не имело прецедента в прошлом. Следовательно, и проверка до войны подлинной достоверности выдвигаемых новых положений представляет известную трудность.

На первый взгляд действительно может сложиться впечатление, что в период крутого перелома в развитии военного дела, когда коренным образом меняются условия, характер, способы подготовки и ведения операции, боя, принципы их планирования, система боевого использования сил и средств, их взаимодействия и боевого обеспечения, трудно найти твердую опору для убедительного доказательства истинности новых положений, выводов, взглядов и рекомендаций, особенно таких, которые резко расходятся с выводными данными военной практики.

С такой сложностью в военно-теоретическом исследовании на современном этапе, безусловно, приходится считаться. Однако это не означает бессилия военно-научной мысли при прогнозировании будущего и разработке нового. Опыт показывает, что она в состоянии выработать действенный критерий истинности и для будущих военных событий, правильно предвидеть их возможное развитие и в соответствии с этим уже в мирное время вооружить командные кадры передовой военной теорией, выработать жизненные принципы военного строительства, эффективные формы и способы стратегических, оперативных и тактических действий.

Если обратиться к прошлому, то убедительным примером этого явилась разработка в 30-х годах советским военным искусством теории глубокой операции, главные принципы которой всецело подтвердились в период Великой Отечественной войны и сыграли огромную роль в разгроме немецко-фашистских войск. Происходившие бурные процессы модернизации армии, ее моторизация и механизация, массовое появление на вооружении войск танков, авиации, новой, более совершенной артиллерии ставили перед стратегической и оперативной мыслью много новых и трудных вопросов.

В различных армиях эти проблемы решались, правда, по-разному. Советская военная теория, опираясь на незыблемый фундамент диалектического материализма, сумела выработать жизненную и реальную теорию операции, прошедшую жестокое испытание огнем и доказавшую свое неоспоримое превосходство над теорией фашистского вермахта.

На современном этапе прогнозирование будущих операций, особенно стратегического масштаба, неизмеримо усложнилось, поскольку появилось много новых факторов, влияющих на характер и способы ведения военных действий, резко расширился арсенал средств борьбы, по-иному складываются военно-политические условия в мире. Советская военная наука, руководствуясь марксистско-ленинским учением о войне и армии, выявляет магистральные направления в развитии форм и способов ведения операций, боев с применением качественно новых средств борьбы, разрабатывает обоснованные военно-теоретические концепции. Залогом этого являются огромный боевой опыт, накопленный Советскими Вооруженными Силами в борьбе с сильным врагом, наличие в распоряжении наших научных кадров современных методов исследования, самой прогрессивной методологии познания.

Важным инструментом установления критерия истинности теории будущих операций является выявление тенденций, закономерностей их эволюции в прошлом.

Ведь развитие военного дела даже в условиях коренных изменений социально-политической обстановки, материальных средств войны сохраняет свою **преемственность**, то общее, что присуще войнам на различных этапах их исторического развития. Это общее закрепляется в военной мысли в виде законов военной науки, принципов военного строительства, ведения военных действий. Выработанные и подтвержденные на основе неоднократного практического повторения, они приобретают характер объективных истин, которые и составляют основание современной военной теории. Следовательно, чтобы быть уверенным в правильности и жизненности того или иного теоретического положения, надо прежде всего убедиться, каковы исторические корни данного явления, как оно зарождалось и развивалось в прошлом, насколько полно оно соответствует законам и принципам военного искусства.

Выработанные на основе всего опыта предшествующей военной практики понятия, категории, законы, принципы военной науки во всей своей совокупности **определяют логику военного мышления**, являющуюся конкретизацией применительно к отражению военных процессов, общих законов и принципов диалектической и формальной логики. В этом смысле военная наука и выступает как при-

кладная логика. При этом наибольшее значение для развития советской военной теории, безусловно, имеют военно-теоретические положения, выработанные на основе опыта Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 годов, являющегося неисчерпаемой сокровищницей военных знаний.

Практический опыт прошлого, закрепленный в определенной системе научных знаний, является основой, исходной предпосылкой для логического обоснования теоретических взглядов и представлений о характере возможной войны, операции, боя, способах их ведения. Практически доказано, например, что развитие материальных средств боя неизбежно влечет за собой изменение способов тактических действий. Данное положение определяет и логический ход мысли при разработке новой тактики.

Поясним эту мысль на примере того, как под влиянием совершенствования техники и роста боевого мастерства командных кадров вырабатывались в ходе Великой Отечественной войны эффективные методы огневого обеспечения боевых действий войск. В предвоенный период главное внимание в наступлении обращалось на организацию первоначального огневого удара по обороне противника. Однако практика войны показала, что этого недостаточно для разгрома врага. Для развития непрерывного и стремительного наступления необходимо огонь органически сочетать с движением. Такой метод и был найден советскими командирами в форме артиллерийского и авиационного наступления, сущность которого состояла в обеспечении атакующих войск непрерывным действенным огнем на всю глубину выполнения ими своей боевой задачи. Утверждению и повышению эффективности этого способа огневого обеспечения войск способствовало оснащение наших артиллерийских частей реактивной артиллерией, а авиации — штурмовиками.

Надо заметить, что многие принципы огневой подготовки и поддержки действий войск, применявшиеся в минувшую войну, не потеряли своей значимости и в настоящее время. Однако механическое копирование их будет серьезной ошибкой. Военная теория обязана учитывать крупные изменения в материальной базе войск: наличие ракетно-ядерного оружия, модернизация артиллерии, танков, авиации, появление боевых вертолетов — все это требует иного подхода к определению критерия эф-

фективности в оценке методов современного огневого обеспечения действий подразделений.

Иначе говоря, прошлый опыт, используемый для обоснования теоретических положений, касающихся возможной войны, имеет смысл только в том случае, если он сопоставляется с данными военной практики мирного времени: полигонных и войсковых испытаний оружия и боевой техники, войсковых и опытных учений и т. д., а также с опытом ведущихся локальных войн, то есть осмысливается через призму современности. Конечно, и знания, проверенные в практике войсковых учений, тоже обладают различной степенью достоверности — к ним тоже надо относиться критически. Наиболее достоверными являются знания о технических возможностях оружия, скорости проведения маршей и т. д. При этом необходимо учитывать, что степень достоверности знаний о содержании самих боевых действий относительна и требует многократной проверки.

Важное значение в современных условиях имеют расчетные обоснования тех или иных положений военной теории. Их значение возрастает особенно в доказательстве тех элементов наших военно-теоретических знаний, которые в целом ряде случаев не поддаются непосредственной практической проверке.

Для обоснования военно-теоретических взглядов существенное значение имеет анализ учений вероятного противника. Так, определяя глубину задачи батальона в наступлении, надо исходить из конкретного построения системы обороны вероятного противника по опыту их учений. При определении характера войны, ее начала, способов развязывания необходимо учитывать социально-политическую обстановку в целом, соотношение сил, политику империалистических государств и т. д.

Все изложенное о практике мирного времени как критерии истинности военной теории позволяет сделать следующие выводы: военная практика и в мирный период обусловливает возможность проверки истинности разрабатываемых военно-теоретических взглядов, касающихся характера возможной войны, операции, боя и способов их ведения; каждый из видов военной практики, взятый в отдельности, не дает достаточных оснований для подтверждения военной теории в целом, таковым может быть только совокупный опыт всех видов военной практики.

Степень истинности различных положений военной теории о возможной войне не одинакова: одни из них имеют характер истин, проверенных практикой, истинность других обладает большой степенью относительности, третьи остаются гипотезами с той или иной степенью достоверности.

Практика выступает как критерий истины **непосредственно,** когда те или иные положения военной теории проходят проверку в ходе практической военной деятельности, сопоставляются с ее результатами. Практика является и **опосредованным** критерием. В этом случае за исходные предпосылки берутся истинные, проверенные в ходе практики знания, и на их основе логическим путем, также выработанным в ходе практической деятельности, получаются новые знания. Поскольку военная теория есть теория будущей войны, то опосредованный критерий практики (логическое доказательство истинности ее положений) имеет в ней особо важное значение.

Следовательно, в условиях мирного времени существует полная возможность создания обоснованной научной теории будущей войны. Успешное решение этой задачи требует от военных кадров: глубокого знания содержания военной теории, разработанной на основе практики прошлых войн; точного учета боевых возможностей современных вооруженных сил, выявленных в ходе всех видов военной практики мирного времени; четкого уяснения задач, стоящих перед вооруженными силами в данной конкретно-исторической обстановке; овладения логикой диалектического мышления, всеми логическими средствами построения теории и ее доказательства.

Не менее сложной является и проблема критерия истинности принимаемых решений в ходе практической боевой деятельности. Для ее понимания необходимо уяснение, по крайней мере, двух вопросов: что считать критерием истинности принятого решения и в какой степени можно говорить об истинности решения до его практической реализации?

Обычно критерием истинности принятого в ходе боевых действий решения считается выполнение поставленной задачи. В данном случае верно то, что невыполнение задачи служит показателем неистинности решения, является свидетельством необъективной оценки обстановки и выводов из нее. Сам факт реализации принятого решения еще не всегда можно рассматривать в качестве кри-

терия истинности. Если цель достигнута при наличии значительного превосходства в силах и ценой бо́льших, чем у противника, потерь, то вряд ли такое решение можно считать истинным, оптимальным. В этом случае всегда следует поставить вопрос: можно ли было решить данную задачу или с меньшими силами, или с меньшими затратами сил и средств и в более короткие сроки?

Критерием истинности решения в ходе боевых действий становится достижение в короткое время наибольших результатов при минимальных затратах сил и средств. В этом и состоит суть командирского искусства. Собственно говоря, рассматриваемый критерий относится не только к истинности решения в ходе боевых действий, но и к любому управленческому решению. Если тот или иной руководитель отчитывается за производство продукции, то дать обоснованную оценку его работе можно, только разобравшись, какой ценой это достигнуто.

Следовательно, до практического претворения в жизнь принятого решения было бы неправильно говорить о его истинности. Поэтому совершенно правомерно, когда до практической реализации решения говорят не об его истинности, а об обоснованности, целесообразности. Решение командира должно быть обосновано расчетами, логическими доказательствами, что и придает уверенность действиям подразделений.

Решение командира считается оптимальным, если оно отвечает целому ряду требований.

Первое — в нем должен быть полностью реализован замысел вышестоящего начальника. Решаемая в боевой обстановке задача является обычно частью более общей задачи, одним из звеньев в общей цепи мероприятий по достижению победы.

Второе — решение должно соответствовать объективным законам военных действий, природе современного боя, операции. Успех любого вида практической деятельности, в данном случае успех боя, операции, возможен только тогда, когда деятельность войск осуществляется в соответствии с требованиями объективных законов.

Третье — решение должно обеспечивать возможности максимального использования имеющихся сил и средств. Известно, что в распоряжении военачальника имеется большое количество технических средств, обладающих самыми различными свойствами, большое число людей

с определенной степенью боевой подготовки, морально-политическими и психологическими возможностями. Разумеется, учет этого требования представляет собой одну из наиболее сложных проблем. Ведь всегда необходимо считаться со степенью эффективности противодействия противника.

Четвертое — в замысле решения важен точный учет характера сложившейся обстановки, и прежде всего соотношения боевых сил и возможностей. Данная установка предопределяется зависимостью характера любого вида практической деятельности от конкретной обстановки. Последняя в условиях современного боя будет характеризоваться крайней сложностью, многообразием и противоречивостью данных. Поэтому неучет, игнорирование любых из них могут привести к неправильным выводам.

Пятое — решение должно создавать условия для проявления творческой инициативы и активности исполнителей. Маневренный характер современных боевых действий, резкие, подчас неожиданные изменения обстановки исключают возможность предписывать до второстепенных подробностей все действия исполнителей.

Шестое — решение будет оптимальным, если оно характеризуется оригинальностью замысла и простотой исполнения. Замысел командира всегда должен содержать свою «изюминку» и ни в коем случае не копировать ранее принимавшееся решение, отличаться простотой маневра. Чем проще исполнение замысла, конкретнее задачи подчиненных войск, тем больше гарантий его успешного осуществления. Решение должно быть предельно кратким по форме изложения, ясным по содержанию и отличаться четкостью и конкретностью формулировок.

Способность командира принимать обоснованное решение определяется знанием военной теории, умением правильно оценить обстановку и делать соответствующие выводы, его практическим опытом. Обоснованность, доказательность, логическая ясность решения являются важнейшей предпосылкой его успешного выполнения.

Путь к правильному применению законов мышления лежит через усвоение логической функции законов и категорий материалистической диалектики в их взаимосвязи с законами формальной логики.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

☆

Материалистическая диалектика есть учение о всеобщей связи и взаимообусловленности явлений действительности; наиболее полное и глубокое, лишенное односторонности учение о развитии; учение об относительности человеческого знания, дающее нам отражение вечно развивающейся материи; наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления. Без диалектики невозможны ни последовательное материалистическое понимание природы и общества, ни логика как учение о мышлении, постигающем объективную истину, ни научная теория познания. Ф. Энгельс назвал диалектику нашим лучшим оружием труда. В новых исторических условиях В. И. Ленин характеризовал ее как «живую душу» марксизма.

Диалектика имеет универсальное, всеобщее значение, но ее конкретное проявление зависит от специфики той или иной области объективной действительности. В. И. Ленин, указывая на характерные черты диалектики и логики «Капитала» К. Маркса, подчеркнул, что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» [1]. Когда Ф. Энгельс писал заметки о диалектике природы, он имел в виду не особую диалектику природы, а именно специфику диалектики развития природных процессов. Особенности проявления диалектики в той или иной области объективной действительности определяют и специфику ее применения в процессе познания.

Специфика войны определяет и ряд особенностей, характеризующих диалектику ее связей и отношений, функционирования и развития. Мы вполне можем говорить о диалектике войны как частном случае диалектики. Эта специфика диалектики войны обусловливает и особенности ее познания как в теоретическом плане, так и в ходе решения практических задач.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

Диалектический анализ процессов войны всегда играл важную роль в развитии военно-научных знаний, но особенно он необходим в настоящее время, когда под влиянием научно-технического прогресса рушатся старые теории, происходит решительная переоценка ценностей и в военном искусстве с особой остротой ощущается потребность в поисках новых военно-теоретических концепций. Успешное решение этих задач невозможно без овладения военными кадрами материалистической диалектикой и умения применять ее в решении теоретических и практических задач.

Овладение военными кадрами материалистической диалектикой и выработка умения применять ее в ходе познавательной и практической военной деятельности есть единый, неразрывно взаимосвязанный процесс. Мыслить диалектически — значит мыслить в соответствии с законами объективной действительности. Такое мышление может быть выработано в процессе познания и практики методом проб и ошибок. Назначение сознательного усвоения диалектики в том и состоит, чтобы сократить этот путь, сформировать логику мыслительного процесса, позволяющую избегать ошибок в решении теоретических и практических задач.

Решение этой задачи особенно необходимо на современном этапе развития военного дела, что определяется возрастанием взаимосвязей всех сторон войны, расширением ее взаимодействия со всеми формами жизни общества, быстрыми качественными изменениями, происходящими в развитии материально-технических средств войны. В этих условиях только научное диалектическое мышление дает возможность быстро ориентироваться в обстановке, своевременно увидеть новое, обнаружить тенденции развития, предвидеть ход предстоящих событий, эффективно внедрять в практику подготовки вооруженных сил достижения военной науки.

Глава IX

ДИАЛЕКТИКА КАК ЛОГИКА И ТЕОРИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Единство диалектики, логики и теории познания и его проявление в военно-научном познании

Материалистическая диалектика раскрывает всеобщие законы развития, которые присущи всем природным и общественным процессам. В этом смысле она выступает как диалектика развития бытия, природы и общества. Законы развития объективного мира определяют и законы мышления. Наше мышление не только отражает объективный мир, но само развивается по его законам. «Так называемая *объективная* диалектика,— писал Ф. Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения...» [1]

Диалектика выступает, таким образом, не только как диалектика развития бытия, объективного мира, но и как диалектика мышления. При этом вторая ее сторона является отражением, воспроизведением в мыслящем мозгу первой. Ф. Энгельс, характеризуя это соотношение законов бытия и законов познания, писал: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой» [2].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 526.
[2] Там же, с. 581.

Это единство законов бытия и законов мышления сформировалось в ходе практической деятельности человечества. Преобразуя действительность практически, человек осваивал ее и в мышлении, теоретически. Только убеждаясь в ходе многих войн в том, что успех и поражение армий при разных обстоятельствах и условиях, против разных противников имеют, однако, общие предпосылки, повторяющиеся причины, военачальники, военные теоретики начинали стихийно выискивать, обобщать и осмысливать их, чтобы использовать благоприятные факторы и оградить себя от случайностей.

Для человечества имеют смысл знание, соответствующее действительности, такая логическая последовательность мышления, которая воспроизводит все этапы изменения самой природы, такая взаимосвязь мыслей, которая отражает реальные взаимосвязи предметов. Логическое есть не что иное, как воспроизведение в мышлении исторического не только в плане моделирования объективного хода процесса, но и в смысле воспроизведения истории его познания. Такой, например, принцип военного искусства, как принцип массирования, открытый Эпаминондом, хотя и менялся исторически по содержанию, однако не потерял своего важного значения и до настоящего времени прежде всего потому, что объективно правильно отражает природу операции, сражения, боя и при искусном его использовании обеспечивает достижение успеха при разгроме противника.

Результат познания закреплялся в понятиях, логических правилах, принципах мышления. «...Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [1]. Такое понимание мышления дает возможность объяснить тот факт, что мысль, если ее движение соответствует логическим законам, правильно отражает объективную действительность, может давать и дает истинные, соответствующие действительности знания. Для тактического искусства, которое всегда устремлено вперед, в будущее, к поискам новых форм и способов боевых действий подразделений, это обстоятельство особенно важно.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

Таким образом, материалистическая диалектика является одновременно и диалектикой бытия (объективная диалектика) и диалектикой мышления (диалектическая логика). Диалектика и есть диалектическая логика, или, что одно и то же, логика диалектического мышления, постигающего истину. «Логика (диалектическая.— *Авт.*) есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1]. Диалектическая логика как наука о диалектическом мышлении, постигающем объективную истину, не есть нечто отдельное от диалектики. Она есть ее сторона, функция.

Единство диалектики и логики не означает их абсолютного совпадения. Это определяется прежде всего различием в форме выражения законов бытия и законов мышления. По выражению Ф. Энгельса, законы бытия и законы мышления представляют «два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей» [2].

Различие между диалектикой бытия и диалектической логикой состоит и в том, что последняя отражает в своем содержании и специфичные для мышления особенности. Эта сторона содержания диалектической логики непосредственно отражает историю формирования человеческого мышления. Таким специфическим логическим законом является, например, закон определения предмета в тесной связи с практикой, выступающей в качестве критерия истины и практического определителя его связи с целевыми установками человека. Разумеется, и в этом случае законы, категории диалектики пронизывают все содержание и специфических логических проблем. Так, нельзя понять практику как критерий истины, не рассматривая ее как развивающийся процесс, не учитывая

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 302.

того, что сам практический критерий истины содержит в себе противоположность абсолютного и относительного.

Познание есть динамичный по своей сути процесс движения мысли от незнания к знанию, от менее полного к более полному знанию, приближающемуся к постижению абсолютной истины. Поэтому и в теории познания следует рассуждать диалектически, не предполагать наше знание готовым, неизменным, а выяснять, как оно развивается, как из незнания возникает знание. Иначе говоря, диалектическими являются не только законы мышления, но и весь процесс познания в целом.

Общеизвестно, что познание имеет чувственную и логическую стороны. Более трудным представляется установление взаимосвязи между ними. Незнание этой корреляции, взаимной обусловленности может послужить основой для их разрыва, абсолютного противопоставления (сенсуализм, рационализм и др.). Только установление действительной взаимосвязи, обнаружение единства и противоположности чувственного и рационального познания, установление сущности качественного скачка при переходе от ощущения к мысли, иначе говоря, только применение диалектики дало возможность понять место живого созерцания и абстрактного мышления в освоении мира человеком.

Наше знание развивается, совершенствуется, в нем всегда содержатся элементы абсолютного и относительного, истины и заблуждения. Как соотносятся между собой эти стороны знания? Метафизика решала этот вопрос по принципу «или — или» — или только абсолютно, или только относительно. Или существуют принципы военного искусства как неизменные, основополагающие постулаты, или они не существуют вовсе, и полководец управляет сражением, озаренный внутренней интуицией, талантом. Подобное метафизическое понимание содержания знаний с неизбежностью приводило и приводит буржуазных военных теоретиков или к догматизму, или к голому релятивизму в военном деле. В свою очередь, это являлось одной из гносеологических причин отрыва знаний от объективной действительности, идеализма и субъективизма.

Теория познания есть применение диалектики к познавательному процессу. «Диалектика, — писал В. И. Ленин,— как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной от-

тенков всякого подхода, приближения к действительности... вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики... к процессу и развитию познания» [1].

Следовательно, диалектика и есть теория познания, которая имеет ряд собственных проблем. Таковыми являются проблемы происхождения знаний, роли практики в процессе познания, форм чувственного и логического познания и т. д. Гносеологическая функция диалектики заключается в том, что она (диалектика) дает научное обоснование, обусловливает научный подход к решению всех проблем познания. Без диалектики теория познания метафизична, нежизненна.

Таким образом, материалистическая диалектика является одновременно и диалектикой бытия, и диалектикой мышления (диалектической логикой), и диалектикой процесса познания (теорией познания). В. И. Ленин, подчеркивая это единство сторон, функций диалектики, считал, что только применение диалектики во всем богатстве ее содержания к пониманию бытия, мышления, познания может служить теоретической основой объяснения мира и его познания. «Диалектика *и есть* теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [2], — отмечал он в «Философских тетрадях». Еще раньше, в статье «Карл Маркс», В. И. Ленин писал: «...диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию» [3]. Творчески воспринимая эти идеи в формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, В. И. Ленин приходит к выводу: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма...» [4].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321—322.
[2] Там же, с. 321.
[3] Там же, т. 26, с. 54—55.
[4] Там же, т. 29, с. 301.

Из приведенных высказываний В. И. Ленина следует: в этом единстве — суть дела, сущность марксистской философии; только применение в науке логики, диалектики и теории познания в их единстве может дать тот результат, который получил К. Маркс в анализе капиталистического способа производства.

Единство и неразрывная связь всех сторон диалектики как логики и теории познания и делают ее всеобщим научным методом объяснения и познания действительного мира, определяют весь путь познавательного процесса от явления к сущности, от выявления внешних связей и отношений до обнаружения закона, от абстрактно теоретических положений до выработки рекомендаций для практической деятельности.

Война, военное искусство подчинены действию всеобщих законов развития, раскрываемых материалистической диалектикой. Любое военное событие содержит в себе единство противоположностей, развивается путем перехода количественных изменений в качественные и т. д. Но эти общие законы бытия проявляются в войне не непосредственно, а через ей присущие специфические законы, связи и отношения.

Применение материалистической диалектики в военно-научном познании означает умение использовать знание ее общих законов и принципов для обнаружения, выявления специфических законов войны, военных действий. Законы и категории диалектики, представляя собой совокупные общие знания, освещают путь к познанию неизвестного, дают нить к пониманию конкретного.

Законы диалектики (бытия) отражаются в мышлении как законы диалектической логики. Их знание и сознательное применение дают возможность избегать ошибок в мышлении. Конечно, человек может правильно мыслить и не сознавая законов мышления. Так, по выражению Ф. Энгельса, «к диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накопляющимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» [1]. Иначе говоря, «коэффициент полезного действия» у военного исследователя, вооруженного знанием маркси-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 14.

стской диалектики, совсем иной, нежели у того, кто действует вслепую, на ощупь. Он вынужден в этом случае пройти, заново повторить тот путь, который уже пройден до него человечеством. Особенно наглядно это проявляется в действиях командиров в бою. Предположим, что офицеру, организующему действия подразделения при выполнении боевой задачи, неведом такой принцип тактики, как взаимодействие, являющийся конкретизацией диалектического принципа взаимосвязи и взаимообусловленности. Пренебрегая этим принципом, он неизбежно потерпит поражение в бою, и так будет продолжаться до тех пор, пока он не найдет истинную причину неуспеха.

В ходе военно-научного познания, практики так или иначе выявляются противоречия войны, военных действий, устанавливаются способы их разрешения. Все это обусловливается объективной логикой развития процессов войны, целями практической военной деятельности. Однако все эти задачи будут решены более успешно, если к анализу военных процессов подойти со знанием требований диалектической логики. Одна из особенностей военной науки состоит в том, что она не обладает строгостью и точностью математического анализа, безупречностью геометрических построений, физических формул. Ее главной опорой и главным оружием являются логика, принципы диалектики.

В процессе военно-научного познания обнаруженные связи и отношения войны, подготовки вооруженных сил, установленные закономерности выражаются в системе взаимосвязанных понятий, категорий, законов военной науки, военного искусства. Диалектическая логика раскрывает принципы формирования понятий. Она дает ключ к познанию истины и вместе с тем требует гибкости понятий, рассмотрения их в развитии, в переходе в свою противоположность и т. д.

Военно-научное познание как в ходе совершенствования военной теории, так и в процессе практической деятельности подчинено общим закономерностям отражения объективного мира в сознании. Решение любой военной проблемы будет тем быстрее, тем успешнее, тем точнее, чем в большей степени военные кадры сознательно применяют диалектику к каждому этапу познания, к пониманию содержания военных знаний. В условиях современной войны темпы обновления материальной основы опе-

рации, боя, изменения форм и способов их ведения происходят с небывалой быстротой. Поэтому все большее значение в военно-научном исследовании, управлении войсками приобретают прогнозирование боевых действий, научная обоснованность выдвигаемых положений, принимаемых решений. Все это невозможно сделать без знания принципов диалектики и умелого практического их использования.

2. Всесторонность рассмотрения военных процессов

Мир — единое целое. Все его части неразрывно взаимосвязаны между собой. Ни в природе, ни в общественной жизни нет абсолютно изолированных явлений. «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению, — писал Ф. Энгельс, — природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий... *Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания» [1]. Подчеркивая всеобщий, универсальный характер взаимосвязи, В. И. Ленин отмечал: «...отношения каждой вещи (явления etc.) не только многоразличны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» [2].

Война, подготовка вооруженных сил неразрывно связаны со всеми сторонами жизни общества, зависят от них, оказывая обратное влияние на ход общественного развития. Сама война как специфическое общественно-историческое явление представляет собой сложную систему неразрывно взаимосвязанных и взаимозависимых процессов, каждый из которых, в свою очередь, имеет множество различных взаимообусловливающих друг друга сторон, свойств, тенденций.

Знания человека, наука только в том случае могут служить орудием успешной практической деятельности, если в их содержании отражаются объективно существующие связи и отношения. Учет всей совокупности связей и взаимодействия самых различных сторон войны являет-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 20, 546.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

ся необходимым условием развития научной военной теории, выбора обоснованных альтернатив в ходе практической военной деятельности.

Объективное существование всеобщей взаимосвязи явлений и процессов действительности, равно как и взаимодействия всех сторон данного явления, предмета, обусловливает одно из важнейших требований (принципов) диалектической логики — всестороннее рассмотрение, раскрытие и учет всех связей и взаимоотношений исследуемых процессов. Формулируя сущность этого принципа, В. И. Ленин писал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» [1].

Обоснованность принимаемого решения в ходе практической военной деятельности, научность планирования операции, боя определяются тем, в какой степени в них учитываются все связи и отношения анализируемой обстановки, и прежде всего такие ее элементы, как соотношение сил, боевые возможности находящихся в распоряжении командира средств, взаимодействие с соседями, все виды боевого обеспечения, характер местности, операционного направления.

Вместе с тем оценка оперативной, боевой обстановки — это не механическое соизмерение сил и возможностей сторон, не простое фотографирование событий. Командирская мысль, по существу, только отталкивается от полученных фактов и устремляется вперед, чтобы пока еще на картах, в планах создать модель предстоящей операции, боя. В орбиту командирского мышления неизбежно включается все воинское мастерство офицера, весь его предшествующий боевой опыт. Мысль как бы сопрягает факт, ее породивший, со всем жизненным опытом, настоящее и прошлое. В этом смысле решение командира представляет собой сплав знания и умения, опыта и предвидения, интуиции и творчества.

Научность военной теории характеризуется прежде всего тем, насколько полно она отражает в своем содержании связи и отношения войны, боевые возможности видов

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

вооруженных сил и родов войск, взаимодействие материальных и духовных факторов, человека и техники и т. д. Безусловно, игнорирование или неправильный учет в военно-научном исследовании тех или иных связей и отношений, факторов, влияющих на ход и исход войны, операции, боя, недооценка значения взаимодействия сил и средств в ходе их ведения приводят к односторонности, нереальности военно-теоретических взглядов и предположений.

Для иллюстрации этого положения приведем такой пример. Военно-морская стратегия, разработанная в 90-е годы XIX века американским военным теоретиком А. Мэхэном и англичанином Ф. Коломбом, была передовой для своего времени. Однако в политическом отношении она была порочной, имела целью обосновать теорию господства на море одних государств над другими. Авторы связывали эту теорию с установлением американского и английского мирового господства путем создания подавляющего превосходства военно-морских сил в линейных броненосных кораблях и уничтожения враждебных военных флотов в одном генеральном сражении. К тому же Коломб пропагандировал «вечные и неизменные» законы ведения морской войны, механически переносил способы и формы ведения военных действий на море парусными флотами на паровой флот, не учитывая развития новых боевых сил и средств флота. Совершенно очевидно, что подобная стратегия была отвергнута жизнью, оказалась ненаучной.

Надо сказать, что соблюдение в научном познании принципа всесторонности познания — дело довольно сложное. По убеждению В. И. Ленина, мы никогда не достигнем этого полностью. Вместе с тем он неоднократно указывал, что только соблюдение требования всесторонности познания предостерегает от ошибок. Сохраняют свою актуальность эти ленинские положения и при познании явлений войны не только в процессе развития военной теории, но и в ходе практической боевой деятельности, при оценке обстановки и принятии решения.

Каждый процесс имеет бесконечное множество связей и отношений, которые оказывают далеко не одинаковое влияние на функционирование познаваемого объекта. Поэтому для правильного понимания логики познания взаимосвязей и взаимоотношений войны необходимо уяснить

характер ее объективных связей, их воздействие на развитие исследуемого процесса.

По своему характеру и влиянию, оказываемому на функционирование и развитие процесса, взаимосвязи разделяются на существенные и несущественные. Первыми называются такие связи и взаимодействия, которые определяют содержание развития данного процесса, составляют его основу. Вторыми являются связи и отношения, оказывающие влияние на существование и развитие того или иного процесса, ускоряя или замедляя темпы развития, не изменяя его существа. Но в реальной действительности, в военной практике в особенности, существенное всегда слито с несущественным, закономерное со случайным, постоянно действующее с преходящим, временным. Поэтому одно из важнейших требований принципа всесторонности рассмотрения состоит **в выделении существенных связей и отношений, которые оказывают решающее влияние на функционирование и развитие исследуемых процессов,** отсеивании их от второстепенных факторов. Относительно всех остальных связей и отношений можно сказать следующее: их также необходимо изучать, ибо на определенном этапе развития значение тех или иных из них может изменяться.

Выделение в процессе военно-теоретического познания существенных связей и отношений войны, операции, боя предопределяет обнаружение закономерностей их развития, обоснование законов, лежащих в основе этих процессов. Необходимость решения этой задачи определяется тем, что успех практической деятельности зависит прежде всего от соответствия целей и способов их достижения объективным закономерностям войны, тенденциям развития военных процессов.

В ходе решения прикладных военно-научных проблем оперативного искусства и тактики, равно как и в познании в ходе практической военной деятельности, раскрытие существенных связей и отношений имеет несколько иное направление, нежели в военно-теоретических фундаментальных научных исследованиях. Это определяется следующим обстоятельством: в конкретной обстановке, на том или ином этапе развития военного дела на первое место в качестве решающей взаимосвязи может выступить та взаимосвязь между процессами, которая в других условиях не будет существенной, решающей.

Вопрос состоит в том, какие связи и отношения войны, операции, боя в данной конкретно-исторической обстановке следует считать существенными, решающими, каков должен быть критерий для разграничения связей в этом направлении? Военный опыт показывает, что таким критерием является степень влияния той или иной взаимосвязи на достижение успеха практической деятельности, на выполнение поставленной задачи. Значит, анализ взаимосвязей войны, военных процессов в прикладных военно-научных исследованиях должен осуществляться с точки зрения практических потребностей. Из этого положения не следует, что значение тех или иных связей (являются ли они существенными или несущественными) зависит от целей и задач практической деятельности. Дело обстоит как раз наоборот. Для практической деятельности наибольшее значение имеют те связи и отношения, которые на данном этапе развития являются существенными. Практика, по выражению В. И. Ленина, лишь определитель связи предмета с целевыми установками человека.

Как известно, среди многочисленных факторов, влияющих на характер боя, главными, решающими являются два — противник и свои войска, их взаимное положение, соотношение сил, которые и определяют замысел боя, условия маневра, группировку сил и средств. Вместе с тем в боевой практике могут быть случаи, когда командир при принятии решения выделит в качестве главного и другие элементы обстановки, например местность. Вот один из таких примеров. Мотострелковому батальону поставлена задача оборонять горный перевал. Очевидно, что основное, от чего будут зависеть построение обороны батальона, его система огня, взаимодействие и обеспечение действий подразделений в данном случае,— это условия горной местности, наличие командных высот, прилегающих к перевалу, скрытых подступов, состояние дороги и т. п. Следовательно, оценку боевых возможностей сторон командир должен производить здесь как бы через призму условий местности, чтобы возможно выгоднее использовать ее защитные свойства.

Аналогичные задачи по выявлению взаимосвязей различных обстоятельств и выделению главных из них возникают в теоретических исследованиях. Проиллюстрируем это положение на примере изыскания советской военной

мыслью оптимальных способов построения боевого порядка частей и подразделений в наступлении в период Великой Отечественной войны.

В предвоенных уставах Красной Армии рекомендовалось строить при прорыве обороны противника глубоко эшелонированный боевой порядок, начиная от роты и выше. Военная практика выявила несоответствие этой установки условиям боя. Немецко-фашистские войска применяли в первый период войны неглубокую, преимущественно очаговую оборону. Учитывая это, советское командование осенью 1942 года не рекомендовало применять чрезмерное эшелонирование сил и средств в соединениях, частях и подразделениях. Боевые порядки роты, батальона, полка и дивизии стали строиться одноэшелонными. Это позволило в первом эшелоне иметь больше огневых средств пехоты и уменьшить потери, которые она несла, находясь в резервах. Когда же враг в 1943 году перешел к глубокой траншейной обороне, то советская военная теория внесла соответствующие коррективы в способы эшелонирования наступающих войск. Так на практике проявился диалектический принцип всесторонности связи военных явлений.

Выделение в процессе военно-научного исследования решающих связей и отношений, оказывающих наибольшее влияние на успех практической деятельности, позволяет определить те проблемы, которые стоят перед военной теорией на данном этапе развития военного дела. Например, одним из важных вопросов советской военной науки является изыскание новых способов повышения дальнейшей боеготовности соединений, частей и подразделений как аккумулятора многих показателей, характеризующих их боевой потенциал, эффективность боевой и политической подготовки, техническую оснащенность, уровень боевого мастерства личного состава, его морально-боевых качеств и т. п. От научного решения этого вопроса и воплощения его в практику подготовки Вооруженных Сил во многом зависит в настоящее время дальнейшее повышение оборонного могущества нашей Родины.

Исследование и раскрытие связей и отношений войны, определяющих тенденции ее развития, дают возможность определить главное звено в сложной цепи событий, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь, то есть успешно решить всю совокупность возникших прак-

тических задач. Указывая на значение определения главного звена в решении задачи по достижению победы над противником, В. И. Ленин писал: «Мы должны твердо помнить, что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном...» [1].

Существование в каждом военном процессе наиболее важных, существенных связей и отношений выражается в понятиях, категориях, фиксирующих эти связи. Понятия военной науки являются правильными, если в них охвачены, отражены наиболее существенные стороны, связи отражаемых в них процессов на данном этапе их существования. Так, в понятии «взаимодействие» в современных условиях мы выделяем такие существенные связи и отношения, как четкость, согласованность боевых усилий сил и средств, участвующих в бою, от начала до конца выполнения боевой задачи подразделением, частью; своевременность использования войсками результатов применения ядерного оружия и огня обычных средств поражения; необходимость быстрого восстановления боеспособности подразделений, подвергшихся ядерным и огневым ударам противника, системы управления и обеспечения.

Взаимопроникновение и взаимообусловленность всех сторон военных процессов находят свое выражение в научной теории, представляющей собой взаимосвязанную систему понятий, категорий, законов. Различный характер взаимодействия определяет и различие в содержании и месте понятий, входящих в данную теорию. Наиболее важные и существенные связи и отношения выражаются в фундаментальных понятиях теории, законах науки. Системность научного знания, то есть его организованность по определенным правилам, является одним из важнейших признаков науки. Системность научного знания выражается в следующем: наука представляется не только системой законов, категорий, понятий, но и совокупностью более частных, относительно самостоятельных и взаимообусловленных областей знаний.

Военная наука в настоящее время представляет собой сложную систему относительно самостоятельных, неразрывно взаимосвязанных наук, военно-теоретических дис-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 284—285.

циплин, ядром которых является теория ведения военных действий, подготовки вооруженных сил — теория военного искусства, военного строительства, управления войсками, обучения и воспитания личного состава и т. п. Главными признаками такой научной системы являются: наличие общего предмета исследования — войны во всем многообразии ее проявлений; наличие единства целей и общей методологии — диалектического материализма; логическая связь, соподчиненность, иерархия понятий, категорий, законов; конкретно-всеобщий характер взаимосвязи в научной системе военных идей.

Единство и неразрывная взаимосвязь всех процессов войны, операции, боя, подготовки вооруженных сил определяют то обстоятельство, что всем им присущи единые закономерности, имеющие различную форму проявления в стратегических, оперативных и тактических формах и способах ведения военных действий. Это и является объективной основой единства теории военного искусства, неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности входящих в ее состав теорий.

Наличие в природе, обществе взаимосвязей и отношений и их отражение в знаниях, требование всесторонности рассмотрения являются исходными методологическими положениями, на базе которых совершенствуется **системный метод** научного познания. Сущность этого метода состоит в рассмотрении объекта как целого, составленного из частей, как множества элементов с отношениями и связями между ними, образующими определенную целостность. Это не означает, однако, что качество структуры в целом будет тождественно качеству отдельных ее составных частей. За непохожими, разнообразными явлениями в военной действительности командир обязан улавливать единую сущность, целостную структуру, не упуская вместе с тем из виду специфических свойств отдельных ее элементов.

3. Познание военных процессов в их изменении, развитии

Благодаря взаимодействию и взаимообусловленности предметов объективной действительности, различных сторон внутри них ничто не остается неподвижным и неизменным, все движется, изменяется, переходит

из одного состояния в другое. Развитие — объективный закон действительности.

Ни одна последующая война не является копией предыдущей по характеру применяемых материальных средств и способам их использования. Сам процесс данной войны есть постоянное движение, изменение соотношения сил, способов ведения военных действий. На современном этапе в силу закона убыстренного развития военного дела эти изменения происходят значительно интенсивнее, чем когда-либо раньше. Уже в мирное время проводится небывалое по темпам совершенствование средств войны, организационных форм соединений, частей, подразделений, смена способов их боевого применения. Возрастание огневой мощи и маневренности, мобильности и решительности боевых действий резко ускоряет протекание всех военных процессов.

Если все явления, предметы непрерывно изменяются, то и научное исследование любого процесса есть познание его как изменяющегося, развивающегося. Поскольку наши знания есть отражение динамичной, изменяющейся действительности, постольку они тоже не могут быть неподвижными. Любая наука, в том числе военная, тогда имеет право называться наукой, если она характеризуется как система развивающегося, непрерывно обогащающегося знания.

Исследование процесса в его изменении, развитии имеет не только теоретическое, но также и непосредственное практическое значение. Если в ходе практики человек имеет дело с изменяющимися процессами, то успех его преобразующей деятельности возможен при условии ее соответствия объективной закономерности изменения данного процесса. Успех военной деятельности обусловливается тем, насколько ее направление соответствует объективным тенденциям развития военного дела.

Конечно, эту взаимосвязь между объективной тенденцией развития и направлением практической деятельности, особенно в области общественной жизни, не надо понимать прямолинейно. Люди не марионетки, слепо воспроизводящие в своей деятельности закономерности изменения объективной действительности. Для них всегда есть известная свобода выбора различных вариантов решений. Но эта свобода выбора ограничена известными пределами. Так или иначе, сама эта свобода есть не что

иное, как познанная необходимость, познанная тенденция изменения, развития объективного процесса.

Рассмотрение объективной действительности в ее развитии дает возможность **предвидеть** направление и пути дальнейших изменений. Предвидение, в свою очередь, является непременным условием успеха практической деятельности. В современных условиях, когда развитие общества происходит под могучим воздействием научно-технической революции, предвидение будущего приобретает все большее значение. В решениях XXIV съезда КПСС было выдвинуто такое требование к нашим кадрам, как умение видеть перспективу развития, заглядывать в будущее и на этой основе находить наиболее верное решение возникающих задач.

Однако предвидеть, то есть совершить своего рода прыжок через разрыв информации, обнаружить сущность современных и даже грядущих явлений при очевидной неполноте исходных информационных данных, можно только на основе прослеживания явления в его историческом становлении и развитии, через тенденции. Отметим, что познание изменения, развития войны, равно как и процессов, из совокупности которых она складывается, является решающей предпосылкой истинности результатов военно-научного исследования, предвидения будущего, одним из важнейших условий успехов практической военной деятельности.

Анализируемое нами соотношение развивающейся действительности и ее отражения в сознании определяет один из важнейших принципов логики диалектического мышления — рассмотрение, исследование процессов действительности в их развитии, самодвижении. «...Диалектическая логика,— писал В. И. Ленин,— требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»...» [1].

Обращая внимание на важность и необходимость строгого соблюдения этого принципа в познании общественных явлений, В. И. Ленин отмечал: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу (к вопросу о государстве.— *Авт.*) и не дать затеряться в массе мелочей или громадном раз-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

нообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление... проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1].

Последовательное применение этого принципа познания дает возможность найти, обнаружить в исследуемом процессе остатки прошлого, элементы настоящего, зачатки будущего; установить закон, лежащий в основе процесса развития; выявить тенденцию, предвидеть направление дальнейшей эволюции процесса и в соответствии с этим строить свою практическую деятельность. Осмысливание опыта различных армий, полководцев заставляет проследить параллельное историческое движение разных ветвей военной мысли и побуждает искать общие закономерности этих внешне несхожих, неповторяющихся, но в конечном счете сопоставимых процессов. Единые исторические корни, которые определяли магистральное развитие способов войны, не могут не породить единые процессы в стратегии и тактике.

Однако **признавать** развитие и **уметь** применять принцип развития в познании далеко не одно и то же. Еще Ф. Энгельс в свое время писал, что со времени Гегеля идея развития «до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования» [2]. Ф. Энгельс не случайно указал на необходимость умения правильно применять принцип развития «в каждой данной области исследования». Это определяется тем, что отражение процесса в его развитии зависит от специфики изменения самого исследуемого процесса.

Для правильного применения принципа развития в военном деле необходимо учитывать одно очень важное обстоятельство. Развитие мы рассматриваем как поступательное изменение от низшего к высшему, от простого к сложному. С учетом ряда специфических особенностей подобное понимание процесса развития в своей основе

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 302.

применимо и к войне. Если говорить о поступательном развитии оружия и военной техники, то прогресс в этой области можно свести к двум показателям: с одной стороны, идет неуклонное возрастание огневой мощи оружия, его поражающих свойств, дальнобойности, с другой — увеличиваются маневренные качества оружия и боевой техники, их быстродействие, безотказность, точность. При этом нетрудно заметить, что развитие и того и другого идет подчас довольно противоречиво. Ведущая роль принадлежит росту ударных свойств оружия, его поражающей мощи, решающим образом влияющим на характер боя.

Если в совершенствовании оружия и военной техники критерий развития сравнительно прост и нагляден, то по отношению к изменению способов ведения боевых действий, управления войсками, их организационной структуры дело обстоит значительно сложнее. На первый взгляд может показаться, что критерием, показателем развития является усложнение организационной структуры управления, ведения операций, боя и т. д. Действительно, такое усложнение нетрудно обнаружить, если рассматривать различные этапы их развития. Однако не всякое усложнение в данном случае является признаком поступательности, прогрессивности. Если говорить о развитии организационной структуры соединений, частей, подразделений, управления войсками в ходе той или иной войны, то нетрудно заметить и обратную тенденцию — стремление к упрощению. Боевой опыт показывает, что, чем проще создается система взаимодействия, управления и обеспечения боевых действий войск, тем надежнее и безотказнее она действует.

Признавая, что все стороны военного дела изменяются применительно к совершенствованию материальных средств ведения войны, военной техники и человеческого материала как ведущего, определяющего элемента в развитии организационных форм вооруженных сил, способов ведения войны, можно четко представить тенденцию развития организационной структуры, управления войсками и способов ведения военных действий. Прогресс в военном деле обусловливается обеспечением наиболее эффективных форм использования материальных средств войны. Следовательно, показателем, критерием прогресса в области организации войск, управления ими, способов веде-

ния боевых действий надо считать степень эффективности использования материальных средств войны на данном этапе их развития.

Рассмотренная особенность развития различных сторон военного дела требует дифференцированного подхода к совершенствованию оружия и боевой техники, способов ведения боевых действий, методов управления войсками. При совершенствовании материально-технических средств войны необходимо учитывать не только характеристику боевых возможностей, но и экономическую сторону их производства и эксплуатации, а также возможности человека по их эффективному использованию.

Совершенствуя способы стратегических, оперативных и тактических действий, методы подготовки и ведения операций, боев в направлении изыскания путей наиболее эффективного использования существующих материально-технических средств, важно не забывать о том, что их используют люди с соответствующим уровнем знаний, умений, морально-политической и психологической подготовки. Например, предусматриваемая довоенными уставами система ячеечной, очаговой обороны на первый взгляд соответствовала имевшимся тогда средствам борьбы, но на практике оказалась непригодной. Она недостаточно учитывала психологические особенности личного состава — их стремление к коллективным действиям, к маневру в ходе боя, к взаимной выручке. Наиболее полно этим требованиям стала отвечать пришедшая ей на смену траншейная система обороны, которая начиная с 1943 года широко применялась при ведении боевых действий войсками Красной Армии.

Диалектическая концепция развития дает возможность не только понять содержание происходящих изменений в военном искусстве, но и определить логическую последовательность их рассмотрения. Познание военного дела в его движении, изменении необходимо как для объяснения настоящего, так и для предвидения тенденции его дальнейшего развития. Для прогнозирования будущего необходимо знать настоящее и то, как оно образовалось, какие ступени формирования прошло. Опыт прошлого без его соотнесения с настоящим лишается всякого смысла. Это также важно учитывать при подходе к анализу логики исследования военных процессов в динамике их развития.

Исходным моментом исследования военных процессов в развитии является познание их настоящего. Например, прежде чем исследовать тенденции развития противотанковой обороны, необходимо знать, что представляет собой система такой обороны в ее современном виде. Следовательно, поставленный вопрос требует «конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии» [1].

Для выявления направления, в котором познаваемый процесс будет развиваться дальше, необходимо обнаружить в нем остатки прошлого, основы настоящего, зачатки будущего. То есть для решения этой задачи знания настоящего в его конкретной обстановке уже недостаточно. В этом случае необходимо уяснить, как данное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии оно проходило, и с точки зрения развития исследуемого процесса посмотреть на его настоящее. Таким образом, мышление, исследующее процесс в его развитии, должно начинаться с уяснения того, **как данное явление возникло, каковы условия, его породившие.**

Так, логический путь анализа глубокой операции в ее развитии должен начинаться с рассмотрения того, как она возникла, какие объективные условия ее породили. Если говорить о последнем (объективных условиях, ее породивших), то таковыми можно считать два. Первое — позиционный тупик, создавшийся в ходе первой мировой войны, когда ни одно из воюющих государств не располагало **средствами прорыва** позиционной обороны противника, состоявшей из инженерных сооружений, прикрытых плотным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Это наталкивало военную мысль на поиски новых, эффективных путей преодоления тактической и оперативной обороны противника, непрерывного развития успеха на большую глубину в высоких темпах.

Второе — появление на вооружении Красной Армии маневренных средств ведения войны (танков и авиации), создание моторизованных соединений, мощных средств огневого обеспечения. Индустриализация страны, успешное выполнение первой пятилетки дали возможность оснастить нашу армию новейшими образцами вооружения. Уже в 1931—1935 годах на вооружение Красной Армии поступают танкетка Т-27, легкие танки Т-26 и БТ, сред-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

ний танк Т-28, а затем и тяжелый танк Т-35. За годы первой пятилетки было произведено свыше 5 тыс. танков. К концу второй пятилетки в армии насчитывалось уже 15 тыс. танков. В годы технической реконструкции народного хозяйства в Сухопутных войсках создается новый род войск — воздушно-десантные войска. Значительно возросла по численности авиация. В 1933 году тяжелые бомбардировочные авиабригады объединяются в корпуса. В дальнейшем для решения стратегических задач были сформированы три воздушные армии.

Таковы условия, породившие новую форму оперативных действий — глубокую наступательную операцию. Видимо, аналогичным должен быть и ход мысли применительно к исследованию любого военного процесса в его развитии.

Дальнейший логический путь исследования процесса в его развитии состоит в уяснении и обосновании форм развития данного процесса, учете всех этапов его становления. Прослеживая ступени развития исследуемого явления, необходимо выявить сущность процесса его изменения, а также структуру самого изменения.

Первый этап формирования теории глубокой операции относится к периоду 30-х годов. В 1934 году в работе «Характер пограничных операций» М. Н. Тухачевский писал, что нарождаются новые формы глубокого сражения, обеспечивающего нанесение противнику решающих поражений путем ряда последовательных операций на данном стратегическом направлении. Важный вклад в разработку этой проблемы внес В. К. Триандафиллов. К середине 30-х годов в нашей армии были выработаны принципы ведения глубоких наступательных операций с массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов. Основная идея глубокой операции состояла в нанесении удара на всю глубину обороны противника в целях поражения всей оперативной группировки врага. В ходе глубокой операции решались две задачи: взлом фронта обороны противника одновременным ударом на всю его тактическую глубину и немедленный ввод эшелона подвижных войск в сочетании с высадкой в тыл противнику воздушных десантов для развития тактического прорыва в оперативный успех.

Факторами, обусловившими дальнейшее развитие глубокой операции этого периода, явились дальнейший рост

технического оснащения нашей армии, успешный опыт многих войсковых учений, рост полководческого мастерства военачальников, их оперативно-стратегического кругозора, боеспособности соединений и частей.

Следующим логическим этапом исследования военного процесса в развитии **является анализ его современного состояния, обнаружение тенденции дальнейшего изменения.** Иначе говоря, необходим исторический анализ процесса. Только на этом этапе анализа процесса и можно вычленить в нем остатки прошлого, основы нового и зачатки будущего. На данном этапе познания процесса мы не просто рассматриваем, исследуем его современный вид, но и определяем место в общей цепи развития. В этом случае важно уяснить, как сформировались основные черты исследуемого процесса, какие обстоятельства обусловили то, что он является именно таким, а не иным, какие стороны, элементы составляют его основное содержание в настоящем и т. д. Именно анализ современного состояния процесса, тех факторов и тенденций, на основе которых он сформировался, и дает возможность предвидеть направление его изменения в будущем.

Здесь нет необходимости рассматривать содержание современной теории наступательной операции, в которой воплощаются черты глубокой операции, богатейший опыт советских войск по подготовке и проведению решительных наступательных действий в годы войны. Однако теперь такая операция основывается на новых принципах, характеризуется иными показателями, чем раньше. Задача военных исследователей и состоит в том, чтобы, основываясь на опыте прошлого, выявить новые тенденции в развитии такой операции.

Развитие военной действительности, углубление наших знаний о ней находят свое отражение в развитии понятий, категорий, военной теории в целом. Примером этого может служить изменение содержания такого понятия военного искусства, как маневр. В двух мировых войнах маневр означал своевременное перемещение, передвижение войск в целях создания необходимой группировки сил и средств и занятия ею выгодного положения по отношению к противнику для нанесения по нему решительного удара. Теперь понятие маневра во многом расширилось — оно включает маневр не только силами, средствами и огнем, но и маневр ядерными ударами. В то же время обно-

вилось содержание маневра силами и средствами: он может осуществляться нанесением внезапных ядерных ударов, а также рассредоточением войск для сохранения их от воздействия ядерного оружия противника.

Появление новых процессов, открытие новых явлений ведут к образованию новых понятий. Так, с возникновением ракетно-ядерного оружия в некоторых зарубежных армиях появились такие понятия, как «ядерное наступление», «ядерные заградительные барьеры», «ядерные заграждения» и т. п. В некоторых случаях для обозначения нового явления используется уже существующая военная терминология, но с новым значением, с обновленным содержанием.

Принципы всесторонности рассмотрения действительности в ее развитии характеризуют общие требования к познанию, которые конкретизируются в логических требованиях, определяемых законами и категориями материалистической диалектики.

Глава X

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

1. Раскрытие противоречий, их развития и способов разрешения в самой сущности военных процессов

Основная идея диалектического понимания процесса развития выражается в законе единства и борьбы противоположностей. Именно он дает ответ на вопрос об источнике, двигательной силе развития, раскрывает его внутреннее содержание. В. И. Ленин характеризовал этот закон как суть, ядро диалектики. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики» [1],— писал он. По глубокому убеждению В. И. Ленина, «диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...» [2].

Каждый предмет, процесс, явление содержит в себе противоположные стороны, свойства, тенденции. Война как социальный процесс характеризуется противоположными политическими целями воюющих сторон, противоположными видами боевых действий (наступление и оборона), противоположными свойствами оружия (средства поражения и средства защиты) и т. д. Взаимодействие противоположностей данного предмета, процесса характеризуется единством и борьбой между ними.

Единство противоположностей предметов, процессов означает их неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность. Одна противоположность является условием

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.
[2] Там же, с. 203.

существования другой. Средства защиты существуют постольку, поскольку имеются средства поражения. Наступление как вид боевых действий в ходе войны необходимо, ибо обороняется противоположная сторона. Оно означает также их взаимопроникновение, которое обусловливает возможность взаимопревращения одной противоположности в другую. Оборона достигает цели, если она активна, то есть сочетается с теми или иными наступательными действиями, проникнута ими. Наступление превращается в оборону, когда у наступающей стороны оказывается недостаточно сил для навязывания своей воли противнику.

Борьба противоположностей проявляется в том, что каждая из противоположностей воздействует на другую, видоизменяет ее, вызывает появление новых свойств, тенденций. Например, возрастание боевых возможностей подводных лодок приводит к необходимости совершенствования средств противолодочной обороны. Кроме того, борьба противоположностей характеризуется тем, что при взаимодействии между собой они взаимоисключают друг друга. В ходе военных действий каждая из воюющих сторон стремится преодолеть, подавить сопротивление другой.

Взаимодействие противоположностей как единство и борьба между ними образует диалектическое противоречие данного предмета, процесса, которое находится в состоянии непрерывного развития, проходит определенные стадии, выражаемые в следующих категориях: различие, обострение, разрешение противоречия.

Различие означает такое состояние противоречия, когда образующие его противоположности находятся в относительном равнодействии. Если в ходе войны складывается известное равновесие стратегических сил, которое выражается в отсутствии активных боевых действий сторон, как это имело место, например, в первую мировую войну, то противоречие между ними обнаруживается в противоположности их политических и военных целей, что служит побудительным источником дальнейшего продолжения войны. Неравномерное развитие противоположностей приводит к нарушению их относительного равнодействия. В этом случае происходит нарастание, обострение противоречия, когда наглядно обнаруживается, что одна из его сторон действует в направлении сохранения суще-

ствующего состояния, другая — в направлении его разрушения. Дальнейшее обострение противоречия доходит до того уровня, когда единство данных противоположностей становится уже невозможным. Тогда наступает период разрешения противоречия, переход данного предмета, процесса в новое качество. Так, разрешение противоречия между воюющими сторонами означает, что одна из сторон подавляет сопротивление другой, ликвидирует ее как воюющую сторону. Война сменяется миром.

Основное требование к научному познанию, определяемое законом единства и борьбы противоположностей, формулируется как принцип диалектической логики — обнаружение, исследование противоречий, их развития и разрешения в самой сущности изучаемых процессов.

Указывая на важность соблюдения данного требования в ходе познания, В. И. Ленин подчеркивал, что «в собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*...» [1]. «Теоретическое познание, — писал В. И. Ленин, — должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении...» [2]. Без соблюдения этого требования невозможно достижение истины, познание объективной действительности. Для раскрытия сущности явлений, по мысли В. И. Ленина, необходимо «признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)» [3].

В более развернутом виде рассматриваемое требование диалектической логики применительно к военно-научному познанию означает: обнаружение противоречий войны, военных процессов, их характера и форм проявления; определение тенденций, направления развития этих противоречий; раскрытие путей их разрешения.

Исходным требованием рассматриваемого принципа к военно-научному познанию является **обнаружение противоречий войны, ее процессов.** Познать войну, вооруженные силы — значит обнаружить их основные не только внутренние, но и внешние противоречия. Это даст воз-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[2] Там же, с. 193.
[3] Там же, с. 317.

можность раскрыть основные законы функционирования и развития данных процессов. Закон есть отношение. В нем выражается взаимоотношение, взаимодействие наиболее существенных сторон объективного процесса. Закон соотношения сил, характеризующий ход и исход войны, выражает противоречие во взаимодействии воюющих сторон.

Война по своей сущности, качественной определенности, как отмечалось ранее, есть продолжение политики государства, класса иными, именно насильственными средствами. Взаимодействие политики, политических целей и средств их реализации, то есть стратегических возможностей армии и флота, является исходным противоречием войны. Без насильственной политики, порождаемой расколом общества на антагонистические классы, не существовало бы и средств насилия — вооруженных сил. В равной степени и сама насильственная политика, например, одного государства по отношению к другому была бы невозможна, если бы соответствующее государство не располагало средствами насилия.

Политика определяет социально-политическую сторону содержания войны, а также оказывает непосредственное влияние и на ее военно-стратегическую сторону, на применяемые материальные средства войны и способы их использования. В свою очередь, каждая из сторон содержания войны, ее ход, победа или поражение оказывают обратное влияние на политику данного класса, государства (коалиции государств). Политика, в частности, не может не учитывать характера технических средств войны, которыми располагают противоположные стороны, их стратегического потенциала, соотношения военных и иных сил своих и противника как до войны, так и в ходе ее ведения.

Взаимосвязь (диалектическое противоречие) между политикой и насильственными средствами ее реализации носит различный характер в условиях империализма и социализма. Политика империалистических государств, выражающая интересы монополистической буржуазии, является захватнической, агрессивной в своем существе. Это, в свою очередь, ведет к постоянно возрастающей гонке вооружений, созданию различных военных блоков и группировок, милитаризации экономики, идеологии, к потенциальной опасности развязывания войн.

Политика социалистических государств по отношению к войне сочетает в себе и миролюбие и готовность к отпору империалистической агрессии. Политика КПСС, выражающая интересы народа, необходимость защиты социалистического Отечества, опирается на объективную оценку современного международного положения, учитывает характер возможной войны, реальное соотношение военных сил социализма и империализма, основывается на военной мощи Советского Союза, стран социалистического содружества.

Познание конкретных форм проявления взаимодействия (противоречия) между политическими целями войны в защиту социализма и его государственных интересов и средствами их достижения составляет исходную задачу советской военной науки. В связи с этим острие нашей военной теории ориентировано на определение наиболее эффективных путей, способов реализации политики КПСС и Советского государства, направленной на защиту социалистического Отечества военными средствами. В свою очередь, выводы и положения военной науки в этом направлении являются военно-теоретической базой для формулирования самой военной политики, ее конкретного осуществления на данном этапе исторического развития.

Рассматриваемое нами противоречие выражается одним из основных законов войны, который формулируется как закон взаимосвязи войны и политики. Познать данный закон войны — значит раскрыть единство политических целей войны и насильственных средств их реализации, своевременно определить нарастание противоречия между ними и способы его разрешения.

Насильственным средством достижения политических целей войны выступает материальная сила — вооруженные организованные формирования людей, оснащенные соответствующими техническими средствами борьбы, управления и обеспечения военных действий. Изменение и развитие материальной базы войны определяют совершенствование форм и способов ведения военных действий, динамику их развития. Нельзя определить способы ведения операции, боя вне точного анализа состояния современных боевых средств, боевых возможностей войск. В свою очередь, развитие способов ведения боевых действий оказывает обратное влияние на совершенствование технических средств вооруженной борьбы, направление

подготовки и характер тех качеств, которыми должен обладать личный состав армии и флота.

Материальные средства войны и способы их боевого применения выступают как неразрывно взаимосвязанные, дополняющие друг друга противоположности. Взаимодействие между ними характеризуется как одно из основных противоречий войны. Его нарастание и разрешение составляет внутреннее содержание процесса развития войн, вооруженных сил и способов их боевого применения.

Раскрыть содержание рассматриваемого противоречия — значит дать точную количественную и качественную характеристику состояния вооруженных сил, их боевых возможностей, перспектив их развития и на этой основе разработать наиболее эффективные способы ведения военных действий; внимательно следить за изменениями, происходящими в средствах войны, и в соответствии с этим совершенствовать способы ведения военных действий; направлять развитие всех видов оружия и боевой техники, а также подготовку личного состава вооруженных сил в соответствии с требованиями современной войны, военных действий.

Рассмотренное нами противоречие выражается в качестве одного из основных законов войны — закона взаимодействия материальных средств войны и способов ведения военных действий.

Война есть двусторонний процесс. Исход противоборства между противниками непосредственно определяется соотношением их военных сил. Это означает, что одним из основных противоречий войны является противоборство вооруженных сил воюющих сторон. Разрешается противоречие между воюющими сторонами путем создания превосходства в военной силе либо одной, либо другой стороны и разгрома военной силы противника.

Раскрыть содержание этого противоречия — значит выявить те элементы, из которых складывается военная мощь государства; уяснить соотношение военной мощи между вероятными противниками на данном этапе; учесть возможное изменение этого соотношения; определить пути совершенствования боеспособности вооруженных сил, их постоянной готовности надежно защитить завоевания социализма.

Указанное противоречие выражается в качестве одного из основных законов войны — закона зависимости хода

и исхода войны от соотношения военной мощи государств, возможностей армий и флотов.

Военная мощь государства — величина производная. Она зависит от характера общественного строя, уровня развития экономики, научно-технического потенциала, морально-политического духа народа данной страны. В свою очередь, обеспечение военной мощи предъявляет соответствующие требования ко всем сторонам экономической и духовной жизни общества. В ходе войны вся деятельность государства, народа подчиняется достижению политических целей войны. Это значит, что взаимодействие между военной мощью и возможностями государства по ее созданию выступает одним из основных противоречий войны.

Раскрыть содержание этого противоречия — значит определить тот уровень военной мощи государства как до войны, так и в ходе ее ведения, который необходим для достижения политических целей войны; выявить реальные возможности страны по созданию необходимой военной мощи; изыскать наиболее эффективные пути по использованию имеющейся военной мощи для быстрого разгрома агрессора.

Социалистическое общество обладает большим преимуществом перед капиталистическим в отношении возможностей использования своих экономических и иных ресурсов для укрепления обороноспособности страны. В то же время нельзя недоучитывать и возможности империалистических государств, обладающих в настоящее время огромным экономическим, техническим и научным потенциалами.

Рассматриваемое нами противоречие выражается в виде следующего важного закона подготовки страны в военном отношении: военная мощь государства зависит от его экономического, морально-политического, научно-технического потенциалов, определяется ими.

Таковы основные противоречия войны, подготовки вооруженных сил, анализ которых составляет важнейшее направление военно-научного познания.

Рассматриваемое требование о необходимости раскрытия и разрешения противоречий относится к познанию всех процессов операции, боя и подготовки войск. Военно-научное исследование всегда стремится **обнаружить противоречие между сторонами, свойствами военных процес-**

сов и на этой основе выработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию форм и способов боевых действий, организационной структуры войск, методов обучения и воспитания личного состава с учетом требований различных взаимодействующих факторов, на базе раскрытия противоречивых тенденций. Познать любой военный процесс — значит вскрыть его противоречивые стороны, свойства, тенденции.

Проанализируем с этой точки зрения такой процесс, как наступление. Его сильная сторона состоит в том, что оно дает возможность войскам захватывать и держать в своих руках инициативу действий, наносить удары там, где противник их не ожидает, то есть достигать внезапности. В конечном счете только решительное наступление обеспечивает победу над противником. Разумеется, для ведения наступления нужно обладать превосходством в силах и средствах. Всякое наступление связано со значительным расходом материальных средств. К тому же в ходе продвижения войска, находясь на открытой местности, весьма уязвимы для средств поражения обороняющегося.

Анализ противоречий наступления дает возможность разрабатывать теорию наступательной операции, боя в направлении максимального использования их положительных сторон и предусмотрения мероприятий, в наибольшей степени ограничивающих проявление отрицательных свойств. В равной мере это относится и к практической деятельности командиров по организации наступательного боя. Принимая решение на наступление, они стремятся в полной мере использовать ошеломляющую силу внезапного удара по противнику, чтобы быстро сломить его сопротивление и обеспечить высокие темпы продвижения, и в то же время принимают необходимые меры защиты, особенно от ядерного оружия, стремятся максимально рассредоточить подразделения, использовать защитные свойства местности.

Раскрытие противоречий в развитии вооруженных сил, способов ведения военных действий является важным, но не завершающим этапом их анализа, поскольку само противоречие не является чем-то застывшим, неподвижным. Развитие любого противоречия состоит в том, что одна из его сторон начинает преобладать над другой. В этом случае происходит нарастание, обострение противоречия. По-

этому следующим этапом анализа противоречий в самой сущности военных процессов является **раскрытие тенденций развития обнаруженных противоречий и определение на этой основе общего направления в развитии исследуемого процесса.** Насколько важно правильное решение этой задачи, видно из значения определения тенденций в развитии противоречия между средствами поражения и средствами защиты, непрерывное состязание между которыми характеризует одну из особенностей развития военного искусства в настоящее время.

Появление в массовом количестве ракетно-ядерного оружия привело к резкому возрастанию поражающих средств войны. Если в свое время под впечатлением опыта первой мировой войны буржуазные военные теоретики высказывали мысли о том, что будущая война примет статический, позиционный характер, наступательные действия станут невозможными, то в настоящее время, напротив, оценивая эффективность ударных средств и средств защиты, некоторые из них приходят к противоположному выводу о полном превалировании в войне динамичных, маневренных действий.

Последнее время на основе опыта локальных войн некоторые буржуазные специалисты высказывают мысли о том, что появление ПТУРСов, боевых вертолетов, способных поражать танки вне зоны действия их огня, приведет к тому, что танки в современной войне будут остановлены мощной противотанковой обороной, так же как в первую мировую войну пехота была остановлена пулеметным огнем. Советская военная теория при анализе сложных процессов военной действительности учитывает все противодействующие тенденции, положительные и отрицательные стороны явлений, их взаимное влияние, реальное соотношение боевых потенциалов сторон.

Если с этих позиций рассмотреть возможности ударных средств борьбы, то они не обеспечивают односторонних преимуществ наступающим войскам прежде всего потому, что обороняющаяся сторона тоже в состоянии их использовать. Наступательная операция как в прошлом, так, видимо, и в будущем будет иметь свой предел как по глубине, так и по продолжительности, определяемый поставленными задачами, материальными и иными возможностями войск. Разгром крупной группировки врага одним ударом и безостановочное продвижение войск на

большую глубину возможны лишь в редких случаях, когда противник окажется слаб и не подготовлен. Но рассчитывать на это — значит игнорировать объективные условия действительности.

Современная оборона отнюдь не исчерпала своих возможностей, не лишилась определенных тактических преимуществ. Она способна противостоять массированным ударам наступающего, ослабить, а при благоприятных условиях остановить продвижение атакующего. В противоборстве наступления и обороны сильнее может оказаться наступающая сторона. Однако это ее оперативное преимущество не автоматически обеспечивает победу. Опыт показывает, что основными факторами снижения темпов наступления являются активное противодействие противника и тенденция к постоянному снижению боевой мощи наступающих войск по мере их продвижения. Последнее обстоятельство связано с растущими потерями в личном составе и технике, моральной и физической усталостью войск, растянутостью коммуникаций, отставанием баз снабжения от наступающих войск и некоторыми другими причинами.

В современных условиях в действие вышеперечисленных факторов включается ряд новых моментов, которые нельзя не учитывать. Во-первых, потери наступающих войск как в личном составе, так и в технике, особенно от ядерного оружия, неизмеримо возрастут, бесперебойное управление, а также снабжение войск будут нарушаться. Во-вторых, активность и сила противодействия обороняющегося противника тоже имеют тенденцию к непрерывному возрастанию. Последнее обусловливается увеличением ядерного оружия, выделяемого на оборонительную операцию, наращиванием глубины обороны, ее высокой насыщенностью противотанковыми средствами, а также увеличением количества высокоподвижных резервов различного назначения. Исходя из этого, при разработке теории наступательной операции, боя важно строго учитывать как тенденцию к возрастанию силы наступления, так и противоположную ей тенденцию к повышению устойчивости обороны. Подходя аналогичным образом к оценке боевых возможностей танков и противотанковых средств, их сильных и слабых сторон, можно выработать научно обоснованные критерии их соотношения как средств борьбы, перспектив дальнейшего развития.

Противоречиво, в муках и сомнениях рождается и командирское решение. Рядом с расчетом при оценке обстановки соседствует риск, с закономерностью — случайность, точный прогноз дополняется интуицией, сила противостоит другой по качеству силе, хитрость — хитрости. Все это образует такой клубок противоречий, успешно разобраться в котором может тактически грамотный, проницательный командир.

Развитие, обострение противоречий завершается их разрешением, что, в свою очередь, ведет к изменению состояния данного процесса или его переходу в новое качество. Такова всеобщая закономерность развития всех природных и общественных процессов. Отсюда вытекает и методологическое требование к военно-научному познанию — **определить пути, способы разрешения противоречий в развитии военного дела.**

Способы разрешения противоречий будут различны в каждом конкретном случае. Однако все многообразие этих форм можно разделить на два типа. Первый — ликвидация данного качества, состояния благодаря победе одной из сторон противоречия. Второй — «приведение противоречия к основанию» [1].

В процессе развития военного дела мы чаще сталкиваемся со вторым типом разрешения противоречий. Поэтому важно выявить черты, признаки этого типа разрешения противоречий. Рассмотрим сначала конкретный пример из военной практики. Маневр силами и средствами подразделений с целью обхода и охвата флангов обороняющегося противника содержит в себе противоположности, противоречивые тенденции. С одной стороны, такой маневр способствует достижению внезапности, повышению эффективности удара по противнику и его быстрому разгрому, но с другой — всякое обходящее и охватывающее движение подразделений связано с потерей времени, что также является немаловажным фактором в бою. Противоречия, как говорят, налицо. Надо их разрешать. Каким образом? Нельзя ликвидировать, уничтожить одну из сторон противоречия, сохраняя в то же время сам процесс. В данном случае противоречие разрешается путем определения таких форм, способов, такой организации маневра, которые бы в максимальной степени сохранили

---

[1] См.: Ленин об элементах диалектики. М., 1965, с. 211.

его положительные стороны и в то же время ограничивали возможности для проявления его отрицательных тенденций. Такое разрешение противоречия и есть «приведение к основанию», то есть к нахождению определяющей основы, способствующей успешному развитию данного явления при сохранении его противоречивых сторон [1]. Подобный способ разрешения противоречия иногда характеризуется как «умение соединить противоположности». Иначе говоря, сочетать их таким образом, чтобы в полной мере дать простор для проявления положительных сторон и уменьшить действие отрицательных.

Возможность ведения военных действий в будущей войне с использованием обычных средств поражения в условиях постоянной угрозы применения противником ракетно-ядерного оружия порождает известное противоречие в выборе районов сосредоточения основных усилий в обороне. Суть этого противоречия состоит в следующем. Для того чтобы обеспечить устойчивость оборонительных позиций и отразить удар превосходящих сил наступающего противника, требуется создать определенной плотности оборонительную группировку. В то же время необходимо иметь в виду, что эта группировка будет заманчивой целью для нанесения по ней ядерного удара противника. Таким образом, налицо противоречие — необходимость создания плотности, достаточной для противодействия атакующему противнику, и опасность нанесения по ней ядерного удара. Вполне понятно, что совместить эти два взаимоисключающих требования к боевому построению войск — дело довольно сложное. По-видимому, решение этого противоречия должно состоять в следующем: создавать такое построение обороны, которое бы допускало возможность быстрого маневра не только для уплотнения боевых порядков, но и для их рассредоточения, сочетание позиционности и маневренности.

Противоречия в развитии объективной действительности определяют и **противоречивый характер развития наших знаний, военной теории.** «*Отражение* природы в мысли человека, — указывал В. И. Ленин, — надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* ***не без***

---

[1] Данный тип разрешения противоречий не применим к антагонистическим противоречиям, разрешение которых означает исчезновение реакционной стороны противоречия, переход в новое качество.

противоречий, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»[1]. Противоречия являются не только источником развития объективных процессов, но и средством совершенствования знания.

Исходным моментом противоречивости процесса познания является противоречие между объектом и его образом в нашем сознании. Разрешение этого противоречия идет в направлении все более полного совпадения объекта и его образа. В ходе развития познания это противоречие проявляется как противоречие между ограниченностью наших знаний, достигаемых на каждой данной ступени исторического развития, и беспредельной возможностью познания, определяемой неисчерпаемостью и развитием объективного мира; как противоречие между суммой накопленных знаний и практикой. Именно это противоречие является внутренним источником развития познания. Его постоянное возникновение и разрешение составляют двигательную силу развития содержания наших знаний.

Операция, бой и их процессы бесконечны в своих конкретных проявлениях, свойствах и отношениях. Знания командира, офицера штаба, хотя и дают правильное представление о их природе, характере, но все же остаются всегда неполными, ограниченными. Оперативное искусство и тактика, какого бы уровня развития они ни достигли, не дают исчерпывающего отражения тех многообразных преобразований, которые непрерывно происходят в формах и способах оперативных и тактических действий войск под влиянием нового оружия и техники. В этом смысле данные военно-теоретические дисциплины всегда нуждаются в дальнейшем обогащении, развитии.

Противоречивость объективной действительности является гносеологической основой разных взглядов и пониманий одного и того же процесса, поэтому и возникает борьба не только различных, но подчас прямо противоположных мнений. Борьба мнений в науке как отражение противоречивости действительности и познания составляет одну из важнейших закономерностей ее развития. Там, где нет борьбы, столкновения различных мнений, там нет развития науки. «Необходимым условием разви-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

тия науки, — указывается в Программе КПСС, — являются свободные товарищеские дискуссии, содействующие творческому решению назревших проблем»[1]. Это указание партии полностью относится и к развитию военных знаний, военной науки.

Противоречивость познания состоит и в том, что мы вынуждены (таков закон познания) противоречивую действительность выражать в формально-логической непротиворечивой теории. Наличие противоречий (формально-логических) не свидетельствует о совершенстве теории. Она должна быть построена так, чтобы одни положения теории не противоречили другим. В этом тоже проявляется известное огрубление действительности в наших знаниях, в теории. Средством, путем разрешения противоречия между непротиворечивой теорией и противоречивой действительностью является постоянное развитие теории, замена ее устаревших положений новыми, более точными, более полными.

Военная наука признает лишь один авторитет — всесторонне обоснованную и доказанную научную истину. Ее логика развития — это борьба мнений, творческие дискуссии, единство теоретических и практических действий. Смелые, дальновидные прогнозы, всесторонний критический анализ явлений с применением всех современных методов исследования, быстрое внедрение научных достижений в жизнь — таковы основополагающие требования советской методологии военно-научного познания.

Раскрытие, обнаружение противоречий действительности, противоречивой природы нашего познания — важнейший принцип военно-научного исследования. Не менее необходимо и соблюдение принципа диалектической логики, определяемого законом перехода количественных изменений в качественные.

2. Единство количественного и качественного анализа в военно-научном познании

Закон перехода количественных изменений в качественные раскрывает характер и формы перехода вещей, явлений из одного состояния в другое, отвечает на вопрос, как происходит развитие. Все предметы, явления

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1976, с. 129.

представляют собой единство количественной и качественной определенности. Качество предмета всегда имеет количественное выражение. В свою очередь количество есть не что иное, как одна из характеристик качественной определенности. Нет качества без количества, равно как и не существует количества без качества.

Качество — внутренняя, существенная определенность предмета, явлений, отличающая их от других предметов, явлений. Оно непосредственно раскрывается в свойствах, каждое из которых в большей или меньшей степени выражает конкретно сторону предмета по отношению к другим предметам. Качество мотострелкового батальона, например, характеризует его боеспособность как возможность решать определенные боевые задачи. Оно выражается в таких его свойствах, как огневая мощь, маневренность, наличие в его составе различных видов оружия, техники, что придает ему черты общевойскового формирования, где закладываются исходные основы современного боя, его успех.

Количество — такая определенность предмета, процесса, которая характеризует их со стороны однородных свойств и выражается в числовой величине. Так, количественная характеристика батальона выражается в численности его личного состава, оружия, боевой и специальной техники и т. д.

Единство количественной и качественной определенности предметов выражается в категории меры, которая и намечает границы их изменений. Мера как единство качественной и количественной определенности батальона (первичного общевойскового подразделения) характеризует те границы, в пределах которых он в большей или меньшей степени может выполнять соответствующие его возможностям боевые задачи в наступлении, обороне, встречном бою, действуя в передовом отряде, авангарде и т. п.

Развитие происходит путем постепенного накопления количественных изменений и перехода их на определенной ступени в коренные качественные изменения, порождающие в свою очередь новые количественные изменения. Если количественные изменения происходят путем постепенного накапливания, то переход к новому качеству осуществляется в форме скачка, перерыва постепенности.

Закон перехода количественных изменений в качест-

венные характеризует как развитие объективной действительности, так и познания. Познать тот или иной процесс — значит раскрыть единство его качественной и количественной определенности, диалектику взаимосвязи и взаимопереходов между ними. Покажем на одном из примеров Великой Отечественной войны, как советские командиры использовали на практике этот важный закон диалектики. В начальный период войны артиллерия, танки, стрелковые части и авиация нередко равномерно распределялись по фронту. Их разрозненные удары не приносили обычно должного эффекта. По-иному обстояло дело, когда эти боевые средства стали использоваться массированно на решающих направлениях для выполнения главных задач в операциях. Количество перешло в новое качество — повысились огневая и ударная мощь войск, их маневренность. Это явилось основой появления такого действенного способа огневого обеспечения войск, как артиллерийское и авиационное наступление.

Основное требование закона перехода количественных изменений в качественные к научному познанию может быть сформулировано в виде принципа диалектической логики: единство качественного и количественного анализа изучаемых предметов, процессов, исследование диалектической взаимосвязи между ними. Необходимость строгого соблюдения данного принципа в военно-научном познании особенно возрастает на современном этапе развития военного дела. Это обусловлено постоянно увеличивающейся качественной дифференциацией материальных средств войны, а также резко возрастающим их количеством.

Развитие математики, все более глубокое проникновение науки в сущность изучаемых ею процессов наряду с широким использованием в научных исследованиях электронно-вычислительных машин привели к возрастанию математических методов познания в решении теоретических и практических проблем. В свою очередь, это может породить известное одностороннее преувеличение методов количественного анализа. Правильное понимание содержания рассматриваемого закона, требований, предъявляемых им к военно-научному познанию, позволяет определить действительное соотношение количественных и качественных методов в решении задач военно-научного исследования.

Поскольку каждое явление, процесс военной действительности обладают только им присущим качеством, отличающим их от других явлений, процессов, постольку и познание **любого процесса, явления войны, операции, боя, подготовки вооруженных сил, совершенствования управления войсками должно начинаться с фиксирования, выделения его как определенного качества.**

Определение качества первоначально идет по линии обнаружения опытным путем свойств данного предмета, явления, которые раскрываются через сравнение данного предмета с другим в их взаимодействии. О боевых возможностях подразделения, части, соединения можно судить только в связи с выполнением ими той или иной практической задачи. Роль других факторов, например качества местности, ее свойств, условий погоды, времени года, определяется в зависимости от характера предстоящего боя, операции, от того, в какой степени они способствуют (или затрудняют) выполнению войсками боевой задачи в наступлении или в обороне.

На первом этапе познания качество выступает в виде суммы определенных свойств. Качество боевого подразделения, оружия непосредственно выражается в совокупности его возможностей по поражению целей противника, его разгрому, обеспечению устойчивости в обороне, маневренности и т. д. Качественная характеристика, например, танка есть не что иное, как множество его основных свойств: огневой мощи, подвижности, ударной силы и защиты.

В то же время было бы неверно определять качество предмета, процесса только путем простого перечисления его свойств. Неправильно, очевидно, по двум причинам. Во-первых, любой предмет обладает множеством свойств, перечислить которые для качественной характеристики не представляется возможным. Во-вторых, сами свойства не одинаковы по своему значению: одни из них существенные, определяющие, важные, другие — второстепенные, формальные.

Для первоначального определения качества предмета, процесса обычно из всей совокупности свойств выделяют одно — основное, главное, которое отражает предназначение предмета, его место и роль среди других. Очевидно, для боевого подразделения, ведущего наступление, наиболее существенным будет его способность в короткие сроки

нанести огневое поражение противнику и решительным продвижением вперед разгромить обороняющуюся группировку и овладеть заданным рубежом.

Для повседневной практической деятельности определения качества путем выделения основного, обобщающего, совокупного свойства предмета, явления обычно бывает достаточно. В тех же случаях, когда речь идет о научном познании, о раскрытии законов развития тех или иных процессов, эмпирическое определение качества является уже недостаточным. Отсюда возникает необходимость определения качества того или иного процесса, той или иной сложной системы на более высоком теоретическом уровне.

Для того чтобы выявить, исследовать путь, направление хода мыслительного процесса при всестороннем анализе качества на теоретическом уровне, необходимо прежде всего уяснить, что лежит в основе данного качества, из чего оно складывается. Качество боевого подразделения, части, соединения в обобщенном виде характеризуется их способностью решать задачи по разгрому противника. При этом возникает правомерный вопрос: чем определяется это качество, каковы его слагаемые?

Как правило, боевые возможности войсковых подразделений, частей и соединений, их способность решать сложные задачи по разгрому противника определяются тремя основными компонентами. Первый компонент — качество основных составляющих элементов, каковыми являются люди и различные виды боевой техники. Второй компонент — количество того и другого, то есть людей и техники. Третий компонент — организационно-штатная структура войск, дающая возможность в максимальной степени использовать их боевые возможности. Здесь важно соблюдать принцип рационального количественного и качественного соотношения боевой техники и личного состава. Их сочетание должно быть таким, чтобы обеспечивались огневая мощь и ударная сила, подвижность и маневренность, мобильность и управляемость подразделений. Излишняя насыщенность войскового организма огневыми средствами и отягощенность тылами могут привести к его утяжелению, потере подвижности и маневроспособности и удобоуправляемости.

Из этого вытекает, что несоответствие любого из этих компонентов предназначению и характеру выполняемых

задач оказывает непосредственное влияние на качество подразделения, части и соединения, их боевой потенциал.

Характер современного боя, операции, которым присущи большой размах, решительность целей, резкие и частые изменения обстановки, разнообразие способов решения боевых задач, в большей степени, чем это было раньше, требует **точного количественного учета всех сторон процессов боевых действий, а также их взаимосвязей и взаимозависимостей, иначе говоря, количественного анализа, методы которого непрерывно совершенствуются.** Последнее связано с развитием математических методов, появлением быстродействующих вычислительных машин. Так, для решения задач, связанных с распределением сил и средств в бою, операции, с успехом применяются методы математического программирования. Для количественной оценки работы сложных оборонительных систем используется теория массового обслуживания. Укажем также, что в связи с необходимостью обеспечения особой точности расчетов в современных операциях появилась новая отрасль боевого обеспечения — метрологическое обеспечение. Ее появление обусловлено тем, что в последние годы значительно вырос уровень точностей почти всех видов измерений: точность при измерении мощности возросла в 100—200 раз, а в области частотно-временных измерений — в 1000—10 000 раз [1].

Применение математических и метрологических методов в практической деятельности кроме непосредственной их эффективности формирует у командира логическую стройность мышления, математическую интуицию как способность дать правильную количественную оценку при принятии «безрасчетных» решений в условиях ограниченного времени. Добиться необходимой точности измерений, расчетов — значит обеспечить высокое качество боевого использования оружия, и наоборот. Чтобы усилить аргументацию данных положений, можно привести ряд примеров. Погрешность в измерении температуры топлива некоторых тактических ракет на 1 градус приводит к ошибкам в стрельбе на 100 и более метров. Незначительное снижение точности установки сигнала генератора может уменьшить дальность обнаружения воздушных целей на 15 процентов [2].

---

[1] «Красная звезда», 1976, 27 марта.

[2] Там же.

Особенности военных действий как двустороннего процесса определяют и специфику количественного анализа при применении математических методов в военно-научном познании. Задача в данном случае состоит не только в том, чтобы просчитать и получить значение того или иного исследуемого показателя. Необходим анализ процесса в его развитии с учетом взаимного противодействия сторон. Поэтому широкое применение для решения этой задачи получают методы математического моделирования, с учетом изменения соотношения сил сторон в ходе боевых действий, а также элемента тактической неопределенности.

Количественные оценки, получаемые в результате применения математических методов, помогают дать качественную характеристику исследуемого процесса, получить ответ главным образом на следующие вопросы: какие необходимы силы и средства для получения заданного результата с учетом противодействия противника; каким должен быть оптимальный план действия; каков ожидаемый результат использования в том или ином варианте выделенных сил и средств?

В данном случае мы не ставим перед собой задачу рассмотреть применение математических методов для решения указанных задач, поскольку это уже предмет специального исследования. Отметим только одно очень важное положение относительно критериев и их количественного выражения, поскольку решение этой задачи приобретает в настоящее время все большее методологическое значение. Количественная оценка любого процесса предусматривает в первую очередь определение какого-либо показателя, отражающего основную, наиболее существенную сторону качества процесса. Такой показатель и называется критерием, на основании которого оценивается процесс в целом.

При анализе боевых действий войск по количественной характеристике критериев можно судить о степени эффективности той или иной системы вооружения, организации войск, плана операции, боя и т. д. Следовательно, необходимым условием успешного решения задачи с помощью математических методов является правильный выбор критерия эффективности, который должен оказывать помощь в принятии практических решений.

Основными критериями эффективности, используемы-

ми для решения задач в бою, операции, являются ущерб, наносимый противнику, свои потери, расход сил и средств, затрачиваемое время, сохранение боеспособности подразделением. В каждом конкретном случае критерий эффективности должен объективно отражать процесс боевых действий, иметь прямую связь с выполняемой задачей, быть чувствительным к изменениям определяемых в результате исследования величин. Критерий должен быть также достаточно простым для понимания его физического смысла.

Выбор критерия является искусством, основанным на глубоком знании сущности и основных свойств исследуемых процессов. В истории имеется немало примеров ошибочного выбора критериев и связанных с ним неправильных выводов. Так, в период второй мировой войны на английских торговых судах в целях их защиты от авиации противника начали ставить зенитные артиллерийские орудия. Для оценки эффективности данного мероприятия в качестве критерия было принято количество сбитых самолетов. Статистические данные показали, что только 4 процента самолетов, атаковавших корабли, оказывались сбитыми. Такая эффективность позволяла сделать вывод о нецелесообразности предпринятого действия, поскольку оно не окупало даже затрат на установку зенитных орудий. Ошибочность выбора критерия состояла в том, что основная цель установки зенитных средств на торговых судах состояла не в уничтожении самолетов противника, а в сохранении торговых кораблей. Естественным критерием в данном случае является предотвращение ущерба, то есть показатель, определяющий насколько уменьшились потери торгового флота. Оказалось, что потопленных судов при наличии зенитного прикрытия было 10 процентов, при его отсутствии — 25 процентов. Отсюда вытекал противоположный вывод: установка зенитных средств на торговых кораблях полностью себя окупает, ее необходимо продолжать и в последующем.

Современный бой, операция представляют исключительно сложные процессы, в которых действуют самые разнообразные боевые средства по самым различным объектам. Поэтому всегда требуется выбирать такую систему критериев эффективности, среди которых один из них является главным, определяющим, а другие рассматриваются как вспомогательные. Так, при решении задач, свя-

занных с распределением сил и средств подразделения, части в бою, главным критерием берется степень достижения поставленной цели и время ее выполнения, а вспомогательными — расход средств, затрачиваемые усилия и т. д.

Более сложным является выбор критериев для оценки соотношения сил и тенденций их изменения в ходе ведения, например, операции. В то же время правильное обоснование этой задачи является одним из важнейших условий принятия обоснованного решения. Сложность решения рассматриваемой задачи обусловлена рядом объективных обстоятельств, в числе которых можно было бы назвать следующие: множественность факторов, из которых складывается боевой потенциал той и другой стороны (количество и качество оружия, средств управления, морально-политический дух и психологическое состояние личного состава, качество управления); недостаточность исходных данных о силах и средствах противника; постоянное изменение соотношения сил в ходе боевых действий, поскольку каждая из сторон будет стремиться нанести наибольший урон противнику при наименьших своих потерях. При этом часть элементов, характеризующих военную силу (моральный дух, степень обученности личного состава, организаторские способности командных кадров), не поддается точному количественному определению, но недоучитывать их было бы опасно.

При определении соотношения сил в боевой обстановке, как это было в прошлых войнах, в качестве критерия бралось соотношение личного состава в единицах (в тактике — батальонов, в оперативном искусстве — дивизий). В своей основе такой критерий правильный, поскольку количественное соотношение этих компонентов в наибольшей степени влияет на соотношение сил. Качественные же показатели (боевые свойства) оружия и технических средств сторон оказывались примерно одинаковыми и в меньшей степени влияли на соотношение сил.

Однако уже в ходе первой мировой войны была обнаружена недостаточность арифметического подсчета одинаковых единиц при определении соотношения сил. Поэтому во второй мировой войне оценка соотношения сил давалась уже по более усложненной системе обычно в трех измерениях: подсчитывалось общее соотношение сил в

полосе действий фронта, армии, дивизии; соотношение по направлениям (в наступлении — на направлении главного удара, в обороне — на направлении действий главных сил противника); соотношение по задачам (ближайшей, последующей). Такие критерии соотношения сил сохраняют свое значение и в настоящее время, но теперь требуется еще более тщательно, чем прежде, учитывать качественную характеристику этого соотношения, коэффициенты боевых потенциалов оружия, техники, подразделений, частей, соединений. Дальнейшее совершенствование существующих методов, позволяющих получить количественную оценку соотношения сил, их изменения в ходе боя с учетом качества оружия, боевой техники и даже войсковых соединений в целом, является одной из важнейших задач в методологии военно-научного познания.

Уяснение диалектической взаимосвязи количественных и качественных характеристик исследуемого процесса необходимо и для понимания его развития. Известно, что качественным изменениям всегда предшествуют изменения количественные. Нельзя изменить данное качество, не изменяя его количественной характеристики. Количественные изменения не только ведут к изменению данного качества, но и определяют направление, характер этих изменений. **Отсюда исходным требованием к пониманию качественного перехода является анализ количественных изменений в исследуемом процессе.**

Для того чтобы определить направление изменения качества того или иного процесса, необходимо прежде всего уяснить, какие и в каком направлении происходят изменения в его количественных показателях. Для определения характера и направления изменений качества организационной структуры войсковых организмов, способов оперативных и тактических действий и управления войсками необходимо учитывать изменения многих количественных показателей, прежде всего количества боевого оружия. Если суммировать все количественные показатели оружия и боевой техники, то их с известной степенью приближенности можно свести к двум основным показателям: мощности огня и маневроспособности. Все происходящие до сих пор перемены в военном деле обусловливались изменением того или другого показателя или всех их, вместе взятых.

Появление огнестрельного оружия знаменовало собой качественное изменение технической оснащенности армий, что, в свою очередь, привело к коренным изменениям способов ведения боевых действий. Одним из важнейших этапов в развитии боевой техники явилось возникновение и применение в массовом масштабе танков и авиации, механизации средств передвижения. Все это обусловило резкое возрастание подвижности войск, повысило их маневренные возможности. Это, в свою очередь, было одной из решающих причин изменения в способах ведения военных действий. Маневренные действия как в наступлении, так и в обороне стали характерной чертой ведения операций. Маневр в Великой Отечественной войне пронизывал все содержание боевых действий войск Советской Армии — с него начинались и им, по существу, заканчивались все операции, бои. Одновременно менялось и качество самого маневра: возрастали темпы его осуществления, быстродействие, стремительность.

Технической основой современной революции в военном деле явилось возникновение и создание в большом количестве ядерного оружия, а также ракет как средства доставки боевых зарядов к цели, автоматизация процессов управления. Появление этих средств вооруженной борьбы и совершенствование старых, классических видов оружия — артиллерии, танков, авиации еще больше усиливают высокоманевренный, скоротечный, динамичный характер современных операций, придают им новые качества. Необходимо при этом отметить, что развитие и совершенствование технических средств ведения войны ни в прошлом, ни теперь не приводит к сокращению численности личного состава армий. Наоборот, как об этом свидетельствует исторический опыт, численный состав вооруженных сил от войны к войне непрерывно возрастал. В настоящее время количественный состав основной военной группировки империалистических государств превышает несколько миллионов человек.

Количественные изменения с неизбежностью ведут к изменениям качественным. Увеличение огневой мощи оружия и маневренности боевой техники, численного состава вооруженных сил, совершенствование их структуры являются показателями роста их боевой мощи — качественных изменений. Последние носят двоякий характер: изменение состояния данного качества и скачок, переход в новое ка-

чество. Если любые количественные изменения вооруженных сил так или иначе влияют на их качество, на характер боевых действий, то коренные качественные изменения происходят только при условии появления принципиально новых средств ведения войны и поступления нового оружия и новой техники на оснащение войск в массовом количестве. Так, с момента появления ядерного оружия (1945) до «ядерной модернизации» армий (середина 50-х годов) прошло около десятка лет.

Методологические требования к анализу коренного качественного перехода состоят в следующем: **уяснить характер и особенности коренного качественного перехода, скачка; определить его начало; выявить направление и характер этого перехода; наметить пути, способы его наиболее целесообразного осуществления в различных видах практической деятельности.**

Как правило, в развитии военного дела в прошлом коренные качественные изменения происходили сравнительно медленно, на протяжении длительного периода времени. Даже появление принципиально нового вида оружия — огнестрельного — далеко не сразу привело к изменению качества вооруженных сил, способов ведения военных действий. Еще длительное время, в течение веков, наряду с огнестрельным холодное оружие продолжало играть существенную роль, хотя и значительно уступало ему по качеству. Появление таких принципиально новых видов оружия, как танки и авиация, также не могло сразу привести к коренным качественным изменениям в военном деле. Достаточно сказать, что в первую мировую войну наличие этих средств на оснащении армий не повлияло решительным образом на характер сражений и лишь только во вторую мировую войну, то есть через два десятилетия, произошел качественный сдвиг в способах ведения операций.

В современных условиях в связи с глубокой научно-технической революцией развитие технических средств войны происходит несравненно более быстрыми темпами. Здесь важно обратить внимание на следующую особенность современного революционного процесса: он практически одновременно охватил все сферы военного искусства — стратегию, оперативное искусство и тактику. Столь небывалое в прошлом явление в развитии военного дела настоятельно требует самого внимательного отношения ко

всему новому, умения быстро отрешиться от старого, консервативного, способности военных кадров своевременно подмечать ростки прогрессивного.

Существенным элементом познания качественного перехода является обнаружение начала скачка. Насколько важно своевременное решение этой задачи, показывает пример выбора партией в 1917 году момента начала вооруженного восстания. В. И. Ленин в тех условиях говорил, что упустить момент начала восстания — значит потерять все.

Великая Отечественная война показала, насколько опасно допускать просчет в оценке возможного времени нападения врага, начала войны. В современных условиях определение момента перехода от мира к войне, момента начала решительных боевых действий приобретает еще большее значение. Это кульминационный момент обеспечения боеготовности вооруженных сил. Успех дела теперь решают не дни и недели, а часы и минуты.

Определяя содержание и направление качественного перехода, необходимо трезво оценивать происходящие события, не перепрыгивать через этапы развития, не абсолютизировать новые формы и методы, не отбрасывать с ходу того, что еще сохраняет значение. В условиях современной революции в военном деле, несмотря на появление новых средств войны, новых приемов боевых действий, было бы неправильным игнорировать, сбрасывать со счета обычные средства ведения войны, а также ранее применявшиеся способы ведения военных действий. Неразумная поспешность здесь не менее вредна, чем неумение увидеть новое.

Переход количества в качество характерен и для самого процесса познания. Мышление, в том числе и ход мысли в процессе научного открытия, имеет три фазы: фазу подготовки, фазу скачка и фазу дальнейшего развития. Первая включает в себя мышление в пределах известного: сбор фактов, данных наблюдения и эксперимента и обобщение их в рамках данной, известной научной теории. Мышление на этой фазе предполагает как знание уже существующей теории, так и конкретной действительности. Без полного знания того и другого представляются невозможными ни переход к следующей фазе, ни дальнейшее развитие науки. В ходе этого этапа исследователь может обнаружить факты, не укладывающиеся в рамки дан-

ной теории. Объяснение этих фактов требует выхода за пределы имеющихся знаний.

Вторая фаза — скачок, открытие — представляет наиболее сложный и порой мучительный этап мышления. Его сложность заключается главным образом в выходе из колеи привычного хода мыслей. Здесь-то и необходимо творческое воображение, научная фантазия. Третья фаза — дальнейшее развитие основной идеи, замысла, воплощение ее в теорию или в конкретный план действий.

Разумеется, на этом не заканчивается общий ход познания человеком окружающей действительности. Новые идеи, открытия совершенствуют практику, которая, в свою очередь, дает новый материал для познания. Развиваясь по своим внутренним законам, новое имеет свои внутренние противоречия, переживает этапы становления, трудности роста. Оно проходит в своем развитии низшие и высшие ступени. Новому сопутствуют порой ошибки, срывы, поражения, но не это главное в нем. Основное его качество — это поступательность, перспективность, прогресс.

Коренные качественные изменения в военном деле на современном этапе его развития относятся также и к содержанию военно-научных знаний. Создание теории операции, боя с применением и без применения ядерного оружия ознаменовалось включением в их содержание новых понятий, категорий, принципов, положений (переход от безъядерных к ядерным действиям, ядерный удар, ликвидация последствий ядерного нападения и др.), а также качественным изменением ранее существовавших категорий (маневр, массирование и рассредоточение сил и средств, защита, восстановление боеспособности войск и т. д.). Все это говорит о том, что в настоящее время наша военная теория развивается уже на новой качественной основе.

Изменения качества под влиянием изменения количества могут быть самыми разнообразными по своему характеру и результату. Ведущим, определяющим является прогрессивное поступательное развитие, сущность которого раскрывается в действии закона отрицания отрицания.

3. Диалектическое отрицание в военно-научном познании, преемственность в развитии военной теории

Закон отрицания отрицания, который Ф. Энгельс характеризовал как весьма общий и именно поэтому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления, выявляет общую направленность развития. Основное его содержание раскрывается в следующих положениях. Процесс развития представляет собой бесконечную цепь диалектических отрицаний старого новым. Возникающее и утверждающееся новое сохраняет в своем содержании положительные элементы, стороны, свойства старого. В процессе развития на его высших ступенях происходит как бы возврат к старому, повторение некоторых сторон и черт процесса, имевших место на низших ступенях. Процесс развития в целом выступает в виде поступательного, прогрессивного перехода от старого к новому, от менее совершенного к более совершенному.

Являясь всеобщим законом развития действительности, закон отрицания отрицания выступает и как закон познания, развития научного знания. Познать процесс в его развитии — значит раскрыть его объективные тенденции, смену старого новым, обнаружить общую направленность происходящих в нем изменений. Преемственность в развитии объективной действительности определяет и преемственность в развитии научного знания, научных теорий.

Общее требование рассматриваемого нами закона к научному познанию можно было бы сформулировать как принцип диалектической логики — **диалектическое отрицание в процессе научного познания, преемственность в развитии теории.** Этот общий принцип, характеризующий логическую функцию закона отрицания отрицания в научном познании, конкретизируется в целом ряде частных требований.

Любая конкретная природная или общественная система, какой бы прочной она ни казалась, в действительности представляет только этап в общем процессе поступательного, прогрессивного развития. Все существующее в своем конкретном проявлении рано или поздно подлежит изменению, преобразованию. Рассматривая эту сторону процесса развития, К. Маркс писал, что «всякое развитие,

независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [1]. Такова объективная закономерность всякого развития. Поскольку наше познание, мышление отражают эту объективную закономерность, то одним из важнейших требований к военно-научному познанию, диалектическому мышлению является: **критическое отношение к каждому конкретному военному процессу, рассмотрение его как звена в общей цепи поступательного развития военного дела.**

Развитие военного дела в современных условиях, сконцентрировав, воплотив в себе многовековой процесс количественных накоплений, происходит особо ускоренными темпами. На каждом этапе этого развития с необходимостью возникают новые системы оружия и боевой техники и новые принципы их боевого использования, совершенствуются формы организации войск и способы ведения боевых действий. Наше познание должно утвердить, зафиксировать эту необходимость. В то же время нельзя абсолютизировать каждую из существующих форм деятельности. Это требование мы иначе формулируем как требование не успокаиваться на достигнутом, не видеть в каждом конкретном предел совершенства.

В настоящее время в Советских Вооруженных Силах созданы и приняты на вооружение в массовом масштабе новейшие виды боевой техники, установились наиболее совершенные формы организационной структуры войск, разработаны эффективные способы ведения войны, операции, боя с применением и без применения ядерного оружия. Интенсивно осуществляются мероприятия по обеспечению постоянной высокой боевой готовности соединений и частей, новыми положениями обогатилась теория наступления и обороны, оперативного искусства и тактики видов Вооруженных Сил. Задача личного состава состоит в том, чтобы в кратчайший срок осваивать все это практически. В современных условиях, как никогда раньше, советская военная мысль устремлена вперед, не преклоняется перед достигнутым, не абсолютизирует его. Ос-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 296—297.

вайвая и обосновывая опыт, военная теория идет впереди практики, она видит и определяет перспективы дальнейшего развития, критически относится к существующему опыту.

Ф. Энгельс в свое время писал, что «едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военная» [1]. Не утратило своей актуальности это положение и в новых исторических условиях. «Стоять на месте, — указывал В. И. Ленин, — нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности» [2].

Практическое осуществление рассматриваемого требования диалектической логики встречает немалые трудности. Дело в том, что существующий опыт, закрепленный в повседневном практическом мышлении, всегда кажется наиболее совершенным, наилучшим из всех возможных. Особенно это относится к сложившимся видам практического опыта.

Характер и способ отрицания отжившего, устаревшего в каждом конкретном случае будут различными. По утверждению Ф. Энгельса, «способ отрицания определяется... во-первых, общей, а во-вторых, особой природой процесса... Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие» [3].

Однако при всем разнообразии способов отрицания их можно разделить на два вида в зависимости от характера качественных изменений. Первый — отрицание элементов старого, тормозящего при сохранении основ настоящего. Второй — отрицание основ настоящего, образование нового качества на принципиально иной основе.

Рассматриваемый закон требует **при отрицании старого новым всегда учитывать характер происходящих изменений, определение вида отрицания.**

С первым видом отрицания мы сталкиваемся в том случае, когда речь идет о дальнейшем совершенствовании, развитии данного качества. Этот вид отрицания в военном деле встречается довольно часто. Например, при совершенствовании того или иного процесса, конкретной

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 394.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145, 146.

системы при сохранении их основ. Так, пока конструкторская мысль самолетостроителей была направлена на совершенствование самолетов с поршневым двигателем, отрицанию подвергались лишь отдельные конструктивные элементы самолета: неубирающееся шасси было заменено убирающимся, прямое крыло заменялось скошенным и т. д. Вместе с тем все конструктивные изменения самолета происходили при сохранении его основы — это все же оставался самолет с поршневым двигателем и винтовой тягой.

Совершенствование организационной структуры вооруженных сил, равно как и отдельных воинских формирований, в ходе, например, Великой Отечественной войны также осуществлялось по линии изменения, устранения отживших форм организации, а в большинстве случаев лишь только некоторых элементов этих форм при сохранении основной их структуры, организационного построения и управления.

Развитие стратегии, оперативного искусства, тактики в период совершенствования обычных видов вооружения также касалось главным образом устранения, отрицания некоторых устаревших форм при соблюдении основных принципов ведения боя, операции.

Данный вид отрицания всегда очень важно иметь в виду в том случае, если мы имеем дело с сохранением существующего качественного состояния. Соблюдение требований этого вида отрицания предостерегает нас от ненужного прожектерства и нигилизма по отношению к существующим формам организации и способам боевых действий.

Иной вид отрицания имеет место тогда, когда развитие того или иного процесса становится уже невозможным при сохранении его основ, то есть никакие модификации не дают желаемого результата. В этом случае отрицанию подвергается сама основа существующего, создается новое качество на принципиально иной основе.

На определенном этапе развития винтомоторной авиации ее дальнейший прогресс на базе поршневого двигателя стал уже невозможен. Данная конструктивная модель изжила себя как система, и никакие усовершенствования не давали желаемых результатов. Так был совершен переход к реактивной авиации. Совершенствование авиации в данное время происходит уже на этой основе.

Второй вид отрицания в развитии способов ведения войны — явление более редкое. Оно обычно бывает связано с коренными качественными изменениями материальных средств ведения войны. Происшедшая к настоящему времени революция в военном деле как раз и характеризуется таким видом отрицания старого. В частности, в современной войне с применением ракетно-ядерного оружия уже невозможно использование существовавшего способа массирования сил и средств — заблаговременного сосредоточения на определенном направлении большой массы живой силы и техники. Боевые действия мотострелковых подразделений и частей на машинах без спешивания также не могут быть копией боевых действий пехотных частей в прошлом. Во всех перечисленных случаях нужен принципиально новый подход к организации ведения боевых действий, к выбору наиболее эффективных способов ведения войны в целом. В этих условиях сохранение старого становится тормозом дальнейшего развития военного дела.

Однако во всех случаях, проявляя революционную смелость при применении второго типа отрицания, не следует забегать вперед. В. И. Ленин указывал, что «нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов» [1]. Поспешная коренная ломка в условиях, когда еще не созрели объективные предпосылки для качественных преобразований, может оказаться пагубной для дела. В этой связи М. В. Фрунзе предупреждал, что «серьезные нововведения в военном деле, играющем решающую в судьбах государства роль, должны проводиться с сугубой осторожностью» [2].

Отрицание существующего, переход к новому не означают простого уничтожения. В противном случае было бы невозможно развитие. Прогресс в развитии обусловливается тем, что сохраняется преемственность между старым, отрицаемым, и новым, утверждающимся. «Не голое отрицание, — писал В. И. Ленин,— не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.
[2] Фрунзе М. В. Избр. произв., т. 2, с. 367.

важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»[1]. Иначе говоря, диалектическое отрицание всегда связано с удержанием, сохранением элементов положительного. Эта мысль выражена уже в самой формулировке данного закона: отрицание отрицания. Второе отрицание есть отрицание первого.

Раскрывая содержание двойного отрицания, Ф. Энгельс писал: «Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным»[2]. Допустим, данный способ боевых действий устарел, стал неэффективным, то есть мы отрицаем его. Однако одно отрицание было бы равносильно его уничтожению, прерывающему развитие. Одновременно мы отрицаем и это первое отрицание, когда из отрицаемого что-то сохраняем, оставляем, переносим в новое.

Отрицание с утверждением элементов положительного, достигнутого на предшествующем этапе развития, — одно из важнейших требований диалектической логики, определяемое действием объективного закона двойного отрицания. Следовательно, здесь важно уметь найти в отрицаемом процессе не только подлежащее отрицанию, но и необходимое для сохранения. Нарушение любой из этих двух задач чревато опасностью. Например, в первый период развития советской военной науки имели место элементы нигилистического отношения к опыту прошлого. М. В. Фрунзе и С. И. Гусев, стоявшие на марксистских позициях в понимании военной науки и отстаивавшие их в борьбе с троцкизмом, в тезисах «Реорганизация Красной Армии», представленных X съезду в качестве проекта резолюции по военному вопросу, употребили выражение «единая **пролетарская** военная доктрина — пролетарская научная теория войны»[3].

В. И. Ленин не согласился с такой формулировкой и в период работы съезда имел с М. В. Фрунзе обстоятельную беседу. Он отметил правильность позиции выдающегося пролетарского полководца только в смысле общей

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.
[3] Стенографический отчет X съезда РКП(б). М., 1921, с. 713.

постановки вопроса — перспективы полного овладения пролетариатом основными позициями практики и теории военного дела, но решительно возразил против изоляции пролетарской военной науки от завоеваний военной мысли других классов и других стран.

В беседе с М. В. Фрунзе В. И. Ленин сказал: «Вы (коммунисты военные) здесь неправы. С точки зрения перспектив ваш подход, конечно, правильный. Разумеется, вы должны готовиться к задаче полного овладения военным делом и соответствующую работу вести. Пожалуйста, учитесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского искусства, то впадете в опасность комчванства» [1].

Указания В. И. Ленина означали необходимость учиться военному делу серьезным образом, осваивать опыт войн, брать все ценное и полезное из арсенала буржуазного военного искусства, обогащать приобретенные знания опытом революционной политической борьбы.

Поскольку основой, определяющей общее направление развития военного дела, является совершенствование материальных средств ведения войны, то из прошлого опыта сохраняет свое значение все, что дает возможность более эффективно использовать новые системы вооружения и боевой техники.

Требование диалектической логики о сохранении в новом положительных элементов старого полностью относится и к воинскому воспитанию, формированию боевых и морально-политических качеств личного состава, которые необходимы в условиях современной войны. В процессе педагогической работы выработан ряд основных принципов воспитания: партийность и целеустремленность, воспитание трудом, в коллективе и через коллектив, опора на положительное, сочетание требовательности с постоянной заботой о человеке. В современных условиях они также сохраняют свое значение, и их не следует игнорировать.

Воспитание человека есть не что иное, как развитие, совершенствование его положительных качеств, исключение проявления отрицательных сторон. Одной из наиболее распространенных ошибок в практике воспитательной работы является игнорирование, несоблюдение этого принципа.

---

[1] Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 3, с. 150.

Действенной формой политического воспитания личного состава Советских Вооруженных Сил является пропаганда боевых традиций. Устав внутренней службы обязывает всех командиров, политработников воспитывать личный состав в духе боевых традиций.

Новое качество, хотя и сохраняет в себе положительные свойства, признаки старого, предполагает возникновение у предмета, процесса таких его сторон, свойств, которых не было раньше. При этом сохраняющееся старое не входит в новое в своем неизменном виде. Оно также преобразуется. Отсюда и важное требование к военно-научному познанию: **творчески относиться к росткам, элементам нового, содержащегося в данном качественном состоянии, преобразовывать положительные элементы старого применительно к потребностям нового.**

Умение своевременно увидеть новое, поддержать его является одним из важнейших качеств руководителя, научного работника. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии указывается: «Партия всегда высоко ценила в работниках такое качество, как чувство нового. Обладать чувством нового — значит видеть перспективу развития, заглядывать в будущее, находить наиболее верные пути к решению возникающих задач. Теперь, когда в общественной жизни и производстве происходят быстрые и глубокие изменения, это качество приобретает особенно важное значение» [1].

Жизнь, практическая деятельность всегда полна нового, но это новое вначале всегда слабее старого, незаметнее. «Когда новое только что родилось, — писал по этому поводу В. И. Ленин,— старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни» [2]. Поэтому обнаружение нового — дело далеко не простое. Рассматриваемый принцип диалектического мышления как раз и требует умения своевременно обнаружить эти ростки, зачатки нового.

Новым в диалектическом понимании процесса развития является лишь то, что превосходит старое, в большей степени соответствует изменившимся условиям и обеспечивает совершенствование развивающейся системы

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 99—100.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 20.

в целом или ее отдельных компонентов. По отношению к старому новое означает совершенствование его структуры. Вместе с тем оно характеризуется бо́льшим соответствием общему ходу исторического прогресса. Новыми идеями в развитии научных знаний являются такие положения, которые в большей степени соответствуют отражаемому в них объекту, его поступательному развитию.

С этой точки зрения необходимо подходить и к характеристике нового в развитии военного дела во всей системе его связей и отношений. Поэтому далеко не каждый предложенный вид оружия, техники, способ ведения военных действий может рассматриваться как нечто новое. Таковым в военном деле является то, что способствует улучшению функционирования вооруженных сил в целом, выполнению поставленных перед ними задач. Новым в развитии технических средств войны является возникновение таких систем вооружения, которые обладают более высокими боевыми качествами по сравнению с существующими в настоящее время. Не менее важно при оценке новой техники учитывать взаимосвязь новых систем оружия с другими видами вооружения и военной техники, а также возможности ее производства как с технической, так и с экономической стороны. Нельзя считать новой и принимать на вооружение такую систему оружия, которая превосходит существующую по своим боевым качествам, но не может производиться в массовом масштабе по техническим и экономическим соображениям. Эта система, будучи новой по некоторым своим показателям, является нежизненной по отношению к внешним условиям своего существования.

Новыми способами ведения военных действий являются такие способы, которые в наибольшей степени обеспечивают эффективное использование материальных средств ведения войны — оружия и техники — и соответствуют уровню подготовки, морально-политическим качествам личного состава и целям войны.

Развитие путем отрицания, означающее рост и укрепление зачатков нового, приспособление к потребностям нового положительных элементов старого, отмирание, исчезновение всего того, что становится тормозом, мешает развитию, и образует в целом **поступательный процесс** как основную тенденцию развития природы, общества и мышления.

Существенной стороной закона отрицания отрицания, выражающего поступательный характер развития, является повторение на высших ступенях некоторых черт низших, но на более высокой основе. «...Повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и возврат якобы к старому...» [1].

«Возврат якобы к старому» происходит и в развитии военного дела, в частности в развитии форм организации вооруженных сил и некоторых способов ведения боевых действий. Так, в войнах эпохи рабовладения использовались сравнительно большие по численности армии. В средние века на смену им пришли малочисленные рыцарские войска и наемные отряды. Развитие техники и буржуазных отношений привело к появлению массовых армий. Но это не был возврат к многочисленной армии эпохи рабовладения. Современные массовые армии состоят из частей, соединений и других организационных единиц, способных вести самостоятельные боевые действия. Иначе говоря, современная армия синтезирует в себе массовость и относительную самостоятельность действий отдельных организационных формирований.

Примером двойного отрицания с возвратом якобы к старому является изменение форм военных действий: маневренная форма ведения военных действий в период преобладания конницы; позиционная война в период господства артиллерии и автоматического оружия (пулемет); маневренная война с применением танков и авиации.

Такая закономерность в развитии объективной действительности требует **исследования того процесса, который предшествовал второму отрицанию.** Если мы исследуем, к примеру, возникновение и развитие маневренных форм военных действий, то должны знать, какая форма операций, боев ей предшествовала, почему она была в свое время подвергнута отрицанию, какие условия породили это отрицание, в чем его односторонность. Зная это, мы можем определить и направления дальнейшего развития исследуемого процесса, выявить в нем негативные стороны, моменты, черты, подлежащие отрицанию.

Развитие путем отрицания является характерным признаком и самого процесса познания, мышления. Ход мысли при познании, исследовании какого-либо объекта всег-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

да идет через отрицание отрицания. Данная закономерность наглядно прослеживается при анализе любого познавательного процесса.

Если рассмотреть процесс военно-научного исследования, то и здесь обнаружим влияние закона двойного отрицания. Решение исследовательской проблемы начинается с установления фактов, полученных в ходе практической деятельности, наблюдения, эксперимента. Обнаружение факта (фактов) — исходный момент процесса исследования проблемы. Однако знание только фактов еще недостаточный критерий для научного знания. Факты необходимо объяснить. Следующим этапом познания является построение теории, объясняющей существование обнаруженных фактов, их функционирование и развитие. В процессе создания теории мы абстрагируемся от единичных фактов, находим присущие им общие черты. На этом этапе познания происходит как бы отрицание отдельного общим (первое отрицание).

Создание теории, более или менее удовлетворительно объясняющей данные конкретные факты, еще не завершение познания. Теория не цель познания, а средство для раскрытия сущности конкретного. Следующим этапом мыслительного процесса является возвращение к фактам, их объяснение на основе созданной теории. Здесь происходит второе отрицание: от общего мы возвращаемся вновь к конкретному. На этом этапе рассматриваются факты уже с точки зрения обогащенной теории. Наше знание фактов на этой стадии познания стало глубже, полнее: мы теперь знаем не только о существовании тех или иных процессов, но и о закономерностях их функционирования и развития.

Закон отрицания отрицания как закон развития познания является также и основным принципом развития научных знаний в общей цепи их поступательного развития, совершенствования научных теорий.

Любая научная теория, являясь отражением объективной действительности, опирается на сумму накопленных знаний, на имеющиеся теории.

Аналогичная закономерность присуща и развитию военной теории. Каждая новая военная теория, отрицая старую, включает в свое содержание ее положительные стороны. Современная теория тактики в ядерной войне является новым этапом в развитии военно-научных знаний,

Она содержит в себе целый ряд принципиально новых положений, которых не было в предшествующих тактических взглядах. Так, новыми элементами тактики являются взаимосвязь огня, движения войск и ядерного удара, защита подразделений от ядерного оружия, восстановление боеспособности войск, подвергшихся ядерному нападению, и др. В соответствии с характером новых технических средств ведения боя изменились также и взгляды на использование обычных видов оружия и боевой техники в тактическом масштабе, например на характер огневого поражения противника, условия взаимодействия, боевого обеспечения и т. п.

В то же время современная тактика не отбросила все ценное, что было накоплено военной мыслью в прошлом. Сложившиеся в ходе Великой Отечественной войны взгляды на осуществление атаки, прорыва, преследование противника, закрепление местности в основном сохраняют свое значение и в современных условиях, особенно при ведении боевых действий без применения ядерного оружия.

Аналогичным должно быть наше отношение и к буржуазной военной науке. Отсекая ее идеалистические и метафизические наслоения, элементы волюнтаризма, следует внимательно изучать ее в плане познания взглядов противника и с точки зрения перенесения в переработанном виде в нашу военную теорию всего положительного.

Развитие военной науки, как и любой другой области знаний, не является прямолинейным процессом. Здесь также имеют место известные временные отклонения, зигзаги, попятные движения. Одна из причин этого состоит в преувеличении, известной абсолютизации нового.

Например, появление ракетно-ядерного оружия породило в ряде случаев преувеличение его роли, известный нигилизм как в отношении развития обычных средств ведения войны, так и в плане их использования. Наметилась, в частности, недооценка роли танков, авиации, надводного флота, проявилась тенденция к решению боевых задач лишь новыми средствами и т. д. Однако ход исторического развития показывает односторонность подобных теорий, требует отказаться от них.

Таков логический смысл закона отрицания отрицания, его требований к военно-научному исследованию, соблю-

дение которых предполагает и глубокое знание конкретного, теории и практики военного дела. Только в этом случае можно ответить на вопросы: **что** отрицать, **когда** отрицать, а «этому, — писал Ф. Энгельс, — приходится учиться, как и всему прочему» [1].

Основные законы диалектики дополняются и конкретизируются в ее парных категориях, выполняющих методологическую функцию в процессе военно-научного познания.

Глава XI

КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ КАК ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Содержание и форма

Одной из первоочередных задач познания того или иного предмета являются мысленное выделение процессов, которые он включает, выяснение его пространственных и временных границ, определение соответствующих рамок исследования. Среди категорий, составляющих логическую основу этого процесса, важное место принадлежит содержанию — совокупности внутренних взаимосвязанных процессов, сторон и свойств изучаемого объекта. С содержанием неразрывно связаны формы, в которых оно выступает. Форма есть присущая предметам сравнительно устойчивая связь их сторон и элементов, определяемая содержанием и вместе с ним придающая явлениям действительности определенное качество.

Зависимость формы от содержания не является однозначной. Одно и то же содержание может вылиться в разные формы, оказывающие, в свою очередь, большое влияние на содержание и ход событий. В военной области выбор формы в огромной степени зависит от субъективного фактора, от людей, и прежде всего от командных кадров. Как правило, объективная обстановка, содержание происходящих событий всегда позволяют командиру избрать соответствующую сложившимся условиям форму.

Основное содержание наступательного боя определяется замыслом старшего начальника, поставленной им задачей, соотношением сил сторон. При определении форм перехода в наступление, построения боевых порядков, характера маневра войск, работы с личным составом перед

боем, организации управления возможны различные решения. Однако выбор лучшего из них зависит прежде всего от командира. Дело в том, что в общественной жизни форма, с одной стороны, определяется содержанием, а с другой — в наибольшей мере испытывает воздействие субъекта, ибо является выражением деятельности людей, формой организации. Активное воздействие людей на ход боевых действий существенно зависит от выбора их форм деятельности. Именно в этой сфере творческие потенции субъекта способны как бы сливаться с активностью формы и через нее изменять содержание и направленность военных событий.

Хорошо известно, например, насколько велика роль боевых порядков в бою и их зависимость от вида боя, наличия сил и средств и ряда других причин. Однако в каждом конкретном случае перед командиром встает задача избрать соответствующий боевой порядок, то есть форму боевого построения войск, с учетом конкретной местности и условий данного боя. Только при этом возможно обеспечить наиболее полное и целесообразное использование имеющихся сил и средств. Неудачный выбор боевого порядка может привести к поражению.

Для решения такого рода задач командиру необходимо хорошо знать формы боевой и иной деятельности войск, встречающиеся наиболее часто и обладающие определенными общими характеристиками. Так, столкновение противников может принять форму встречного, наступательного или оборонительного боя, маневр войск — форму охвата или обхода и т. д. Описание типичных форм, обычно содержащееся в соответствующих уставах, наставлениях и военных трудах, является обобщением громадного военного опыта и дает возможность использовать то лучшее, что в нем имеется. Поскольку боевая обстановка бесконечно разнообразна и никогда не бывает простым повторением одинаковых ситуаций, то знание типичных форм военной деятельности должно применяться творчески.

Содержание и формы военной деятельности не остаются неизменными, они существенно меняются от эпохи к эпохе. Развитие производительных сил и общественных отношений, появление новых видов оружия и изменение качеств личного состава армий неизбежно вели к усложнению содержания военных действий. В далеком прошлом

они сводились к непосредственному столкновению людей, стремившихся уничтожить противника холодным оружием. Главной формой было сражение, исход которого зачастую решал судьбу войны. Совсем иную картину мы видим сегодня. Военные действия включают самые разнообразные процессы: передвижения больших масс людей и самой различной техники, работы по инженерному оборудованию местности и строительству сооружений военного назначения, нанесение ударов противнику современным мощным оружием, иногда с далеких расстояний, а также обычным оружием, включая оружие ближнего боя, уничтожение объектов на поле боя и в тылу противника, непосредственные столкновения вооруженных людей и т. д. Этому сложному и богатому содержанию соответствует многообразие форм военной деятельности. Стратегические операции на театре военных действий, операции групп фронтов, фронтовые и армейские операции различного назначения, боевые действия войск противовоздушной обороны страны, воздушные и морские операции, общевойсковой бой, воздушный и морской бои, многочисленные способы и приемы действий войск и сил в рамках операций и боев — таков далеко неполный перечень форм современных военных действий. Глубокое понимание сущности этих форм и тенденций их дальнейшего изменения расширяет кругозор офицера, открывает путь творческого решения боевых задач.

Еще большее практическое значение имеет изучение содержания и форм, присущих современному общевойсковому бою, в котором принимают участие подразделения, части и соединения различных родов войск и видов вооруженных сил, взаимодействующие между собой по цели, месту и времени. Коренное изменение претерпели такие элементы боя, как огонь, маневр и удар, стало иным соотношение между ними. Возрастание мобильности войск и мощи оружия обусловило маневренность боевых действий, в которых преимущественное значение будут иметь передвижения, марши, высокоподвижные формы боя, быстрые переходы от действий в боевых порядках к стремительному продвижению в колоннах, широкое применение маневра войсками и огнем. Знание этих и других особенностей содержания и формы современного боя помогает командиру правильно решать встающие перед ним в учебной и боевой обстановке задачи.

2. Целое и часть

Каждое явление войны и военного дела представляет собой нечто единое, целое, качественно отличное от остальной действительности. Если мы, к примеру, поставим перед собой задачу изучения второй мировой войны, то начнем с выделения ее как целостного, хотя и очень сложного явления мировой истории из всех остальных событий, с определения ее хронологических рамок, круга участников и т. д. Такой подход и находит выражение в категории целого.

Любое целое имеет сложный характер и состоит из частей, каждая из которых занимает в нем определенное место. Вторая мировая война включает в качестве своих составных частей военные кампании в Европе в 1939—1941 годах, Великую Отечественную войну Советского Союза, освободительную борьбу народных масс против фашистской оккупации, кампании англо-американских войск в Африке, открытие второго фронта в Европе, войну на океанских театрах, разгром империалистической Японии и др.

Целое и его части находятся в сложном взаимодействии, знание которого играет важную роль в познавательном процессе. Основное положение диалектики целого и части состоит в следующем: целое по своим основным характеристикам, по значению и роли, по заложенным в нем возможностям не тождественно сумме составляющих его частей. Оно обладает новым качеством, отсутствующим в частях и возникающим в результате их взаимодействия. Так, всемирно-историческое значение разгрома фашистской Германии и империалистической Японии, осуществленного совместными усилиями государств антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза, определяется не отдельными событиями и этапами этой войны, а всем ее содержанием, взятым в единстве и целостности.

Сказанное о соотношении целого и его частей относится и к другим военным явлениям любого масштаба. К примеру, каждая крупная стратегическая операция Великой Отечественной войны представляет собой определенную целостность, состоящую из многих частей: фронтовых и армейских операций, боев, подготовительных и обеспечивающих мероприятий, передвижений войск и т. п.

Вместе с тем операция в целом по сравнению со своими составными частями обладает иным качеством — она носит стратегический характер и оказывает существенное влияние на ход кампании и войны.

При решении военно-познавательных задач необходимо помнить: часть, в свою очередь, обладает относительной самостоятельностью, присущими ей качественными особенностями и может рассматриваться в качестве целого со своими составными частями, но уже меньшего масштаба. Таким образом, каждая часть оказывает определенное влияние на сущность целого и на его развитие. С одной стороны, любое явление военного дела надо изучать как целое, относительно самостоятельное и включающее ряд явлений меньшего масштаба. С другой — само оно есть часть большего явления, испытывает его влияние и на него воздействует. Данное положение можно подкрепить рядом примеров. Так, военная мощь государства складывается из следующих компонентов: вооруженные силы с их моральным духом, боевой подготовкой и техническим оснащением, стратегические резервы, уровень развития военной экономики и экономики в целом, военная наука, морально-политическая основа — господствующая в обществе идеология и др. В свою очередь, каждый из этих элементов содержит большое количество составных частей. Военная мощь страны — новое по сравнению с этими компонентами качество, рождающееся из их взаимодействия при определяющем влиянии общественного строя. В то же время военная мощь как целое немыслима без этих элементов, и слабость даже одного из них может резко отрицательно сказаться на военных возможностях государства. Так, наиболее слабым звеном военной мощи фашистской Германии был ее морально-политический потенциал, основанный на лжи, обмане и насилии по отношению к народным массам, что определялось реакционным, антинародным характером общественного строя.

Социализм дает возможность в условиях существования военной опасности со стороны империализма всесторонне укреплять военную мощь, усиливать экономический, научно-технический, морально-политический и военный потенциал. XXV съезд КПСС еще раз подчеркнул огромное значение этой деятельности для обеспечения мирных условий строительства коммунистического общества.

В принципе ту же связь целого и его частей можно

обнаружить при изучении боевых возможностей вооруженных сил. Как известно, в их состав входят части, соединения, объединения, руководящие и обеспечивающие учреждения, различные предприятия, научные учреждения и учебные заведения. Между ними устанавливается определенная система взаимосвязи отношений субординации и координации, что и делает вооруженные силы единым организмом, способным выполнять военные задачи того или иного масштаба. В этом организме каждая составная часть выполняет свойственную ей роль, вносит свой больший или меньший вклад в то качество, которое характеризует вооруженные силы в целом. Поэтому их укрепление, повышение их совокупной мощи невозможно без учета отдельных элементов. Каждый советский воин своим трудом, упорной учебой, отличным несением службы, высокой личной дисциплиной и заботой о соблюдении воинского режима в подразделении активно участвует в решении этой общей благородной задачи.

Современный общевойсковой бой — весьма сложное явление, включающее множество составных частей: деятельность командира и штаба, действия частей и подразделений, а также отдельных воинов, удары по противнику, отражение его ударов и многое другое. Бой складывается в зависимости от каждого из этих элементов и от их сочетания и взаимодействия. В условиях высокой маневренности войск и сил линии фронта в прежнем ее понимании в боевых действиях может и не быть. Обе стороны будут стремиться использовать для быстрого продвижения вперед не занятые войсками промежутки и бреши в боевом построении. При этом бой часто будет принимать очаговый характер, распадаться на отдельные боевые действия частей и подразделений, не связанных друг с другом локтевой связью. В этих условиях познавательная деятельность командира каждого подразделения и части, ведущих боевые действия относительно самостоятельно, в отрыве от других, резко усложнится. Он будет принимать решения и действовать, исходя из общей задачи, которую он должен хорошо знать, и из непрерывного анализа конкретной обстановки. В таких случаях особенно важен учет глубокой связи целого и его частей.

Диалектика целого и части четко проявляется в организации войск, в соотношении ее элементов. Современная дивизия — сложное структурное целое, состоящее из

многих частей, подразделений и служб. Каждый элемент этой структуры обусловлен требованиями, которые предъявляются к дивизии как к тактическому соединению, и выполняет определенные функции. Все это — необходимые звенья единой системы, именуемой дивизией. Однако дивизия не простая сумма этих компонентов. Она способна выполнять такие задачи, которые не под силу входящим в нее частям и подразделениям, если они будут действовать без единого руководства, разрозненно.

Новое качество целого в сравнении с обычной суммой его частей возникает благодаря структуре, представляющей способ сочетания и взаимосвязи компонентов, входящих в данное целое. В социальных процессах структура есть результат сознательной или стихийной организации, осуществляемой людьми. Значение структуры и организации как факторов изменения качества социальных явлений в экономической области К. Маркс показал на примере кооперации и мануфактуры. Уже простое объединение ремесленников в одной мастерской и соответствующая организация их труда вели к повышению его эффективности. Еще больший результат давала мануфактура с ее разделением труда.

В военно-научном познании изучение структуры военных процессов и поиск наиболее целесообразных форм организации играют исключительно большую роль. Это важный путь повышения боевой мощи вооруженных сил, частей, подразделений. Формы организации военной деятельности могут быть самыми разнообразными: структура частей и соединений; система подчиненности и взаимодействия различных звеньев войскового организма; система боевого обеспечения; организация боевых порядков и оперативных построений в ходе боевой деятельности; система связи и информации; организация боевой подготовки, изучения и обобщения опыта и т. д. Все эти стороны структуры и организации военного дела в совокупности создают стройную систему связей и отношений между всеми элементами вооруженных сил, делая их цельным и мощным организмом, предназначенным для выполнения военных задач.

Таким образом, каждое военное явление должно изучаться как определенная система составляющих его элементов, как единство взаимосвязанных и взаимодействующих предметов, процессов, отношений. Поскольку явле-

ния военного дела чрезвычайно изменчивы и подвижны, то в процессе их изучения не может быть шаблона. Сочетания, взаимосвязь, многогранные отношения элементов системы оказываются в каждом конкретном изучаемом явлении иными, чем в других случаях. Во всей истории войн нельзя обнаружить даже двух сражений или боев, которые были бы совершенно одинаковыми. Организуя бой, соответствующий военачальник будет, разумеется, опираться на общие принципы организации и ведения этой формы боевых действий. Вместе с тем на этой основе он будет досконально изучать конкретную обстановку — систему сложившихся в данном случае процессов в их взаимодействии. Мало того, он проанализирует возможные изменения этой системы и ее элементов. При этом главное внимание будет, несомненно, уделено активным действиям своих войск, направленным на изменение обстановки в нужную сторону.

С применением диалектики целого и части связан вопрос о движении познания от первых, сравнительно неглубоких представлений о целом к абстрактным знаниям о его отдельных сторонах и элементах и о восхождении от этих абстрактных положений к воспроизведению конкретного в мышлении, к глубокому познанию процесса как целого. Если, к примеру, мы впервые приступаем к изучению тактики, то первоначальное ознакомление с этим разделом военной науки позволит нам в основных чертах представить себе круг изучаемых ею вопросов и задач. Тактика предстанет перед нами как нечто целое, сложное и пока еще не очень понятное, схваченное лишь в самых общих контурах. Следующим этапом будет изучение отдельных разделов, вопросов и проблем тактики, ее составных элементов. Таким образом, от познания целого мы будем идти к познанию его частей. Абстрактное на первых порах знание отдельных вопросов тактики, ее составных частей должно быть сведено в стройную систему. Это позволит нам постичь тактику в целом, причем во всем богатстве ее внутреннего конкретного содержания.

Данное методологическое положение имеет большое значение для правильной организации обучения воинов тактическим знаниям и навыкам. Первое знакомство их с основами тактики может породить у некоторых из них ложное представление о простоте и легкости усвоения этого раздела науки. Задача командира, преподавателя за-

ключается в том, чтобы сравнительно неглубокие представления, полученные уже в ходе первых занятий, непрерывно углублять на каждом последующем этапе, раскрывать необозримые возможности тактического творчества и совершенствования.

3. Сущность и явление

В процессе познания различные элементы содержания изучаемого процесса, равно как и разные стороны его структурных отношений, имеют неодинаковое значение в его развитии. Одни из них выступают в роли внутренней определяющей основы, другие составляют внешнюю сторону предмета, воспринимаемую с помощью органов чувств — непосредственно или с использованием приборов. Познание этих двух сторон действительности находит свое выражение в самом общем виде в категориях сущности и явления. Сущность никогда не лежит на поверхности явления — ее надо исследовать средствами мышления. В этом состоит задача научного познания. Только раскрытие сущности позволяет выяснить место данного явления в ряду других, его значение для человека и влияние на другие процессы. Познание существенных тенденций лежит в основе научного предвидения и успешной практической деятельности.

Целеустремленная деятельность военных кадров возможна только при опоре на понимание объективной взаимосвязи сущности и явления, которая определяет ряд важных требований к военно-научному познанию. Главная сторона этой взаимосвязи состоит в том, что сущность является, явление существенно. Поскольку сущность скрыта за ее внешними проявлениями, то единственным путем ее познания выступает изучение явлений.

На поле боя одна из важнейших задач командира — выяснить сущность намерений, замыслов противника. Однако в бою далеко не всегда удается получить соответствующий материал, дающий возможность более или менее прямо, например путем захвата штабной карты или через хорошо информированного пленного или перебежчика, решить эту задачу. Да и в этих случаях требуется проверка и перепроверка полученных сведений. Чаще всего перед командиром стоит задача сделать выводы о про-

тивнике на основе множества разнообразных, подчас противоречивых данных, полученных в результате наблюдения и анализа происходящих явлений. Передвижения у противника, виды выполняемых его подразделениями работ, перехват радиопереговоров, материалы допросов пленных, изменения в распорядке дня и в поведении подразделений, изменения в боевой активности, смена частей перед фронтом и многое другое — все должно быть принято во внимание, тщательно взвешено и сопоставлено. При этом речь идет не о пассивном наблюдении фактов, а об их активном поиске, осуществляемом под направляющим воздействием командирской воли разведывательными подразделениями и всеми войсками.

При изучении противника командир сталкивается с огромным количеством явлений. Из них необходимо выделить наиболее важные, в которых содержатся существенные моменты характеристики обстановки. Порой второстепенное явление может натолкнуть командира на важные открытия. Так, в ходе тщательного наблюдения за переправой в тылу противника на одном из участков фронта в период Великой Отечественной войны было замечено, что переправу осматривала группа офицеров, в составе которой были танкисты. Этот факт навел командира на мысль: противник готовит наступление с участием танковых войск. Разумеется, данное гипотетическое предположение требовало проверки. Командование соединения и вышестоящий штаб приняли соответствующие разведывательные меры, в результате которых было установлено прибытие на этот участок танковых подкреплений. В процессе целеустремленной разведки были замечены и другие явления, свидетельствовавшие о подготовке наступления. Так, своевременно подмеченное, казалось бы, не очень значительное явление легло в основу важных выводов.

Командир должен глубоко знать и состояние своих войск, чтобы наиболее целесообразно организовать их действия, использовать людей в соответствии с их возможностями и способностями. И в этом случае он будет изучать проявления знаний, навыков, способностей подчиненных, их поведение в различных условиях, их настроения и т. п. Опытный командир иногда по незначительным, казалось бы, фактам может судить о состоянии духа людей. Поэтому не только командиры частей и подразделений, но и

крупные военачальники стремятся непосредственно общаться с личным составом.

В процессе военно-научного познания и практического решения боевых задач очень важно изучать и учитывать явления в их совокупности, в возможно большем их богатстве. Такой подход обеспечит глубину проникновения в сущность и наибольшую достоверность выводов. Каждый командир знает, что нельзя принимать ответственные решения по отдельным отрывочным и непроверенным данным об обстановке — это может привести к серьезным просчетам.

В своей организаторской работе командир исходит из сущности боевой задачи и отдельных видов боевой деятельности и в этом плане направляет действия подчиненных. Так, управление войсками по своей сущности есть постоянное руководство частями и подразделениями, целеустремленное воздействие на них, организация и направление их деятельности на выполнение поставленных боевых задач. Оно проявляется прежде всего в принятии решений, в отдаче распоряжений, приказов и приказаний, в получении и обработке информации от подразделений и частей, в непрерывной работе штаба и командира, иначе говоря, во множестве конкретных явлений, затрагивающих деятельность всех звеньев войскового организма. Организация управления требует учета всех этих явлений и прежде всего четкой и бесперебойной работы средств связи.

Сущность не лежит на поверхности процессов. Больше того, отдельные явления, взятые без достаточно полного учета их связи с другими и с общей обстановкой, могут породить ошибочное представление о сущности и привести к неверным выводам. На этой стороне диалектики сущности и явления основано в боевой обстановке использование дезинформации противника, проведение демонстрационных действий и различных мероприятий по маскировке. Так, чтобы отвлечь внимание противника от направления главного удара, в наступательном бою могут быть предусмотрены действия сравнительно небольших сил на других направлениях. В этих случаях ставка делается на трудность различения существенных и менее существенных явлений.

В целях обмана противника используется шумовая имитация движения крупных танковых колонн на подхо-

дах к фронту, ложная активизация радиосвязи и т. п. В достаточно полном комплексе эти явления могут привести противника к ложным выводам. В тех же целях в боевых действиях широко применяется устройство разного рода ложных позиций и максимальное укрытие действительного расположения войск.

Следует помнить, что сущность многогранна и в различных условиях практической деятельности решающую роль приобретает то одна, то другая ее сторона, грань. Так, в наступательном бою наиболее существенным свойством танка является его подвижность и способность вести огонь с ходу. Однако если в обороне танк закапывается в землю и превращается в неподвижную огневую точку, самым важным показателем его сущности выступает уже мощность его оружия.

Раскрыть сущность современного общевойскового боя — это значит не только дать его краткое определение, но и охарактеризовать средства его ведения (ракеты, тактическая авиация, артиллерия, танки, средства ПВО, стрелковое оружие и др.), а также раскрыть его существенные черты: применение разнообразных средств поражения, решительность, быстрые и резкие изменения обстановки, маневренность, очаговый характер борьбы, большой пространственный размах. Только при таком всестороннем подходе сущность боя будет выяснена более или менее полно и командир получит представление о явлениях, в которых эта сущность проявится в конкретных боевых действиях.

Не менее важно в военно-научном познании учитывать изменчивость явлений и относительную устойчивость сущности. За время боя происходит и сменяет друг друга бесчисленное количество явлений, которые в совокупности выражают сущность данного боя. Разумеется, сущность не является абсолютно постоянной, однако ее изменения происходят гораздо медленнее, чем смена явлений. Так, современный общевойсковой бой существенно отличается от боя периода второй мировой войны: возросла его глубина, сложность, он стал более маневренным, динамичным и напряженным.

Отдельные стороны сущности могут изменяться уже в процессе развития самого изучаемого события. Так, война несправедливая может при определенных условиях превратиться в справедливую, и наоборот. Встречный бой,

как правило, перерастает либо в наступательные, либо в оборонительные действия. Для командира необычайно важно уловить момент таких существенных изменений, чтобы принять правильное решение о дальнейших действиях. Образно говоря, он должен держать руку на «пульсе боя», своевременно подмечать нарастание новых явлений, как бы сигнализирующих о возможности изменения сущности происходящих событий.

Изучение явлений военной деятельности дает возможность раскрыть объективные тенденции их развития. К таковым, в частности, можно отнести дальнейшее увеличение глубины боя, темпов продвижения войск в наступлении, быстроту изменений обстановки, возрастание сложности управления войсками. Вскрытие этих тенденций дает возможность четко выявить требования, предъявляемые к подготовке личного состава войск, и особенно к знаниям, организаторским способностям и военному искусству командного состава. Познание сущности будущей войны и военных действий в ней является непосредственной теоретической основой подготовки офицеров и всего личного состава Советских Вооруженных Сил.

4. Общее, особенное, единичное

Важные ступеньки познавательного процесса составляют категории общего, особенного, единичного. Их применение в военно-научном познании дает возможность вскрыть повторяемость в развитии военного дела и развертывании военных событий и вплотную подводит к познанию законов войны.

Названные категории отражают существенную сторону материального единства мира и универсальной связи его элементов. Мир един, и в то же время он состоит из бесконечного множества отдельных вещей, явлений и процессов. В каждом отдельном явлении имеются такие черты, стороны и свойства, которые составляют особенность целой группы подобных предметов и явлений, и есть общие для всех предметов данного класса особенности. В отдельном всегда есть общее, особенное и вместе с тем единичное. В своей совокупности они и характеризуют только конкретный предмет, данный процесс и составляют его индивидуальную, неповторимую характеристику. Данное единство общего, особенного и единичного в каждом от-

дельном предмете и находит свое выражение в рассматриваемых категориях.

В процессе военно-научного анализа мы имеем дело прежде всего с отдельными явлениями войны и военного дела, которые различаются, выделяются из общей связи. Выясняя их сущность, внутреннюю структуру и отношения к другим предметам, мы находим в них общие, повторяющиеся черты и приходим к познанию закономерностей. Познание общего ведет к познанию закона. Например, изучение боевых действий в различных войнах и разных условиях обстановки показывает, что всем им присуща определенная связь между характером применяемой боевой техники и способами ведения боя. Холодное оружие требовало сближения и непосредственного столкновения отрядов вооруженных людей. Луки, арбалеты, первые виды огнестрельного оружия позволяли уже наносить урон противнику с некоторого расстояния. Изобретение ружей, из которых можно было вести прицельный огонь, породило рассыпной строй и стрелковую цепь. Зависимость тактики от техники является общей чертой для всех боевых действий и, поскольку она носит существенный характер, представляет собой закономерность боевых действий и развития военного дела.

Знание общего помогает познанию конкретных явлений. Так, если общей чертой современного общевойскового боя является широкое применение маневра, связанное с характером используемого оружия и боевой техники, то при организации боевых действий следует исходить из этой его особенности. В определении существенных черт возможной будущей войны большую роль играет знание законов возникновения и хода войн, применяемое к анализу современной политической обстановки и средств ведения войны. Общие положения о войнах при этом наполняются конкретным содержанием, дополняются характеристикой особенных и единичных черт будущей войны.

Диалектика общего, особенного и единичного служит методологическим ключом к решению очень важного для военной теории и практики вопроса о возможности использования военного опыта прошлых войн в подготовке вооруженных сил и организации военных действий. Мера этой возможности определяется наличием общего в характере и политическом содержании войн, в технике и оружии, в способах и формах ведения военных действий.

Так, Великая Отечественная война остается и сейчас сокровищницей военного опыта, который надо изучать и разумно использовать в подготовке Советских Вооруженных Сил. Это объясняется тем, что современная война, если ее развяжут империалисты, будет по своему социально-политическому характеру иметь немало общего с Великой Отечественной войной и потребует такой же мобилизации материальных и духовных сил народа, как и прошлая война. Немало общего будет в деятельности КПСС и советского народа по переводу народного хозяйства и всей жизни страны с мирного на военный лад, в организации экономического обеспечения ведения войны и в боевой деятельности вооруженных сил. Изучение операций и боев Великой Отечественной войны и сейчас обогащает военные кадры.

Нельзя отрицать значение военного опыта прошлого и пытаться строить деятельность военных кадров без его учета. Однако столь же вредно копировать старый опыт в новых условиях, не принимая во внимание того особенного и единичного, что характерно для каждого этапа развития военного дела. Ведь каждая война, любая операция и бой отличаются именно своими особенностями и единичными чертами, которые делают недопустимым простое и бездумное перенесение всего старого опыта в наше время.

Это методологическое требование надо иметь в виду и при оценке современной буржуазной военной науки, а также опыта локальных войн. В военных действиях империалистических армий в несправедливых войнах и в операциях социалистических армий при ведении справедливых войн есть немало общего, которое определяется действием общих законов войны и некоторых принципов военного искусства. Общие черты касаются главным образом военно-технической стороны и связаны с применением более или менее одинакового оружия и техники. Буржуазная военная наука под влиянием требований практики дает немало ценного материала в решении проблем ведения военных действий. Вместе с тем надо учитывать особенности действий социалистических армий. К ним относятся проявления массового героизма и стремления личного состава как можно лучше выполнить свой долг, сознательное отношение массы воинов к службе и проявление инициативы, опора социалистической армии на ре-

волюционные силы, поднимающиеся в ходе войны на борьбу против империализма. Все эти особенности находят свое отражение в военной науке социалистических государств.

Методологическое значение категорий общего, особенного, единичного ярко видно и на примере изучения характера современных операций. Подход к решению этой задачи определяется нашими знаниями об операциях прошлых войн. Их анализ, дополняемый исследованием изменений в политической обстановке, в оружии, технике и людях, дает возможность выяснить и перенести, или, как говорят, экстраполировать, на операции будущей войны некоторые общие черты операций прошлых войн, и особенно операций фронтов и групп фронтов Великой Отечественной войны, — огромный пространственный размах, применение больших масс современной техники, глубокое оперативное построение войск, сложность организации взаимодействия, обеспечения и т. д.

В то же время важно учитывать, что эти общие черты проявятся в современных операциях по-иному, так как произошли существенные изменения в оружии и технике, в политической обстановке и стратегических целях, в расстановке сил на мировой арене.

Таким образом, общее знание о характере операций, об их подготовке и ведении, почерпнутое из анализа операций в прошлых войнах, дает возможность представить некоторые существенные черты операций будущей войны. В то же время военная практика мирного времени (опыт подготовки вооруженных сил, учения, испытания оружия и техники) и опыт локальных войн, систематизированные с позиций научного мировоззрения, дополняют это общее знание конкретным материалом и вносят в него соответствующие коррективы.

Теория современного боя — это общее систематизированное знание о характере, особенностях, существенных чертах и организации этой формы военных действий, почерпнутое в конечном счете из военной истории и из современной практики и обобщенное на основе нашего научного мировоззрения. Применение этой теории на практике в каждом конкретном случае потребует всестороннего изучения и учета условий обстановки, особенностей поставленной задачи, а значит, наполнения абстрактных

теоретических положений живым материалом действительности.

Военная наука и ее важнейшая составная часть — военное искусство могут развиваться благодаря тому, что в бесконечно разнообразных боевых действиях есть общие, повторяющиеся черты, стороны, связи. Во время Великой Отечественной войны наши Вооруженные Силы провели огромное количество боев: наступательных, оборонительных, встречных. Они велись в самых различных условиях, на разной местности, различными силами, при неодинаковом соотношении сил. И тем не менее все они были боями, то есть обладали рядом существенных признаков, характерных для боя, и этим отличались от операций, кампаний и других форм боевой деятельности. Военная теория обращает основное внимание на общее, стремясь раскрыть закономерности развития военного дела, объективные тенденции изменений в ведении войны и военных действий. В то же время наша военная теория предостерегает от шаблона и требует творческого применения общих положений в соответствии с диалектикой общего, особенного и единичного.

Взаимосвязь этих категорий имеет большое значение при разработке уставов и наставлений, являющихся концентрированным выражением военных знаний и военного опыта. То общее, что присуще военным действиям, излагается в общих основах боя и операции. Особенное получает выражение в характеристике специфических форм и способов ведения военных действий в различных условиях местности, с применением различных видов оружия. Уставы и наставления, действующие в Советских Вооруженных Силах, требуют от командных кадров всестороннего анализа единичного в каждой операции и в каждом бою, учета конкретной обстановки во всем богатстве ее определений.

Диалектика общего, особенного и единичного дает важную методологическую установку для строительства вооруженных сил в различных социалистических странах и для организации их совместной боевой деятельности. Опыт Советского Союза в военной области в наибольшей мере воплощает общие закономерности строительства социалистических армий: руководство марксистско-ленинской партии, применение научной методологии при решении военных проблем, классовый подход, нерушимое един-

ство армии и народа, верность интернациональному долгу и др. Вместе с тем каждая из социалистических армий строится с учетом условий своей страны и, следовательно, обладает особенными и единичными признаками, проявляющимися в организации, в формах и методах обучения и воспитания личного состава и т. п.

5. Причина и следствие

В научном познании играет большую роль раскрытие причинно-следственных связей. Давно уже подмечено, что каждое конкретное явление порождается другими, предшествующими ему во времени, и, в свою очередь, каждое возникшее явление порождает новые. Эта связь и нашла свое общее выражение в категориях причины и следствия. Марксисты рассматривают причинно-следственную связь как одну из форм универсальной взаимосвязи объективного мира, познание которой необходимо для создания любой научной теории и для успешной человеческой практики.

Причинно-следственная связь носит объективный характер. «...Причинная зависимость»,— писал В. И. Ленин,— *содержится* «в самих вещах» [1]. Она универсальна, охватывает все материальные и духовные явления, и только материальный мир, взятый в целом, является причиной самого себя и не имеет каких-либо предшествующих ему причин.

В процессе военно-научного познания и военной практики вопрос о причинах и следствиях ставится и решается постоянно, в любых больших и малых делах. В этом смысле категории причины и следствия — постоянный спутник нашей мыслительной деятельности и ее испытанное средство. В анализе побед и поражений, при раскрытии замыслов противника и в обосновании своих решений, в подготовке войск и в борьбе за высокую воинскую дисциплину — всегда и везде на первое место выдвигается вопрос «почему», ответ на который требует изучения причин и следствий.

В сложных военных процессах почти всегда можно столкнуться со значительным количеством причин одного и того же явления. Их действие складывается, суммиру-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 162.

ется в ходе процесса, одни причинно-следственные связи переплетаются с другими, создавая весьма сложную картину события, а вместе с тем затрудняя их анализ. Возьмем такой вопрос, как причины победы или поражения в бою. В самой общей, абстрактной форме можно говорить о том, что решающее значение имеет зависимость хода и исхода боя от соотношения сил своих войск и противника на поле сражения. Однако сама эта причина требует раскрытия, так как она заключает в себе действие многих факторов. Более сильной может оказаться сторона, имеющая меньшее количество войск и техники. Сила на поле боя определяется такими причинами, как мощь техники и оружия, воинская подготовка и моральный дух личного состава, искусство командира, его способность использовать наиболее подходящие для данной обстановки боевые порядки, найти слабые места противника, воодушевить людей, умело управлять боем и т. д. В этом смысл суворовского положения «воюют не числом, а уменьем». Значит, при подготовке боя надо не просто учесть возможность влияния всех этих причин на ход боевых действий, а активно формировать, наращивать силу своих войск по всем названным направлениям.

В боевых действиях одна или несколько причин могут стать решающими для перелома хода боя к победе или, наоборот, к неудаче. Значит, подготовка боя должна быть всесторонней, ничего сколько-нибудь важного нельзя упустить из виду. С другой стороны, когда бой начался, необходимо видеть, какая из причин, определяющих ход событий, приобретает решающее значение, чтобы соответствующими мерами усилить ее положительное или нейтрализовать отрицательное влияние.

В познании военных процессов и в боевой практике приходится учитывать сложное взаимодействие объективных и субъективных причин, возможность активного воздействия сознания и воли командира, моральных качеств личного состава на боевые действия. Разрабатывая план предстоящего боя, командир будет исходить прежде всего из объективных обстоятельств — соотношения сил сторон, наличия оружия и техники, подготовки личного состава, условий местности, погоды и пр. Однако даже благоприятные объективные обстоятельства сами по себе не гарантируют победы. Причиной поражения могут стать недостаточно продуманное решение, неумение хотя бы в об-

щих чертах понять замысел противника, нарушение управления боем и т. п. Роль военного искусства остается значительной, а во многом решающей и в современных боевых действиях, в условиях применения мощного оружия и сложнейшей техники. Непрерывное совершенствование военного искусства офицерских кадров — один из важных путей повышения боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

На проявление причинно-следственных связей в боевой обстановке оказывает весьма существенное влияние двусторонний характер вооруженной борьбы. Действия противника выступают в качестве причины, в значительной степени определяющей поведение другой стороны. При организации боевых действий наступательного и оборонительного характера весьма важно определить возможные варианты действий противника, направлений его атак или контратак, использования им резервов, различных видов и родов войск.

Изучая всю совокупность причин и следствий в боевой деятельности, надо иметь в виду не только военно-технические, но и социально-политические причины. Политическое содержание пронизывает задачу и замысел каждого боя, все действия каждого подразделения и воина. Социально-политические факторы в бою всего нагляднее проявляются в морально-политическом состоянии и настроении личного состава, в отношении воинов к выполнению боевых задач. Вместе с тем нередко сама целесообразность данного боя, решительность поставленных целей, необходимость захвата (или обороны) того или иного объекта, выбор направления главного удара определяются более или менее непосредственно политическими причинами. Это обстоятельство предопределяет необходимость высокой политической подготовки офицера, его способности хорошо видеть место и роль своей деятельности в решении политических задач данной войны. Каждый советский воин должен глубоко понимать причины современных войн и их политическую сущность.

Вопрос о причинах войн крайне запутан и извращен буржуазными идеологами. В этом нет ничего удивительного, если учесть его прямую связь с интересами монополистической буржуазии. Многочисленные буржуазные теории, пытающиеся объяснить причины войн, ставят своей главной задачей обелить капитализм, снять с него вину

за развязывание войн и связанные с ними бедствия и лишения, испытываемые трудящимися, и доказать, что войны являются вечным спутником человечества. Буржуазные идеологи видят причины войн в инстинктах человека, в его психологических качествах, в чрезмерном росте народонаселения, в географических условиях жизни, в борьбе идеологий и даже в развитии науки и техники.

Все эти теории умышленно уводят в сторону от познания действительных причин войн. Они берут за основу и абсолютизируют второстепенные, малозначительные либо просто надуманные причины. Современные буржуазные концепции войны носят апологетический характер, служат делу защиты и оправдания капитализма и агрессивной политики империалистических государств.

Анализируя причины конкретных войн, буржуазные идеологи часто делают упор на действия отдельных личностей. Во многих случаях за причину войны выдается повод, то есть событие, которое привело в движение действительные причины войны (например, убийство в Сараево в 1914 году). Иногда агрессоры сами фабрикуют предлог для развязывания войны, как это сделали гитлеровцы, организовав провокацию в Глейвице.

С точки зрения материалистической диалектики самые глубокие корни явления, его первичные причины надо искать в материальных процессах. Войны закономерно связаны с формациями, в основе которых лежат антагонистические способы производства, — с рабовладением, феодализмом и капитализмом. Источником войн в современных условиях является империализм с его ненасытным стремлением к максимальным прибылям, к эксплуатации и ограблению народных масс не только своей, но и других стран. Гигантские прибыли, получаемые монополиями империалистических держав в результате безудержной гонки вооружений и ведения грабительских войн,— вот где в конечном счете лежат корни агрессивной политики империализма, корни международной напряженности и военной опасности.

Эти экономические причины реализуются через политику государств, которая выступает непосредственной причиной войны. Поэтому марксистский анализ войны по своей сущности носит политический характер. Непосредственные причины современных войн кроются в политике империалистических держав и проимпериалистических кру-

гов, стоящих у власти в ряде государств (например, в Израиле), а также в националистической, шовинистской политике тех политических группировок, которые на словах выступают за революционное переустройство мира, а на деле помогают агрессорам, ослабляя единство сил мира и прогресса.

Разумеется, познание причин той или иной конкретной войны не простое дело. Марксистско-ленинское учение о войнах указывает путь такого познания, но в каждом случае требуется всесторонний анализ объективных и субъективных обстоятельств, сложное взаимодействие которых привело к возникновению войны.

С точки зрения диалектического материализма беспричинных явлений не бывает. Следовательно, задача познания причинно-следственных связей относится ко всем без исключения сторонам и процессам военной деятельности — развитию военной науки и военного искусства, воспитанию личного состава, боевой подготовке, вопросам обеспечения войск и т. д. Важно постоянно иметь в виду многообразие причин, необходимость выделять в каждом конкретном случае главные из них, видеть коренные причины всех военных явлений в материальной основе общественной жизни.

6. Необходимость и случайность

Внимание военных деятелей давно уже привлекал вопрос о месте случайностей в войнах. Буржуазные военные теоретики нередко рассматривали войну как сферу господства случайных событий. Клаузевиц писал: «Война — область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий» [1]. Такого рода высказывания можно встретить и в работах современных буржуазных авторов.

В соответствии с утверждениями основателей марксизма-ленинизма о соотношении необходимости и случайности все социальные процессы развиваются по объективным законам. Следовательно, и в таком явлении, как вой-

---

[1] Клаузевиц К. О войне, т. 1. Изд. 3-е. М., 1936, с. 79.

на, проявляется историческая необходимость, то есть объективная направленность, закономерный порядок развития событий. Историческая необходимость в основном, в главном совпадает с направлением общественного прогресса. «Развитие стран социализма, рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики — вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества» [1].

В выяснении необходимого хода конкретной войны решающее значение имеет познание ее сущности, роли в прогрессивном развитии, определение боевой мощи стран или коалиций, непосредственно участвующих в войне, равно как и расстановки политических и экономических сил на международной арене. Возьмем такой теоретический пример: в условиях современной войны, если ее развяжут империалисты, победа социализма станет исторической необходимостью. Мы исходим в решении этого вопроса из преимуществ и потенциальных возможностей социального строя, из справедливых целей войн социализма, выражающих глубокие интересы трудящихся всего мира, из передового характера советской военной науки, способной познавать законы войны и опираться на них в военной деятельности.

Однако необходимость не носит фатального характера. Познание исторической необходимости нашей победы над империалистическими агрессорами не означает, что победа придет автоматически, без напряженной борьбы. Сами прогрессивные силы современного общества своей борьбой против реакции, созидательной деятельностью утверждают необходимые условия для победы. Познание необходимости способствует мобилизации и правильному использованию сил и средств в борьбе за победу.

В боевой обстановке в результате совокупного действия законов войны складывается в каждом конкретном случае определенная объективная направленность событий. В этих условиях необходимость хода боя зависит от многих факторов — оружия и техники, военной подготовки и морально-политических качеств личного состава противоборствующих войск, искусства их командиров, правильности решений старших начальников. Воздействуя на эти слагаемые победы, формируя их в нужном направ-

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 27.

лении, можно активно воздействовать и на проявляющуюся в боевой обстановке необходимость, которая при этом никогда не выступает в чистом виде. Она всегда осуществляется через случайности и дополняется ими. Под случайностями марксисты понимают определенные связи между явлениями, непосредственно не вытекающие из сущности данного процесса и необязательные для его развития. Случайность — это вероятностное воздействие явлений друг на друга: оно может быть, а может и не быть, произойдет именно так, но может осуществиться иначе.

Случайности теснейшим образом связаны с необходимостью и составляют «только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью» [1]. Случайность есть форма проявления и дополнения необходимости, которая, по выражению Ф. Энгельса, прокладывает себе дорогу сквозь толпу случайностей, причем в каждой из них проявляется конкретная сторона, черточка, момент необходимости.

Военно-научное познание включает в себя в качестве важного элемента изучение необходимости и случайности в их взаимозависимости. Такого рода закономерность обусловливается двумя причинами. Во-первых, случайностям в войне действительно принадлежит немаловажное место. В сложном переплетении самых различных процессов в условиях боевой обстановки случайности достаточно часты. Объясняется это тем, что на войне сталкиваются противоположно направленные силы, каждая из которых стремится повернуть ход событий в свою пользу.

Во-вторых, познание необходимости и случайности в военном деле крайне необходимо ввиду их воздействия на практику. Усиление значения случайностей в современных боевых действиях повышает требования к воинскому мастерству всего личного состава, к организаторским способностям и искусству командных кадров. Успешно противостоять многочисленным неблагоприятным случайностям и максимально использовать благоприятные могут войска, воодушевленные справедливыми целями войны, спаянные твердой сознательной дисциплиной, отлично подготовленные в военном и техническом отношениях, способные к стремительному маневру, к смелым реши-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 174.

тельным действиям и руководимые мужественными и знающими свое дело военачальниками.

Как известно, военачальник регулирует, налаживает механизм боевой деятельности войск в соответствии со своим пониманием необходимости. Врываясь в этот отлаженный механизм, случайности могут привести к нарушению боевой организации, к возрастанию стихийного, неконтролируемого элемента. Все это, в свою очередь, может повлечь ослабление или потерю контроля над ходом боя, повести к утрате инициативы и к другим отрицательным последствиям. Сказанное относится не только к случайностям внешнего порядка, не вытекающим из внутреннего содержания боевой деятельности и привносимым внешними ее условиями (изменения метеорологических условий, влияющих на боевые действия войск), но и к тем случайностям, в которых проявляются закономерности войны (выход из строя командира, утрата важного боевого документа, нарушение связи в ответственный момент боя и т. п.).

Конечно, в боевой деятельности и в военно-научном познании необходимо учитывать и возможность благоприятных случайностей. Однако делать ставку только на них нельзя.

Воздействие неблагоприятных случайностей можно уменьшить с помощью лучшей подготовки войск и целесообразной организации боевых действий. Следовательно, для выполнения боевой задачи необходимо обеспечить такую подготовку личного состава и организацию боевой деятельности, которую не могли бы существенно нарушить неблагоприятные случайности.

Решение этой задачи достигается отличной всесторонней подготовкой командных кадров. Искусство руководства войсками требует умения предвидеть ход событий, а для этого необходимо не только познавать необходимость, но понимать и учитывать характер возможных случайностей и предусматривать меры по нейтрализации их неблагоприятного влияния. Для такого предвидения требуется глубокое понимание современного боя, операции, войны. Необходима также упорная и настойчивая работа по морально-политическому и воинскому воспитанию личного состава, по обеспечению высокого мастерства каждого солдата и офицера. Важно постоянно совершенствовать организационную структуру войск, которая должна

обеспечить их боеспособность даже при сравнительно больших потерях и в сложной обстановке. В этом плане приобретают большое значение умелая организация управления войсками, четко налаженная работа штаба, система связи и спабжения войск и т. д. В центре внимания командира должны быть совершенствование военно-технической подготовки личного состава и постоянная боевая готовность людей, боевой техники и оружия.

7. Возможность и действительность

Диалектическая взаимосвязь этих двух категорий заключается в следующем: вначале возникает возможность становления нового явления как определенная тенденция и предпосылка его существования, в процессе развития эта возможность реализуется, превращается в действительность. Возможность представляет определенную тенденцию изменений данного предмета, ведущую к возникновению нового. Действительность — реализованная возможность.

В зависимости от особенностей каждой материальной системы и от внешних воздействий на нее возникает много различных и даже противоположных возможностей ее развития, но превращается в действительность лишь одна из них. В природе, не подвергающейся воздействию человека, этот процесс совершается в результате действия стихийных сил. В общественной жизни превращение возможности в действительность осуществляется в процессе практической деятельности людей.

Знание диалектики возможности и действительности нацеливает на изучение внутренних тенденций развития военного дела и военных событий, на познание скрытых в каждом явлении возможностей, осуществление которых соответствует интересам укрепления вооруженных сил и достижению победы в боевой обстановке. Познание возможностей обеспечивает выбор наиболее благоприятных из них и создание условий, исключающих превращение в действительность возможностей неблагоприятного характера.

Каждое государство располагает теми или иными возможностями для создания военной мощи — определенным уровнем развития экономики и культуры, людскими кон-

тингентами и т. п. Важнейшим условием их реализации является общественный строй. Социалистическое общество создает наиболее благоприятные условия для мобилизации материальных и духовных ресурсов для ведения справедливой войны против империалистических агрессоров. Экономическая структура социализма позволяет направить на дело победы имеющиеся в обществе материальные ресурсы, обеспечить в кратчайший срок перестройку всей экономики на военный лад. Социалистические общественные отношения представляют собой прочную базу для высокого морально-политического состояния народа и его вооруженных сил, для массового героизма на фронте и самоотверженного труда в тылу. В годы гражданской и Великой Отечественной войн руководство Коммунистической партии обеспечило использование этих возможностей для достижения победы над внутренней контрреволюцией, иностранными интервентами и фашистскими захватчиками.

Боевая обстановка всегда заключает в себе много возможностей. Одни из них носят реальный характер и при соответствующих усилиях вполне могут стать действительностью. Именно на них и должен ориентироваться командир. В бою существует немало и абстрактных возможностей, то есть таких, для реализации которых нет необходимых условий. Разумеется, на них нельзя опираться при принятии решений, но их следует иметь в виду на случай резких изменений обстановки, в результате которых абстрактная возможность может превратиться в реальную.

В каждом бою, как правило, можно обнаружить вытекающие из данной обстановки реальные возможности одержать победу или хотя бы, при отсутствии необходимых сил, избежать поражения. Отсюда вытекает ряд важных требований к военно-научному познанию и практической деятельности командира.

Во-первых, задача командира состоит в том, чтобы изучить конкретную обстановку с точки зрения скрытых в ней возможностей и оценить каждую из них в свете поставленной старшим начальником цели. В основе выявления реальных путей к победе лежат глубокое понимание законов и особенностей современных военных действий, всесторонний учет соотношения сил и возможностей своих войск.

Во-вторых, командир обязан выбрать для реализации ту возможность, которая обеспечивает победу с наименьшими потерями и в то же время обещает максимальный результат. Намеченный план боя должен осуществляться со всей настойчивостью, но с учетом изменений обстановки в ходе боевых действий.

В-третьих, задача командира состоит в том, чтобы претворить в действительность избранный им вариант действий, иначе говоря, организовать бой и управлять им. С точки зрения рассматриваемых категорий это значит создавать все необходимые условия для реализации избранной возможности и в то же время активно формировать новые.

Выполнение этих задач требует большой организаторской и воспитательной работы, принятия правильных решений и настойчивой борьбы за их осуществление.

В ходе военно-научного познания при решении конкретных вопросов военной теории и практики применяется вся система категорий, причем исследователь редко задумывается над тем, какую категорию, в каком случае и в каком порядке следует применить в тот или иной момент. Практически категории диалектики применяются в их единстве и взаимосвязи, причем порядок выделения и изучения той или иной категориальной связи в исследуемом процессе определяется внутренней объективной логикой, системой взаимосвязей самого изучаемого предмета. Решающим всегда остается принцип диалектического подхода, проникновения в объективные процессы войны и военных действий с помощью такого мощного средства познания, как материалистическая диалектика с ее категориями и законами.

Глава XII

СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

1. Формальная логика и ее соотношение с логикой диалектической

Необходимой предпосылкой истинного военно-научного познания как в ходе практической деятельности, так и в развитии военной теории является правильное, стройное логическое мышление. Таковым оно становится при соблюдении всех требований и правил логического построения мысли, вытекающих прежде всего из законов логики. Последние лежат в основе всех операций с понятиями, суждениями, составляют формально-логическую базу правильного построения умозаключения, всего процесса наших рассуждений об исследуемых явлениях. Соблюдение требований формальной логики [1] обеспечивает правильность, то есть определенность и ясность, последовательность, непротиворечивость и обоснованность мышления. Не случайно, когда кто-либо неясно, путано высказывает свои суждения, противоречит самому себе, о нем говорят как о человеке, в мышлении которого нет логики.

Построение мысли при выведении нового знания, связи между ее различными структурными элементами со-

[1] В данном случае под формальной логикой мы понимаем традиционную, классическую логику. Математическая логика, возникшая в прошлом столетии на ее базе, превратилась в специальную, не философскую область знания. Применяя математические методы и специальный аппарат языка символов и формул, она изучает логическое мышление посредством его отображения в формально-логических исчислениях. Математическая логика широко применяется в кибернетике, являясь ее теоретическим фундаментом. Она служит важным инструментом военного прогнозирования.

ставляют предмет формальной логики. Кратко формальную логику определяют как науку о законах, формах и способах правильного мышления. Следовательно, логика имеет дело с мыслительными процессами, но в отличие от других наук, например психологии, она изучает мышление как средство познания реальной действительности. Ее главная задача состоит в изучении форм, приемов и способов мышления, в выяснении требований, вытекающих из логических законов, обеспечивающих правильность связи элементов мысли в процессе выведения одного суждения из других, ранее образованных. Она учит человека сознательно применять логические законы и формы в интересах достижения правильности мышления как одного из необходимых условий истинного познания объективного мира.

Логическая правильность мышления, его соответствие законам и требованиям формальной логики являются необходимым условием получения истинного знания. Каковы бы ни были задачи познания и какими бы средствами и методами мы ни пользовались для их решения, необходимо, чтобы мышление было определенное, последовательное, непротиворечивое и доказательное (обоснованное). Все перечисленные существенные черты правильного мышления имеют объективные основания в самой реальной действительности, ибо они отражают ее определенные коренные свойства.

Все реально существующие вещи и явления, составляющие предмет наших мыслей, обладают свойством определенности, иначе они не отличались бы от других объектов. Например, качественные и количественные характеристики (тактико-технические данные) одного типа танка позволяют отличать его от других типов.

Сказанное правомерно и в отношении таких явлений, как данная конкретная война (первая мировая война и вторая мировая война), операция (Белорусская операция 1944 года и Львовско-Сандомирская операция того же года), сражение, бой. Поскольку все предметы процесса имеют только им присущую качественную и количественную определенность, постольку и наше мышление о них должно быть определенным.

В связи с тем что предмет мысли есть вполне конкретный, определенный реальный предмет (вещь, явление), то и свойства, принадлежащие ему **в данный момент вре-**

мени, не могут одновременно не принадлежать ему. Иначе этот предмет не был бы тем, чем он есть на самом деле. Например, в Луцко-Ровенской операции (январь — февраль 1944 года) 13-я армия наносила по противнику два удара на разобщенных направлениях: один — главный, второй — вспомогательный. Ошибкой было бы одновременно утверждать, что в той же самой операции 13-я армия не наносила двух ударов. Она не могла одновременно и наносить и не наносить два удара. Коль скоро одному и тому же предмету или явлению в одно и то же время не может и принадлежать и не принадлежать какое-то конкретное свойство, то и наше мышление об этом предмете или явлении должно быть непротиворечивым и последовательным.

Предметы и явления действительности или отдельные их свойства всегда обусловлены конкретными обстоятельствами, наличие которых и сделало необходимым их появление и существование. Отсюда вытекает такое требование к правильному мышлению, как его обоснованность, доказательность. Очевидно, мысль о том, что в Луцко-Ровенской операции 13-й армией наносилось два удара по противнику, будет обоснованной, если мы при этом сошлемся на известное решение командарма, соответствующее сложившейся обстановке, и на конкретные действия войск во исполнение данного решения.

В результате того что определенность и взаимообусловленность предметов и явлений объективной действительности, принадлежность или непринадлежность им таких-то свойств в одно и то же время человечество многократно отражало в своем сознании, эти черты действительности закрепились в виде принципов и требований правильного мышления — определенности, последовательности, непротиворечивости и обоснованности. Эти наиболее общие черты мышления, его правила, имеющие силу во всех формах рассуждения, и являются логическими законами, законами связи элементов мысли в процессе рассуждения.

Следовательно, логические законы имеют основы в самой объективной действительности. В них отложился многовековой опыт человечества и выражены существенные и необходимые черты внутренней структуры мыслительного процесса. Поэтому они и воспринимаются как аксиомы — истины, не требующие доказательства.

Логические законы обязательно присущи правильному мышлению и на эмпирическом, и на теоретическом уровнях. Тем самым они носят всеобщий и общечеловеческий характер. Конечно, представители различных классов имеют неодинаковое и даже противоположное мировоззрение, но законы связи элементов мысли в ходе рассуждения одинаковы у всех людей. Отказ от соблюдения требований законов логики привел бы к расстройству мыслительного процесса, и люди перестали бы понимать друг друга.

Однако правильность мышления, его определенность, непротиворечивость и доказательность, хотя и являются необходимыми предпосылками, обязательными условиями достижения истинного знания, сами по себе еще не являются его критерием. Правильность и истинность тесно взаимосвязаны между собой, но не тождественны.

Истинной является такая мысль, которая соответствует отражаемому в ней объекту. Критерием истинности знания является общественная практика человечества. Поэтому для получения истинного знания необходимо не только соблюдение формально-логической правильности рассуждений, но и постоянное обращение к практике, сверка каждого этапа познания, исследования с результатами практической деятельности. Формальная же логика не рассматривает взаимосвязь познания и практики. Эта проблема решается логикой диалектической, в которой требование неразрывной связи познания и практики является одним из важнейших принципов.

Формальная логика не требует рассмотрения предмета в его противоречивости, непрерывном развитии, в единстве количественной и качественной определенности. В то же время только отражение предмета в мысли в его всесторонних взаимосвязях, в развитии, в единстве противоположностей, то есть в соответствии с принципами диалектической логики, может дать истинное знание.

Все сказанное означает, что формальная логика исследует не весь процесс достижения истины, а лишь определенную его сторону — формальную правильность. Обеспечивая логическую последовательность нашего мышления, формальная логика вносит свой вклад в теорию познания, в теорию получения истинного знания.

Познание истины осуществляется одновременно по законам диалектики и формальной логики. При этом логика диалектическая всесторонне охватывает исследуемое явле-

ние, рассматривает истину как процесс, в котором осуществляется диалектический переход от неполных и неточных знаний к все более полным и точным знаниям, движение от истины относительной к истине абсолютной. Она рассматривает и решает все аспекты процесса достижения истины в познании объективных явлений, изучает развитие мышления, переход от одной мысли к другой, анализирует их соответствие развивающейся действительности. Логическую форму мыслей она рассматривает в единстве с их конкретным содержанием и с позиций этого решает вопрос о их истинности. Тем самым диалектическая логика не заменяет формальной логики, а лишь устраняет абсолютизацию ее законов, правил и требований, указывает на их действительную роль в правильном познании мира и достижении истинных знаний о нем, подчеркивает ее необходимость. В процессе научного познания, в том числе военно-научного, диалектическая и формальная логики не противостоят друг другу, а выступают в определенном единстве, в котором главную, руководящую роль играет логика диалектическая.

Диалектическая логика поднимает наше мышление на более высокую ступень. Однако процесс познания диалектически противоречивой сущности вещей возможен только при соблюдении принципа логической правильности мышления.

2. Законы логического мышления и их роль в военно-научном познании

Закон тождества отражает относительную устойчивость предметов и явлений действительности, их определенность. Это обусловливается тем, что в процессе движения, изменения, развития предметы и явления действительности в какой-то определенный момент, отрезок времени находятся в состоянии относительного равновесия и покоя. Последнее характеризует качественную определенность предмета или явления относительно данного их состояния в соответствующий отрезок времени. Поэтому и наши мысли об этом состоянии предмета (явления) также определенны, недвусмысленны и сохраняют свое постоянство (тождество) в процессе всего рассуждения о нем в пределах данного времени.

В соответствии с законом тождества правильным считается такое мышление, при котором понятия и суждения о предмете точно определены, однозначны и на протяжении всего рассуждения употребляются в одном и том же смысле, значении, отношении. Иначе говоря, мысль о предмете должна сохранять одно и то же содержание. Если в посылках в одно и то же понятие или суждение будет вкладываться различный смысл и содержание, то сделать правильный вывод из таких рассуждений нельзя.

Конечно, понятия и суждения о предмете нашей мысли не остаются вечно неизменными. Они изменяются под влиянием развития этого предмета, его свойств, связей, отношений. Когда предмет изменится, перейдет в новое качество, тогда и возникает необходимость формулирования новых понятий, суждений. Однако они также должны употребляться однозначно.

Следовательно, закон тождества, как и другие законы логики, не требует неизменности реальных предметов и явлений, а лишь выражает определенные стороны действительности. Он не отрицает изменяемости понятий и суждений, но требует однозначности новых понятий на протяжении всего рассуждения.

Необходимость точного определения предмета мысли и последовательного следования ему в ходе всего рассуждения обусловлена многозначностью употребляемых терминов, которая создает почву для неопределенностей и двусмысленностей в суждениях о предметах и явлениях действительности. Понятийная многозначность нередко используется нашими идеологическими противниками в качестве средства достижения своих неблаговидных целей, фальсификации истины. Например, один из буржуазных военных историков Э. Зимке в книге «От Сталинграда до Берлина...» довольно часто сопоставляет советские и немецкие соединения в целях определения соотношения сил. Однако он не указывает содержание термина «соединение». Делается это не случайно. Включив в число советских соединений не только дивизии, но и бригады и даже отдельные полки, он пытается доказать, будто бы немецким дивизиям противостояло вдвое больше советских соединений. Зимке тщится обосновать тезис, будто Советская Армия воевала главным образом числом, а не умением. Тем самым буржуазный историк пытается дискредитировать советское военное искусство.

Другим требованием, вытекающим из закона тождества, является необходимость последовательно придерживаться на протяжении всего рассуждения того смыслового содержания понятий и суждений, которое взято в качестве исходного. Понятия, тезисы должны быть тождественными (однозначными) в ходе всего логического процесса. Если мы, например, в начале рассуждения употребили термин «армия» для обозначения оперативного объединения, то нельзя использовать его в дальнейшем в иных смысловых значениях: армия как сухопутные войска (в отличие от авиации и флота) и армия как вооруженные силы государства.

Доказательство выдвинутого положения будет тогда правильным, когда исходное понятие, или тезис, берется однозначно, в его точном, а не произвольном смысле. Закон тождества требует не допускать произвольного изменения содержания понятий и суждений в ходе рассуждения.

Нередко закон тождества нарушается сознательно, преднамеренно, особенно в тех случаях, когда преследуется цель исказить истину. Например, стремясь скрыть свои подлинные цели, буржуазные идеологи преднамеренно употребляют неопределенные, двусмысленные термины, нарочито туманные, неясные выражения. С целью дезориентировать читателя или слушателя они сознательно применяют различного рода подтасовки, натяжки, софизмы.

Софистические уловки — излюбленный прием буржуазных фальсификаторов военной истории. Суть их софизмов заключается в преднамеренном употреблении в ходе рассуждения понятий, имеющих различный смысл, при видимом соблюдении правильности построения умозаключений. Так, называя НАТО, СЕАТО и другие военные блоки империалистических государств «оборонительными союзами», идеологи империализма пытаются ввести в заблуждение широкие народные массы относительно подлинной агрессивной сущности этих военно-политических союзов. Стремясь оправдать свои агрессивные действия в отношении других народов, они распространяют понятие «агрессия» и на борьбу народов, борющихся за свое освобождение.

Значение закона тождества в военно-научном исследовании, в повседневном мышлении военнослужащих состо-

ит в том, что соблюдение его требований обеспечивает определенность и точность мышления, являющихся необходимым условием достижения истины.

Другим важнейшим логическим законом правильного мышления является **закон противоречия.** Его основная сущность заключается в недопущении логических противоречий в процессе рассуждения.

Требование данного закона вытекает из объективного положения вещей: свойства одного и того же предмета, явления не могут в одно и то же время и принадлежать и не принадлежать ему. Поэтому нельзя одновременно по одному и тому же вопросу, взятому в одном и том же смысле, высказывать противоположные мысли. Например, неправильным было утверждение о том, что первая мировая война с обеих сторон с самого начала была одновременно несправедливой и справедливой. Одно из этих суждений (первое) будет верным, другое — ошибочным.

Закон противоречия гласит: два противоположных, несовместимых суждения об одном и том же предмете или явлении, взятом в одно и то же время, в одном и том же отношении, в одном и том же смысле, не могут быть истинными одновременно; одно из них обязательно будет ложным. «Логической противоречивости», — писал В. И. Ленин,— при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [1]. Логическая непротиворечивость является обязательной чертой правильного мышления и военных теоретиков — исследователей, и военных практиков — командиров, политработников, военных инженеров.

Развитие вооруженных сил, военной техники, военного искусства, ход войны и военных действий носят диалектически противоречивый характер. Источник их развития — в борьбе противоположных сил и тенденций, в разрешении возникающих противоречий. Однако из этого вовсе не следует, что можно допускать противоречивые высказывания в процессе рассуждения или описания того или иного военного явления, взятого в каком-либо отрезке (моменте) времени его развития и в каком-то одном отношении.

Будучи обусловленным наличием противоположных

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 91.

свойств, связей и отношений объективных предметов и явлений действительности, наличием реальных противоречий в объективном мире, формально-логический закон противоречия выражает отношение логической несовместимости, возникающей в случае, когда противоположные свойства и связи приписываются какому-либо предмету или явлению, взятому в одно и то же время, в одном и том же отношении. Приписывая им несовместимые свойства или связи, мы нарушаем соответствие мысли объекту. Тем самым допускаем логическое противоречие. Однако военный исследователь, офицер-практик смогут избежать этой ошибки при условии строго последовательного толкования одного и того же вопроса и недопущения взаимоисключающих, противоположных или же двусмысленных суждений о нем.

Логического противоречия не будет, если в процессе мышления о конкретном военном явлении противоположные суждения о нем будут высказываться относительно различного времени его развития и изменения или одного и того же времени, но применительно к другим его свойствам, связям, отношениям и т. д.

В действительности, отмечал В. И. Ленин существует два рода противоречий: «противоречие живой жизни» и «противоречие неправильного рассуждения» [1]. Хотя формально-логический закон противоречия не допускает противоречий в мышлении, он не отрицает их существования в реальной действительности. Отражая последние, мышление по своему содержанию и с точки зрения характера своего развития также является противоречивым. Разрешение этих противоречий служит движущей силой развития нашего познания. Поэтому нельзя смешивать объективных и логических противоречий. Формально-логический закон противоречия требует, чтобы о противоречивых явлениях мыслили логически последовательно и непротиворечиво.

Основным следствием формально-логического закона противоречия является следующий принцип: два противоречащих, взаимоисключающих суждения нельзя считать истинными одновременно, ибо истинность одного из них свидетельствует о ложности другого. Однако закон этот вовсе не утверждает, будто из ложности одного

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 152.

суждения следует истинность другого, поскольку оба могут оказаться ложными. Для установления истинности хотя бы одного из противоположных суждений необходимо обратиться к другому формально-логическому закону — закону исключенного третьего.

Закон исключенного третьего, так же как и закон противоречия, направлен на исключение противоречий из мышления об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время, в одном и том же отношении. Он отрицает тот факт, что два противоречащих суждения о таком предмете не могут быть одновременно ни ложными, ни истинными: если одно из них будет истинным, то другое — ложным, третьего не дано.

Данный закон является дальнейшим углублением и развитием закона противоречия. В отличие от последнего, распространяющегося абсолютно на все логические противоречия, закон исключенного третьего действует лишь в отношении альтернативных суждений.

Для наглядности можно привести два простых примера из истории войны в Корее:

1) в летней кампании 1950 года соотношение сил КНДР и противника было в пользу последнего, и в летней кампании 1950 года соотношение сил КНДР и противника было равным;

2) в летней кампании 1950 года соотношение сил КНДР и противника было в пользу последнего, и в летней кампании 1950 года соотношение сил КНДР и противника не было в пользу последнего.

В первом примере оба суждения одновременно высказывают противоположные несовместимые утверждения об одном и том же предмете — о соотношении сил воюющих сторон. Оба они одновременно ни истинными, ни ложными быть не могут, ибо соотношение сил могло оказаться и не в пользу противника и не равным, а в пользу КНДР. Здесь применим только закон противоречия.

Во втором примере одно суждение утверждает о соотношении сил в пользу противника, а другое то же самое отрицает. Если о соотношении сил в летней кампании 1950 года заявлять одновременно, что оно в пользу противника, и наоборот, то одно из суждений будет истинным, а другое ложным. Ведь в действительности оно могло быть либо в пользу КНДР, либо в пользу противника. Утверждение о соотношении сил не в пользу про-

тивника просто отрицает наличие у него преимущества, но не фиксирует реального факта. Здесь применим закон исключенного третьего. Согласно последнему при двух противоречащих друг другу суждениях одно из них непременно будет истинным, а другое ложным. Однако закон этот не дает ответа на вопрос: какое именно из них является истинным? Он служит лишь логическим основанием поиска истины в конкретных рамках реальности: соотношение сил в летней кампании 1950 года либо было в пользу противника, либо не было в его пользу, и третьего не дано. Решение же вопроса о том, какое из суждений является истинным, дает практическая проверка, обращение к объективной действительности. Анализ фактических данных свидетельствует: в летней кампании 1950 года «соотношение сил было в пользу противника: в людях — в 1,3 раза, по артиллерии — в 1,2, танкам — в 3, авиации — почти в 9 раз, военно-морскому флоту — абсолютное» [1].

Закон исключенного третьего обусловливает выбор какого-то одного из двух взаимоисключающих суждений, поскольку в одном из них и содержится искомая истина. В. И. Ленин требовал «не упускать из виду необходимости совершенно ясных, *не допускающих двух толкований,* ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет?..» [2]. Этим выражена необходимость строгого соблюдения альтернативного требования закона исключенного третьего, содержащегося в его формуле «или — или». Не существует, например, какого-то промежуточного, третьего решения вопроса о том, справедливой или несправедливой является такая-то конкретная война со стороны такого-то государства, ведущаяся в такой-то исторический период времени.

Закон исключенного третьего имеет большое значение во всех областях научной и практической деятельности военных кадров. Он требует на правильно поставленный вопрос четкий и ясный ответ: «да» или «нет», поскольку какой-то третий ответ истинным быть не может. При этом если установлена ложность первого из двух противоречащих суждений, то из этого с необходимостью следует истинность второго суждения, и наоборот. Закон ис-

---

[1] «Военно-исторический журнал», 1975, № 6, с. 56.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 246.

ключенного третьего устраняет половинчатые, неопределенные решения вопросов, обеспечивает правильность мышления, направляя его на поиск истины. Вместе с тем правильной может считаться лишь такая мысль, которая достаточно хорошо аргументирована, обоснована.

Обоснованность правильного мышления выражает четвертый из законов формальной логики — **закон достаточного основания.** Сущность его требования заключается в следующем: всякая правильная (и объективно истинная) мысль должна быть обоснованной, должна опираться на достаточное основание. Закон этот направлен против голословных, произвольных, надуманных суждений и умозаключений и требует, чтобы любое высказывание о предмете или явлении было доказано.

Решение командира на бой считается обоснованным при условии, если оно отвечает реальной обстановке, вытекает из точного анализа и оценки всех ее элементов. Аналогично этому суждения военного исследователя будут признаны обоснованными, когда они выведены из фактов или других положений, истинность которых доказана ранее и не вызывает сомнений.

Закон достаточного основания отражает коренное свойство объективного мира: обусловленность каждого факта, явления во всей действительности в целом, как и в военной области, другими фактами, явлениями. Поэтому мышление и должно отразить эту причинную связь явлений и фактов. При этом истинное знание об одних явлениях, фактах может явиться основанием для получения достоверных знаний о других связанных с ними явлениях, фактах. В данном случае мысль, производная из другой мысли, называется основанием, а эта вторая — следствием. Причем основанием может служить не одно суждение, а ряд суждений, мыслей.

Достаточным основанием являются такие аргументы (факты, мысли), истинность которых уже доказана и следствие из них выводится со всей необходимостью. Если истинность законов, принципов, положений военной науки доказана, проверена практикой и не вызывает сомнений, то они могут служить основанием для логического обоснования истинности выводов военных исследователей и практиков.

Закон достаточного основания предопределяет следующие правила доказательства: и тезис и доводы (аргумен-

ты) обязаны быть вполне обоснованными, причем истинность доводов (аргументов) должна быть установлена независимо от тезисов, для обоснования которых они используются, иначе возникнет порочный круг и будет нарушен данный закон логики; доводы (аргументы), приводимые для доказательства тезиса, должны быть достаточным основанием для данного тезиса.

Решающее значение в качестве аргументов, обосновывающих истинность выдвигаемых положений и выводов (тезисов), имеют достоверные сведения, в особенности целые системы фактов. Создавать прочную фактическую основу для обоснования выдвигаемых положений и выводов — постоянное и непременное требование, предъявляемое классиками марксизма-ленинизма к научному исследованию.

Нередко причиной необоснованности выводов является не столько неумение сделать правильное обобщение фактов, сколько стремление подобрать факты под надуманные выводы, гипотезы.

Формально-логические законы являются необходимой и обязательной нормой всякого правильного мышления и одним из необходимых условий достижения истины в процессе познания. Однако даже самое неукоснительное соблюдение законов формальной логики недостаточно для получения истинных знаний. Для этого необходим учет всех других условий познания, в том числе и требований, предъявляемых диалектикой к формам и методам развития военных знаний.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

☆

Наука движется в постоянном противоречии между неисчерпаемым богатством свойств, связей и отношений исследуемого ею объекта и степенью их воспроизведения в системе теоретических знаний. Военная наука на современном этапе развития общества является одной из наиболее подвижных наук. Данная особенность обусловливается не только крайним многообразием связей и отношений отражаемой в ней военной действительности, но и быстрыми темпами ее развития в связи с динамичным воспроизводством материально-технических средств войны.

Развитие и совершенствование военно-научных знаний, военной теории осуществляются в процессе научно-исследовательской деятельности военных кадров. Возрастание роли военной науки, военно-теоретических знаний с необходимостью требует повышения эффективности научных исследований, быстрейшего внедрения их результатов в практику вооруженных сил.

Военно-научное исследование на современном этапе развития военного дела по своему содержанию является одним из наиболее сложных видов творческой деятельности. Непременным условием ее успеха являются научное мировоззрение, марксистско-ленинская методология, творческие способности, интуиция, диалектическая гибкость мышления военных кадров, глубокое знание ими военной науки, перспектив развития военного дела.

Развитие науки есть творческий процесс, ее обогащение новыми знаниями, которые никогда не возникают сразу и тем более в законченном виде. Получение нового знания не есть одновременный акт. Оно представляет собой сложный процесс, имеющий определенную логическую последовательность, которая соответствует поступательному характеру развития форм научного знания. В свою очередь, каждая из них также имеет свою логику развития. Логика научного исследования — это логическая последовательность исследовательской деятельности,

соблюдение которой должно обеспечить наиболее эффективное решение научной проблемы.

Формами становления нового знания являются: научная проблема, научный факт, гипотеза, теория. Творческое их развитие и обогащение определяют и логическую последовательность процесса военно-научного исследования: постановка и формулирование военно-научной проблемы; обнаружение фактов военной действительности, их объяснение и обобщение; формирование и обоснование военно-научной гипотезы; построение военной теории и определение путей ее практической реализации. Соблюдение данной последовательности придает исследовательской деятельности стройность и целеустремленность.

Исследовательская деятельность требует применения не только общего диалектико-материалистического метода, но и специальных общенаучных методов получения и накопления эмпирического материала, его теоретического обобщения, использования частных методов, определяемых спецификой развития военной науки.

Знание военными кадрами логической последовательности исследовательской деятельности, овладение методами научного исследования — одна из важнейших предпосылок успешного развития военной науки.

Глава XIII

ФОРМЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ ЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

1. Постановка и формулирование военно-научной проблемы

Процесс исследовательской деятельности начинается с постановки военно-научной проблемы, представляющей собой весьма сложную форму военно-научного знания. Ее формулирование — ответственный и важный этап научного исследования.

Научная проблема характеризуется как **такая разновидность вопроса, ответ на который не содержится в накопленном знании и поэтому требует соответствующих практических и теоретических действий, отличных от информационного поиска.** В этом смысле проблема отличается от вопроса, решаемого с помощью имеющихся знаний или существующих способов практической деятельности. Решение научной проблемы означает открытие новой закономерности (в фундаментальных исследованиях) или новых способов использования известных закономерностей (в прикладных исследованиях).

Умение своевременно увидеть проблему или, по крайней мере, быть в курсе нерешенных проблем в данной области научной или практической деятельности является исходной предпосылкой повышения эффективности самой деятельности. Партия указывает на необходимость для наших кадров всегда видеть «нерешенные проблемы», «лучше понимать стоящие проблемы и пути их разрешения».

Современная военная наука сочетает в себе черты фундаментальной и прикладной науки. Поэтому ее про-

блемы разделяются на фундаментальные и прикладные. К первым можно отнести такие задачи, как обнаружение новых закономерностей современной войны, операции, боя, развития вооруженных сил, раскрытие механизма действия уже известных законов, их требований к практической деятельности, определение критериев эффективности действий систем вооружения и т. д. Возникновение вторых определяется непосредственными потребностями военной практики, совершенствованием вооружения и нахождением наиболее целесообразных способов его использования.

Значение постановки и разрешения фундаментальных и прикладных военно-научных проблем не одинаково на различных этапах развития военного дела. В период эволюционного развития военного дела, характеризующийся отсутствием коренных изменений социально-политической обстановки и материально-технических средств войны, большее значение имеют прикладные проблемы. Данная закономерность обусловливается тем, что сохраняют свое содержание уже известные закономерности войны, основные принципы военного искусства.

В период качественных изменений в военном деле, вызванных научно-технической революцией, на первое место в военной науке выходят фундаментальные проблемы. Без их своевременного разрешения невозможно и успешное решение прикладных проблем, поскольку попытки разработать их на базе ранее известных, но уже теряющих свое значение теоретических знаний не могут дать должного результата.

Условием постановки военно-научной проблемы является объективно возникающее противоречие между потребностями в тех или иных действиях и незнанием их способов, между потребностью в новых фундаментальных знаниях и их недостаточностью. Такие условия, вызывающие постановку и необходимость решения научных проблем, характеризуются как проблемная ситуация.

По нашему мнению, наиболее типичными проявлениями проблемной ситуации в военно-научной и практической деятельности являются следующие.

Первое, когда результаты деятельности не соответствуют желаемым целям. Так, в первый период Великой Отечественной войны ход военных действий для Советских Вооруженных Сил сложился вопреки ожидаемым

планам. Поэтому сразу возникла научная проблема — найти, определить такие мероприятия, которые дали бы возможность в данной обстановке с максимальной степенью эффективности использовать наши армию и флот.

Второе, когда ранее выработанные, теоретически обоснованные и практически проверенные способы решения задач не могут быть использованы или не дают должного эффекта в новых условиях. Примером образования подобной проблемной ситуации является возникновение в середине 50-х годов противоречия между существовавшей ранее военной теорией ведения войны обычными видами вооружения и появлением ракетно-ядерного оружия, которое вызвало необходимость разработать новую военную теорию, новые способы ведения военных действий.

Третье, когда в ходе практической деятельности обнаруживаются факты, данные практического опыта, не укладывающиеся в рамки существующих теоретических представлений. Подобного вида проблемной ситуацией в военной науке можно считать появление нового технического средства ведения военных действий, применение которого выходит за рамки разработанных тактических, оперативных принципов.

Четвертое, когда одна из новых частных теорий военной науки вступает в логическое противоречие с более общей теорией или другими областями знаний в пределах данной науки. Так, разработка теории применения Ракетных войск стратегического назначения, естественно, вступила в противоречие с ранее существовавшими способами ведения военных действий. Это обстоятельство потребовало пересмотра и дальнейшего развития теории стратегии в целом. В свою очередь, новые способы достижения стратегических целей обусловили творческое обогащение теории оперативного искусства и тактики.

Военное дело теснейшим образом связано со всеми социальными и техническими процессами. В свою очередь, и военная наука в настоящее время тысячами нитей связана практически со всеми отраслями научных знаний. Разумеется, в этих условиях новые открытия в области естественных и общественных наук не могут не порождать новых проблем и в самой военной науке. Так, научные открытия в радиоэлектронике предопределили проблему использования радиотехнических средств борьбы.

Обнаружение ядерной энергии большой мощности поставило перед военно-техническими науками проблему возможности ее использования в военных целях. В свою очередь, практическое решение этой проблемы вызвало качественные изменения в военном деле и соответственно в содержании военной науки. Новые открытия в области физики твердого тела, химии, аэродинамики и других наук сразу же находят свое применение и в военном деле, ставят перед ним новые проблемы.

Военно-научная проблема, включая в свое содержание достигнутый уровень знаний и опираясь на них, в то же время выражает недостаточность имеющихся знаний, необходимость движения вперед, указывает основное направление преодоления этой недостаточности, пути получения нового знания.

Допустим, нам известно, что при нанесении противником массированных ядерных ударов войска понесут большие потери, в результате чего снизится их боеспособность. Мы знаем также и поражающие факторы ядерного оружия и т. д. Однако этих общих знаний недостаточно для успешного ведения военных действий. Осознание потребности в новом знании и становится условием постановки военно-научной проблемы, в которой выявляются необходимые новые знания и обосновываются способы их получения.

Первоначально научная проблема формулируется как основной вопрос проблемы, определяющий цель исследовательской деятельности. Так, реальная возможность поражения пунктов управления в короткие сроки, особенно ядерным оружием, поставила в свое время перед военной наукой проблему — определить наиболее эффективные способы обеспечения надежного и устойчивого управления войсками в этих условиях. Сформулированный в таком виде основной вопрос проблемы указывал общее направление исследовательской деятельности.

В соответствии с основным вопросом проблемы определяется предмет научного исследования. Для решения вышеназванного основного вопроса проблемы необходимо было исследовать следующие факторы: условия подготовки и ведения операции и требования, предъявляемые к управлению; систему пунктов управления тактического и оперативного звена; узлы (линии) связи; поражающие возможности ядерного оружия и т. д.

После определения предмета исследования и осмысления всей суммы знаний о нем формулируются ближайшая и последующая задачи исследовательской деятельности. Назначение ближайшей задачи исследования состоит в получении исходных фактических данных, необходимых для решения поставленной проблемы. В рассматриваемом нами примере ближайшая задача состояла в получении знаний о степени защищенности пунктов управления от оружия массового поражения; об ущербе, который может быть причинен им противником; о возможности управления войсками (силами и средствами) при том или ином ущербе, причиненном пунктам управления, и т. д.

Последующая задача исследования формулируется в виде ряда вопросов, получение ответа на которые и позволяет решить проблему в целом, например: каким способом в том или ином вероятном случае осуществить восстановление управления войсками; сколько для этого потребуется сил и средств; какие необходимо провести мероприятия и в какой последовательности?

Таким образом, сформулированная научная проблема включает в свое содержание основной вопрос проблемы, предмет исследования, ближайшую и последующую задачи, представленные в виде определенного количества частных вопросов, подлежащих исследованию.

Успешное решение военно-научной проблемы во многом зависит от степени ее истинности, имеющей два взаимосвязанных аспекта: необходимы ли постановка и разрешение данной проблемы, вызывается ли она практической или теоретической потребностью; разрешима ли данная проблема на современном этапе развития науки? Ответы на эти вопросы обязательны в любом виде военно-научной исследовательской деятельности.

Необходимость постановки и разрешения той или иной военно-научной проблемы определяется прежде всего запросами военной практики. Поэтому при формулировании проблемы необходимо ставить вопрос: в какой степени ее решение будет способствовать повышению эффективности ведения военных действий?

В то же время необходимо учитывать, что проблема может возникать и на основе внутренней логики развития самой военной науки. В этом случае ее практическая значимость может на данный момент времени и не

усматриваться. В большей степени это относится к фундаментальным военно-научным проблемам.

Разрешимость проблемы устанавливается, по существу, уже в процессе научного исследования. Полностью устранить элемент неопределенности в решаемых проблемах, как правило, не удается. Это и характеризует известную неопределенность исследовательской деятельности, что является одним из признаков, отличающих ее от других видов деятельности, связанных с реализацией проверенных знаний.

Военно-научная проблема в ее развитом виде является исходной формой военно-научного знания. Ее решение предполагает сложную исследовательскую работу, ближайшим этапом которой являются обнаружение, объяснение и обобщение фактов военной действительности, получение военно-научных фактов как эмпирического основания военно-теоретического знания.

2. Обнаружение фактов военной действительности, их объяснение и обобщение

Успех исследовательской деятельности во многом определяется тем, в какой степени она опирается на «фундамент из точных и бесспорных фактов...» [1]. Основоположники марксизма-ленинизма не только указали на настоятельную необходимость «в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные *факты»* [2], но и дали образец решения этой задачи, разработали логические принципы обнаружения, объяснения и обобщения фактов действительности.

Объективной действительностью, откуда военная наука получает фактический материал, являются: прошлые войны, современные локальные войны, все виды военной практической деятельности мирного времени. Этим обусловливается качественное различие получаемого военным исследователем фактического материала.

Особенность обобщения фактов военной действительности состоит и в том, что каждая из групп фактов, получаемых на основе различных видов практической деятельности, взятая в отдельности, не может служить до-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.
[2] Там же, т. 49, с. 319.

статочным основанием для решения военно-научных проблем. Только анализ и обобщение всех групп фактов, всех видов военной деятельности могут дать достоверный материал для решения военно-научных проблем.

Факты военной действительности в своей основе являются социальными фактами, которые есть не что иное, как общественные действия личностей. Их особенность заключается в том, что в них всегда проявляется единство объективного и субъективного. Влияние субъективного элемента факта на его объективную сторону, пожалуй, ярче всего проявляется в военных фактах. Это обусловлено самой природой боевой деятельности. В не меньшей мере проявляется влияние субъективного фактора и в военной практике мирного времени. Все это и определяет некоторые особенности объяснения и обобщения военных фактов.

Можно отметить и еще одну характерную черту фактов военной деятельности, на обобщении которых основывается военная теория. Последняя есть теория будущей войны, тогда как ни один из военных фактов как таковой не является фактом будущей войны. Все это также предъявляет специфические требования к их анализу и обобщению.

Знание логических основ обнаружения и обобщения фактов военной действительности необходимо и для критического отношения к результатам исследований, проводимых буржуазными военными теоретиками. Нельзя не считаться с тем, что любой буржуазный военный исследователь оперирует «фактами», на основании их доказывает свои выводы и предложения. Для успешной борьбы с буржуазными фальсификаторами необходимо умело противопоставлять их «аргументам» научный анализ действительности. Принимая во внимание односторонность и субъективизм буржуазных военных исследований, целесообразно в некоторых случаях использовать их фактическую сторону.

Понятие «факт» имеет два смысловых значения. Фактом называется явление, вещь, процесс объективной реальности. Это так называемый факт-событие. Под фактом понимается также и знание о реальных процессах, обладающих определенными особенностями. Это — факт-знание. В научном исследовании понятие «факт» употребляется во втором смысловом значении.

Познать факт-событие и сделать его научным фактом как эмпирическим основанием решаемой проблемы — значит обнаружить определенный процесс (предмет) действительности, обладающий специфическими признаками; дать его описание; объяснить на основе соответствующей теории и взаимодействия с другими фактами; обобщить факты. **Научный факт есть знание об объективных процессах действительности, включенное в определенную научную теорию.** Факт может стать эмпирическим фундаментом научной теории только при установлении его достоверности.

Одним из требований к получению достоверных фактов о ведении военных действий в прошлой войне является сопоставление замыслов и планов на операцию с действительным ее ходом и исходом.

В процессе исследования той или иной операции периода Великой Отечественной войны необходимо раскрыть: истинный ее замысел, содержание принятого командующим решения; объем и содержание проведенных работ по вскрытию замысла противника и оперативной маскировке своих действий; содержание мероприятий по подготовке операции, ее обеспечению и созданию группировок для выполнения боевой задачи; характер и последовательность боевых действий войск в ходе ведения операции, ее результаты.

Подобный логический путь исследования операции от замысла до ее завершения дает возможность получить объективные данные, касающиеся различных сторон ее подготовки и ведения. На основании этих данных исследователь может установить те зависимости, которые определили ее успех или неудачу, выделить объективные и субъективные факторы, определившие ход и исход данной операции.

Одним из логических требований к установлению фактов прошлой войны, например хода и исхода операций, является их рассмотрение в конкретно-исторической обстановке с учетом реального соотношения сил на том или ином этапе развития военных действий. При игнорировании этого всеобщего принципа объективности рассмотрения ценность военно-исторического факта резко снижается. На самом деле, если мы заявляем, что в прошлой войне в ходе боевых действий Советских Вооруженных Сил происходил процесс возрастания глубины и

размаха операций, темпов наступления, не указав на реальное изменение соотношения сил в ходе войны, остается непонятным, почему этот процесс происходил так, а не иначе.

Обнаружение и описание событий прошлой войны производятся на основании изучения различных источников. Наибольшее значение в этом отношении имеет анализ подлинных документов по подготовке и проведению операций, мемуарных произведений, воспоминаний военачальников. Важно при этом не только использовать различные источники, но и сопоставлять их, устранять возможные противоречия.

Трудность объективного воспроизведения военно-исторического факта объясняется тем, что любой из названных документов несет на себе отпечаток субъективности. Последнее до некоторой степени неизбежно: документы составлялись людьми, которые воспринимали события через призму своих потребностей, знаний, эмоций. Например, документ, составленный в сложной боевой обстановке, обычно преувеличивает опасность. В равной степени и в документах — заявках на потребное количество сил и средств упор делается на трудности выполнения предстоящей задачи. Победная реляция в ряде случаев дает преувеличенное представление о достигнутых успехах. Таким образом, объективное воспроизведение фактов прошлой войны — дело чрезвычайно сложное.

Для получения научных фактов из опыта локальных войн необходимо прежде всего учитывать их социально-политический характер, поскольку он оказывает существенное влияние как на способы развязывания войны, так и на ее ведение. Одним из требований к выявлению фактов локальных войн является также необходимость учета реального соотношения сил воюющих сторон. Локальные войны обычно ведутся империалистами с использованием современных средств вооружения, хорошо обученным личным составом против уступающих им в этом отношении армий освобождения, поэтому эффект применения боевых средств в иных условиях может быть другим, значительно меньшим. Необходимо иметь в виду и то, что империалисты ведут боевые действия в локальных войнах ограниченным составом сил и средств.

Армия, авиация и флот в современных условиях оснащены оружием и боевой техникой, которые не приме-

нялись в прошлых войнах или ограниченно использовались в локальных войнах. Поэтому важнейшее значение приобретают фактические данные, полученные на основе всех видов военной практики мирного времени. В этой связи целесообразно обратить внимание на особенности получения эмпирического материала на базе войсковых учений, которые проводятся штабами и войсками максимально приближенно к боевой обстановке. Например, методы работы командующего и его штаба, уяснение задачи, оценка обстановки, принятие решения, планирование операции, ее обеспечение, создание определенного оперативного построения, совершение маршей, форсирование водных преград, преодоление заграждений — все эти элементы военного искусства могут быть использованы в качестве стратегических и оперативно-тактических данных в боевых условиях.

В то же время, поскольку проведение войсковых учений связано с некоторыми условностями, то фактические данные, касающиеся динамики военных действий — нанесение ударов, прорыв обороны, развитие успеха, преследование и т. д.,— в значительной степени будут носить вероятностный характер. Таким образом, если фактические данные первой группы могут непосредственно учитываться при разработке уставов и наставлений, то факты второй группы при их использовании должны дополняться различными расчетными обоснованиями.

Обнаружение военных событий дает необходимый, но в то же время только исходный эмпирический материал для решения исследовательских военно-научных проблем. Только после объяснения зафиксированный факт станет действительной базой построения теории, решения исследовательской задачи.

Объяснить факты — это значит прежде всего сопоставить их с существующими, проверенными на практике теоретическими положениями. Без этого обнаруженный факт не станет элементом научного исследования.

Для объяснения факта необходимо далее сопоставить его с другими фактами, установить зависимость между ними. Если, например, мы установили, что полученное время ниже существующих нормативов, то необходимо найти такие другие факты, анализ которых и дал бы возможность объяснить причины этого. В равной степени и анализ, например, использования танковой армии в

наступательной операции фронта в ходе минувшей войны вне сопоставления с конкретными условиями не может дать ответа на вопрос, почему в одних случаях она использовалась для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, в других — после решения этой задачи. Данное требование к процессу объяснения факта является конкретизацией логического принципа всесторонности рассмотрения.

Для научного исследования необходимо не только знание самих фактов, но и раскрытие тех закономерностей, общих связей и отношений, которые составляют их основу. Поэтому заключительным этапом анализа фактов являются их обобщение и уяснение на этой основе закономерностей, ими управляющих.

Решение этой задачи требует сопоставления различных фактов, их соответствующей систематизации.

Допустим, исследователь решает проблему, сколько необходимо сил и средств для разгрома данной группировки противника. Естественно, ему придется обратиться к опыту прошлой войны и проанализировать причины успеха или неудач проведенных операций. Здесь обнаружится, что на осуществление каждой конкретной операции оказывали влияние самые различные причины объективного и субъективного порядка. В данном случае анализ отдельных стратегических операций вне их сопоставления не дает возможности установить главные, решающие причины. Для этого необходимо рассмотрение большого числа стратегических операций, проведенных в различные периоды войны, с точки зрения достижения в них поставленной цели.

Научные выводы можно получить только при условии правильной классификации, учета всей совокупности относящихся к исследуемой области фактов, а не произвольном выхватывании их.

В. И. Ленин в статье «Статистика и социология» указал на основные принципы научного анализа и обобщения фактов.

«В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры,— отмечал он.— Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной

обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом,* в их *связи,* не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже... Необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов... ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...»[1] Эти принципы имеют особое значение и для военных исследователей в силу чрезвычайной сложности фактического материала, с которым они работают.

Обнаружение, накопление, объяснение и обобщение фактов — важнейший этап военно-научного исследования. На основе фактического материала формулируется определенное предварительное предположение о решении проблемы, являющееся основой следующей формы научных знаний — гипотезы.

3. Формирование и обоснование военно-научной гипотезы

Гипотеза есть научное предположение, несущее в себе новое знание, вероятность которого обоснована фактическими данными с учетом уже известных закономерностей объективного мира. Ее разработка является важнейшим этапом научного исследования. Умение ученого создавать научные гипотезы, отвечающие внутренней логике данной науки и потребностям научного исследования, является одним из показателей его творческих способностей.

Особенности войны как объекта военно-научного познания, специфика развития военной науки в настоящее время не только обусловливают необходимость военно-научных гипотез, но и определяют некоторые особенности их формирования и обоснования. Качественные изменения в характере материальных средств войны, особенности современной социально-политической обстановки обусловили возникновение новых закономерностей ведения военных действий, новых форм проявления ранее

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

известных законов. Их познание составляет важнейшую задачу военно-научных исследований и определяет возникновение новых военно-научных проблем. Вполне понятно, что первоначальной формой их решения может быть только военно-научная гипотеза.

По отношению к современной военной науке особенно актуально известное положение Ф. Энгельса: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [1].

Возникновение гипотезы представляет собой выход за пределы имеющихся знаний. Первоначальной формой нового знания обычно является **догадка,** нередко возникающая интуитивно. Хотя логическое размышление при этом и играет известную роль, однако ее возникновение не может быть полностью объяснено только в рамках логики. В противном случае можно было бы сформулировать логические средства догадывания. Способность строить догадки является одной из важнейших черт творческого мышления исследователя (в том числе и военного), свидетельством его широкого кругозора, пытливости ума и наблюдательности.

Догадка возникает из потребности в новом знании при осознании недостаточности имеющихся. Кажущаяся внезапность ее возникновения является итогом глубоких размышлений.

В процессе военно-научного исследования может возникнуть несколько различных предположений-догадок, каждая из которых подвергается логическому обоснованию. Наиболее реальные из них берутся на вооружение исследователя в качестве **рабочей гипотезы.**

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 555.

Например, с развитием воздушно-десантных войск возникла необходимость совершенствования способов их боевого применения, в частности способов их использования для борьбы со средствами ядерного нападения противника. Столь новая задача могла быть решена только с помощью рабочей гипотезы.

На ее основе изучается эмпирический и теоретический материал. В ходе его анализа рабочая гипотеза или отвергается, или, если будет установлена большая степень ее вероятности, становится ядром **научной гипотезы** как наиболее вероятное предположение о возможном решении проблемы (гипотеза-предположение).

Дальнейший процесс научного исследования представляет собой обоснование гипотезы, ее доказательство. В ходе этого процесса гипотетическое соображение не только доказывается, но и уточняется, конкретизируется до превращения ее в составной элемент теории. Поэтому разработка гипотезы и ее проверка представляют собой две стороны единого процесса научного познания.

Гипотеза-предположение должна отражать уровень знания о предмете, когда еще не достигнуто достоверное его объяснение и выдвигается одно из вероятных. Если, например, делается предположение о возможности длительной мировой войны между государствами двух социальных систем, то оно должно отражать уровень знаний о характере такой войны, полученных как на основе прошлого опыта, так и теоретических расчетов. Для выдвижения подобного предположения необходимо знать поражающие свойства современного оружия, соотношение сил, военный, экономический, научно-технический и морально-политический потенциалы противостоящих сторон. Предположение должно также опираться на исторический опыт, установленные военной наукой закономерности, факторы, определяющие продолжительность войн.

Одним из требований к предположению в гипотезе является возможность его экспериментальной или теоретической проверки. Последнее как раз более характерно для военно-научной гипотезы, особенно на оперативно-стратегическом уровне. Большинство гипотез-предположений о характере возможной войны вообще не могут быть проверены экспериментом. Это относится, в частности, и к рассмотренному предположению о длительности воз-

можной войны. Конечный ответ на этот вопрос может дать только сама война, если таковая будет развязана империалистами.

Все это не означает, что данная и ей подобные военно-научные гипотезы не могут быть проверены до начала войны. Средством такой проверки являются теоретические расчеты, касающиеся возможного хода войны, вероятных последствий, вытекающих из предположения о длительной войне.

Гипотезы-предположения, касающиеся способов ведения военных действий с применением новых материально-технических средств войны, в известной мере могут быть проверены экспериментально в ходе войсковых учений. Так, на учении одного из военных округов экспериментально проверялись предположения о действии частей и подразделений, оснащенных боевыми машинами пехоты. Данная проверка подтвердила предположение об эффективности использования БМП и в то же время позволила обнаружить некоторые их технические недостатки.

Для экспериментальной и расчетной проверки выдвигаемых положений о боевом применении новых систем вооружений большое значение имеют правильно определенные критерии эффективности. Если, например, для разработки способов использования систем ПВО критерием эффективности будет избрано количество уничтожаемых самолетов-носителей, то и проверка будет идти в этом направлении. И совсем другое, если таким критерием будет требование не допустить в зону поражения ни одного самолета-носителя. Во втором случае направление экспериментальной, да и расчетно-теоретической проверки будет уже иным.

В еще большей степени является экспериментально проверяемой гипотеза-предположение о методах работы командующего в процессе принятия решения, подготовки и проведения операции, ее материально-технического обеспечения.

Во всех случаях военно-научная гипотеза должна формулироваться таким образом, чтобы имелась возможность ее проверки. Непроверяемые предположения скорее всего будут относиться к фантазии, различного рода прожектам, которые не могут быть взяты на вооружение военным исследователем.

Содержащееся в гипотезе предположение ввиду своего вероятностного характера не исключает возможности его замены другим. Дальнейшее развитие гипотезы — это процесс или ее обоснования до превращения в положение теории, или отрицания и замены другой гипотезой.

Выдвинув предположение о вероятности длительной войны, исследователь не должен исключать и иную возможность ее хода. Поэтому необходимо в равной степени учитывать факты, как подтверждающие избранное предположение, так и противоречащие ему. В процессе исследовательской деятельности избранная военным исследователем гипотеза может оказывать на него давление. В этом случае ученый будет обращать внимание только на те факты действительности, те знания, которые подтверждают гипотезу.

Только диалектическая гибкость мышления, способность своевременно отказаться от выдвинутого предположения, каким бы заманчивым оно ни казалось, помогут избежать подобной ошибки. Таким качеством в полной мере обладал К. Маркс. Вспоминая о нем, В. Либкнехт писал, что К. Маркс «в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности...» [1].

Предположение в гипотезе должно давать возможность построить логически непротиворечивую систему знаний, позволяющую обнаруживать новые факты, раскрывать новые закономерности в исследуемом процессе. Так, предположение о возможности длительной мировой войны может быть состоятельным только в том случае, если оно дает возможность создать систему непротиворечивых знаний, раскрывающих ход войны, те следствия, которые могут быть ею порождены.

Требование логической непротиворечивости выдвинутого предположения имеет для военно-научного исследования особо важное значение. В первую очередь это касается гипотез о боевом применении новых систем вооружения.

Создание и применение новых систем вооружения всегда сопровождается появлением противодействующих систем. Например, появление ракетного оружия привело к созданию антиракет и системы противоракетной оборо-

---

[1] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 96.

ны. Создание ракетоносных подводных лодок с атомным двигателем обусловило новое совершенствование средств противолодочной обороны.

Следовательно, выдвигая гипотезу-предположение, допустим о способах боевого применения ракетоносных подводных лодок, всегда необходимо учитывать возможное противодействие со стороны противника, который также будет использовать новые системы вооружения. В свое время, когда были созданы высокоэффективные средства противосамолетной обороны (управляемые зенитные ракеты), казалось, что их использование резко снизит возможности боевого применения авиации. В действительности же авиация довольно быстро нашла способы снижения эффективности средств ПВО (бомбометание на предельно малых высотах, применение средств электронного противодействия и т. д.).

При разработке способов боевого применения новых систем вооружения, а также новых способов использования того или иного вида (рода) войск необходимо учитывать, что они неизбежно оказывают влияние и на способы применения других систем вооружения, вызывают изменения в использовании других родов войск.

Использование оперативно-тактических ракет с ядерным зарядом, естественно, вызвало изменение способов ведения операции объединениями сухопутных войск. Операции этих войск приобрели новые черты, которые не были присущи операциям, проводимым без применения ракетно-ядерного оружия.

После того как гипотеза-предположение обоснована фактически и теоретически, она подвергается дальнейшей проверке путем выведения следствий и их анализа.

Если, например, выдвинуто предположение о возможных темпах наступления мотострелкового соединения и оно обосновано фактическими данными, полученными на основе учений, то для его окончательного утверждения и включения в состав военной теории необходимо проанализировать следствия, сопутствующие подобным темпам наступления в боевой обстановке: степень надежности огневого подавления обороны противника, возможные потери и способы их восполнения, возможности материально-технического обеспечения и т. д.

Тщательный анализ вероятных следствий поможет подтвердить анализируемое предположение и внесет в

него уточнение. На этом этапе исследования обычно возникают новые проблемы, могущие стать предметом самостоятельного исследования.

В результате последовательных стадий развития гипотезы создается система знаний, с большой степенью вероятности решающая исследовательскую проблему. Дальнейшее развитие военно-научной гипотезы является процессом ее превращения в составной элемент военной теории. Ее истинность доказывается в конечном счете практикой той войны, обоснованием которой она является.

4. Построение военной теории и определение путей ее практической реализации

Теория характеризуется как «форма достоверного научного знания о некоторой совокупности объектов, представляющая собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения и предсказания явлений данной предметной области» [1].

Теория есть система научных знаний. В то же время не каждое научное знание является теоретическим знанием. К научным знаниям относятся: научная проблема, научный факт, научная гипотеза, которые в состав научной теории не входят. Научные факты являются эмпирической базой теории, но это еще не теория.

Общее определение теории, ее места в системе научных знаний, признаков, характеризующих ее содержание, распространяется также и на понимание военной теории. **Военная теория есть форма достоверного научного знания о некоторой совокупности военных объектов, представляющая собой систему понятий, категорий, законов, принципов, выполняющих объяснительную, предсказательную и методологическую функции.**

Признаками военной теории являются: обобщенное отражение военной действительности в форме законов науки, категорий, принципов и логически выводимых из них понятий, суждений; системность ее структурного построения, внутренняя непротиворечивость; достоверность всей совокупности содержащихся в ней знаний.

---

[1] Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 205.

Создание научной военной теории является решающим этапом военно-научного исследования. К нему полностью можно отнести слова К. Маркса: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [1].

Основными задачами теории стратегии и теории оперативного искусства, тактики являются следующие: раскрыть существенные связи, характеризующие подготовку и ведение войны, операций, боев; установить законы, лежащие в их основе, закономерности, в совокупности которых данные законы проявляются, и на этой основе сформулировать принципы, практические рекомендации, соблюдение которых должно давать наибольший эффект практической военной деятельности.

Законы войны, военных действий отражаются в знаниях в качестве законов военной теории. Отличие законов войны от законов военной теории состоит в том, что первые существуют объективно, независимо от воли и желания людей, вторые есть не что иное, как субъективный образ объективного закона. Субъективный в значении существующий в сознании и в смысле степени его адекватности объективному закону. «Порядок, цель, закон, — писал В. И. Ленин, — суть не более, как слова, которыми человек переводит дела природы на *свой* язык, чтобы понять их; эти слова не лишены смысла, не лишены объективного содержания... но тем не менее необходимо отличать оригинал от перевода» [2].

В ходе развития военной теории ее законы уточняются, конкретизируются в направлении все большего совпадения, соответствия их объективным законам.

Принципом построения теории стратегии, теории оперативного искусства, тактики является принцип логического воспроизведения объективного хода войны, военных действий. Например, теория фронтовой (армейской) наступательной операции в логической форме отражает последовательность подготовки и ведения самой операции.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 158.

Теория наступательной операции по опыту Великой Отечественной войны имела следующую структуру:

общая характеристика наступательной операции, роль в ней оперативных объединений и их боевой состав;

подготовка операции: определение цели наступательной операции; выбор направления главного удара; определение наиболее целесообразной формы оперативного маневра; оперативное построение войск фронта (армии); оперативное обеспечение (разведка, оперативная маскировка, противовоздушная оборона и т. д.); подготовка исходного положения и его занятие войсками;

ведение операции: прорыв обороны противника; применение артиллерии; применение танковых и механизированных частей и соединений; применение авиации; ввод танковой армии (подвижных групп общевойсковых армий) в сражение; развитие успеха в операции (ввод в сражение вторых эшелонов) и т. д.

В настоящее время теория наступательной операции имеет ту же принципиальную структуру с включением в нее математического описания отдельных ее элементов.

Подобное структурное построение военной теории определяется ее прикладным назначением. Закономерности наступательной операции раскрываются при характеристике различных этапов ее подготовки и ведения.

Военная теория развивается, совершенствуется в соответствии с изменением отражаемого в ней объекта, углублением и уточнением знаний о нем. Наибольшее влияние на развитие военной теории имеет изменение самого объекта под воздействием непрерывного совершенствования материальных средств войны. Однако любая военная теория, с какой бы полнотой она ни раскрывала свой объект, никогда не является точным его отражением. Поэтому противоречие между теорией и ее объектом существует всегда.

Назначение военно-научного исследования состоит не только в раскрытии законов войны, обосновании механизма их действия, выявлении конкретных форм проявления на современном этапе развития военного дела, но и в формулировании принципов, которые выступают в военной теории в форме рекомендаций по наиболее эффективному использованию познанных закономерностей в процессе военной практической деятельности.

Выражением этой функции военной теории являются сформулированные в ней принципы подготовки вооруженных сил к войне и ведения войны, военных действий различных масштабов разными видами вооруженных сил. Таковыми являются принципы военного строительства, боевой подготовки и боевой готовности войск, принципы военного искусства.

Принципы военной науки, как и все содержание военно-научных знаний, развиваются и совершенствуются. Некоторые из этих принципов сходят со сцены и становятся достоянием военно-исторической науки, другие наполняются новым содержанием, и наконец, формулируются новые, ранее неизвестные. Разработка принципов военной науки является одним из важнейших этапов военно-научного исследования.

Понятие «принцип» (основа, первоначало) не имеет однозначного смысла. В одном случае под ним понимается важнейшее положение той или иной научной теории, имеющее значение аксиомы, подтвержденной всей совокупностью развития науки и человеческой практики. Такими принципами в философии являются принцип всеобщей взаимосвязи, принцип развития, принцип материальности мира.

В истории развития военной мысли принципами военного искусства обычно называли связи и отношения различных сторон войны, военных действий, знание и использование которых обеспечивало успех практической деятельности. Такое положение сложилось в то время, когда люди еще не рассматривали войну как закономерный процесс. Вместе с тем на основе военного опыта вырабатывались определенные правила ведения войны, которые и рассматривались как основополагающие требования — принципы. В этот период люди и не задумывались над тем, что эти принципы являются отражением объективных связей и отношений. Полагалось, что, если соблюдение того или иного принципа обеспечивало успех, значит, им и надо руководствоваться.

Понятие «принцип» употребляется и как требование к познанию, практической деятельности. Принципы диалектической логики есть принципы познания. Все философские принципы являются одновременно и принципами познания объективной действительности, и принципами революционно-преобразующей деятельности. В военной

литературе понятие «принцип» употребляется как требование к практической военной деятельности во всех ее видах и проявлениях.

Поскольку само это понятие означает основу, первоначало, то, очевидно, не все требования к практической военной деятельности надо рассматривать в качестве основных, принципиальных требований. Собственно говоря, любое положение уставов и наставлений означает требование к практической деятельности. Однако мы не рассматриваем каждое из них в качестве принципа.

Принципы военной науки — это наиболее общие, основополагающие требования к военной практической деятельности. Так, основными принципами ведения современного общевойскового боя являются массирование, рассредоточение, взаимодействие, внезапность, активность действий и настойчивость в достижении поставленной цели, непрерывность, всестороннее обеспечение боя.

Принципы как основополагающие требования к практической деятельности могут быть как правильными, так и ложными. Так, принцип «молниеносной войны», лежавший в основе стратегии фашистской Германии в войне против Советского Союза, являлся ненаучным, авантюристическим, поскольку исходил из переоценки собственных сил и недооценки военных возможностей СССР.

Выработка научных принципов есть сложный, противоречивый процесс, идущий от менее полного знания к более полному, и так без конца. Поэтому было бы неразумным требовать, чтобы военная мысль сразу сформулировала принципы в их окончательном, абсолютном значении. Процесс развития военной теории есть творческий процесс уточнения и конкретизации принципов подготовки к войне и ее ведению. Здесь важно определить, каким требованиям должен отвечать научный принцип.

Основное исходное требование к принципам военной науки, военного искусства состоит в том, что их соблюдение должно давать наибольший эффект практической военной деятельности. Столь общее требование, разумеется, нуждается в конкретизации.

Разработка принципов военной науки, их формулирование — это чрезвычайно ответственное и сложное дело. Принцип военной науки будет действительно научным, обоснованным в том случае, если он отвечает, по крайней

мере, двум требованиям: отражает объективные законы развития и функционирования военных процессов и формы их проявления в данной конкретной обстановке; соответствует целям и задачам военной практической деятельности. Рассмотрим кратко содержание каждого из этих требований.

Научным принципом является такой принцип, который в наибольшей степени соответствует познанным законам войны, военных действий. Вся сумма принципов военной науки должна соответствовать объективным закономерностям функционирования и развития войны, военных процессов. В отношении каждого отдельного принципа довольно трудно сказать, какому закону он соответствует. Например, принцип решительности и активности ведения военных действий соответствует всей сумме законов войны.

Законы войны, военных действий, сохраняя свои существенные черты, имеют различную форму проявления в зависимости от конкретных условий, места и времени. Поэтому и принципы военной науки должны не только отражать в своем содержании общие требования законов войны, но и учитывать специфические формы их проявления в данной обстановке. Например, сосредоточение главных усилий на главном направлении является одной из важнейших закономерностей войны. Однако проявляется она по-разному, в зависимости от характера войны. Ее проявление в ракетно-ядерной войне будет иным, чем в войне с применением обычных средств вооружения. Поэтому и содержание принципа, отражающего формы проявления этой закономерности, также будет различно.

Принципы военной науки, как и ее законы, являются субъективным отражением объективных связей и отношений войны. В этом проявляется то общее, что характеризует законы военной науки и ее принципы. В чем же тогда различие?

Законы войны объективны в том смысле, что действуют независимо от воли и желания человека. Однако люди не бессильны перед действием объективного закона. Своей практической деятельностью они изменяют форму его проявления в соответствии с целями и задачами практической деятельности. Практика имеет объективную сторону (ее соответствие объективной действительности), но также и субъективную, ибо она целенаправленна.

Принципы военной науки в отличие от ее законов отражают эти две стороны военной практики. В их формулировке находят свое выражение не только требования законов, но и те цели и задачи, которым подчинена военная действительность.

Если цели войны, военной практики соответствуют объективной действительности, отражают реальные тенденции развития войны, точно учитывают данную конкретную обстановку, то и принципы, сформулированные с учетом этих целей, будут верными, научными. В противном случае принципы превратятся в ложные, субъективные, ненаучные положения, требования. Так, нереальность цели, поставленной руководством фашистской Германии перед своими вооруженными силами — завоевание мирового господства, — обусловила субъективистский принцип ведения войны — блицкриг («молниеносная война»).

Зависимость принципов военной науки от целей и задач военной практической деятельности и определяет следующую закономерность: одинаковые для обеих воюющих сторон законы войны преломляются в различных, подчас прямо противоположных принципах. Именно в этом и проявляется непосредственное различие в содержании советской и буржуазной военных наук, так как принципы военной науки являются важнейшим элементом ее содержания.

Данное обстоятельство (зависимость принципов от целей и задач военной практической деятельности) определяет их бóльшую подвижность по сравнению с законами военной науки. Принципы изменяются в зависимости не только от форм проявления законов войны, но и от политических и военно-стратегических задач, которые ставятся перед вооруженными силами.

Принципы указывают общее направление содержания практической деятельности, но не являются решением конкретной проблемы.

При этом необходимо учитывать, что ведение войны есть искусство. Военные действия в их конкретных проявлениях имеют как общие черты, так и индивидуальные особенности. Причем последние являются наиболее характерными именно для военных действий. В одной и той же войне никогда не бывает двух похожих операций. Следовательно, при формулировании принципов военной

науки необходимо в обоснованиях давать известную свободу выбора способа действий при решении той или иной практической задачи.

Поскольку принципы военной науки характеризуют общее направление военной деятельности, дают основополагающие указания о содержании конкретных ее видов, постольку сами по себе они еще не могут служить непосредственным руководством для конкретной практической деятельности по подготовке и ведению военных действий в данных исторических условиях. Для этого необходима более конкретная форма военных знаний применительно к определенному виду военной деятельности. Такой формой выражения военно-научных знаний являются положения уставов и наставлений.

Законы военной науки, принципы военного искусства, основные положения уставов и наставлений являются исходными понятиями теории стратегии, оперативного искусства, тактики, составляют основу структурного построения этих теорий.

Процесс военно-научного исследования, развития военно-научных знаний от постановки военно-научных проблем до разработки принципов реализации теоретических знаний осуществляется на основе диалектико-материалистического метода, а также научных методов создания эмпирического базиса военной теории, развития теоретических знаний. Это прежде всего так называемые общенаучные методы, имеющие некоторые особенности их применения в военно-научных исследованиях. К ним относятся наблюдение, эксперимент, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, обобщение и др.

Глава XIV

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩЕНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ВОЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

1. Наблюдение и эксперимент

Эмпирическим базисом военно-теоретического знания являются факты военной действительности: военные действия, подготовка вооруженных сил. Методы их получения — наблюдение и эксперимент [1].

Метод наблюдения состоит в систематическом и целенаправленном восприятии предметов и явлений внешнего мира. В военно-научном познании наблюдение представляет собой широко применяемый способ восприятия внешней стороны процессов войны, подготовки вооруженных сил, накопления фактических данных о качественной и количественной стороне оружия, техники, личного состава войск и т. п. Метод наблюдения входит составной частью во многие другие методы военно-научного исследования, как общие, так и специальные (в частности, в эксперимент, моделирование, различного рода учения, испытания и др.).

Наблюдение всегда связано с работой органов чувств человека, прежде всего зрения, принимающего наибольшую часть получаемой нами информации. В простейших случаях наблюдения, когда задача в основном сводится к констатации тех или иных явлений и фактов (например, в действиях артиллерийского наблюдателя или сигнальщика при приеме сигналов), роль творческого мышления невелика. Зато в наблюдении как методе научного исследования оно играет очень важную роль. Дело в том, что научное наблюдение требует определенной подготов-

[1] В данном параграфе рассматриваются наиболее общие принципы применения этих методов.

ки: определения целей наблюдения в соответствии с общими целями военно-научного исследования, составления плана наблюдения, выбора наиболее подходящей для наблюдения ситуации, времени и места. Само наблюдение в этом случае наполняется теоретическим содержанием и требует предварительного продумывания всех его деталей. Так, офицер, прибывший на военные учения с исследовательской целью, достигнет успеха лишь в том случае, если он заранее правильно спланирует свою деятельность и в ходе учений будет вычленять и ставить в центр своего внимания наиболее важные явления, если на основе глубокого знания дела проанализирует происходящие события и сделает соответствующие выводы.

С увеличением масштаба наблюдаемых фактов и явлений возрастает роль абстрактного мышления в наблюдении. Его значение резко повышается при переходе от тактического звена к оперативному и от него к стратегическому. Это связано с необходимостью на каждом новом уровне наблюдать все большее количество взаимосвязанных явлений и компенсировать теоретическим анализом неполноту конкретных данных.

Тщательная подготовка наблюдения обеспечивает его полноту и глубину, то есть охват наблюдением всех наиболее существенных сторон изучаемого явления и всех деталей, которые имеют значение для понимания его сущности. В военном деле эти требования к наблюдению особенно важны.

Необходимым условием успешного применения метода наблюдения являются активность исследователя, его участие в изучаемых военных процессах там, где это возможно, его заинтересованность в познании. В военно-научном исследовании результативности наблюдения способствуют огромная мобилизующая и организующая сила приказа, сознательная воинская дисциплина, долг перед Родиной. Основой наблюдения, как и всего процесса познания, является практика. Наблюдение бывает достаточно полным и всесторонним в условиях практической деятельности, которая подсказывает наиболее важные объекты наблюдения и постоянно корректирует его ход.

Не менее важны для военно-научного исследования всесторонняя подготовка наблюдателя, глубина его общих знаний об изучаемом процессе. Результат наблюдения, осуществляемого военным специалистом, всегда будет бо-

лее высоким, чем данные наблюдения неопытного человека.

Наконец, для метода наблюдения в современном военно-научном исследовании характерно применение разнообразных приборов, как бы продолжающих органы чувств человека, позволяющих воспринимать явления, недоступные невооруженному глазу, обычному слуху и т. д. При помощи их человек может следить за движением удаленных объектов, наблюдать за появлением самолетов и ракет или явлениями, происходящими в непосредственной близости от ядерного взрыва. Следовательно, одним из важнейших условий научного применения метода наблюдения является овладение современными техническими средствами.

Эксперимент занимает в системе методов военно-научного исследования исключительно важное место. Его характерной особенностью являются активное вмешательство исследователя в изучаемые процессы, искусственное воспроизведение в той мере, в какой это оказывается возможным, исследуемых явлений. По сравнению с наблюдением эксперимент требует в гораздо большей степени творческого мышления, продумывания всех деталей намечаемых действий, планирования, хотя он и остается эмпирическим методом, способом накопления фактического материала.

В современной науке эксперимент вышел далеко за рамки лаборатории. В настоящее время применяется производственный эксперимент широкого масштаба и социальный эксперимент, который в условиях социализма может служить методом практической проверки отдельных теорий и научных предложений, касающихся развития конкретных сторон нашего общества и путей совершенствования социалистических общественных отношений. В военной науке эксперимент выступает, особенно в мирное время, как важнейший способ получения фактических и достаточно достоверных данных об отдельных сторонах будущих военных действий.

Как метод военно-научного познания эксперимент имеет ряд важных достоинств. Он дает возможность изучать такие явления войны, которые можно искусственно воспроизводить в мирное время: применение различных видов оружия и боевой техники, маневрирование силами

и средствами, марши, создание определенных боевых порядков и оперативных построений, проверка тактико-технических данных оружия и т. п. Эксперимент позволяет в определенных пределах варьировать, видоизменять условия протекания процессов, которые подлежат изучению, с целью их наибольшего приближения к предполагаемым условиям действительной войны. Он открывает значительный простор для активной деятельности исследователя и его творческой мысли. Все эти ценные черты эксперимента делают его важной составной частью многих специальных методов советской военной науки.

Военно-познавательным экспериментом сложного характера и большого масштаба являются войсковые учения. Это один из видов социального эксперимента. Организаторы учений создают на учениях сложные физические модели военных действий и изучают их различные стороны в контролируемых и управляемых условиях. Учения проводятся по заранее составленным планам; задачи познавательной деятельности формулируются на учениях в соответствии с назревшими проблемами военной науки, требующими разрешения.

В рамках военно-научного исследования эксперимент практически ограничен тем, что в нем присутствует определенная условность, связанная с невозможностью искусственно создавать всю полноту процессов войны. Никакие ядерные испытания не могут дать нам полного представления о последствиях массированного применения этого вида оружия. Наилучшим образом организованные учения нельзя отождествить с настоящими военными действиями. Следовательно, экспериментальные данные нельзя абсолютизировать, ибо они страдают известной ограниченностью и требуют определенных коррективов на основе применения логических методов исследования. Кроме того, существуют такие области военной деятельности, в которых широкий эксперимент по различным соображениям невозможен или недопустим. К таким областям относится, в частности, применение ядерного оружия и некоторые другие.

Большое значение военно-научного эксперимента определяет и высокие требования к его проведению. Главным из них является создание условий, максимально приближенных к действительному процессу. Это достигается на основе глубокого понимания закономерностей

войны и военных действий, всестороннего планирования эксперимента.

Таким образом, эмпирические методы органически связаны с логическими и никогда не существуют в чистом виде. Полученный эмпирический материал должен подвергаться логической обработке. Этой цели служат общенаучные логические методы познания: анализ и синтез, сравнение и обобщение, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, аналогия и т. д.

2. Анализ и синтез

Анализ и синтез — общенаучные методы, без которых не может обойтись ни один акт военно-научного исследования. **Анализ** есть процесс мысленного расчленения исследуемого события на составные части, элементы, признаки, противоположности и изучение их с целью раскрытия сущности. **Синтез** есть процесс установления связей между выделенными элементами, признаками, противоположностями, соединения их и воспроизведения исследуемого события в его существенных признаках и отношениях. Анализ и синтез—это противоположно направленные (анализ — от целого к части, синтез — от частей к целому) и вместе с тем неразрывно связанные способы познания.

Война, подготовка вооруженных сил — чрезвычайно сложные и противоречивые явления общественной жизни, обладающие множеством разнообразных признаков, свойств, сторон, связей и отношений. Изучая войну, мы мысленно расчленяем ее на отдельные периоды, кампании, операции и бои. Понимание этих элементов выступает в качестве предварительного условия сколько-нибудь основательного исследования войны в целом. Уяснение боевой или оперативной обстановки с целью ее оценки требует аналогичного деления на составные компоненты и изучения каждого из них в отдельности. В свою очередь, синтез дает возможность мысленно сопоставить, сравнить, связать воедино все стороны и элементы боевой или оперативной обстановки, создать цельную картину, необходимую для ее оценки и принятия решения.

Допустим, исследователю необходимо уяснить степень эффективности боевых порядков подразделений при существующих силах и средствах, с учетом противодейст-

вия противника и решаемой задачи. Для этого необходимо вычленить их элементы, выяснить боевые возможности каждого из них, установить характер взаимодействия между ними. В результате подобного рассмотрения должны быть уяснены сильные и слабые стороны взаимодействия между элементами боевого порядка.

На основе данных, полученных в результате анализа, производится мысленное воспроизведение возможного действия подразделений в данных боевых порядках. Такое синтетическое воспроизведение предстоящего боя при данном построении боевого порядка позволяет обнаружить его сильные и слабые стороны, найти то звено, которое в наибольшей степени способствует выполнению задачи.

Метод анализа и синтеза является важнейшим методом определения оптимального соотношения сил и средств, необходимых для разгрома противника. Его применение позволяет установить элементы, из которых складывается сила противоборствующих сторон, эффект их взаимодействия, а затем составить мысленное представление о возможностях наших войск по разгрому врага.

Анализ и синтез широко применяются при исследовании опыта проведенных операций. В этом случае операция расчленяется на этапы, устанавливается взаимосвязь между ними, а затем операция воспроизводится в целом. Посредством этого метода уясняются положительные стороны проведенной операции, выявляются ее слабые звенья.

Методы анализа и синтеза применяются на всех этапах и уровнях военно-научного познания. В процессе описания фактов основная функция анализа состоит в выделении таких признаков события, которые могли бы быть приняты в качестве основания для группировки, систематизации фактов, расположения их в соответствующем порядке (хронологическом, функциональном, структурном и т. п.), характеризующем определенную сторону развития исследуемого события. Основная функция синтеза — установление связей между фактами и объединение их в классы, группы, подгруппы и т. п. по выделенным основаниям.

В процессе объяснения роль анализа заключается в том, чтобы из всей массы фактов и связей между ними выделить главные, существенные, необходимые, могущие

пролить свет на причины возникновения и функционирование исследуемого события, его сущность. С помощью анализа устанавливаются противоположные свойства, тенденции события, являющиеся сторонами определенных противоречий и позволяющие раскрыть внутренний источник развития события. С помощью синтеза прослеживаются отношения между фактами, характер взаимосвязи между ними, раскрываются причины, функциональная зависимость, выясняется последовательность этапов, ступеней, тенденций развития изучаемого события. Устанавливая связь фактов, синтез дает возможность определить место и роль каждого из них в общей цепи развития события, проследить действительное положение вещей.

Методы анализа и синтеза широко используются также и в качестве логических средств доказательства выдвинутых в ходе военно-научного исследования положений или выводов. В данном случае их задачей является выделение из всей массы фактов наиболее важных, существенных, установление между ними необходимых связей и отношений. Тем самым создается достаточное основание для выведения соответствующего военно-научного положения.

Рассмотрение гносеологической роли анализа и синтеза в военно-научном познании показывает, что они всегда должны применяться в единстве. Ведь диалектическое расчленение явления и выделение в нем отдельных фактов и сторон осуществляется через соотнесение их с событием как целым и сопоставление выделенных компонентов между собой. Только таким путем можно обнаружить общее и выделить существенное. Точно так же синтез устанавливает связь не вообще, а между конкретными, выделенными анализом сторонами, сопоставляет сущность с определенными, аналитически выделенными формами ее проявления. «...Мышление,— подчеркивает Ф. Энгельс,— состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза» [1]. В. И. Ленин назвал соединение анализа и синтеза одним из элементов диалектики [2].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 41.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

Сознательное соединение анализа и синтеза в военно-научном познании способно привести к познанию истины. Изучаем ли мы войны, операции, битвы прошлого, принимавшиеся военачальниками решения, причины побед и поражений или исследуем характер военных действий в возможной будущей войне — во всех случаях мы мысленно расчленяем явление и вместе с тем выявляем связь и взаимодействие его элементов, свойств, сторон.

Основоположники марксизма-ленинизма показали классические образцы диалектического сочетания анализа и синтеза в своих многочисленных трудах, глубоко раскрывающих сущность исследуемых военных событий, явлений экономической и политической жизни общества. Об умении В. И. Ленина гармонически сочетать и анализ и синтез ярко писал А. М. Горький в одном из своих писем: «...я был изумлен тем, как много он видит «мелочей» и как поразительно просто мысль его восходит от ничтожных бытовых явлений к широчайшим обобщениям. Эта его способность, поразительно тонко разработанная, всегда изумляла меня. Не знаю человека, у которого анализ и синтез работали бы так гармонично» [1].

3. Сравнение и обобщение, восхождение от абстрактного к конкретному

Одним из важных логических приемов познания является сравнение. Прежде чем высказать какое-либо суждение о предмете познания, исследователь стремится установить, в чем он сходен с уже известными ему предметами и чем он отличается от них. Научный факт приобретает только тогда свое полное значение, когда он сопоставляется и сравнивается с рядом других сходных явлений. Даже ЭВМ не может правильно функционировать, не опираясь на сравнение: она должна быть способна сравнивать два числа и определять, равны они или нет.

Сравнение — это процесс выявления признаков сходства и различия в исследуемом предмете путем сопоставления его с другими предметами. Этот метод широко используется в военно-научном познании. Теоретическое объяснение фактов становится возможным лишь путем

[1] Горький А. М. Собр. соч., т. 30. М., 1955, с. 168.

сравнения неизвестного (объясняемых фактов) с известным (ранее установленными знаниями). На данном этапе исследования практически ни одно обобщение, вывод невозможно сделать без предварительного установления общих признаков (признаков сходства), то есть основания для обобщения, вывода. Например, в «Краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза» говорится, что «советско-германский фронт был главным фронтом второй мировой войны» [1]. Этот вывод сделан на основе анализа многих существенных факторов, одним из которых явилось сравнение цифровых данных о количестве немецко-фашистских войск на разных театрах второй мировой войны (например, с 1941 года до середины 1943 года на советско-германском фронте действовало от 153 до 196 немецких дивизий, тогда как против англо-американских войск в тот же период действовало лишь от 2 до 7,5 дивизий) [2]. Ясно, что на второстепенном фронте немцы не стали бы держать почти все свои наличные силы. Поэтому несостоятельны измышления буржуазных военных историков, стремящихся принизить значение советско-германского фронта и умалить роль Красной Армии в разгроме немецко-фашистских войск.

Исключительно важное значение метод сравнения приобретает для выяснения процессов изменения, развития, динамики исследуемого явления, раскрытия тенденций и закономерностей его развития. Каждый в отдельности факт выражает какую-то сторону, момент развития события. Изменения, развитие события обнаруживаются при установлении различий в его состоянии или положении в разное время. Сравнение фактов, относящихся к различным по времени состояниям события, дает возможность исследователю установить изменения, развитие события, а сравнение предшествующих и последующих стадий развития события позволит вскрыть и проследить тенденции, основные направления, закономерности его становления.

Метод сравнения в военно-научном познании применяется и как прием доказательства или обоснования вывода. На доказательную силу сравнительного метода не-

---

[1] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. Изд. 2-е. М., 1970, с. 566.

[2] См. там же.

однократно указывал В. И. Ленин. Так, в письме «Марксизм и восстание» он писал: «Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями» [1]. Тщательное и всестороннее сравнение политического положения в июльские и сентябрьские дни позволило В. И. Ленину вскрыть соотношение сил, доказать необходимость вооруженного восстания и обосновать условия его победы.

Широко пользуясь методом сравнения, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в отношении к явлениям социальной жизни этим методом надо пользоваться весьма осторожно. По его мнению, «сравнение надо производить умеючи» [2]. Он решительно критиковал Плеханова и Каутского за нелогичность сравнения ими войн различных эпох — войн, которые вела буржуазия в период борьбы с феодализмом, с войнами эпохи империализма. Эти войны они представляли как нечто сходное и не пытались даже рассмотреть те коренные различия в классовой политике буржуазии столь различных эпох, которые и обусловили несправедливый, реакционный характер первой мировой войны с обеих ее сторон. Поэтому «сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, *то есть* империалистской, *то есть* ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами» [3]. В. И. Ленин отмечал громадное значение с точки зрения марксизма сравнения политического и экономического развития разных стран, но при этом подчеркивал, что азбучным условием исторического сравнения должно быть «выяснение вопроса, *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран» [4]. Забвение этого условия непремен-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 243.
[2] Там же, т. 25, с. 268.
[3] Там же, т. 26, с. 226.
[4] Там же, т. 25, с. 268.

но ведет к ошибочным выводам. Напротив, сравнение политического и экономического развития разных стран с учетом этого условия позволит лучше понять политику господствующего класса интересующей исследователя страны и более правильно подойти к выяснению причин, побудивших правительство этой страны к развязыванию войны.

Эффективность применения метода сравнения в военно-научном познании во многом определяется правилами, выработанными многовековой исследовательской практикой, опытом. Этот опыт показывает, что, во-первых, сравнивать можно лишь взаимосвязанные, однородные и соизмеримые события (факты) и ни в коей мере недопустимы сравнения несоизмеримых явлений; во-вторых, в сравниваемых событиях (фактах) не следует ограничиваться установлением признаков сходства, но (и это имеет важное научное значение) выявлять и то, что отличает их друг от друга; в-третьих, сравнение должно осуществляться прежде всего по таким признакам сходства и различия, которые имеют важное, существенное значение,— это обеспечит значимость и достоверность выводов.

Постоянное применение в военно-научном познании метода сравнения определяется особенностями самой военной науки. Например, при разработке проблемы способов завоевания господства в воздухе необходимо уяснить: каким образом решалась эта задача в период Великой Отечественной войны; какое соотношение сил обеспечивало господство в воздухе; какие средства и методы давали наибольший эффект при уничтожении авиации противника и т. д. Для успешного решения задачи завоевания господства в воздухе в будущей войне необходимо сопоставить, сравнить боевые возможности авиации периода Великой Отечественной войны с боевыми возможностями современной авиации, равно как и боевые возможности средств ПВО и т. д. На основе установления сходства и различия исследуемых факторов мы и можем дать теоретическое обоснование наиболее эффективных способов достижения господства в воздухе в возможной будущей войне.

Разумеется, успешно выполнить свои функции в военно-научном познании метод сравнения может лишь при условии его тесной связи с другими способами исследования, особенно с абстрагированием.

Каждый из исследуемых военных процессов имеет бесконечное множество признаков, связей и отношений. Одни из них присущи только данному, конкретному процессу, другие типичны, характерны для целого класса однородных процессов. Для развития военной теории важно выявить эти типичные связи и отношения, отвлекаясь от всего многообразия частностей, чтобы на этой основе познать процесс во всем богатстве его определений, сторон и связей. Сделать это возможно посредством метода абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному.

Абстрагирование состоит в отвлечении, мысленном исключении тех свойств, связей и отношений, которые затрудняют рассмотрение объекта исследования в чистом виде, необходимом на данном этапе изучения. В основе этого метода лежит объективное требование осуществлять глубокое и всестороннее познание конкретного только через абстрагирование и выработку научных абстракций.

Для познания конкретного явления военного дела во всем богатстве его внутренних (и внешних) связей и отношений необходимо изучать его шаг за шагом, одну его сторону за другой, временно отвлекаясь, абстрагируясь от остальных сторон. В результате каждого такого шага в познании создается абстрактное знание, разрозненные сведения об отдельных звеньях процесса, которые затем нужно связать воедино, соединить в одну общую картину внешней стороны и сущности данного явления, обладающую высшей конкретностью. Например, исследуемая какая-либо операция Великой Отечественной войны предстает перед нами как конкретное явление, ограниченное определенными рамками времени и пространства и определенными событиями, но в то же время еще неясное для нас по своим внутренним существенным связям. В данном случае конкретное отражено в нашем сознании лишь с его некоторых внешних сторон. Проникнуть в его глубину можно только с помощью абстрагирования. Исследуя соответствующие документы, описания и другие материалы, мы поочередно изучаем отдельные звенья операции, ее этапы, последовательно происходившие события, углубляемся в отдельные ее стороны, отвлекаясь от других звеньев и сторон. Эти абстрактные, временно выхваченные из общей связи данные об изучаемой операции мы можем сопоставлять, сравнивать с соответствую-

щими фактами, взятыми из других операций, и на этой основе делать соответствующие обобщения об отдельных этапах операций такого рода, закономерностях их протекания и т. д.

В результате такого рода работы можно получать абстракции двоякого вида. Во-первых, абстрактные, то есть вырванные из общей связи, знания об отдельных событиях или моментах данной операции (и вообще изучаемого явления): о единичных боях и эпизодах, отдельных задачах и действиях тех или иных частей, соединений, об условиях театра, о погоде во время операции и т. п. Во-вторых, абстрактные знания обобщающего характера об отдельных закономерностях ведения военных действий, об общих целях сторон, о причинах событий в изучаемой операции, их сущности и т. п. Обе формы знания носят абстрактный характер, ибо взятые в отдельности не дают нам полной картины изучаемого предмета, в нашем примере изучаемой операции. Вместе с тем они представляют собой необходимый шаг в познании, ибо только они позволяют проникнуть в глубину объекта, понять его существенные стороны и связи.

Таким образом, абстрагирование, будучи первой ступенькой рассматриваемого метода познания, имеет свои закономерные особенности. Во-первых, это процесс мысленного выделения отдельных элементов и отвлечения (временного, частичного) от других элементов, с тем чтобы сосредоточить внимание на чем-то одном. Во-вторых, это процесс мысленного отвлечения от несущественных, не столь важных для нас в данном случае сторон, деталей, элементов изучаемого объекта в целях выявления, изучения, схватывания наиболее важного и существенного в исследуемом процессе.

Абстрагирование не самоцель, оно является средством для познания конкретных процессов во всем богатстве их связей и отношений. В процессе абстрагирования познающий субъект отходит от изучаемого процесса как целого и углубляется в познание его отдельных свойств, сторон, черт, в результате чего познаваемый объект оказывается расчлененным в нашем сознании на отдельные элементы. Задача выработки конкретного, всестороннего знания о процессе решается путем восхождения от абстрактного к конкретному. **Метод восхождения от абстрактного к конкретному** есть «способ, при помощи которого

мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»[1]. Отход от абстракции оказывается необходимым для получения уже не поверхностного, а глубокого и всестороннего знания о конкретном процессе, предмете, явлении. «Движение познания,— писал В. И. Ленин,— *к* объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...»[2]

Во взятом нами примере изучения операции восхождение от абстрактного к конкретному будет состоять в том, что на основе абстрактного знания об отдельных элементах и сторонах операции мы на следующей ступеньке познавательного процесса создаем себе полное и всестороннее представление о ней, ее замысле и цели, ее месте в войне и связи с другими операциями, о ее закономерном ходе и итогах. Результатом является конкретное знание, обогащенное знанием всех основных элементов целого и их существенных связей.

Таким образом, процесс познания идет, по выражению К. Маркса, двумя путями: от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. «На первом пути,— писал К. Маркс,— полное представление испаряется до степени абстрактного определения, па втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»[3].

Метод абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному носит универсальный характер и является обязательным для любого процесса научного исследования. Он применяется и в тех случаях, когда исследователь не задумывается над его содержанием и использует его интуитивно. Разумеется, осознанное применение названного логического метода с учетом его достоинств и содержащихся в нем трудностей даст больший эффект в военно-научном исследовании, чем его бессознательное использование.

В современных условиях значение этого метода в военно-научном исследовании особенно велико: оп требует особого внимания к абстрактному знанию и прямо указывает на необходимость рассматривать его как промежуточное звено на пути к познанию каждого конкретного

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

явления войны и военного дела. Необычайное усложнение военного дела, связанное главным образом с развитием оружия и военной техники, обязывает исследователя не ограничиваться общим интуитивным взглядом на изучаемый военный объект, а идти к его всестороннему познанию через сложную систему его расчленения, выделения и исследования отдельных элементов и связей между ними, выработки абстрактных понятий и категорий как ступенек к конкретному знанию целого. Глубокое овладение методом абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному ведет к правильному пониманию соотношения между общей теорией и конкретными знаниями в военной науке и ориентирует на постоянное внимание к развитию системы понятий и общих теорий, поскольку без них оказывается недостижимым знание конкретных процессов и явлений военного дела.

Абстрагирование, отвлечение от конкретного является необходимым условием и предпосылкой формирования выводного, обобщенного военно-научного знания.

Метод обобщения есть способ мысленного перехода от единичного к общему и от менее общего к более общему путем объединения ряда фактов (данных) на основе одного или нескольких сходных (общих для них) признаков. Объективной основой мыслительной операции обобщения является всеобщность связей предметов и явлений действительности, взаимосвязь единичного и общего во всех реально существующих военных событиях.

В каждом явлении войны и военного дела, любом факте имеются не только сугубо индивидуальные, присущие лишь ему черты, но и общие, сходные признаки. Поэтому раскрытие общего и формирование обобщающих положений (понятий, законов, выводов, концепций) возможны лишь через изучение конкретных фактов. Вместе с тем степень общности фактов, событий может быть различной. Отсюда и различие в уровнях обобщения — от установления простейшего, элементарного сходства на этапе эмпирического исследования фактов до раскрытия существенного, общего, лежащего в основе формирования понятий, раскрытия законов и объяснения фактов на теоретическом (высшем) уровне познания, когда создается система объясняющих положений, формируется стройная концепция изучаемого явления.

Элементы обобщения имеют место уже при описании

фактов, которое предполагает их определенную систематизацию, группировку, возможную лишь на основе сходных, общих признаков (например, группировка фактов, относящихся к характеристике военно-политической обстановки 30-х годов, предшествовавшей второй мировой войне). Сюда можно отнести также простейшую форму статистического обобщения — группировку количественных данных на основе определенного признака (например, группировка количественных данных по советской противотанковой артиллерии определенных калибров, участвовавшей в Московской битве 1941 года).

Более сложной формой обобщения, позволяющей отличать важные, характерные факты от второстепенных, является **типизация,** заключающаяся в отборе характерных (типичных) фактов, выражающих наиболее важную сторону изучаемого явления или группы явлений.

Отбор типичных, характерных фактов составляет важную черту военно-научного обобщения. Такая форма обобщения приближает нас к познанию латентных связей явления. Однако для раскрытия сущности исследуемого события ее недостаточно. Для этого необходимы обобщения более высокого порядка, и прежде всего те, которые вскрывают повторяемость, необходимость, существенность и причинную обусловленность признаков события.

Важнейшей формой обобщения на теоретическом этапе военно-исторического исследования является формулировка широких выводов, обобщающих опыт войны, военного строительства, военного искусства, выводов, из которых складывается военно-научная концепция, теория. Эти выводные знания раскрывают характерные черты, особенности и сущность изучаемых явлений, закономерности их возникновения и развития. Правильные, научные обобщения основываются на знании достоверных фактов, на раскрытии такого общего, которое находится в самих реальных событиях, на неуклонном соблюдении принципов марксистско-ленинской методологии.

4. Исторический и логический методы в военно-научном познании

Среди методов, используемых военной наукой, особое место занимают исторический и логический методы исследования. В их основе лежат две взаимосвязан-

ные группы объективных закономерностей развития военного дела: одни определяют природу и сущность военных явлений, «неумолимую логику» их развития (объективно логическое); другие обусловливают конкретное проявление военных процессов, последовательность их возникновения и перехода из одного состояния в другое (объективно историческое).

Объективно историческое и объективно логическое — это две стороны одного и того же явления, в котором логическое выступает его сущностью, генеральной линией, квинтэссенцией, а историческое представляет многообразное проявление этой основы через массу случайностей. Будучи совокупной, единой формой исторического, логическое обобщение является выражением его тенденций. Развитие явления представлено в нем в наиболее чистом виде, свободном от частностей, поворотов и попятных движений. Объективно историческое представляет развитие в его конкретно-последовательном проявлении, а логическое выражает развитие в его сущности.

Поскольку объективно историческое и объективно логическое характеризуют одно и то же явление, постольку и изучение любого развивающегося явления возможно двояким путем: историческим и логическим.

Исторический метод исследований в военной науке состоит в изучении, прослеживании процесса развития военного дела, военных событий в их конкретной исторической форме, по возможности во всей их многосторонности, обусловленности основных этапов и форм. Последовательное рассмотрение ступеней развития изучаемого явления в направлении от простого к сложному, от предшествующего к последующему позволяет вскрыть не только форму протекания реального процесса развития, но и дает возможность познать закономерности развития данного события, обнаружить его сущность.

Говоря о необходимости «исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» [1], «конкретно-исторической оценки каждой войны» [2], В. И. Ленин требовал рассматривать все последующие этапы в развитии военных явлений с точки зрения их связи с предшествующими этапами

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.
[2] Там же, т. 27, с. 115.

и обусловленности ими. Он специально подчеркивает, что если при изучении истории войны не будет прослежена органическая связь войны с предшествовавшей ей на протяжении целых десятилетий политикой государств и классов внутри них, то в этой войне понять ничего невозможно [1].

Однако поэтапное рассмотрение военных событий не должно абсолютно по всем пунктам совпадать с временной последовательностью в развитии изучаемого явления, следовать за всеми зигзагами истории. Исследователь стремится к выявлению тенденций и особенностей развития, а для этого нередко отступает от детализированной хронологии в развитии явления.

Классики марксизма учили, что к изучаемым явлениям следует подходить всесторонне и конкретно, из каждого из них извлекать конкретно-исторический опыт, уроки, выводы. Они неоднократно подчеркивали: обобщение исторического опыта войн имеет существенное значение для деятельности рабочего класса и его партии, для понимания тенденций развития военного дела, форм и способов ведения военных действий.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин решительно выступали против выхватывания отдельных явлений и фактов из общей цепи истории. Война, как известно, есть продолжение политики насильственными средствами, а следовательно, специфическая часть политики воюющих государств и классов. Поэтому правильно понять ту или иную войну, ее сущность и характер можно не путем изолированного исследования начала и хода военных действий, а именно в результате рассмотрения вооруженного насилия в его непосредственной и опосредованной связи с внутренней политикой классов, развязавших войну, политикой, предшествовавшей войне задолго до ее возникновения.

Логический метод есть способ использования накопленных знаний о действительности в целом (философские знания) и об отдельных ее областях (исторические, социально-экономические, военные знания и т. п.) для изучения новых явлений. В этом смысле логическое выступает как обобщенное отражение исторического, очищенное от случайного, второстепенного, привходящего и вы-

---

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 80, 82.

ражающее существенное, важное, зафиксированное в законах, категориях (понятиях), принципах, концепциях, теоретических положениях. Логический метод есть форма движения мысли соответственно объективной логике развития предметов, явлений, событий, процессов реального мира.

В основе логического метода лежат закономерности, присущие реальной действительности. Любое явление войны и военного дела имеет не только историю, но и определенную логику своего возникновения, развития и перехода в качественно новое состояние. История Великой Отечественной войны насчитывает большое число различных операций, каждая из которых имеет свою историю. Нет хотя бы двух одинаковых операций. Каждая из них имеет свои, только ей присущие формы возникновения, развития, завершения. Вместе с тем всем им присуще и нечто общее, все они имеют единую объективную логику развития.

То же можно сказать и об операциях возможной войны. Ни одна из них не будет копией другой. В то же время для всех них будут характерны общие закономерности, общая объективная логика. Вполне понятно, что заранее знать конкретные особенности каждой из операций невозможно и никакое научное исследование не может решить этой задачи. Однако познать их объективную логику не только можно, но и необходимо.

В. И. Ленин, говоря об изменениях, вносимых отдельными производителями в общественное бытие, писал: «Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития... Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах...» [1]

Сущность военно-теоретического исследования, развития военной теории и состоит в том, чтобы охватить объективную логику возможной войны, различных видов военных действий, следовательно, дать логическое воспро-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

изведение возможных событий и отразить их в соответствующих теориях.

Для того чтобы дать логическую характеристику возможных операций будущей войны, необходимо уяснить содержание объективной логики операций второй мировой войны; внести в нее соответствующие коррективы, даваемые всеми видами современной военной практики и расчетными обоснованиями. На основе полученных данных и создается научная гипотеза о содержании и характере возможных операций.

Основная задача логического метода состоит в обосновании теории исследуемого явления. Средством решения этой задачи и служат ранее приобретенные исследователем знания как мировоззренческого, так и специального, военно-научного характера. Эти знания выступают орудием отбора, систематизации, обобщения и объяснения фактов, средством построения научных гипотез и создания теории исследуемого явления.

Логический метод познания «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1].

Как явствует из приведенного положения Ф. Энгельса, единство исторического и логического методов познания носит диалектический характер. Историзм в военно-научном познании может проявляться не только в процессе изучения истоков какого-то конкретного события, но и в более широком плане определения сущности данного социального явления. Например, вскрывая сущность войн, определяя их связь с политикой определенных классов и с экономическим строем, классики марксизма проанализировали с позиций созданного ими материалисти-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

ческого понимания истории все сколько-нибудь значительные события и вехи развития человеческого общества, исследовали множество войн, подвергли критическому рассмотрению все созданные до них теории по этому вопросу.

В основном так же обстоит дело с конкретными вопросами военного искусства. Современная операция может быть понята с достаточной глубиной лишь в том случае, если рассматривать ее не только в том виде, какой она может иметь в настоящее время, но и с точки зрения ее возникновения и развития. То же самое можно сказать о системе вооружения войск, организации вооруженных сил и т. д. Таким образом, логическое исследование, претендующее на подлинную научность и полноту, включает в себя обращение к историческому развитию изучаемого предмета, рассматривает процессы его возникновения, изменения, развития.

История в обобщенном виде, в ее квинтэссенции входит в содержание понятий и категорий каждой науки. Исторически выработанные категории советской военной науки являются чрезвычайно сжатым обобщением всего существенного, что дала вся военная практика человечества. Совершенствование категорий советской военной науки, взятых в единстве, в системе, составляющее важную задачу военных кадров, подразумевает не только использование современных данных и нынешних изменений в материальной основе ведения войны, но и обращение к историческому материалу, его обобщение в свете современных требований.

Единство логического и исторического подходов в военно-научном исследовании часто находит свое выражение и в изложении материала, которое как бы повторяет историю развития изучаемого объекта, избегая случайностей и несущественных деталей, стремясь схватить необходимость в очищенном от случайностей виде. Такой метод применяется рядом советских авторов при изложении вопросов о начальном периоде войны и современной периодизации второй мировой войны, о характере войн нашего времени, о современных операциях и т. п. В этом случае исследователь при изучении высшей формы развития процесса для постижения ее сущности обращается к рассмотрению более ранних и незрелых форм в последовательности их смены друг другом.

Таким образом, гносеологическое значение принципа единства исторического и логического методов военно-исторического исследования и изложения состоит в следующем: каждый из них «спасает» друг друга от односторонности и ошибок. Исторический метод предохраняет логический от излишнего теоретизирования, придает выводным знаниям и обобщениям конкретно-исторический характер. В свою очередь, логический метод избавляет исторический от плоского эмпиризма, от сползания на путь простой фактографии, придает историзму сущностный характер.

Исторический и логический методы исследования и изложения служат своеобразной формой взаимосвязи других общенаучных способов познания.

Таковы важнейшие методы, используемые в военно-научном познании для получения как эмпирических, так и теоретических знаний о различных явлениях войны и военного дела. Каждый из них выражает какую-то сторону, черту познавательного процесса, потому в чистом виде может быть выделен лишь в абстракции, в понятии. В реальном процессе военно-научного познания все они взаимосвязаны, взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга, включаясь в конечном счете в содержание, в ткань всеобщего диалектико-материалистического метода.

Все рассмотренные методы имеют свои преимущества и свои ограничения. Развитие военной науки возможно только при использовании результатов применения всех методов с соблюдением всех требований диалектики как всеобщего метода познания, общенаучных методов получения фактического материала и его теоретической обработки. Только в этом случае возможно решение как фундаментальных, так и прикладных задач военной науки.

5. Метод экспертных оценок

Изложенные выше общенаучные методы познания широко используются в процессе военных исследований и обеспечивают раскрытие не только сущности исследуемых явлений реальной действительности, но и определение основных причинно-следственных связей и зависимостей в них. Однако при исследовании сложных многоплановых и многоаспектных явлений они выступают как методы, способные раскрыть лишь отдельные сто-

роны сложного процесса. Поэтому необходимость решения сложных проблем вызвала и вызывает к жизни все новые и новые общие методы исследования.

Повседневный опыт убеждает нас, что, чем больше человек знает об исследуемом явлении (предмете или процессе), тем он быстрее находит в нем наиболее существенные стороны, их причинно-следственную связь и общие закономерности развития. Поэтому вполне естественным следует считать сложившуюся практику исследования сложных явлений с помощью группы специалистов, которые должны дать ответ на проблемный вопрос. Такой прием исследования получил название метода экспертных оценок.

В настоящее время широкое распространение получили экспертные методы, основанные на работе специальных комиссий, которые обсуждают ту или иную проблему до тех пор, пока все эксперты не придут к единому мнению. Последнее фиксируется в качестве коллективного мнения группы. Несмотря на свою простоту и широкое распространение, метод комиссии имеет принципиальный недостаток, заключающийся в следующем: группа в своих суждениях руководствуется в основном логикой компромисса, а не внутренней логикой анализируемой проблемы.

Это объясняется психологической обстановкой, складывающейся в ходе выработки общего мнения: предрасположенностью одних экспертов быстро менять свою точку зрения, нежеланием открыто дебатировать, склонностью других отстаивать первоначально высказанное суждение, даже если ошибочность его становится очевидной самому специалисту, подавляющим мнением руководства и т. п. При этом на фоне общего коллективного решения остается в тени путь выработки соглашения. Как правило, в нем не фиксируются мнение и аргументация экспертов, не согласных с принятой установкой большинства. Поэтому при исследовании сложных явлений, в которых велика ответственность за последствия принимаемых решений, к качеству суждений экспертов предъявляются высокие требования.

Экспертные методы должны рассматриваться не как способ выявления общественного мнения группы специалистов, а как один из возможных подходов к всестороннему изучению сложных явлений, в которых окончатель-

ное решение должен принять специалист. За последние годы появились более совершенные методы экспертных оценок. В них исключается взаимное влияние экспертов в ходе поиска объективного ответа или оценки на поставленный в исследовании вопрос.

Среди таких методов наибольшее распространение получил вариант «Делфи», который полностью устраняет непосредственное общение специалистов между собой. Каждый эксперт получает определенную последовательность вопросов, задаваемых обычно с помощью анкет. На основании данных анкеты он создает свою индивидуальную модель исследуемого явления, выявляет нужные ему связи и делает вывод. Затем анкеты у экспертов отбираются, производится статистическая обработка индивидуальных выводов и формулируется несколько наиболее общих коллективных выводов. При этом выявляются и обобщаются аргументы в пользу каждого из установленных коллективных выводов. Все эти данные (несколько выводов и их аргументация) вновь выдаются экспертам, которые должны пересмотреть свои оценки и объяснить несогласие с коллективными выводами. Затем процесс обработки повторяется, и в результате количество коллективных выводов уменьшается. После нескольких (трех-четырех) таких процедур удается получить один коллективный вывод, который превосходит по качеству любой индивидуальный, а потому может быть принят для практической реализации.

Для обработки индивидуальных выводов данный метод имеет свой математический аппарат, позволяющий, кроме того, учитывать степень компетенции каждого эксперта, уровень общей информированности и ряд других условий проведения экспертизы.

Успех экспертного опроса зависит от многих факторов — подбора экспертов, организации и условий их работы, принятого метода обработки индивидуальных выводов и ряда других. Однако наибольшее влияние на исход опроса оказывает выбранная организаторами экспертизы форма постановки вопросов и их четкость, исключающая неоднозначность толкования.

Существует несколько форм постановки вопросов в анкетах, предназначенных для экспертов. Так, в настоящее время для решения некоторых проблем широко ис-

пользуются анкеты типа «вопрос—ответ». В них содержится один или несколько вопросов, и на каждый из них в анкете приведены два или более ответа. Эксперт должен указать один из подготовленных ответов, сопровождая его своим обоснованием. В анкетах могут быть только вопросы, на которые эксперт должен дать ответ. При этом вопросы должны по возможности ставиться с учетом качественной и количественной характеристик ответа.

Иногда в виде вопросов излагаются события (альтернативы, варианты) и условия, их характеризующие. Например, имеется сложный объект, который необходимо поразить несколькими боеприпасами. Максимальное количество разнородных целей в таком объекте — 20. В какой последовательности следует их поражать, если на объект выделяется один, два, три и так до двадцати боеприпасов. К условиям относятся: тип объекта (дивизия, аэродром), характер его деятельности к моменту удара (наступает, обороняется), типы и мощности применяемых боеприпасов. В результате экспертных оценок можно определить, по какой цели следует наносить удар при выделении одного боеприпаса на объект и характер следующей цели при двух боеприпасах на объект и т. д.

При исследовании сложных проблем в целом или их отдельных аспектов анкеты могут содержать описания в определенной логической последовательности нескольких взаимосвязанных по времени (или месту) событий от настоящего к будущему. Совокупность выдаваемых экспертам событий с их характеристиками представляет собой как бы набор сценариев. От экспертов требуется оценка событий и прогнозирование на этой основе дальнейшего развития исследуемого процесса. Например, необходимо решить вопрос об использовании резерва дивизии в ходе боевых действий, когда известно состояние наступающих в первом эшелоне частей. Если состояние оценивается одним показателем, предположим потерями, то результаты простого сравнения по этому показателю могут быть положены в обоснование рекомендации по использованию имеющегося резерва.

В действительности вопрос является более сложным, поскольку необходимо кроме потерь учитывать как минимум степень выполнения задачи каждой частью и соотношение сил, сложившееся в полосе ее действий.

В этом случае в анкете будут описаны несколько наиболее типовых ситуаций, каждая из которых характеризуется определенным диапазоном потерь, соотношением сил и степенью выполнения задач.

Наконец, постановка вопроса экспертам может проводиться с учетом определения перспективы развития конкретных процессов. То есть они должны экстраполировать (перенести) известные в настоящее время знания на неизвестное, познаваемое будущее. Например, указать возможное возрастание скорости полета и увеличение потолка в военной авиации в ближайшее будущее или возможное развитие форм и способов ведения боевых действий войск в связи с появлением какого-либо нового оружия.

Как метод определения перспектив развития тех или иных процессов, экстраполяция дает положительный результат при условии, если совокупное влияние учитываемых факторов и условий, породивших обнаруженную тенденцию, остается в основном неизменным на прогнозируемый период.

Могут быть и другие варианты постановки вопросов, однако во всех случаях должны в максимальной степени использоваться знания и опыт привлекаемых экспертов.

6. Системный подход в исследованиях

Системный подход по своей природе обусловливает реализацию в конкретной форме основных идей материалистической диалектики. Метод системного обследования требует представить объект исследования, с одной стороны, в виде целостной системы, а с другой — на уровне сложной системы с большим количеством связей между входящими в нее частями (элементами).

Впервые системный подход на строго научной основе был реализован К. Марксом при формировании понятия общественно-экономической формации и при анализе капитализма как сложной системы экономических, политических и идеологических отношений. Системный подход успешно применялся В. И. Лениным при исследовании империализма как высшей стадии капитализма.

Возрастание значения системного исследования в настоящее время определяется увеличением интенсивности и широты воздействия общества на природу, бурным раз-

витием промышленности, потребностями создавать и эксплуатировать большие системы, необходимостью дальнейшего улучшения организации производства и управления экономикой.

Системный подход как метод научного познания приобретает ныне все большее значение и в связи с усложнением различных областей человеческой деятельности. В настоящее время в теории систем сформулированы в самой широкой общности основные понятия, такие, как «система», «состояние системы», «окружающая среда», «элемент», «структура и организация», которые выступают в качестве методологических средств, регулярно используемых в интересах практики исследования. Иначе говоря, создаются предпосылки для развития у исследователей своеобразной системы научного мышления. Они являются своего рода «ступеньками», проходя по которым исследователь познает сложный объект и связанную с ним проблему.

Центральное понятие системного подхода — «система» несет основную методологическую нагрузку и отражает объект в целом, в единстве его сторон, свойств и отношений. Остальные понятия только опосредствуют отдельные стороны и свойства исследуемого объекта.

Бурное развитие и внедрение системного подхода к решению широкого круга задач науки и техники привело к большому разнообразию в раскрытии термина «система». Объясняется это тем, что строгого определения пока еще не существует, и вряд ли окончательное уточнение его содержания возможно на данном этапе. Остановимся на одном из терминов, в наибольшей степени отвечающем, по нашему мнению, существу решения военных задач.

Система — это комплекс взаимосвязанных элементов, предназначенный для достижения общей цели. При этом любая система одновременно является элементом системы более высокого уровня. К числу определяющих признаков системы относятся: наличие множества элементов, установившиеся связи и отношения между ними, внутреннее и внешнее взаимодействие, множество возможных состояний, наличие сложной целенаправленной функции, определенная линия поведения.

Целостное представление объекта исследования как системы служит основой анализа его внутреннего строе-

ния, выделения элементов и установления характера взаимодействия между ними. В общей теории систем выделяется несколько типов системных представлений, определяемых главным образом характером и содержанием объекта исследования.

Военный исследователь имеет дело с объектами, представляющими собой сложные системы. В них включены разнородные по характеру и назначению элементы (виды и рода своих войск и противника, боевые комплексы), а также многогранные связи между ними (взаимодействие, прикрытие, обеспечение и т. п.), которые, в свою очередь, находятся в корреляции с другими системами и окружающей средой. Организационно штатная структура вооруженных сил построена таким образом, что каждый элемент военной системы является самостоятельной системой более низкого уровня, а вся система предстает элементом системы более высокого уровня.

По характеру и содержанию все военные системы на любом уровне можно свести в два основных типа. Первый охватывает материальные системы, включающие различные комплексы сил и средств вооруженной борьбы, а именно: системы вооружения и техники на различных уровнях их организации (отдельная пусковая установка, огневой комплекс, наконец, вся совокупность средств, имеющихся на вооружении), системы войсковых структур на различных уровнях их организации (подразделение, часть, соединение и т. д. вплоть до вооруженных сил в целом).

Второй тип включает функциональные системы. Это «системы-процессы», в которых формируются и проявляют себя изложенные выше системы сил и средств вооруженной борьбы. К ним следует отнести: системы обучения и воспитания личного состава, объединяющие цели, средства и методы, порядок решения задач боевой, морально-политической и психологической подготовки войск; системы мероприятий и процессов, из которых складываются подготовка, ведение и обеспечение боевых действий войск каждой из противоборствующих сторон; системы военных действий (бой, операция, кампания), связывающие в единое целое противоборствующие стороны, среду и все процессы, из которых они состоят.

Можно выделить еще один специфический тип военных систем, который обладает чертами первых двух ти-

нов, объединяет их и придает целесообразность и упорядоченность материальным компонентам и процессам вооруженной борьбы,— это система управления.

В свою очередь, по назначению все системы управления, используемые в вооруженных силах, подразделяются на две группы:

— системы управления оружием (боевой и специальной техникой) и соответственно процессами его боевого применения (например, системы управления огнем ракетных и артиллерийских подразделений и т. п.);

— системы управления войсками и соответственно процессами, из которых складывается их учебная и боевая деятельность (например, системы управления подразделениями и частями дивизии и т. п.).

Всестороннее познание всех этих типов сложных систем с целью повышения их эффективности требует системного подхода при их анализе, включающего прежде всего дальнейшую детализацию названных типов систем, выделение в них подтипов, видов и конкретных разновидностей. По каждой из них необходимо исследовать: **возможные состояния,** то есть конкретное проявление наиболее существенных свойств (пропускная способность, боевая эффективность, мобильность и т. д.) в различных условиях обстановки (оборона, марш, наступление); **окружающую среду,** то есть другие системы с их свойствами, изменения в которых могут отразиться на состоянии исследуемой системы (к окружающей среде можно отнести, например, соседние и взаимодействующие части и соединения, вышестоящее командование, наконец, противника, оказывающего наиболее активное и целенаправленное воздействие на любую систему наших войск); **поведение системы,** то есть возможные изменения хотя бы одного из ее существенных свойств. При этом анализируются все особенности состояния системы независимо от каких причин, внешних или внутренних, они происходят.

Последующий анализ и синтез полученных в результате исследования выводов позволит выявить закономерности построения, функционирования и развития системы. Поскольку поведение является основной формой проявления жизнедеятельности систем в окружающем мире, то в системных исследованиях возникают важные задачи описания, объяснения и предсказания поведения их в различных условиях обстановки и создания на этой осно-

ве систем с определенным (чаще всего оптимальным) поведением.

Используемые в системном подходе некоторые признаки входят в понятие «система». Одним из таковых является **элемент.** Под ним понимается самостоятельная относительно всей системы ее какая-либо часть, связанная с другими элементами системы определенными отношениями. Через последние в известной степени определяются структура и характер функционирования всей системы в целом. В зависимости от масштабов исследования элементами военных систем могут быть отдельные боевые единицы, войсковые организации, органы и пункты управления, объекты тыла и т. п. Все эти элементы в ходе боя (операции) неизменно связаны друг с другом.

Для глубокого анализа элементы системы объединяются в группы по наиболее характерным для них свойствам. Как правило, такое объединение крайне необходимо, иначе невозможно проводить исследование, особенно с целью установления характера связей между элементами. Чаще всего элементы подразделяются по характеру решаемых ими в данной системе задач (боевые, обеспечивающие и обслуживающие), по внутреннему строению, которое может быть однородным (артиллерийский полк, состоящий из артиллерийских дивизионов, последние — из артбатарей) или разнородным (мотострелковый полк, состоящий из мотострелковых, танковых и артиллерийских подразделений). Особую группу составляют элементы, выполняющие функцию управления. Возможны и другие признаки деления, которые более всего определяются целями исследования. В ходе системного анализа важно выявить основные свойства элементов, их структуру и взаимные связи.

Другим важным признаком системы является **связь.** Будучи широким понятием, оно тесно примыкает к таким понятиям, как взаимодействие, отношение. До системных подходов связь рассматривалась главным образом как передача информации, как элемент системы, связывающий отдельные ее части. В системном подходе связи — это способы воздействия, взаимодействия или отношения элементов системы между собой, обусловливающие структуру системы, ее функционирование во времени и пространстве. Такие связи принято называть систе-

мообразующими. Видами связи в конкретных системах могут быть энергетические, информационные, огневые и, наконец, связи управления.

Исследование связей в военных системах в том смысле, как они понимаются в системном подходе, представляет собой наиболее сложную задачу. Военные системы имеют относительную самостоятельность, поскольку они на любом уровне являются подсистемами более сложной двусторонней системы, в которую входит противник с его целями и задачами, противоположными нашей системе.

Такую систему можно назвать системой противоборствующих сторон. Самостоятельность входящих в нее подсистем проявляется только в построении их структур и в организации управления; процессы же их функционирования не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Будучи составными элементами единого процесса функционирования всей системы, они имеют определенные связи между собой и непосредственное взаимное влияние.

Процесс функционирования системы противоборствующих сторон представляет собой не просто взаимное воздействие с помощью оружия и технических средств для нанесения ущерба. В него входят процессы управления сторонами и процессы боевого обеспечения. Собственно военные действия складываются из серии боев, операций, проводимых общевойсковыми подразделениями и расчлененных в пространстве и времени. При этом они ведутся объединенными усилиями подразделений различных родов войск. Непосредственно на линии боевого соприкосновения войск стороны осуществляют взаимные огневые воздействия, проводят атаки, контратаки, преследования, отходы, различные маневры силами и средствами. В ходе военных действий вводятся необходимые резервы, выводятся из боя понесшие большие потери части и соединения, требующая ремонта техника и т. п. Постоянно ведется разведка, непрерывно работают управляющие органы обеих противоборствующих подсистем.

Через эти органы управления проходят огромные потоки информации, содержащие сведения о состоянии элементов системы, поставленных им боевых задачах и о состоянии условий боевых действий. Эти потоки имеют встречный характер: от элементов более низкого уровня вверх идет информация состояния, от вышестоящего ран-

га вниз циркулирует управляющая информация. Существует еще большой поток информации взаимодействия с соседними и взаимодействующими подразделениями и частями. Все эти сложные процессы взаимодействия и связей между элементами системы нужно исследовать не только качественно, но и количественно. Естественно, для этого нужно уметь выражать основные связи в виде таких показателей (критериев), которые впоследствии можно было бы вычислять, рассчитывать.

Как показывает опыт, классические методы прикладной математики не всегда пригодны для количественного анализа сложных связей в больших системах. Поэтому сегодня интенсивно развиваются новые специальные математические методы, связанные с теорией массового обслуживания, математическим программированием, теорией игр и статистических решений, теорией алгоритмов и алгоритмическим описанием процессов функционирования сложных систем и т. д.

Следующим показателем системы является **структура,** под которой вообще понимается определенная взаимосвязь, взаиморасположение составных частей, характеризующих строение или устройство чего-либо. С точки зрения системного подхода этот термин требует дополнительных разъяснений. Структура системы определяется составом ее элементов, способами формирования или характером существующих между ними связей. Относительная самостоятельность структуры дает возможность воспроизводить многие свойства системы в ходе ее исследования. Таким образом, совокупность всех элементов системы и связей между ними образует внутреннюю структуру системы, характеризующую отношение к ней целого и части, общего и особенного. Всякое системное исследование должно иметь в качестве одного из основных предметов анализ структуры системы. Учет и последующее использование выявленных связей явятся важнейшим условием в исследовании проблем военной теории и практики.

Порядок расположения элементов в реальных объектах, действия по приведению их в это состояние, процесс направленного изменения системы находят отражение в таком показателе системы, как **организация.** Будучи непосредственно связанной с протекающими в ней процессами управления, она не является застывшей формой.

При изменении задач, замене элементов и структуры организация претерпевает определенные изменения. Стимулом для ее изменения служит прежде всего изменение среды в военных системах — воздействие противника.

Следовательно, основные признаки системы составляют совокупность средств исследования и описания сложных объектов и способны воспроизвести объект целостно и расчлененно. Поэтому они могут служить основой системного подхода, для которого являются характерными следующие принципы:

— представление исследуемого объекта как целостной системы;

— выявление основных элементов и системообразующих связей между ними;

— анализ структуры и организации системы;

— построение схемы функционирования системы;

— обоснование целесообразности поведения системы в различных условиях.

Основным методом исследования сложных систем (к их числу относится большинство военных объектов исследования) является **метод моделирования.** Как известно, под моделированием понимается такой способ отражения объективной реальности, при котором для изучения оригинала применяется специально построенная модель, воспроизводящая существенные свойства исследуемого реального предмета, явления или процесса.

Методологической основой моделирования служит диалектический материализм. Его основные черты и законы находят широкое использование при разработке и применении моделей. Одной из конкретных теоретических основ моделирования является свойство **изоморфизма** — сходство форм проявления при качественном различии явлений и процессов.

Моделирование как способ научного познания основано на способности человека абстрагировать некоторые исходные признаки и свойства объекта исследования и устанавливать определенные отношения между ними. При этом модели не могут и не должны полностью воспроизводить все стороны и детали объекта исследования, ибо абсолютное подобие означает тождество. Достаточно, чтобы они отражали суть структуры объекта исследования или воспроизводили процессы его функционирования

и обеспечивали тем самым получение основных характеристик объекта как системы.

Применительно к военным задачам моделирование включает построение модели соответствующей операции (боевых действий) независимо от войсковой инстанции и использование ее для изучения закономерных связей между основными элементами операции и определения ожидаемых результатов.

В зависимости от способа построения модели, предназначенной служить аналогом (прообразом, отражением) исследуемых боевых действий войск, моделирование может быть физическим, мысленным, комбинированным. В связи с необходимостью исследования сложных систем, в которых особое значение стало придаваться элементам системы, выполняющим функции управления, появился новый, наиболее перспективный вид моделей — кибернетические модели. В них главным образом воспроизводятся математически процессы управления, протекающие в действительности, с учетом операций передачи, переработки и хранения информации. Кибернетическое моделирование является дальнейшим обобщением (с точки зрения развития по спирали) всех предшествующих методов моделирования. Оно позволяет исследовать по большому количеству признаков сложнодинамические системы управления войсками.

Основными особенностями кибернетического моделирования являются функциональный подход, связанный с исследованием поведения системы и ее отдельных элементов в условиях окружающей среды, и обязательное наличие критериев эффективности функционирования системы и возможности широко использовать для практической реализации моделей современные электронно-вычислительные машины, которые позволяют провести быстрое и точное моделирование сложных систем управления и установить оптимальные пути повышения их эффективности.

При системном подходе к оценке эффективности систем управления войсками необходимо учитывать, по крайней мере, две группы показателей ее работы. Первую группу составляют показатели, связанные с выполнением системой основных функций: информационная служба (сбор, переработка, хранение и выдача командованию и штабу информации); способность своевременно и качест-

венно обеспечить решение основных задач управления не только при организации боевых действий, но и в ходе их проведения (время доведения задач, объективность и обоснованность принимаемых решений); способность обеспечить взаимодействие элементов внутри системы и с соседними и вышестоящими инстанциями управления.

Вторую группу составляют показатели, оценивающие степень удовлетворения системы некоторым общим требованиям: надежность, живучесть и мобильность системы; организационно-структурные характеристики системы (структура органов управления, квалификация и численность должностных лиц, их функциональные обязанности и объем трудозатрат); техническая реализуемость системы (использование технических средств, возможность включения новых средств и т. п.); экономические характеристики системы (стоимость, окупаемость и др.).

Уже простое перечисление показателей указывает на их разнообразный характер. Большую часть из них можно выразить количественно, остальные — только качественно. Ряд показателей имеет чисто технический смысл, ряд других — оперативный. Столь явная пестрота показателей делает весьма сложным процесс оценки системы в целом, поскольку одни из них могут выявлять преимущество системы, а другие в тех же условиях указывают на ее недостатки. Поэтому окончательный вывод приходится делать на основе логического анализа полученных знаний по всей совокупности показателей. При этом нередко приходится прибегать к поиску компромисса.

Эффективность системного подхода, равно как и применение других методов, в военных исследованиях в значительной степени зависит от использования в решении исследовательских проблем математических методов.

Глава XV

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

1. Важнейшие области применения математических методов в военном деле

Применение математических методов и вычислительной техники в военно-научных исследованиях по оперативному искусству и тактике направлено на повышение научной обоснованности выдвигаемых положений и рекомендаций. С помощью этих средств могут решаться следующие важнейшие проблемы: оценка боевой эффективности комплексов и систем вооружения и военной техники, определение боевых возможностей войск, нахождение оптимальных вариантов боевых действий и выработка научно обоснованных рекомендаций по строительству вооруженных сил.

Оценка боевой эффективности заключается в определении количественных характеристик успешного решения боевых задач с помощью комплексов или систем вооружения и объектов военной техники.

Боевые возможности войск определяются при подготовке и планировании операций и боевых действий. При этом оцениваются боевые возможности не только своих войск, но и противника, определяются соотношения сил по различным вариантам возможных действий, принимаются рациональные решения на проведение операций. С помощью математических методов и современной вычислительной техники можно заранее просчитать значительное количество вариантов действий сторон и выбрать наиболее выгодный из них.

Нахождение оптимальных вариантов боевых действий сводится к определению ожидаемых результатов всех возможных способов и сравнению их между собой. Посколь-

ку количество возможных вариантов может быть очень большим, то на практике наиболее оптимальные из них определяются методами целенаправленного поиска, не требующими рассмотрения всех возможных вариантов и приводящими к цели через ограниченное число шагов.

Выработка научно обоснованных рекомендаций по строительству вооруженных сил в структурном отношении включает в себя следующие моменты: определение перспективных систем вооружения для видов вооруженных сил; выработка рекомендаций по оптимальному составу видов вооруженных сил и родов войск; эффективное распределение материальных и денежных ресурсов при разработке перспективных систем вооружения; учет тех изменений в тактике, оперативном искусстве и стратегии, которые происходят в связи с изменением боевой эффективности нового вооружения.

В решении перечисленных проблем математические методы исследования могут дать важные количественные рекомендации для более правильного планирования строительства вооруженных сил.

В условиях современной войны математические методы органически связаны с такими процессами управления войсками, как оценка обстановки, расчеты для принятия решений, расчеты при планировании и постановке задач подчиненным, расчеты по организации обеспечения, оценка и прогнозирование результатов действий.

Однако все они позволяют получить только количественную оценку. Поэтому их применение в военном деле носит вспомогательный характер и только в определенных целях. Расчетные результаты не должны возводиться в абсолют, и при принятии решений их необходимо сочетать с логикой, волей, опытом и интуицией военачальников.

При разработке вопросов тактики и оперативного искусства прежде всего необходимо использовать следующие расчетные методики для ЭВМ: определение соотношения сил сторон в начале и в ходе боя, операции; прогнозирование радиационной обстановки; определение боевых возможностей войск ПВО; расчеты по боевому применению фронтовой авиации, соединений дальней авиации; расчеты по применению сил военно-морского флота.

Задача исследователя заключается в следующем: в соответствии с научной темой и поставленной целью вы-

брать необходимые расчетные методики, создать поучительную оперативно-тактическую обстановку для исследуемой проблемы, разработать варианты расчетов, в которых отразить влияние необходимых факторов, и получить машинные расчеты.

Наиболее ответственный этап применения математических методов — оперативное использование результатов расчетов. Здесь необходимо тщательно проанализировать влияние всех оперативно-тактических и технических факторов, заложенных в вариантах, сделать выводы и при необходимости произвести новые расчеты.

Современные научные методы занимают значительное место при разработке проблем управления войсками. В настоящее время развивается ряд важных областей знаний, которые могут успешно использоваться в работах по указанной тематике.

Сегодня при обосновании вопросов управления войсками, например, широко используются результаты кибернетики (теории информации, теории алгоритмов, теории автоматизированных систем) для решения задач автоматизации процессов сбора, обработки, обобщения данных обстановки; производства оперативных расчетов, ускорения процесса планирования боя и операций, оформления и размножения боевых документов, доведения задач до войск.

В военно-научных исследованиях успешно применяются математические методы для выявления путей повышения боеготовности войск. Творческое использование простейших методов, в том числе и сетевых методов планирования и управления, позволяет добиваться дальнейшего совершенствования повышения боевой готовности частей и соединений.

В военно-научных работах, посвященных перспективам развития вооруженных сил, значительное место занимают вопросы военно-научного прогнозирования. Нарастающие темпы научно-технического прогресса требуют осуществлять всесторонний прогноз, прежде чем приступить к решению проблем перспективного развития вооруженных сил.

В настоящее время наметились пути решения военно-экономических проблем с помощью методов линейного и динамического программирования, а также более общего

и перспективного метода — принципа максимума Л. С. Понтрягина.

Анализ полученных данных является завершающим этапом применения перечисленных методов и заключается в логическом истолковании математических результатов решения. Как на первом этапе — при постановке задач, так и на последнем — при анализе полученных знаний, главная роль принадлежит военному специалисту, который делает выводы о достижении цели исследования, дает оценку качеству результатов и составляет практические рекомендации по реализации военно-научного исследования.

2. Применение теории вероятностей в военном деле

Важной областью применения теории вероятностей является определение эффективности средств поражения. Решения в этой области касаются определения количества и разрушительной мощности средств поражения, выбора дистанции (дальности, высоты, глубины) открытия и ведения огня, предъявления требований к точности систем управления, разведке, другим видам обеспечения боевых действий. Для решения этих задач определяются объекты поражения, которые делятся на одиночные, площадные и групповые.

Одиночная цель (самолет, корабль, огневая точка) может находиться в двух состояниях — поражена, то есть прекратила выполнять свои функции, или не поражена — продолжает выполнять свойственные ей функции. Критерием эффективности стрельбы (пуска) по одиночной цели является вероятность поражения.

Площадная цель занимает на местности значительные размеры и состоит из множества неравноценных объектов (город, аэродром, военно-промышленный объект, группировка войск и т. д.). Критериями эффективности применения средств поражения по площадным целям являются: математическое ожидание доли пораженной территории, если задачей является поражение возможно большей площади цели, и гарантийная вероятность того, что пораженная доля площади будет не менее заданного значения.

Групповой целью принято считать совокупность одиночных целей, совместно выполняющих боевую задачу (группа самолетов, кораблей и т. д.). Критериями эффективности в этом случае являются: математическое ожидание доли пораженных единиц, вероятность поражения не менее заданного количества единиц.

Основными характеристиками объектов поражения, учитываемыми при оценке эффективности применения средств поражения, можно назвать следующие: размеры, конфигурацию, живучесть объекта, его положение относительно направления стрельбы (пуска). Другими факторами, влияющими на эффективность средств поражения, будут: мощность боеприпаса, рассеивание боеприпасов, координаты объектов.

Живучесть или уязвимость объектов поражения зависит как от конструкции и прочности цели, так и от разрушительной мощи снаряда. Характеристикой уязвимости цели при стрельбе ударными снарядами является закон поражения цели, представляющий вероятность поражения цели при условии, что в нее попало ровно m снарядов. Для целей, не имеющих накопления ущерба (попадание одного снаряда в уязвимую часть цели приводит к выводу этого участка из строя и поражению цели, а последующие попадания снарядов в эту зону не имеют значения), закон поражения является показательным:

$$G(m) = 1 - \left(1 - \frac{1}{\omega}\right)^{m},$$

где $G(m)$ — закон поражения;
ω — среднее необходимое число попаданий для поражения цели;
m — общее число средств поражения, попавших в цель.

Показательный закон поражения употребляется главным образом для характеристики уязвимости цели при воздействии по ней средств поражения контактного действия.

Существуют средства поражения с большой мощностью, поражение которыми достигается не только при подрыве заряда на цели, но и при разрыве его в пределах некоторого радиуса. В этом случае вместо закона поражения употребляют радиус поражения, который

характеризует не только мощность заряда, но и прочность цели.

Вероятность поражения одиночной цели выражается формулой

$$P = 1 - e^{-\rho^2 \frac{R_{\text{п}}^2}{\text{ВО}^2}},$$

где P — вероятность поражения одиночной цели;
$R_{\text{п}}$ — радиус поражения;
ВО — вероятное отклонение;
$\rho = 0{,}477$ — постоянная нормального закона распределения;
$e = 2{,}71828...$ — основание натуральных логарифмов.

Приведенная формула является одной из основных, используемых при оценке боевой эффективности средств поражения.

Ниже в таблице дана зависимость вероятности поражения в процентах от величины $K = \frac{R_{\text{п}}}{\text{ВО}}$.

K		Десятые доли									
		0	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9
Целые доли	0	0	0,2	1	2	4	6	8	11	14	17
	1	20	24	28	32	36	40	44	48	52	56
	2	60	63	67	70	73	76	79	81	83	85
	3	87	89	90	92	93	94	95	96	96	97
	4	97	98	98	99	99	99	99	99	99	100
	5	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассмотрим несколько типичных примеров на применение приведенной формулы, встречающихся в исследованиях и при решении практических задач.

Пример 1. Определить вероятность поражения шахтной стартовой позиции, если радиус поражения боеприпаса равен 1 км, а вероятное отклонение составляет 1,5 км; 1 км; 0,5 км.

Решение. Определяем величину K для трех значений вероятного отклонения.

Имеем

$$K_1 = \frac{1}{1{,}5} = 0{,}67; \; K_2 = \frac{1}{1} = 1; \; K_3 = \frac{1}{0{,}5} = 2.$$

По таблице находим вероятность поражения:

$$P_1 = 10\%;\ P_2 = 20\%;\ P_3 = 60\%.$$

Пример 2. Определить вероятное отклонение боеприпаса, при котором вероятность поражения шахтной стартовой позиции будет составлять 90%. Радиус поражения принять равным 1 км.

Решение. По таблице для вероятности поражения 90% находим

$$K = 3{,}2.$$

Определяем вероятное отклонение из соотношения

$$\text{ВО} = \frac{R_\text{п}}{K} = \frac{1}{3{,}2} = 0{,}31 \text{ км}.$$

Пример 3. Определить требуемый радиус поражения боеприпаса для достижения вероятности поражения шахтной стартовой позиции 90%, если вероятное отклонение составляет 1 км; 0,7 км; 0,4 км.

Решение. По таблице для вероятности поражения 90% находим

$$K = 3{,}2.$$

Определяем требуемые радиусы поражения из соотношения

$$R_\text{п} = K \cdot \text{ВО}.$$

Имеем

$$R_{\text{п}1} = 3{,}2 \cdot 1 = 3{,}2 \text{ км};\ R_{\text{п}2} = 3{,}2 \cdot 0{,}7 = 2{,}24 \text{ км};$$

$$R_{\text{п}3} = 3{,}2 \cdot 0{,}4 = 1{,}28 \text{ км}.$$

Известно, что радиусы поражения связаны с мощностями боеприпасов (тротиловыми эквивалентами) следующим приближенным законом подобия:

$$\frac{R_1}{R_2} = \sqrt[3]{\frac{q_1}{q_2}},$$

где R_1, R_2 — радиусы поражения;
q_1, q_2 — мощности боеприпасов.

Из закона подобия следует, что увеличение мощности боеприпаса не приводит к интенсивному росту радиуса поражения, а следовательно, и вероятности поражения цели. Более значительное увеличение вероятности пораже-

ния цели достигается за счет повышения точности боевых средств.

Пример 4. По шахтной стартовой позиции наносится удар ракетой с боеприпасом 1 Мт (радиус поражения 0,7 км) и вероятным отклонением 1 км. Определить:

1) потребную мощность боеприпаса для достижения вероятности поражения 90%;

2) требуемое вероятное отклонение для достижения вероятности поражения 90%.

Решение. По таблице для величины $K = \frac{0,7}{1} = 0,7$ находим вероятность поражения шахтной стартовой позиции

$$P = 11\%.$$

По таблице для вероятности поражения 90% находим

$$K = 3,2.$$

Определяем радиус поражения из соотношения

$$R_п = K \cdot ВО = 3,2 \cdot 1 = 3,2 \text{ км}.$$

Мощность боеприпаса определяем на основании закона подобия:

$$q_2 = q_1 \left(\frac{R_2}{R_1}\right)^3 = 1 \cdot \left(\frac{3,2}{0,7}\right)^3 = 95 \text{ Мт}.$$

Таким образом, для увеличения вероятности поражения шахтной стартовой позиции с 11 до 90% (в 8 раз) потребовалось бы увеличить мощность боеприпаса в 95 раз.

Для ответа на второй вопрос определяем требуемое вероятное отклонение (при сохранении мощности боеприпаса 1 Мт) из соотношения

$$ВО = \frac{R_п}{K} = \frac{0,7}{3,2} = 0,22 \text{ км}.$$

Следовательно, задача уничтожения шахтной стартовой позиции практически может быть выполнена (с вероятностью 90%), если носитель боеприпаса в 1 Мт будет иметь вероятное отклонение 0,22 км.

Таким образом, увеличение вероятности поражения в 8 раз достигается при увеличении точности (уменьшении вероятного отклонения) в 4,5 раза (с 1 до 0,22 км).

Приведенные примеры показывают, что весьма широкий круг практически важных задач по оценке эффективности средств поражения может решаться с помощью приведенной формулы теории вероятностей.

Вероятность поражения цели несколькими однородными средствами поражения при независимых выстрелах (пусках) определяется по формуле

$$P_{п} = 1 - (1 - P)^{n},$$

где $P_{п}$ — вероятность поражения цели несколькими средствами поражения;

P — вероятность поражения цели одним средством поражения;

n — число средств поражения.

Оценка эффективности решения боевых задач зависит от ряда факторов: возможности обнаружения объекта противника (вероятность обнаружения, точность определения координат), противодействия противника (неуничтожение своих средств поражения на старте, неуничтожение средств поражения в полете), технической надежности средств поражения и других факторов.

Применение теории вероятностей для анализа отдельных этапов боевого применения сил и средств позволяет получать ценные количественные оценки эффективности боя и операции, необходимые командирам и командующим для принятия решения. Важное значение эти оценки имеют и для военно-научных исследований.

При оценке противодействия противника можно различать два варианта: противодействие противника предшествует рассматриваемому боевому действию, эффективность которого исследуется; противодействие происходит в ходе выполнения боевой задачи.

Первый случай более простой с точки зрения математического описания, в то же время он часто встречается в боевой обстановке. Например, при определении эффективности ударов авиации мы должны учитывать те потери, которые нанесет нам противник на аэродромах и в полете. В рассматриваемом случае противодействие противника предшествует нашим действиям.

Схема учета противодействия противника, предшествующего выполнению боевой задачи, зависит от того, сколькими средствами поражения выполняется задача. Рассмотрим сначала случай, когда боевую задачу выпол-

няет одно средство поражения (ракета, самолет, танк, орудие, корабль, зенитная ракета и т. д.).

За критерий эффективности примем вероятность выполнения боевой задачи или математическое ожидание ущерба. Обозначим через $P_д$ вероятность того факта, что в результате противодействия противника средство поражения не уничтожено. Эта величина называется вероятностью достижения цели. Вероятность выполнения боевой задачи и математическое ожидание ущерба с учетом противодействия противника определяются по формулам:

$$P_{пр} = P \cdot P_д; \; M_{пр} = M \cdot P_д,$$

где $P_{пр}$ — вероятность выполнения боевой задачи с учетом противодействия противника;

P — вероятность выполнения боевой задачи без учета противодействия противника;

$M_{пр}$ — математическое ожидание ущерба с учетом противодействия противника;

M — математическое ожидание ущерба без учета противодействия противника;

$P_д$ — вероятность достижения цели носителем.

Как видим, важной величиной при оценке противодействия противника является вероятность достижения цели носителем. Если в налете участвует несколько носителей средств поражения (самолетов, ракет), которые атакуются однородными средствами противовоздушной (противоракетной) обороны, то вероятность достижения цели определяется по формуле:

$$P_д = (1 - P)^{K\frac{n}{N}},$$

где $P_д$ — вероятность достижения цели;

P — вероятность уничтожения носителя одним средством противовоздушной (противоракетной) обороны;

n — число боевых средств противовоздушной (противоракетной) обороны, участвующих в отражении налета;

N — число носителей, принимающих участие в налете;

K — коэффициент участия (доля боевых средств, непосредственно атакующих носителей).

Приведенная формула позволяет учитывать много различных факторов. Так, вероятность уничтожения носителя одним средством противовоздушной обороны зависит от тактико-технических характеристик боевого средства ПВО и носителя, от радиоэлектронного противодействия средствам ПВО, возможностей обнаружения и перехвата, способов атаки и других факторов.

Коэффициент участия зависит от характеристик налета носителей, боевого порядка активных средств ПВО, обученности и тренированности летного состава (для истребителей-перехватчиков).

Величину $i = K\frac{n}{N}$ можно назвать количеством действительных атак, произведенных по носителю. В таком случае вероятность достижения цели запишется в виде $P_{\text{д}} = (1 - P)^i$.

Ниже приводится таблица, характеризующая влияние числа действительных атак на вероятность достижения цели (для двух значений P).

i / $P_{\text{д}}$		1	2	3
P	0,2	0,80	0,64	0,51
	0,7	0,30	0,09	0.3

Из таблицы следует, что на вероятность достижения цели большое влияние оказывает количество атак, особенно при наличии эффективных средств ПВО. Например, при вероятности уничтожения носителя одним средством ПВО $P = 0,7$ вероятность достижения цели составляет:

30% — при одной атаке;
9% — при двух атаках;
3% — при трех атаках.

Приведем еще пример, характеризующий влияние средств электронного подавления на вероятность достижения цели. Влияние помех будем оценивать снижением вероятности уничтожения носителя одним средством ПВО на некоторую величину (на 25% — для слабых помех, на 75% — для сильных помех). Вероятность уничтожения носителя без помех примем равной 0,7.

Если при отсутствии помех вероятность достижения цели составляет 30%, то при наличии слабых помех она будет равна 47%, а при сильных помехах — 83%. Этот пример показывает, какое огромное значение имеет организация электронного подавления.

Учет противодействия противника в ходе боевых действий существенно сложнее и требует чаще всего применения методов математического моделирования. Учет технической надежности средств поражения аналогичен учету противодействия противника, предшествующего выполнению боевой задачи.

Расчет наряда средств поражения, необходимых для выполнения боевой задачи, является наиболее распространенным при принятии решения на операцию и боевые действия, а также в военно-научных исследованиях. При большом количестве объектов противника и средств поражения расчеты становятся сложными. В настоящее время они выполняются на электронно-вычислительных машинах.

Рассмотрим общую схему решения задач по определению потребного наряда средств поражения. Пусть требуется решить боевую задачу (уничтожить группировку ракетных средств противника, авиацию на аэродромах или в полете, группировку танков, скопление живой силы и т. д.), эффективность выполнения которой оценивается вероятностью поражения (для малоразмерных целей) или математическим ожиданием ущерба (для площадных целей). Потребный наряд однородных средств поражения может быть выражен формулами:

$$n = \frac{\lg(1 - P_з)}{\lg(1 - P)}; \quad n = \frac{\lg(1 - M_з)}{\lg(1 - M)},$$

где n — потребный наряд однородных средств поражения;

$P_з$ — заданная вероятность уничтожения малоразмерной цели;

P — вероятность уничтожения малоразмерной цели одним средством поражения;

$M_з$ — заданное математическое ожидание ущерба, наносимого площадной цели;

M — математическое ожидание ущерба, наносимого площадной цели одним средством поражения.

Приведенные формулы могут быть использованы при любом количестве объектов противника и разнородных средств поражения.

3. Применение теории массового обслуживания в военном деле

Теория массового обслуживания исследует количественные характеристики, связанные с организацией массового обслуживания. Эффективность операций и боевых действий во многом зависит от пропускной способности тех или иных боевых единиц (стартовых позиций ракет, аэродромов, кораблей, артиллерии и т. д.), а также от пропускной способности их оружия и систем обслуживания. Так, для оценки эффективности противовоздушной обороны необходимо знать, все ли воздушные цели будут обстреляны или некоторые из них пройдут зону действия зенитных ракет необстрелянными ввиду занятости всех каналов наведения. Аналогичные вопросы возникают при анализе работы ремонтных организаций, эксплуатационной службы, системы связи, аэродромов и т. д.

При анализе военных проблем, которые могут быть изучены методами теории массового обслуживания, важно установить типы систем массового обслуживания. Они могут быть однородными (то есть состоять из одинаковых устройств) и неоднородными, однофазными (когда заявка обслуживается в одной фазе) и многофазными, одноканальными и многоканальными.

В соответствии с организацией обслуживания все системы можно разделить на три типа. Первый — системы обслуживания с потерями, в которых заявка, заставшая все аппараты занятыми, покидает систему необслуженной. Второй — системы обслуживания с ожиданием. В них ввиду занятости всех аппаратов заявка становится в очередь для обслуживания. Третий — смешанные системы массового обслуживания с некоторыми промежуточными условиями на ожидание в очереди и пребывание в системе. В этих системах заявка не всегда покидает систему, но и ждет обслуживания лишь при выполнении определенных условий. Так, в ряде задач таким условием является ограниченное время пребывания заявки в системе. Другим примером условий может быть ограничение времени ожидания обслуживания.

Основными критериями эффективности систем массового обслуживания с потерями являются: вероятность отказа в обслуживании (вероятность потери заявки), среднее число занятых аппаратов, среднее количество потерянных заявок за определенный промежуток времени. Основными критериями эффективности систем обслуживания с ожиданием будут: вероятность занятости всех каналов и очереди с данным количеством заявок, средняя длина очереди, время ожидания обслуживания, среднее число занятых обслуживающих аппаратов.

Критерии эффективности обслуживания смешанного типа в основном совпадают с теми, которые относятся к системам первого и второго типов.

В зависимости от специфических условий каждой задачи могут появиться и дополнительные критерии. Например, в системах обслуживания, в которых заявка не может находиться в системе больше заданного времени и покидает систему, как только истечет это время, критерием может быть время, затраченное на обслуживание заявок, покинувших систему до окончания обслуживания.

Критерии эффективности систем массового обслуживания с потерями. Рассмотрим многоканальную систему массового обслуживания с потерями, на вход которой поступает простейший поток заявок с плотностью λ (стационарный ординарный поток с отсутствием последействия). Вероятность отказа (вероятность того, что поступившая заявка найдет все каналы занятыми) определяется по формуле

$$P_{\text{отк}} = \frac{\dfrac{a^n}{n!}}{\sum\limits_{k=0}^{n} \dfrac{a^k}{k!}},$$

где $P_{\text{отк}}$ — вероятность отказа;

α — приведенная плотность заявок; $\alpha = \dfrac{\lambda}{\mu}$, где λ — плотность потока заявок; μ — величина, обратная среднему времени обслуживания заявки;

n — число каналов (число однородных аппаратов обслуживания);

k — текущий параметр, принимающий целые значения от 0 до n.

Относительная пропускная способность системы с потерями равна

$$q = 1 - P_{\text{отк}}.$$

Для данного момента времени это есть отношение среднего числа обслуживания заявок за единицу времени к среднему числу поданных.

Абсолютная пропускная способность системы определяется по формуле

$$Q = \lambda q = \lambda (1 - P_{\text{отк}}).$$

Средняя доля времени, в течение которого система вообще не загружена, может быть определена по формуле

$$P_0 = \frac{1}{\sum_{k=0}^{n} \frac{\alpha^k}{k!}},$$

где P_0 — средняя доля времени, в течение которого система не загружена.

Пример 1. Определить вероятность прорыва зоны ПВО самолетами противника, если плотность потока самолетов 4 сам./мин, параметр скорострельности зенитных комплексов 2 сам./мин, число комплексов 4.

Решение. Систему ПВО можно считать системой массового обслуживания с потерями, поскольку неуничтоженные цели выйдут из зоны ПВО необслуженными.

В нашем примере имеем:

$$\lambda = 4 \text{ сам./мин}; \ \mu = 2 \text{ сам./мин};$$

$$\alpha = \frac{\lambda}{\mu} = \frac{4}{2} = 2; \ n = 4.$$

Вероятность прорыва зоны ПВО (вероятность отказа) будет равна

$$P_{\text{отк}} = \frac{\frac{\alpha^4}{4!}}{1 + \frac{\alpha}{1!} + \frac{\alpha^2}{2!} + \frac{\alpha^3}{3!} + \frac{\alpha^4}{4!}} = 0{,}1.$$

Таким образом, вероятность прорыва зоны ПВО составляет всего 10%.

Пример 2. Станция наведения истребителей имеет 3 канала. Каждый из них может одновременно наводить на цель один истребитель. Среднее время наведения 2 минуты. Налет самолетов противника имеет интенсивность 1,5 самолета в минуту (поток простейший). Определить средний процент целей, проникающих через зону неатакованными.

Решение. В нашем примере станцию можно считать системой с отказами.

Имеем

$$n = 3;\ \lambda = 1{,}5 \text{ сам./мин};\ \mu = \frac{1}{2} = 0{,}5;\ \alpha = \frac{\lambda}{\mu} = 3.$$

Средний процент целей, проникающих через зону неатакованными, есть вероятность отказа в обслуживании.

Подставляя в формулу численные значения, получим

$$P_{\text{отк}} = \frac{\frac{3^3}{3!}}{1 + \frac{3}{1!} + \frac{3^2}{2!} + \frac{3^3}{3!}} = 0{,}346.$$

Таким образом, 35% целей в данном случае будут проходить зону неатакованными. Как видно, в рассмотренном примере плотность потока целей выбрана такой, что при их равномерном следовании одна за другой через определенные интервалы и при точно фиксированном времени наведения 2 мин номинальная пропускная способность системы наведения достаточна, для того чтобы атаковать все без исключения цели. Снижение пропускной способности и прорыв зоны обороны происходят из-за наличия случайных сгущений и разрежений в потоке целей, которые нельзя предвидеть заранее. Следовательно, для более успешного преодоления противовоздушной обороны противника нужно стремиться организовывать налет не равномерным, а в виде случайного, разбросанного потока эшелонов самолетов.

Критерии эффективности систем массового обслуживания с ожиданием. Для систем массового обслуживания с ожиданием (многие ремонтные, тыловые системы) основным критерием является вероятность того, что все

каналы заняты и в очереди находится определенное число заявок. Этот критерий определяется по формуле

$$P_{n+s} = \frac{\dfrac{\alpha^{n+s}}{n!\,n^s}}{\sum\limits_{k=0}^{n} \dfrac{\alpha^k}{k!} + \dfrac{\alpha^{n+1}}{n!\,(n-\alpha)}},$$

где P_{n+s} — вероятность занятости каналов и нахождения s заявок в очереди;

n — число каналов (обслуживающих аппаратов);

s — число заявок в очереди.

Среднее число заявок, находящихся в очереди (средняя длина очереди), определяется по формуле

$$m_s = \frac{\dfrac{\alpha^{n+1}}{n \cdot n!\left(1 - \dfrac{\alpha}{n}\right)^2}}{\sum\limits_{k=0}^{n} \dfrac{\alpha^k}{k!} + \dfrac{\alpha^{n+1}}{n!\,(n-\alpha)}}.$$

Пример 3. На ремонтное предприятие танков с тремя помещениями поступает простейший поток заявок с плотностью 4 заявки в сутки. Среднее время текущего ремонта 12 часов. Определить вероятность отказа в обслуживании и среднюю длину очереди.

Решение. В данном примере имеем

$$n = 3;\ \lambda = 4 \text{ танка/сутки};\ \mu = \frac{1}{0{,}5} = 2 \text{ танка/сутки};$$

$$\alpha = \frac{\lambda}{\mu} = \frac{4}{2} = 2.$$

Вероятность отказа в обслуживании (вероятность того, что все помещения для ремонта заняты) равна

$$P_{\text{отк}} = \frac{\dfrac{\alpha^3}{3!}}{1 + \dfrac{\alpha}{1!} + \dfrac{\alpha^2}{2!} + \dfrac{\alpha^3}{3!} + \dfrac{\alpha^4}{3!\,(3-\alpha)}} = \frac{8}{54} = 0{,}148.$$

Средняя длина очереди будет

$$m_s = \frac{\dfrac{a^4}{3\cdot 3!\left(1-\dfrac{a}{3}\right)^2}}{1+\dfrac{a}{1!}+\dfrac{a^2}{2!}+\dfrac{a^3}{3!}+\dfrac{a^4}{3!(3-a)}} = 0{,}89.$$

Таким образом, в данном ремонтном предприятии в среднем будет ожидать ремонта один танк.

Критерии эффективности систем массового обслуживания смешанного типа. Наиболее распространенными в военном деле системами смешанного типа являются системы с ограничением времени пребывания в очереди и ограничением по длине очереди.

Рассмотрим систему массового обслуживания с ограничением по длине очереди — по числу заявок, стоящих в очереди. Предположим, что заявка, заставшая все каналы занятыми, становится в очередь, только если в ней находится менее m заявок; если же число заявок в очереди равно m, то последняя прибывшая заявка покинет систему необслуженной.

Основным критерием эффективности таких систем является вероятность того, что заявка покидает систему необслуженной (вероятность того, что в очереди уже стоит m заявок).

Этот критерий определяется по формуле

$$P_{n+m} = \frac{\dfrac{a^n}{n!}\left(\dfrac{a}{n}\right)^m}{\sum\limits_{k=0}^{n}\dfrac{a^k}{k!}+\dfrac{a^n}{n!}\sum\limits_{s=1}^{m}\left(\dfrac{a}{n}\right)^s}.$$

Пример 4. На ремонтное предприятие автотракторной техники поступает простейший поток заявок с плотностью 0,5 маш./ч. Имеется одно помещение для ремонта. Во дворе может одновременно находиться, ожидая очереди, не более трех машин. Среднее время ремонта одной машины 2 часа.

Определить:

а) вероятность того, что пришедшая заявка покинет базу необслуженной;

б) пропускную способность предприятия;

в) насколько изменятся эти характеристики, если оборудовать второе помещение для ремонта.

Решение. Имеем $n=1$; $\lambda=0{,}5$; $\mu=0{,}5$; $\alpha=1$; $m=3$.

а) Вероятность того, что пришедшая заявка покинет базу необслуженной, равна

$$P_{1+3} = \frac{1}{1+1+1+1+1} = 0{,}20.$$

б) Относительная пропускная способность будет

$$q = 1 - P_{1+3} = 0{,}80.$$

в) Полагая, что $n=2$, найдем

$$P_{2+3} = \frac{\frac{1}{2}\cdot\left(\frac{1}{2}\right)^3}{1+1+\frac{1}{2}+\frac{1}{2}\left(\frac{1}{2}+\frac{1}{2^2}+\frac{1}{2^3}\right)} = \frac{1}{47} = 0{,}021.$$

Наличие второго помещения для ремонта свидетельствует о том, что около 98% всех заявок будет удовлетворяться (с учетом ожидания в очереди не более трех машин).

Таким образом, теория массового обслуживания позволяет исследовать важные проблемы военного искусства с количественной точки зрения и использовать получаемые результаты в практике боевой подготовки и строительстве вооруженных сил.

4. Применение математического программирования в военном деле

Математическое программирование представляет собой совокупность математических методов, используемых для нахождения оптимальных решений.

В самом общем виде задача нахождения оптимального решения может быть поставлена следующим образом. Например, необходимо спланировать наиболее эффективную операцию, наилучшим образом отвечающую предъявляемым к ней требованиям. При правильно выбранном критерии оценки успешности операции поставленная задача ее планирования будет иметь количественный смысл. В свою очередь, критерий эффективности зависит от ха-

рактера операции, ее цели, содержания и выбирается для каждого конкретного случая.

Задача нахождения оптимального решения будет заключаться в выборе такого способа действий, при котором критерий эффективности операции имел бы максимум или минимум (экстремум).

В зависимости от наличия и вида ограничений, а также от количества этапов операции находят применение различные методы математического программирования.

Современная математика располагает целым арсеналом методов, позволяющих решать задачи оптимизации решений. К ним относятся: классические методы математического анализа, линейное, нелинейное, динамическое программирование, принцип максимума Л. С. Понтрягина, дискретный принцип максимума, целочисленное, стохастическое, блочное программирование и другие методы.

Классические методы математического анализа (метод нахождения максимума и минимума функции, вариационное исчисление) давно используются в военном деле, особенно при решении военно-технических вопросов. Однако по ряду причин (экстремум лежит на границе области возможных значений переменных, недифференцируемость критерия и др.) они не всегда могут быть применены для нахождения оптимальных решений на операцию.

За последние годы получили широкое применение новые методы математического программирования для решения разнообразных научных и практических задач военного дела. Этому способствовало развитие электронных вычислительных машин и аналого-цифровых устройств, позволяющих реализовать весьма сложные и объемные алгоритмы, к которым приводят многие задачи оптимизации решений.

Линейное программирование есть метод нахождения оптимального решения, когда процесс одноэтапный, критерий эффективности представляет линейную функцию переменных, система ограничений — набор линейных неравенств (уравнений). Следует отметить, что и многоэтапные процессы иногда могут быть сведены к задаче линейного программирования.

Нелинейное программирование — это метод нахождения оптимального решения в случае одноэтапных процессов, когда критерий и ограничения являются нелинейны-

ми функциями переменных. Методов решения задач нелинейного программирования в общем случае не существует, хотя довольно часто (для задач выпуклого программирования) их удается решить. Многие задачи, связанные с планированием применения боевых средств, сводятся к задачам нелинейного программирования.

Динамическое программирование представляет метод нахождения оптимального решения в случае многоэтапных процессов. Его можно использовать и для решения задач линейного программирования.

Принцип максимума Л. С. Понтрягина сводится к поиску оптимальных решений для процессов с непрерывным планом действий. С некоторыми видоизменениями этот принцип применим и для решения дискретных задач. В таком виде его называют **дискретным принципом максимума.**

Принцип максимума и динамическое программирование математически могут быть получены один из другого. Для ряда процессов было установлено, что решения, принципиально невозможные для динамического программирования, удалось получить с помощью дискретного принципа максимума.

Целочисленное программирование является методом нахождения оптимального решения задач в целых числах. Многие задачи военного дела (задачи целераспределения наземных средств поражения, боевых комплексов ПВО и другие) сводятся к задачам целочисленного программирования.

Стохастическое программирование представляет собой метод нахождения оптимальных решений в условиях неопределенности, когда часть исходных данных является случайными величинами. Близко к этому методу примыкает **параметрическое** программирование, с помощью которого изучается влияние изменений параметров, которые определяют критерий, и ограничений на решение задачи.

Блочное программирование есть метод получения оптимального решения задачи большого размера по результатам решения ряда частных задач с меньшим числом переменных и ограничений. Этот метод получает широкое распространение при использовании электронных вычислительных машин и математического моделирования.

Наряду с методами математического программирования, ставшими в настоящее время уже классическими,

появились и развиваются новые методы, сочетающие логические и математические методы. Примером логико-аналитических методов может служить эвристическое программирование.

Эвристическое программирование представляет собой метод нахождения решений на основе логического отбора лучших решений и последующего их математического анализа с целью оптимизации.

Хотя данный метод и не гарантирует получение эффективного решения, однако он может использоваться в военном деле для построения моделей операций, боевых действий и решения задач оптимизации решений. При составлении эвристических программ для ЭВМ используется опыт специалистов в данной области, формализуемый в виде некоторых правил, эмпирических зависимостей, вычислительных схем. Эвристическое программирование дает возможность найти решение (не обязательно оптимальное) в тех случаях, когда классические математические методы не применимы. Использование эвристического программирования в военном деле может оказаться весьма перспективным при моделировании боевых действий, при составлении опорного плана операции, который затем уточняется другими методами программирования.

Линейное и нелинейное программирование в военном деле находит самое широкое применение.

Так, линейное программирование позволяет решать ряд задач по оценке эффективности систем вооружения и военной техники, по анализу боевых возможностей войск (сил), нахождению оптимальных вариантов боевых действий.

Успешно используется оно и при решении задач распределения средств усиления, целераспределения и транспортных задач, задач выбора оптимального сочетания различных боевых средств в подразделениях и частях, построения оптимальной многоэшелонной обороны, выбора эффективной системы вооружения, распределения ресурсов по разным видам вооружения и т. д.

Задачи распределения заключаются в следующем.

Например, намечено несколько мероприятий для выполнения, задано также ограниченное количество ресурсов, в частном случае достаточное для осуществления всех заданий. Некоторые мероприятия можно выполнять, ис-

пользуя разные количества и комбинации ресурсов. Но не все их можно осуществить лучшим способом из-за отсутствия ресурсов. Последнее условие и создает трудности в решении задач. Поэтому в итоге решения задачи необходимо выбрать такое распределение ресурсов по мероприятиям, при котором суммарная эффективность будет наибольшей.

5. Применение теории игр в военном деле

Теория игр исследует количественные закономерности в конфликтных ситуациях.

Боевые действия принимают форму конфликта между двумя сторонами, исход которого зависит не только от принятого решения одной из них, но и от ответных действий другой. В таких ситуациях предугадать исход, а тем более определить действия, при которых он оказался бы наиболее благоприятным, чрезвычайно сложно.

Для применения в условиях конфликтной ситуации обычных методов оптимизации необходимо задаться гипотезой о действиях противника. Однако в данных обстоятельствах отдать предпочтение какой-либо версии не представляется возможным, а методов определения законов распределения вероятности выбора противником своих способов действий не существует. В связи с этим возникает необходимость в теории, позволяющей находить количественные рекомендации при принятии решений в условиях неопределенности. Такой теорией является теория игр.

Известные элементы обстановки определяют множество действий сторон и значения критериев эффективности. Неизвестные элементы обусловливают отсутствие любой, даже вероятностной, информации о возможной реализации того или иного способа действий противника. Таким образом, любую неопределенность можно расчленить на известную и неизвестную части, построить игровую модель изучаемых боевых действий и на ее основе получить оптимальное решение.

Для применения теории игр в военном деле нужна существенная схематизация рассматриваемой операции (боевых действий), представленной в виде игры, в которой противники, называемые игроками, имеют противоположные цели и располагают различными путями их до-

стижения. При этом обязательным условием является следующее: достижение одним игроком своей цели находится в непосредственной зависимости от выбора способа действий другим игроком. Отличительная особенность игры по сравнению с реальной операцией состоит в том, что первая ведется по заранее разработанным правилам. В этом заключается основное ограничение применения теории игр в военном деле. Она позволяет получить количественные рекомендации в таких условиях, когда применение другого математического аппарата невозможно из-за отсутствия необходимой информации о действиях противника, а времени и эффективных средств разведки нет. В этом состоит основное значение теории игр в исследовании военных вопросов.

Следовательно, теория игр чаще всего применяется для обоснования оптимальных вариантов использования сил и средств с учетом неизвестных ответных действий противника. С этой точки зрения диапазон использования теории игр в военном деле очень широк — от оценки боевой эффективности систем вооружения до распределения сил и средств в операциях и выбора оптимальных вариантов боевых действий.

Рассмотрим простейший пример применения теории игр.

Пусть в нашем распоряжении имеются два варианта налета авиации, а в распоряжении противника два способа отражения его. Предположим, что мы заранее определили вероятности достижения цели для каждой комбинации способов действий и получили матрицу (2×2) одноходовой конечной антагонистической игры:

		Способы отражения		Минимумы строк
		1	2	
Способы налета	I	0,2	0,3	0,2
	II	0,7	0,4	0,4*
Максимум столбцов		0,7	0,4*	

При первом способе действий в худшем для нас случае вероятность достижения цели равна 0,2, а при втором — 0,4. Эти величины будут минимумами строк (они

записаны справа в матрице). Очевидно, использование второго способа даже в худшем случае обеспечит нам бо́льшую вероятность достижения цели. Это значение (в данном случае 0,4) называется максимином, то есть максимум из минимальных значений (обозначен звездочкой).

Будем теперь рассуждать за противника. При его первом способе действий вероятность достижения цели в худшем для него случае может быть равна 0,7, при втором способе — 0,4. Запишем эти значения внизу матрицы под названием «Максимум столбцов». Вероятно, результат 0,4 противнику более выгоден. Данный параметр называется минимаксом, то есть минимум из максимальных значений (обозначен звездочкой).

В данном примере значения максимина и минимакса совпали. Такая матрица называется матрицей с седловой точкой (эта точка подчеркнута и находится на пересечении стратегий II и 2).

Если игра имеет седловую точку, то оптимальными стратегиями сторон являются те, которые содержат эту точку. В нашем примере целесообразно применить второй способ налета.

В случае применения противником второго способа отражения можно гарантировать, что цели достигнет не менее 40% самолетов. Использование первого способа позволит достигнуть цели 70% самолетов.

Следовательно, применяя рекомендации теории игр, мы придерживаемся осторожной стратегии, не идем на риск, который, возможно, кроется в других вероятных способах действий.

В большинстве практических конфликтных ситуаций матрица не имеет седловой точки.

Для таких игр используется так называемая смешанная стратегия, представляющая собой комбинацию нескольких способов действий, применяемых с определенными частотами.

Математические методы являются важным средством военно-научного исследования и решения практических вопросов военного дела. Они позволяют глубже анализировать закономерности, присущие боевым действиям. Военачальник, несмотря на многие неизвестные условия и элементы случайности в обстановке, всегда обязан принимать четкие и обоснованные решения, в наибольшей

степени соответствующие сложившейся ситуации. Такие решения можно принять только в том случае, когда познаны закономерности, присущие военным действиям. По меткому выражению Ф. Энгельса, там, где на поверхности происходит игра случайности, сама эта случайность оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Значит, важно открыть их. В познании закономерностей военного дела, особенно связанных с количественными факторами, большая роль принадлежит математическим методам.

Глава XVI

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ВОЕННО-НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Войсковые и опытные тактические учения

Войсковые тактические учения обычно проводятся для боевого сколачивания частей (соединений) всех видов вооруженных сил и повышения их боевой готовности к выполнению задач по предназначению. В то же время в ходе этих учений проверяются и уточняются наиболее важные вопросы военной науки, определяются методы подготовки войск и штабов для ведения боевых действий с начала и в ходе войны, разрабатываются способы эффективного применения оружия и боевой техники для разгрома противника и ведения боевых действий в высоком темпе и на большую глубину.

Таким образом, войсковые тактические учения наряду с их прямым назначением могут служить основными специальными методами военно-научного исследования по проверке существующих и выдвигаемых новых положений военной науки непосредственно действиями войск с их разнообразным оружием, боевой техникой и транспортом.

Изучение и оценка различных материалов, получаемых на многочисленных войсковых тактических учениях, позволяют делать выводы по объему и содержанию мероприятий по подготовке боя; методам работы командиров и штабов при принятии решения и планировании; способам доведения задач до войск и путям сокращения времени для этого; по вопросам организации и поддержания взаимодействия войск, всестороннего обеспечения и управления ими; по поддержанию высокой постоянной боевой готовности войск; способам разгрома основных груп-

пировок противника; по управлению войсками в ходе боевых действий и т. п.

Обобщение опыта войсковых тактических учений, проведенных в различных районах театров военных действий, дает возможность определить средние количественные показатели размаха боевых действий, потребность в силах и средствах для их ведения и всестороннего обеспечения.

На основе изучения их опыта можно подтвердить или опровергнуть существующие положения тактики, а иногда и оперативного искусства, вскрыть новые явления при ведении боевых действий в современных боях (операциях) и их основные закономерности.

Изучение и обобщение опыта войсковых тактических учений можно проводить различными приемами. К таковым можно отнести изучение и анализ содержания материалов, разработанных руководством для проведения учений и других форм боевой подготовки; документов, составленных командирами и штабами в ходе проведения этих действий; материалов разборов, совещаний, семинаров, конференций; отчетов и докладов старшему начальнику о подготовке и проведении намеченных учений и других мероприятий.

При этом следует отобрать материалы о проведении подобных мероприятий различными командными инстанциями, во многих районах и условиях многогранной оперативно-тактической обстановки, изучить эти сведения, сгруппировать полученные данные по важнейшим вопросам, а при необходимости сделать выписки и составить таблицы соответствующих количественных и качественных показателей. Затем применением общенаучных эмпирических, логических и всего комплекса математических методов, а также статистики вскрыть основные закономерности исследуемого процесса.

К другим приемам можно отнести личное участие исследователя в учениях в роли представителя старшего начальника или в роли исполнителя соответствующей должности в мероприятиях боевой подготовки. Например, для определения методов работы командиров при принятии решения, штабов при организации и планировании операции, начальников родов войск и специальных войск при организации боевого применения подчиненных частей в бою, а органов тыла при разработке тылового

обеспечения можно с помощью наблюдения зафиксировать и прохронометрировать работу, выполненную командиром, штабом и соответствующими начальниками в ходе учения. Затем это же провести на учениях других частей (соединений). Сопоставляя полученный материал, установить общие мероприятия, порядок их подготовки и проведения, а также частные мероприятия и приемы, применяемые командирами и штабами при решении возложенных на них задач в конкретной обстановке. На основе обобщений сделать выводы о методах работы командиров (штабов) и дать рекомендации по их улучшению.

Важным методом военно-научного исследования являются опытные тактические учения, которые проводятся с привлечением частей и соединений родов (специальных) войск как современной, так и перспективной экспериментальной организации. На опытных учениях проверяются существующие или выдвигаемые новые теоретические положения по ведению боевых действий, использованию новой экспериментальной организационно-штатной структуры войск, их вооружения, боевой техники и транспорта.

Проведением опытных тактических учений можно, к примеру, отработать в деталях организацию защиты личного состава части, его вооружения, боевой техники и транспорта от ядерного и других видов оружия массового поражения, организацию и осуществление ликвидации последствий применения его противником. Можно также определить боевые возможности мотострелковых, танковых и артиллерийских частей при решении основных огневых задач на поле боя, проверить их организационно-штатную структуру и наиболее целесообразную расстановку (распределение) личного состава по штатным должностям, в боевом и строевом расчетах.

В ходе опытных тактических учений можно проверить функциональные обязанности каждого должностного лица и на этой основе определить количество штатных должностных лиц подразделения, части и соединения, их органов управления.

К войсковым тактическим учениям следует отнести и учения, проводимые с привлечением подразделений и частей специальных войск, а также различных служб, особенно тыла. В ходе таких специальных тактических учений можно исследовать вопросы всестороннего обеспечения боевых действий войск, состав, оснащение и органи-

зационно-штатную структуру подразделений (частей, учреждений) специальных войск и органов тыла.

Наибольшие возможности для исследований предоставляются проведением крупных учений, а также маневров. Характерным примером в этом отношении могут служить такие учения, как «Днепр» (1967), «Двина» (1969), «Юг» (1971) и др.

В период с 25 января по 6 февраля 1976 года в районе Кутаиси, Ереван, Тбилиси проводилось корпусное войсковое учение Закавказского военного округа. Во время его проведения совершались длительные марши, проходили жаркие оборонительные и наступательные «бои».

На учении «Север» Ленинградского военного округа, проведенном в том же году, отрабатывались вопросы преодоления войсками лесисто-болотистых районов и форсирования водных преград.

Обобщение и глубокое осмысление опыта этих учений несомненно поможет командирам, политорганам, штабам добиваться нового роста полевой выучки войск, совершенствования партийно-политической работы.

Практика показывает, что достижение высоких результатов исследований в ходе войсковых и опытных учений возможно при условии их тщательно продуманной организации и всесторонней подготовки, а также компетентности самих исследователей, привлекаемых на учения войск и штабов. Исследователи на таких учениях обычно выступают в роли руководства, наблюдателей или представителей старших начальников и штабов. Для сбора данных и обобщения результатов исследования обычно создается группа из наиболее подготовленных офицеров. Важно при подготовке учения заблаговременно определить цели и задачи исследования, которые включались бы в общий план проведения учения, а для их реализации по возможности разработать специальный замысел исследований, тесно увязанный с общим планом. В плане исследований должны детализироваться задачи исследований, определяться порядок, сроки и участки (районы) местности, где они должны проводиться, а также указываться привлекаемые для этого войска, штабы, исследователи и средства связи с ними.

Опыт проведения исследований в ходе учений показывает, что выполнение многих исследовательских задач можно возлагать непосредственно на аппарат представи-

телей старшей инстанции. К таким задачам можно отнести: фиксирование мероприятий, проводимых командирами, штабами и войсками, определение времени начала и окончания их проведения; определение средней скорости движения войск, отображение на карте истинных маршрутов их движения, районов привалов, участков прорыва обороны, форсирования водных преград, рубежей развертывания и ряд других. Для более глубокого изучения отдельных вопросов и обобщения результатов исследования при штабах иногда целесообразно назначать специальных исследователей или создавать группы их. В состав этих групп следует включать наиболее подготовленных и умеющих вести исследование офицеров, а в ряде случаев широко привлекать профессорско-преподавательский состав военных академий и научных работников исследовательских институтов. Если в ходе учений и маневров производится испытание новых образцов оружия, боевой техники, военного снаряжения и имущества, то в числе исследователей целесообразно иметь представителей заводов и фабрик, изготовивших эти образцы.

Должное внимание следует уделять подготовке исследователей, выработке у них умения проводить исследование, не приостанавливая действий войск и не отвлекая командиров и других должностных лиц от выполнения их прямых обязанностей.

Для этого следует заранее, еще при подготовке учения, определить цель и задачи исследования, выработать нормативы для войск, установить критерии их оценки; наметить порядок ведения исследований и провести занятия с исследователями и посредниками, в ходе которых показать, как вести исследования и определять достигнутые результаты. Руководитель одного из учений, например, вначале четко определил цель и задачи исследования маршевых возможностей войск, развертывания их в боевые порядки и перехода в атаку.

Для выполнения этой задачи были определены и поставлены конкретные задания посредникам при командирах и штабе части; назначены специальные группы исследователей в штабе руководства и для определения на местности времени прохождения подразделениями исходного рубежа и осмотра оставленного ими района сосредоточения, времени прохода рубежей регулирования, снятия остатков горючего в баках танков при выходе в вы-

жидательный район и определения времени дозаправки их горючим, проводимой в подразделениях различными способами, времени прохождения исходного рубежа и рубежей регулирования и развертывания в батальонные и ротные колонны.

Подготовка посредников и исследователей заняла четверо суток. В течение первых двух были изучены замысел учения, задание, план проведения учения и план исследования, а также разработаны каждым посредником и исследователем частные планы их работы на учении. В течение третьего и четвертого дней на местности были отработаны вопросы проведения учений и исследований, начиная с расположения части в районе сосредоточения и заканчивая переходом в атаку. Работа в районе сосредоточения началась с изучения возможного решения командира части на расположение подразделений в районе сосредоточения; совершение марша и занятие с ходу выжидательного района; выдвижение, развертывание и переход в атаку. Затем поочередно были заслушаны доклады посредников и исследователей об организации выполнения ими задач исследования при отработке вопросов подготовки части к выполнению поставленной задачи, проводимой в районе сосредоточения с получением боевого приказа на марш в готовности к вводу в бой.

В дальнейшем таким же образом, последовательно передвигаясь по маршрутам движения, были отработаны способы вытягивания подразделений из района сосредоточения, прохождения исходного рубежа, рубежа регулирования, выхода и расположения в выжидательном районе, проведения дозаправки танков горючим. Были также разработаны мероприятия по подготовке части к выдвижению для прорыва обороны противника с ходу, прохождения ее подразделениями исходного рубежа, рубежей регулирования, выходу на рубеж развертывания в батальонные, ротные колонны и перехода в атаку. В ходе отработки этих вопросов производился показ, как выполнять отдельные исследовательские задачи, главным образом по определению основных показателей марша и представлению донесений в штаб руководства с использованием организованной им системы связи.

В ходе подготовки посредников и исследователей к проведению учений и исследований были внесены уточнения в частные планы, изучено содержание вопросов,

отражаемых в донесениях и итоговых докладах. Для проведения обобщений и оформления результатов исследования в каждое подразделение и в штаб части дополнительно было назначено по одному офицеру-исследователю.

Проведенная подготовка посредников и исследователей позволила поучительно провести учение, выполнить план исследования и определить основные мероприятия, от проведения которых зависело достижение высокой скорости движения частей и подразделений; вскрыть недочеты их подготовки, особенно в управлении войсками в ходе марша; установить основные временные показатели марша и проведения других мероприятий; избрать более эффективные способы дозаправки танков горючим и наметить ряд других практических мероприятий по дальнейшему совершенствованию боевой готовности. Обобщенные результаты исследования были включены в приказ войскам округа для практической реализации их в ходе боевой подготовки.

Исследования при подготовке и в ходе учений нередко выполняются и отдельными исследователями. В этом случае они могут выступать в роли наблюдателей, представителей старшего начальника и даже выполнять обязанности соответствующих должностных лиц органов управления. Применение таких приемов исследования позволяет получить обширный всесторонний конкретно-социологический и психологический материал для последующего анализа и обобщения.

Результаты обобщения войскового, опытного, специального тактического учения могут разрабатываться в виде доклада или отчета старшему начальнику о их проведении с изложением объективных выводов и рекомендаций. В них обычно излагается содержание подготовки и проведения такого учения, вскрываются новые способы применения оружия, боевых действий войск, управления и обеспечения их действий, а также даются рекомендации по боевой подготовке войск.

2. Командно-штабные учения

Наиболее распространенным специальным методом военно-научного исследования разнообразных вопросов военной науки, организационной структуры войск и их боевого применения являются тактические команд-

но-штабные учения, проводимые органами управления соединений и частей всех видов вооруженных сил. На такие учения обычно привлекаются только органы управления соединений и частей со средствами связи или без них, что делает их менее громоздкими по сравнению с войсковыми тактическими учениями. При проведении командно-штабных учений меньше расходуется материально-технических средств, в связи с чем по времени они могут быть более продолжительными, чем войсковые тактические учения. На командно-штабных учениях может больше выделяться астрономического времени для более обстоятельной отработки намеченных вопросов, особенно для проведения исследований, поскольку астрономическое и оперативное время при проведении таких учений не всегда может совпадать, как это необходимо на войсковых тактических учениях.

Командно-штабные учения могут быть одно- или двусторонними, одно- или многостепенными как на картах, так и на местности. Они могут начинаться на картах и заканчиваться на местности, или наоборот. Преимущество командно-штабных учений, осуществляемых на картах, состоит в возможности выбора для их реализации любого района театра военных действий, в то время как на местности учения могут проводиться вблизи районов расположения органов управления, привлекаемых на такое учение. Преимущество учений на местности состоит в привлечении средств связи, позволяющих органам управления выполнять свои обязанности по управлению войсками с их применением, что более приближает учения к боевой обстановке.

На командно-штабные учения может привлекаться определенное количество частей (подразделений) в полном или сокращенном составе. Такие учения проводятся с участием войск для проверки их действиями решений, принимаемых командирами, и планов, разрабатываемых штабами, а также для уточнения выводов и результатов исследования. В ходе их могут вестись исследования наиболее важных вопросов военного искусства: повышения боевой готовности войск, подготовки и ведения ими разнообразных боевых действий, эффективного применения боевых возможностей для разгрома противника и достижения поставленной цели; управления войсками, их взаимодействия и всестороннего обеспечения; организации и

проведения партийно-политической работы и многих других вопросов тактики и оперативного искусства.

Исследования преимущественно новых важнейших вопросов военного строительства, организационно-штатной структуры войск и военной науки в целом обычно проводятся на исследовательских командно-штабных учениях. Их целью является исследование возникших или назревающих вопросов военной науки, проверка существующих и разработка новых способов подготовки и ведения боевых действий, выработка рекомендаций по улучшению существующих положений военного искусства, повышению боевой готовности и боевой способности войск, их боевых возможностей и маневренных качеств.

В ходе исследовательских командно-штабных учений производится оценка эффективности применения своих сил и средств, избираются наилучшие способы действий с детальным анализом и оценкой противодействия противника, морально-политического и психологического состояния войск, организаторских способностей командиров и штабов, условий местности, времени суток и состояния погоды.

Основой исследования такого рода задач во многих случаях являются логико-математические модели и соответствующая аргументация опытных и наиболее подготовленных офицеров и штабов соединений, применение разнообразной вычислительной техники. Для ускорения расчетов и увеличения числа рассматриваемых вариантов, как показывает практика, с успехом могут применяться эвристические методы. При этом в качестве исходных данных обычно берутся предположения или решения командиров, основанные на опыте работы и применения укрупненных тактических расчетов.

Более ценные результаты получаются на двусторонних учениях, поскольку на них представляется возможным наиболее полно оценить боевые возможности обеих сторон и избранные ими способы боевых действий в различных ситуациях боевой обстановки, объективно возникающих при ведении операции. При проведении же односторонних учений такие ситуации создаются руководством целенаправленно только для отработки заранее намеченного вопроса. Это может привести к необъективности исследования, а следовательно, и к сомнениям в

правомерности достигнутых результатов. Поэтому проведение двусторонних учений более результативно для научного исследования.

Эффективность командно-штабных учений как метода исследования для совершенствования теории и практики военного искусства во многом определяется уровнем их проведения. Поэтому каждому из учений предшествует тщательная подготовка, заблаговременное определение исследовательских целей, формулирование предварительных гипотез и предположений.

Исходной основой исследовательского командно-штабного учения является замысел его проведения, при разработке которого уточняется цель учения и определяются его организация, состав участников и исследователей, исходная обстановка на начало учения, его этапы и основные вопросы исследования, а также важнейшие ситуации для исследования намеченных вопросов и порядок их отработки на каждом этапе.

Для обеспечения наибольшей научной ценности результатов исследования требуется, чтобы замысел, план проведения учения и особенно цель исследования были обстоятельно обоснованы, отражали основные положения советской военной доктрины, многогранный характер военных действий, разнообразные условия подготовки и ведения боевых действий и позволяли из массы возможных решений (способов действий) выбрать оптимальные. Подготовка исходных данных осуществляется наиболее подготовленной группой командных, штабных и научных кадров.

Особо при этом учитывается соответствие района командно-штабного учения характеру того театра, для которого вырабатываются рекомендации. Соответственно и противник предполагается сильным, умным и коварным. Его организация и техническое оснащение осуществляются с учетом просматриваемой перспективы развития.

Войска обеих сторон в ходе учения ставятся в равные условия в части рассредоточения, скорости передвижения, развертывания из походных колонн в боевые порядки, темпов ведения наступления при соответствующем соотношении сил и других показателей. Иногда бывает выгодным предоставлять противоборствующей стороне некоторые преимущества, но ни при каких условиях нельзя занижать ее возможностей.

Такой подход к разработке замысла и исходной обстановки позволяет в ходе исследований выявить и объективно оценить преимущества и слабости войск сторон, выработать рекомендации для использования их при подготовке и ведении боевых действий.

Важное значение при разработке замысла приобретает определение боевых эпизодов (ситуаций) для исследования основных вопросов и порядка их отработки. Количество боевых эпизодов, их содержание и порядок розыгрыша должны создавать возможность отработать все или в крайнем случае наиболее важные варианты обстановки, принимаемых по ней решений и избирать оптимальные. При необходимости розыгрыш боевых эпизодов может повторяться, если возникают спорные решения.

Для всесторонней оценки боевых возможностей противоборствующих группировок войск в ходе боевых действий зачастую возникает потребность создания различных усложненных условий обстановки как для той, так и для другой стороны. Все это позволит отработать различные варианты действий каждой из сторон, направленных на разгром противника. В подобных ситуациях представляется возможным определить наиболее эффективные способы действий войск сторон, время на создание соответствующих группировок войск и объективно оценить их боевые возможности, а также исследовать мероприятия, осуществление которых приведет к созданию наиболее благоприятных условий для действий своих частей и соединений и их защиты от воздействия поражающих средств противника.

При разработке замысла, особенно задания и плана проведения учения, целесообразно заблаговременно определить боевые возможности сторон хотя бы по применению ядерного и иного оружия при создании боевых ситуаций, с тем чтобы использовать их для сравнения с данными, определяемыми участниками учения. Это позволит контролировать расчеты участников учения и заблаговременно сделать определенные выводы, тем более что для проведения расчетов руководство в ходе учения может широко использовать вычислительную технику, которую участники учения в условиях быстро и резко меняющейся обстановки, в различных боевых ситуациях не всегда эффективно могут применять для своевременного проведения необходимых расчетов.

Среди подготовительных мероприятий учения важное значение приобретает качественная отработка плана исследования и плана-проспекта будущего научного труда или доклада вышестоящему штабу (начальнику), в которых будут изложены основные результаты исследования. Наличие таких планов, безусловно, позволит более целеустремленно разработать задание и план проведения учения, планы общих и частных вызовов, перечень решений и документов, отрабатываемых участниками учения, а также сосредоточить усилия обучаемых и исследователей на всестороннем решении вопросов, предусмотренных этими планами.

Следовательно, план исследования и план-проспект будущего труда (доклада) являются основными документами каждого исследовательского командно-штабного учения, а их разработка — неотъемлемой частью их подготовки.

В подготовительный период положительное влияние на последующие исследования оказывает заблаговременное нацеливание командиров и штабов, участвующих в учении, на предварительное изучение конкретных вопросов теории, выработку определенных методов работы и методик исследования, освоения новой техники и средств управления, на проведение тренировок для сколачивания органов управления. Тем самым участникам учения предоставляется возможность для заблаговременной отработки ряда вопросов и уточнения отдельных звеньев учения. Однако при этом не следует раскрывать замысел и план проведения учения, исходную обстановку, а также условия для розыгрыша намеченных ситуаций, поскольку заблаговременное раскрытие обстановки позволит участникам учений отработать основные вопросы заранее, а в ходе учения только продемонстрировать их быстрое решение. Разумеется, что это приведет к необъективным выводам, а следовательно, и ложным результатам исследования.

Подготовка исследовательского учения обычно заканчивается всесторонней проверкой готовности исследователей и его участников к выполнению своих обязанностей в ходе учения, к разработке ими необходимых форм документов, всевозможных бланков учета времени и доставки документов. Формы этих документов должны заранее изучаться и осваиваться участниками учения в зависимости от их функциональных обязанностей.

Исследовательское учение может начинаться исследованием деятельности органов управления при объявлении сбора для выполнения учебно-боевых задач. Если же преследуется цель начать учение с исследования вопросов ведения боевых действий, то в самом начале учения могут отрабатываться важнейшие конфликтные ситуации, возникающие в начале таких действий. К таким конфликтным ситуациям можно отнести завершение подготовки к нанесению удара одной стороной, с тем чтобы другая сторона изыскала возможности его отражения, перехвата инициативы. В ходе розыгрыша таких действий руководителям необходимо изыскивать такие условия обстановки, которые вызывали бы принятие творческих решений, направленных на выполнение поставленных задач и поддержание высокой боеготовности войск для последующих действий. Исследования действий сторон в таких условиях позволяют объективно оценить боевые возможности каждой стороны, предпринимаемые ими способы действий и мероприятия, проводимые для успешного достижения поставленной цели.

То же самое можно отнести к исследованию боевых действий войск в условиях, когда одна из сторон максимально использует свои возможности для нанесения удара, а другая сторона ориентируется на средние показатели. В этом случае целесообразно вскрыть максимальные возможности противника, противопоставить им средние показатели и не вызывать излишнего перенапряжения своих войск при решении определенных задач в ходе боевых действий.

Различные ситуации могут создаваться и путем использования природных условий, таких, как осенняя и весенняя распутица, морозы, разливы рек и другие, для исследования боевых возможностей нового оружия, боевой техники и соединений (частей) новой организации.

Изучение опыта исследовательских учений позволяет выделить наиболее типичные методы их проведения.

Первый — когда астрономическое и оперативное время совпадает в ходе всего учения, розыгрыш действий сторон последовательно осуществляется в различных конфликтных ситуациях, логически вытекающих из решений сторон.

При таком методе проведения учения органам управления предоставляется возможность для непрерывной

круглосуточной работы, а исследователям — для оценки их возможностей и определения эффективности предпринимаемых действий. Такой метод в основном может практиковаться при проведении исследовательских учений органами управления соединений.

Второй — астрономическое и оперативное время совпадает только при отработке определенной конфликтной ситуации, после чего делается пауза в оперативном времени, чтобы отработать действия другой стороны в этой же конфликтной ситуации, например, при нанесении контрудара, резко изменяющего обстановку в свою пользу. Затем объявляется новое оперативное время, вновь отрабатываются действия сторон в очередной конфликтной ситуации и создаются условия обстановки для продолжения активных действий с обеих сторон.

Такой метод проведения учения позволяет всесторонне отработать намеченные вопросы исследования с учетом разнообразных условий обстановки и занимаемого в ней сторонами положения. Этот метод может найти широкое применение при проведении исследовательских учений в военно-учебных заведениях.

Третий — между отработкой вопросов двух последовательных критических ситуаций выделяется время специально для доисследования неотработанных или слабо отработанных вопросов и обобщения материалов исследования.

Такой метод применим в условиях, когда исследование и обобщение результатов в каждой ситуации ведутся участниками учения или когда требуется испытать технику в различных положениях.

Названные методы проведения исследовательских учений могут сочетаться в различной комбинации. При подготовке учения необходимо избирать метод, позволяющий в наибольшей степени достичь поставленной цели.

Исследование действий частей (подразделений), привлекаемых на учение, обычно проводится в ходе розыгрыша конфликтных ситуаций. В то же время для показа участникам учения действий войск могут объявляться оперативные паузы на время, потребное на их сбор, выезд в район показа, просмотр и изучение показываемых действий и возвращение к своим рабочим местам. Оперативные паузы также могут объявляться и для изучения отдельных вопросов действий привлекаемых войск, глав-

ным образом для изучения новой организации и новой боевой техники (оружия). Эти паузы остальными участниками учения должны использоваться для завершения исследований слабо отработанных вопросов.

Решающее влияние на результаты исследования оказывает направленность работы руководства учением и исследователей на достижение поставленной цели. В этой связи в практике проведения исследовательских учений зачастую отмечаются следующие методы работы руководства.

На ряде учений работа руководства ограничивалась дачей задания участникам и заслушиванием их докладов на общих вызовах, на которых разбиралась обстановка, оценивались боевые возможности войск сторон и предпринимаемые действия. Затем давались соответствующие указания. При таком методе руководство не в состоянии оценить кропотливой и напряженной работы, выполняемой участниками учения при анализе обстановки и выработке способов предпринимаемых действий в конкретной ситуации, а следовательно, и определить причины ошибок (недочетов).

Таким образом, работа руководства, ограниченная только общими вызовами, не способствует проведению глубоких научных исследований, а поэтому должна проводиться только в исключительных случаях.

В ходе других исследовательских учений практиковалось заслушивание руководством докладов на частных вызовах только руководящего состава органов управления соединения. В этом случае многие участники лишились возможности узнать общую обстановку и вынуждены были выполнять свои функциональные обязанности. При таком методе руководство только фиксирует работу, проделанную участниками учения, что неизбежно приводит к внесению подчас существенных поправок в принятые решения, избранные способы действий и отработанные планы. В этой связи более положительным является такой метод работы, когда руководство по каждой критической ситуации в рабочем порядке заслушивает основной руководящий состав старшей инстанции, оценивает обстановку, замысел предпринимаемых действий и разбирает его с узким кругом лиц, вносит соответствующие поправки, с тем чтобы иметь оптимальное решение для последующего розыгрыша боевых действий по дан-

ной конфликтной ситуации. После этого участники учения выполняют весь объем работы, связанной с организацией и ведением боевых действий, а руководство заслушивает на общих вызовах доклады о выполнении поставленной задачи.

Такой метод дает возможность руководству больше вникать в работу обучаемых и направлять их деятельность. Значительные результаты достигаются, если руководством в частном порядке в ходе отработки участниками учения намеченных вопросов будет изучаться работа отдельных должностных лиц.

При проведении исследовательского учения необходимо определить, кто будет вести основные исследования — участники учения или специально выделенные группы исследователей. Изучение опыта исследовательских учений показывает, что если исследования возлагаются только на участников учения, которые принимают решения, разрабатывают и осуществляют мероприятия, управляют войсками, то в представляемых ими материалах исследования вместо объективных выводов, вытекающих из обстановки, зачастую оправдываются ранее принятые решения и проведенные действия, уже показанные в соответствующих документах. Вследствие этого исключается возможность сравнения их с другими решениями (действиями), которые могут быть в такой обстановке, и осложняется определение оптимальности и объективности данных решений.

Если исследования ведутся специально назначенными группами, то возрастает объективность выводов, повышается результативность исследований творческой деятельности участников учения, сосредоточивших внимание на выполнении своих обязанностей в данной боевой ситуации и разработке необходимых мероприятий по управлению войсками. Однако при этом упускаются многие данные, на которые могут не обратить внимания исследователи. Поэтому исследование в ходе учений лучше вести участниками учения и исследовательскими группами в пределах задач, установленных руководством учения.

Основным итогом исследовательского учения является обобщенный материал для его разбора и представления результатов исследования в вышестоящий штаб, издания научно-исследовательской работы или труда с изложени-

ем всего комплекса материалов, подготовленных в ходе проведения учения.

Подготовка разбора осуществляется специально выделенной группой. Ее работа существенно не отличается от работы по подготовке разбора обычного учения, за исключением анализа вопросов, требующих своего доисследования, и определения сроков для этого.

Обобщение материалов исследования и подготовка труда к изданию обычно завершаются штабами соединений, участвующих в учении, а в военно-учебных заведениях — специально назначенной группой (коллективом) высококвалифицированных офицеров.

Изучение практики обобщения материалов проведенных учений показывает: успех работы выделенного коллектива (группы), а следовательно, и качество обобщаемого материала всецело зависят от характера заранее разрабатываемого плана-проспекта труда и определения состава коллектива еще в ходе подготовки учения, а также от разработки этим коллективом форм документов и таблиц, которые должны исполняться в ходе учений и включаться в обобщаемые материалы. Совокупность этих мероприятий во многом ускоряет работу по обобщению материалов и в то же время предоставляет возможность сделать более объективные выводы.

Следовательно, подготовка к обобщению материалов исследовательского учения должна осуществляться еще задолго до его начала и являться важнейшим мероприятием подготовки самой игры.

Рассмотренные вопросы организации и проведения исследовательских командно-штабных учений позволяют повысить научность их результатов и вместе с тем углубить военно-научные знания личного состава органов управления соединений (частей) по исследуемым проблемам военной науки.

3. Решение тактических летучек, проведение полевых поездок (рекогносцировка)

В результате решения летучек можно получить фактический материал для дальнейшего его анализа, оценки и разработки соответствующих выводов и рекомендаций. Летучки обычно проводятся по специально раз-

работанным заданиям (исходным данным), а к их решению привлекается определенный круг высокоподготовленных офицеров, работающих в данной области военной науки и практики.

При разработке задания на летучку необходимо создавать острую обстановку на одну из характерных боевых ситуаций, с тем чтобы решающие летучки могли принимать различные варианты, отображать на карте, записывать обоснование принятого решения и производить необходимые расчеты. Карты с принятыми решениями и записями должны быть тщательно изучены, обоснования и расчеты проанализированы, сделаны обобщающие выводы и на этой основе разработаны теоретические положения и практические рекомендации.

Методом решения тактических летучек можно вскрыть и оценить боевые возможности и эффективность применения средств поражения группировок войск сторон, а также определить способы срыва ядерного нападения противника, разгрома группировок его войск в различных видах боевых действий, в частности во встречном бою и сражении, при прорыве обороны, форсировании крупной водной преграды и ведении других видов боевых действий.

На основе решения тактических летучек можно выявить лучшие способы решения боевых и обеспечивающих задач, а также определить среднее количество и мощности ядерных боеприпасов для эффективного поражения частей и подразделений противника и группировок его войск в районах сосредоточения, на марше, при развертывании из походного в предбоевой и боевой порядок, переходе в атаку и ведении боевых действий.

Тактические летучки можно проводить для исследования различных вопросов боевых действий и в определенной боевой ситуации, которая может возникнуть в боевой обстановке в зависимости от действий противника, условий местности, времени года, суток и погоды. К решению одной и той же летучки можно привлекать разные по служебному положению категории офицерского состава, проходящего службу в различных районах нашей Родины, и получать обширный фактический материал для изучения, анализа и завершения исследований.

Решение двусторонних летучек предоставляет возможность получить больше фактического материала для сопо-

ставления решений, объективного вскрытия боевых возможностей сторон в одной и той же боевой ситуации. Исследование с помощью решения таких летучек требует соответствующей организации, а также объективной разработки ситуаций боевой обстановки для каждой стороны, по которой будут приниматься решения или разрабатываться соответствующие мероприятия. Обстановка за каждую сторону должна создаваться с учетом реальных возможностей получения соответствующих разведывательных данных. Каждая сторона должна ставиться в одинаковые первоначальное положение и условия.

Так, для определения потребного количества ядерных боеприпасов для уничтожения противника в районе сосредоточения можно рекомендовать следующий порядок решения задачи и ведения исследований. Сначала нанести на карту положение всех подразделений соединения с учетом рассредоточения по нормам, принятым вероятным противником, а также с учетом условий местности. Затем поставить задачу разведывательной авиации и попросить авиаторов на чистой карте проложить маршрут пролета самолета-разведчика над этим районом. После этого перенести маршрут полета самолета-разведчика на карту с обстановкой и мысленно представить, что он может обнаружить, пролетая над хорошо укрытыми в инженерных сооружениях и замаскированными войсками противника, широко применяющего показ ложных объектов и соблюдающего маскировочный режим. Неплохо будет проконсультироваться по этому вопросу с летчиками-разведчиками. Далее нанести эти данные на вторую карту с ссылкой на полученные разведывательные данные, а также сведения других видов разведки (радиоразведки, радиотехнической и специальной). Отработанную таким образом карту с включением всех ошибок, которые неизбежно допускаются разведкой, вручить офицерам для определения потребного количества ядерных боеприпасов, объектов поражения, мест и видов каждого взрыва, а также мощности ядерных боеприпасов и времени нанесения ударов, с тем чтобы достигнуть заданной степени поражения.

Решение каждым участником должно приниматься без всяких инструкций и давлений извне, а также без взаимных консультаций. Это позволит получить более объективные исходные данные для исследования.

Собранные карты с решениями явятся исходным исследовательским материалом для определения количества и мощностей ядерных боеприпасов, потребных для уничтожения (поражения) соответствующих частей и подразделений вероятного противника. Затем следует перенести эпицентры (центры) ядерных взрывов, избранные офицерами, решавшими летучку, на карту с истинным расположением частей (подразделений) противника. По положению этих частей и избранным эпицентрам (центрам) ядерных ударов и их мощности, размерам зон поражения можно определить среднее количество боеприпасов, потребное для поражения частей (подразделений), их степень поражения, произвести анализ, сделать соответствующие выводы и наметить рекомендации. Таким же методом следует определить потребное количество, мощность и время нанесения ядерных ударов для разгрома главной и других ударных группировок вероятного противника в различных видах боевых действий.

Завершающим этапом исследования с применением тактических летучек являются сопоставление и анализ принятых решений и на этой основе — вскрытие новых способов решения задач в конкретной боевой ситуации, определение боевых возможностей сторон, методов их реализации для достижения победы.

Тактические летучки нередко решаются и с привлечением войск, которые могут служить для проверки целесообразности принятых решений, определения оптимальных вариантов действий, выработки на этой основе теоретических положений и практических рекомендаций. Для достижения этой цели можно рекомендовать один из методов исследования. Вначале следует укомплектовать группу компетентных офицеров. Дать им задание и создать условия для принятия вполне самостоятельных решений. Пусть таким заданием, например, явится вычерчивание на чистом листе бумаги (крупномасштабной карте или схеме) расположения части (подразделения) в районе сосредоточения с учетом защиты от взрыва ядерного боеприпаса среднего (крупного) калибра и указанием расстояний между подразделениями, мероприятий защиты и инженерного оборудования местности. При этом часть должна быть готова к немедленному выдвижению на исходный пункт (рубеж) для совершения марша на большое расстояние.

Выполненные задания следует тщательно изучить и отобрать лучшие решения. Затем по отобранным вариантам расположить подразделения, части на местности с учетом рекомендаций задания. Обойти с офицерами, решающими летучку, район расположения части, обсудить с ними положительные стороны и недостатки, выбрать оптимальный способ и на этой основе выработать теоретические положения и практические рекомендации.

Таким же методом можно определить порядок развертывания переправочных средств и осуществления переправы войск через водные преграды и организации комендантской службы.

Широкое применение этот метод может найти при выработке оптимального расположения тыловых частей для лучшей их деятельности.

Проведением полевых поездок и рекогносцировок можно на местности изучить ход былых боев и сражений, а также условия для расположения войск современной организации, их выдвижения и развертывания в боевые порядки для ведения боя или сражения.

Работа исследователей в ходе полевой поездки организуется и проводится по группам в соответствии с планом. Общевойсковые группы обычно начинают свою работу с изучения состава, группировки и расположения противника, характера его действий на местности, расположения своих войск в исходном районе для проведения боевых действий, с изучения полученных задач и установленного порядка действий. Затем уточняется построение боевых порядков войск, порядок проведения артиллерийской и авиационной подготовки атаки, ее поддержки и сопровождения наступления пехоты и танков в глубине, перехода в атаку, отражения контратак, форсирования водных преград и выполнения других задач. Группы офицеров ПВО могут изучать в это время организацию зенитного прикрытия и взаимодействия с истребительной авиацией, группы офицеров тыла — организацию тыла, расположение его органов на местности, а также организацию и осуществление подвоза материальных средств, медицинского и технического обеспечения.

В назначенное время проводится сбор участников полевой поездки в одном месте. Затем осуществляется обсуждение добытых данных, подводятся итоги работы и намечается (уточняется) план дальнейших действий.

При проведении рекогносцировок с целью изучения условий выдвижения войск исследователи могут разбиваться на группы. Каждая из них должна получать маршрут для движения, совершать марш и поддерживать радиосвязь с группами, следующими по смежным параллельным маршрутам, в ходе марша изучать условия движения войск по маршруту и их развертывания, определять скорость движения и удобные районы для привалов, вскрывать важнейшие препятствия, намечать пути их обхода, условия преодоления.

Наличие радиосвязи позволяет регулировать движение рекогносцировочных групп, а также определять условия движения войск при переводе их из одного маршрута на другой.

Особо тщательно следует изучать возможности преодоления войсками препятствий: широких водных преград; горных, лесисто-болотистых районов; находить обходы крупных населенных пунктов, горных перевалов.

Собранный фактический материал в последующем анализируется и является исходным для разработки описаний маршрутов и других научных трудов.

4. Полигонные и войсковые испытания

Полигонные и войсковые испытания широко применяются для проверки в действии разрабатываемых и состоящих на вооружении видов оружия и военной техники, военного имущества и снаряжения, вскрытия недоработок (недостатков) и определения путей их устранения. Испытания позволяют получать фактические тактико-технические данные разрабатываемых образцов оружия и боевой техники, оценивать их боевые возможности по поражению (уничтожению) основных типовых объектов противника или решению других задач боя в разнообразных условиях местности, погоды, в разное время суток и года. На основе испытаний можно устанавливать средние нормы потребности в средствах поражения для уничтожения (разрушения) или подавления основных объектов противника и решения других исследовательских задач.

Методом полигонных испытаний можно установить такие показатели, как возможные и наиболее выгодные

нормы боевой и маршевой нагрузки различных видов боевой техники и другие нормативы, соответствующие тактико-техническим характеристикам оружия, боевой техники и транспорта в различных условиях местности, погоды и климата.

Целью полигонных испытаний может ставиться выявление не только потребностей в средствах для поражения определенных объектов противника, но и необходимого времени на выполнение боевых задач, потребности личного состава для обслуживания оружия и боевой техники, управления ими и определение необходимых удобств для более эффективного применения их личным составом. Например, полигонными испытаниями можно установить: сколько танковая пушка может произвести выстрелов в одну, две, три и более минут; с каким темпом ведения огня и с какой эффективностью она может поражать танки противника; с каким напряжением заряжающий может выполнять свои обязанности при ведении огня танком в различных условиях местности, при различных скоростях движения, температуре воздуха и брони как с применением средств защиты от оружия массового поражения, так и без них.

Методом полигонных испытаний обычно определяется потребное количество сил и средств для подавления противника с заданной вероятностью поражения на участках прорыва обороны, заблаговременно подготовленной и занятой противником, для разгрома его во встречном бою, при отражении контратак, форсировании рек, преследовании и решении других задач боя.

На основе полигонных испытаний, кроме того, могут выявляться недостатки и вскрываться слабые места испытуемых образцов оружия и боевой техники или отдельных деталей, узлов, агрегатов и намечаться пути их совершенствования. Однако, делая выводы на основе полигонных испытаний, необходимо учитывать, что в полигонных условиях нет противодействия противника, вооружение и боевая техника используются высококвалифицированными специалистами, цели, по которым ведется огонь, обычно движутся в одних условиях местности с постоянными скоростями и по известным направлениям. Поэтому полигонные испытания, являясь важным методом оценки тактико-технических характеристик оружия и боевой техники, еще не дают полных данных, которые характе-

ризовали бы возможности оружия и техники в боевых условиях.

Более эффективным методом исследования являются войсковые испытания, позволяющие получать более точные средние нормативы и тактико-технические характеристики оружия, военной техники, снаряжения и имущества. Полученные и обобщенные данные с известным приближением можно использовать в расчетах штабов, при определении боевых возможностей разнообразных сил и средств и потребной пропорциональности их состава в интересах решения боевых задач частями и соединениями. Таким образом, войсковые испытания являются своеобразным логическим продолжением полигонных исследований качества и эффективности оружия, боевой и другой военной техники, снаряжения и имущества в различных условиях местности, времени года и погоды, а также боевой обстановки.

Войсковые испытания новых образцов оружия и боевой техники, снаряжения и имущества можно проводить одновременно в Заполярье, горно-пустынных районах Средней Азии, лесистых горах Дальнего Востока, на равнинах Украины и в болотистых районах Белоруссии. Изучение материалов испытаний, проведенных в различных районах и условиях, их сопоставление позволяют вывести средние нормативы, пригодные для любых условий местности, погоды и времени года, а при необходимости установить соответствующие коэффициенты (поправки).

Преимущество войсковых испытаний перед полигонными состоит еще и в следующем: они проводятся личным составом тех подразделений (частей), на вооружение которых предполагается принять испытуемый образец оружия или военной техники. Показатели и оценки людей, применяющих испытуемые образцы оружия и техники в различных условиях обстановки, будут более точными, чем при полигонных испытаниях.

В ходе войсковых испытаний могут вырабатываться определенные рекомендации по организационно-штатной структуре подразделений (частей, соединений) всех видов вооруженных сил, в том числе и с новым вооружением. Такие испытания дают возможность определить необходимое количество личного состава для обслуживания и управления оружием и техникой, оценить эффективность и боевые возможности не только отдельных ком

плексов оружия и боевой техники, но и целых подразделений, частей и соединений.

Полигонные и войсковые испытания, обобщение их результатов, разработка заключений и рекомендаций требуют определенной организации. Для их подготовки и проведения приказом соответствующего начальника определяется цель исследования, назначается группа (комиссия), которой ставятся исследовательские задачи. В группу исследователей подбирается личный состав, способный подготовить и провести испытания, научно обобщить и сделать объективные выводы, выработать полезные рекомендации по использованию достигнутых результатов и наметить пути дальнейшего совершенствования испытуемых образцов.

Подготовка полигонных и войсковых испытаний, как известно, включает: разработку плана; выбор полигонов или участков местности; непосредственную подготовку образцов оружия, техники, имущества и снаряжения к испытанию; подбор и подготовку личного состава к боевому применению испытуемых образцов в ходе испытания; определение результатов (показателей) испытаний, их обобщение и выработку заключений и рекомендаций.

При проведении испытаний целесообразно создавать обстановку, максимально приближенную к боевым условиям; местность избирать резко пересеченную и разнообразную по качеству грунта, с наличием оврагов, подъемов, спусков и растительности; маршруты должны иметь крутые повороты, подъемы и спуски, пересекать леса, болота, реки и овраги и по возможности проходить в горных и песчаных районах. Разнообразными должны быть погода, время года и суток, а также условия видимости.

Подготавливая полигоны и участки местности для проведения испытаний, необходимо стремиться к созданию сложных условий для применения оружия и боевой техники, а также к такой расстановке приборов и контрольных постов, чтобы можно было определить показатели как на наиболее трудных, так и на наиболее удобных для действий войск участках. Это позволит получать показатели действий техники, оружия и снаряжения в разных условиях и при разном напряжении в работе (действии). К подготовке полигонов и местности к испытаниям также относится организация связи с контрольными пунктами и осуществление мер безопасности. Непосредственная под-

готовка образцов оружия, военной техники, снаряжения и имущества к испытанию включает проверку готовности их к действиям (использованию), установление приборов для определения показателей, опломбирование (опечатывание) узлов, агрегатов и приборов, а также снятие первоначальных показателей.

Важное значение для успешного проведения полигонных и войсковых испытаний приобретают правильный подбор личного состава для непосредственного применения испытуемых образцов оружия, снаряжения и имущества или управления военной техникой и заблаговременная подготовка его к выполнению обязанностей в ходе испытаний. Целесообразно в числе непосредственных испытателей иметь людей с разными уровнем подготовки, физической силой, реакцией и практическими навыками. Такой подбор личного состава позволит получить различные показатели по применению оружия, боевой техники и снаряжения, в связи с чем легче будет вывести примерные нормы для разных категорий военнослужащих в зависимости от их подготовки и других качеств.

Исследователи в ходе полигонных и войсковых испытаний могут осуществлять наблюдение за действиями испытуемых образцов, накапливать материал для обобщения получаемых результатов. В то же время практика показывает целесообразность временного выполнения ими обязанностей различных должностных лиц соединений, частей и подразделений, начальников контрольных пунктов, водителей машин и других членов экипажа и огневого расчета, в том числе наводчиков и стреляющих при выполнении стрельб.

Испытания должны проводиться в порядке и в сроки, установленные планом. В начале и по окончании каждого испытания следует тщательно проверять сохранность пломб (печатей), а также снимать первоначальные и конечные показатели приборов.

Важное значение при проведении войсковых и полигонных испытаний имеют непрерывный сбор и постепенное накопление показателей, их обобщение. Для этого устанавливаются сроки определения (снятия) показателей приборов и представления их руководству испытаниями по разработанным формам. В ходе исследования важно своевременно заслушивать доклады (сообщения) личного состава, непосредственно занятого испытанием оружия,

снаряжения и имущества, управлением боевой техникой. Это позволит иметь объективные данные об испытуемых образцах на различных этапах испытаний.

Весьма важной в ходе испытаний является непосредственная работа группы исследователей по изучению полученных данных (показателей), сравнению их с заданными и определению на этой основе достигнутых результатов, выработке предложений и рекомендаций по использованию достигнутого и вскрытию путей дальнейшего совершенствования испытуемых образцов для получения более высоких тактико-технических характеристик. Главным в работе исследователей являются всесторонний анализ полученных показателей и их объективная оценка, правильные выводы и разработка полезных для дела рекомендаций.

Работа по обобщению результатов проводимых испытаний является завершающим этапом исследований. Ее выполнение потребует применения логических, математических и других методов исследования, каждого в отдельности и в их различной совокупности.

Результаты полигонных и войсковых испытаний оформляются в виде доклада (акта) начальнику, назначившему испытания и утвердившему план его проведения. В нем освещаются результаты испытаний, даются основные выводы и рекомендации по использованию испытуемых образцов, а также намечаются пути повышения их боевых возможностей. К докладу прилагаются в виде таблиц, графиков и схем основные показатели приборов и результаты испытания в целом.

Фактический материал, теоретические выводы, получаемые при использовании всего комплекса методов военно-научного исследования, обобщаются, подвергаются критическому анализу на научно-теоретических конференциях, семинарах, совещаниях. Заключительные результаты военно-научных исследований оформляются в виде теоретических трудов и соответствующими документами внедряются в практику военного строительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время происходит значительное усложнение процесса военно-научного познания, развития и совершенствования военной теории. Военная теория как обоснование возможной боевой деятельности может выполнить свое предназначение, если она правильно отражает объективные закономерности войны, вскрывает тенденции развития военного дела. Объективное знание военных процессов в ходе военных действий также является важнейшей предпосылкой принятия командиром оптимальных решений.

Ускорение темпов развития военно-научных знаний, возрастание значения решения фундаментальных и прикладных проблем военной науки, специфика соотношения военной теории и практики с необходимостью требуют не только дальнейшего совершенствования традиционных методов военно-научного исследования, но и разработки новых, применение которых давало бы возможность достигать наибольших результатов при наименьших затратах сил, средств и времени. Успех в решении этой задачи во многом зависит от методологической вооруженности военных кадров.

Анализ методологии военно-научного познания и ее значения в развитии военно-научных знаний показывает необходимость дальнейшей разработки методологических проблем военной науки на основе современных достижений марксистско-ленинской философии, уровня военно-научных знаний с учетом специфики их совершенствования.

Исследование, проведенное авторами, дало возможность не только изложить содержание основ методологии военно-научного познания, но и выявить те проблемы, решение которых будет способствовать повышению эффективности познавательной деятельности генералов и офицеров.

Проблемы, выдвигаемые исследователями в процессе решения тех или иных научных задач, не являются чем-то внешним по отношению к выполненной ими работе. Ценность исследовательского труда определяется не только тем, какие проблемы в нем решены, но и тем, в какой степени он нацеливает научное исследование на решение новых проблем. Партия учит нас постоянно видеть нерешенные проблемы, сосредоточивать свое внимание на их выявлении и разработке.

Возрастание значения исследовательской деятельности военных кадров, ее непрерывное усложнение требуют всестороннего анализа процесса военно-научного исследования в его целостном виде — от постановки научной проблемы до внедрения результатов ее решения в практику боевой подготовки войск, повышения их боеготовности.

В настоящее время накоплен большой опыт научно-исследовательской работы. Поэтому существует настоятельная необходимость его обобщения и распространения. Успешному решению этой задачи будет способствовать разработка частных методологических проблем научного исследования, которые отражают особенности современного этапа военно-научных знаний.

Превращение военной науки в фундаментальную науку означает, что одним из важнейших направлений военно-научного исследования является анализ основных законов войны, выявление механизма их действия и раскрытие форм проявления в различных видах современных войн. Для этого необходима обстоятельная разработка таких методологических проблем, как соотношение объективных законов войны и законов военной науки, сущность механизма действия закона, влияние требований объективных законов войны на практическую деятельность вооруженных сил и т. д.

Сочетание в содержании военной науки фундаментального и прикладного уровней знаний порождает ряд новых методологических проблем, таких, как установление различия в методах их получения, направление воздействия теоретических знаний на прикладные разработки.

Возрастание значения предвидения в развитии вооружений, способов ведения войны обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования методов прогнозирования, выявления соотношения в процессе прогноза

количественного и качественного анализа, установления возможностей предвидения будущего.

Степень эффективности военно-научных исследований во многом зависит от творческих способностей исследовательских кадров. Следовательно, уяснение механизма творческой научной деятельности, путей формирования творческого мышления генералов и офицеров является одной из важнейших методологических проблем, требующих своего разрешения.

Управление войсками в бою требует от командиров и офицеров штаба специфических познавательных способностей. Это обстоятельство определяет необходимость разработки двух неразрывно взаимосвязанных методологических проблем: логики мышления командира в процессе оценки обстановки и принятия решения; психологии мыслительного процесса в опасной и резко изменяющейся ситуации.

Разработка методологии военно-научного познания может оказать существенное влияние на повышение эффективности исследовательской деятельности только в том случае, если ею овладеют военные кадры. Надо сказать, что в этом направлении, особенно за последнее время, проделана значительная работа. На страницах нашей военной печати стало больше публиковаться работ по различным проблемам логики и методологии военно-научного познания.

Было бы желательно уделять этому вопросу больше внимания. Особенно это относится к необходимости публикации работ по повышению эффективности военной науки, результативности военно-научных исследований, широкому обмену опытом работы в этом направлении. Изучение логики и методологии научного познания, методов решения исследовательских задач должно стать составной частью высшего военного образования.

Совершенствование системы обучения и воспитания военных кадров осуществляется в настоящее время в направлении усиления исследовательского, творческого элемента, исключения формирования стереотипного, шаблонного мышления. Обучение не только и не столько заучивание готовых знаний, сколько самостоятельный подход к усвоению изучаемого материала. Обучение есть прежде всего формирование творческого мышления на основе получаемых знаний. Учить значит давать знания, раз-

вивать способность обучаемого к их совершенствованию, формировать навыки исследователя.

Социалистическая природа нашего строя и Вооруженных Сил, руководящая роль КПСС, диалектико-материалистическое мировоззрение и научная методология создают все необходимые предпосылки для успешного решения задач военно-научного познания, повышения эффективности военной науки, качества военно-научных исследований.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Стр.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Редактор *Г. Н. Агеев*
Художник *Н. Н. Карпиков*
Художественный редактор *В. Н. Клюева*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Л. Л. Пушкова*

☆

ИБ № 134

Г-92144. Сдано в набор 5.1.77 г.
Подписано в печать 19.5.77 г. Печ. л. 13½
Усл.-печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 23,305
Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 1. Тираж 18 000 экз.
Изд. № 1/3447. Цена 1 р. 60 коп. Зак. 343

☆

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3